БИБЛІОТЕКА
ЯРОСЛАВСКОЙ
ОТДѢЛЕНІЕ
имени
К.Д.ГОЛОДУХИНА
2
2920
УЧ. АРХИВНОЙ
КОММИССІИ

H. eccl. 3187 s

886 9/3
12

РАСКОЛЪ

ОБЛИЧАЕМЫЙ

СВОЕЮ ИСТОРІЕЮ.

Изданіе второе.

Санктпетербургъ.

1854.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ
А. А. АСТАПОВЪ.
въ Москвѣ.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 1-го дня 1854 года.

Цензоръ Архимандритъ *Іоаннъ*.

Murav'ev, Andrej Nikolaevič

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи

Fgl I/80/6376

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Вступленіе.

Глава.		*Стран.*
I.	Первое исправленіе книгъ; Максимъ Грекъ	1.
II.	Стоглавъ	10.
III.	Книгопечатаніе	23.
IV.	Архимандритъ Діонисій	29.
V.	Продолженіе исправленія книжнаго при Патріархахъ	36.
VI.	Никонъ Патріархъ и соборное исправленіе книгъ	43.
VII.	Удаленіе Никона Патріарха, Соборъ 1667 г.	63.
VIII.	Смятенія отъ расколовъ; осада Соловецкая	86.
IX.	Стрѣлецкій мятежъ Никиты Пустосвята .	102.
X.	Дѣйствія Патріарха Іоакима	127.
XI.	Распространеніе раскола, раздѣленіе его на толки	142.
XII.	Розыскъ Святителя Димитрія	161.
XIII.	Дѣйствія Епископа Питирима: Духовная Пращица	178.
XIV.	Поморскіе отвѣты Андрея Денисова и ихъ	

облùченіе Архіепископомъ Тверскимъ, Ѳеофилактомъ 204.
XV. Раздѣленіе Поморянъ: Ѳедосѣевцы и Филиповцы 238.
XVI. Судьбы поповщины на Вѣткѣ; исканіе архіерейства 259.
XVII. Увѣщаніе Митрополита Платона . . . 291.
XVIII. Водвореніе раскола въ Москвѣ; Преображенское кладбище 216.
XIX. Рогожское кладбище 331.
XX. Иргизскіе скиты 349.
XXI. Отвѣты Никифора Ѳеотокія 359.
XXII. Обращеніе Никодима; начало единовѣрія 381.
XXIII. Еще отвѣты Пр. Никифора; обращеніе Сергія Иргизскаго 403.
XXIV. Утвержденіе единовѣрія 416.
Заключеніе 427.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Неутѣшительно говорить о тяжкой болѣзни, которая, уже около трехъ столѣтій дѣйствуетъ въ сынахъ противленія, не смотря на всѣ духовныя врачеванія бдительныхъ Пастырей; я разумѣю расколы, отторгшіе, по слѣпой ревности неразумныхъ ревнителей мнимой старины, много чадъ у Православной Церкви, непрестающей однако молить Господа о ихъ возсоединеніи съ нею. Приступая къ описанію столь многосложнаго предмета, вкратцѣ по мѣрѣ возможности, чтобы не утомить читателей, я буду слѣдить только двѣ главныя вѣтви раскола, какъ проистекшія отъ единаго корня, поповщину и безпоповщину, и оставлю другія, извнѣ къ намъ пришедшія, которыя могутъ составлять предметъ особыхъ изслѣдованій.

Исторія постепеннаго развитія обществъ раскольническихъ есть лучшее противъ нихъ обличеніе:—таково отчасти историческое о нихъ извѣ-

стіе Охтенскаго протоіерея Андрея Іоаннова, который самъ обратился, въ исходѣ минувшаго столѣтія, изъ раскола и зналъ всѣ его тайны, но книга его мало кому извѣстна. Еще недавно ревностный пастырь, Архіепископъ Воронежскій Игнатій, долго подвизавшійся за православіе на каѳедрѣ Олонецкой, издалъ первую часть своей исторіи о расколахъ, но не успѣлъ окончить полезнаго труда. Другія же сочиненія по сему предмету великихъ свѣтильниковъ нашей Церкви не имѣютъ направленія историческаго, а болѣе догматическое и обличительное; таковы: Жезлъ правленія Симеона Полоцкаго; Увѣтъ духовный Патріарха Іоакима; Розыскъ Святителя Димитрія; Пращица Питирима Епископа Нижегородскаго; Обличеніе неправды раскольнической Архіепископа Тверскаго Ѳеофилакта; Увѣщаніе Митрополита Платона; Отвѣты Никифора Астраханскаго; Способъ правильно состязаться съ раскольниками Симона Рязанскаго, и наконецъ Бесѣды къ глаголемому старообрядцу Митрополита Московскаго Филарета.

Это мнѣ внушило мысль, въ одномъ небольшомъ очеркѣ, болѣе доступномъ для людей свѣтскихъ, изобразить начало и развитіе раскола, который возникъ по случаю благодѣтельной и столь необ-

ходимой мѣры, каково было соборное исправленіе книгъ, и мало по малу, достигъ до такой печальной степени закоснѣнія.—Если бы еще заблуждающіеся желали обрѣсти истину! но теперь уже мало встрѣчается искренности между мнимыми ревнителями старой вѣры, какъ они ее называютъ въ обѣихъ отрасляхъ раскола. Не могутъ они уже такъ слѣпо держаться правилъ, прежняго своего быта, потому что нѣкоторые оттѣнки внѣшняго образованія невольно проникли и внутрь ихъ общества, хотя и безъ просвѣщенія духовнаго.—И такъ вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нихъ только со стороны церковной, и обращать исключительное вниманіе на книжное изложеніе ихъ мнѣній, можетъ быть не менѣе полезно будетъ раскрыть, для нихъ самихъ, исторію ихъ общества, дабы каждый могъ опытно видѣть, какіе горькіе плоды были послѣдствіемъ непослушанія Церкви.

Они продолжаютъ однако горделиво величать себя громкими именами старовѣровъ и старообрядцевъ, какъ бы сохранившіе преимущественно и неизмѣнно вѣру отцевъ, отъ коей давно уклонились, и, что́ весьма странно, люди неопытные иногда усвояютъ имъ это неправильное на-

званіе, потому что, съ отдаленіемъ временъ, теряются точныя свѣдѣнія о начальномъ ихъ отпаденіи отъ древней Церкви. Посему неизлишнимъ полагаю возобновить, и въ памяти Православныхъ соотечественниковъ, повѣсть о расколѣ, дабы, на основаніи событій историческихъ и подлиннаго ученія самихъ отступниковъ Православія, можно было видѣть до какой степени, во внутреннемъ и внѣшнемъ быту своемъ, отдѣлились они не только отъ единства Церкви Православной, но и отъ духа отечественнаго.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Трудно изслѣдовать неопредѣленное начало расколовъ въ отечествѣ нашемъ и уловить ту мало замѣтную искру, отъ которой возгорѣлось впослѣдствіи пламя. Мы можемъ, въ церковной исторіи, указывать прямо на извѣстныхъ начальниковъ нѣкоторыхъ ересей, которыя даже заимствовали отъ нихъ свое названіе, какъ напр. ересь Аріева, Несторіева и другихъ; но въ исторіи нашего раскола оказывается совершенно иной ходъ: сперва бродятъ темные невѣдомые толки и отчасти образуется изъ нихъ какъ бы нѣкоторое мнѣніе, а потомъ уже являются представители онаго, увлеченные сами своимъ невѣжествомъ и увлекающіе за собою другихъ, большею частію изъ личныхъ видовъ. Посему нельзя съ точностію опредѣлить у насъ исходную точку раскола и связать ее, постепенными событіями и личностями, съ послѣдующимъ обширнымъ его развитіемъ,

когда внезапно обнаружилось пламя, долго тлѣвшее подъ пепломъ.

Въ исходѣ XIV вѣка являются у насъ, въ предѣлахъ Новгородскихъ и Псковскихъ, первые изъ болѣе извѣстныхъ раскольниковъ, т. е. отдѣлившихся отъ Церкви, которые извѣстны подъ именемъ Стригольниковъ, и въ главѣ ихъ стоитъ нѣкто растриженный діаконъ Карпъ, отъ чего произошло и самое названіе Стригольниковъ. Лишенный сана за пороки, клеветалъ онъ на Епископовъ, будто бы они поставляютъ священниковъ на мздѣ, т. е. за деньги, а потому и благодать священства будто бы оскудѣла, и не подобаетъ принимать никакихъ таинствъ отъ такихъ пресвитеровъ, а лучше каяться небу и землѣ, нежели имъ.—Хотя совершенно отъ иныхъ причинъ произошелъ нынѣ существующій расколъ, однако въ толкѣ *Безпоповщины* господствуетъ также мнѣніе, будто бы изсякла благодать священства, а въ одной изъ ея отраслей, такъ называемой *Нѣтовщинѣ,* есть повѣрье, что должно каяться не священнику, а матери своей землѣ, припавши къ ней лицемъ. Такъ много сходнаго случайно бываетъ, въ различныхъ между собою по видимому ересяхъ, потому что всѣ заблужденія проистекаютъ

отъ единаго духа лести, который и названъ въ Св. Писаніи отцемъ лжи. Патріархи Вселенскіе, Антоній и Нилъ, посланіями въ Россію, сильно обличили новую ересь Стригольниковъ, внушая отступникамъ о необходимости таинствъ для спасенія и что овцамъ не подобаетъ учить пастыря, но покоряться ему, по слову Евангельскому.—И Святители Московскіе, Кипріанъ и Фотій, оба чествуемые въ ликахъ Святыхъ, словомъ и писаніемъ, пастырски заботились, вмѣстѣ съ Архіепископами Новгорода, о прекращеніи зла на самомъ мѣстѣ его рожденія. Впослѣдствіи, дабы отнять всякой предлогъ нареканія, по внушенію мудраго Архіепископа Новгородскаго Геннадія, на Московскомъ Соборѣ 1503 года, строго запрещено было Епископамъ принимать какіе-либо дары, или поминки, отъ посвящаемыхъ въ священный санъ и при раздачѣ мѣстъ церковныхъ.

Но въ это время, на той же болѣзненной почвѣ Новгородской, появилась уже другая болѣе ужасная ересь Жидовствующихъ, отвергавшая, не только таинства, но и воплощеніе Сына Божія, и проникла даже въ столицу. Хотя собственно ересь сія не имѣла ничего сходнаго съ нынѣшнимъ лжеученіемъ раскола, но съ нею сплетена была

другая болѣе тонкая ересь Социніанская, которая проникла къ намъ съ Запада, подъ именемъ Бакшина ея представителя въ Россіи, и заразила нѣсколько свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; посему весьма естественно, что и отъ сей лести удержались нѣкоторые толки во мнѣніи мудрователей, позволявшихъ себѣ по своему судить Церковь. Такъ какъ между сими толками обрѣталось пренебреженіе таинствъ и священства, то и это отчасти привилось къ новѣйшимъ отступникамъ Церкви, ибо стоитъ только выдти самонадѣянно изъ ея спасительной ограды, чтобы впасть въ сѣти искусителя, который ходитъ, по словамъ Апостола, какъ левъ рыкающій, ищущій кого поглотить (1 Пет. V. 8.).

Соборъ Московскій, 1504 года, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ и Митрополитѣ Симонѣ, осудилъ ересь Жидовствующихъ и приняты были строгія мѣры противъ ея проповѣдниковъ въ Новгородѣ и Москвѣ. Много Жидовствующихъ и Стригольниковъ бѣжали изъ Новгорода, во время грозныхъ походовъ Великаго Князя Іоанна, смирившаго его своеволіе; они поселились за рубежомъ Шведскимъ и Польскимъ, и когда впослѣдствіи обнаружился на сѣверѣ расколъ безпоповщины,

онъ нашелъ въ сихъ давнихъ отступникахъ православія, готовую стихію для своего распространенія на границѣ нашей; секта Ѳедосѣевская наипаче образовалась въ окрестностяхъ Нарвы. Такимъ образомъ, хотя не отъ сихъ двухъ ересей Новгородскихъ происходитъ нынѣшній расколъ и совершенно иные проповѣдуетъ догматы, однако въ остаткахъ прежнихъ раскольниковъ, отчуждившихся, не только вѣры отцевъ своихъ, но и самаго отечества, обрѣлъ онъ себѣ сочувствіе, которое преимущественно состояло въ общемъ ихъ духѣ сопротивленія Церкви (*).

Между тѣмъ, въ началѣ XV вѣка, начали проявляться и такія мнѣнія, которыя составляютъ теперь отчасти лжеученіе нынѣшняго раскола, и опять ихъ начало въ области Псковской, гдѣ могло ихъ породить частое столкновеніе съ духовенствомъ Латинскимъ. Такъ напримѣръ, оттуда произошло мнѣніе о сугубомъ аллилуіа, т. е. дважды повторяемомъ а не трижды, которое безразлично употребляется въ Римской Церкви, тогда какъ тройное знаменательное аллилуіа всегда строго соблюдалось въ Православной Церкви, какъ

(*) Пол. ист. изв. о раскол. Прот. Андр. Іоанн. ч. 1, ст. 30.

выраженіе славословія Пресвятой Троицѣ. Св. Митрополитъ Фотій, въ 1419 году, разрѣшая разные церковные вопросы Псковскаго духовенства и исправляя злоупотребленія, писалъ, между прочимъ, что должно произносить аллилуіа, такимъ образомъ, по трижды: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ Боже». И такъ въ его время уже возникъ этотъ споръ и нѣкоторые позволяли себѣ употреблять пѣснь аллилуіа не такъ, какъ училъ Святитель (*).

Это особенно является изъ житія Преподобнаго Евфросина, весьма пристрастно составленнаго 80 лѣтъ послѣ его кончины, клирикомъ его обители Василіемъ, которое однако послужило утвержденіемъ, на Стоглавомъ Соборѣ, неправильнаго обычая двоить аллилуіа. Писатель житія говоритъ: будто бы Евфросинъ сѣтовалъ о великомъ расколѣ, бывшемъ уже въ его время, по случаю сего несогласія, что онъ ходилъ въ Царьградъ спрашивать о томъ Патріарха Іосифа и слышалъ будто бы тамъ, въ Софійскомъ соборѣ, сугубое аллилуіа. Когда же принесъ во Псковъ мнимое повелѣніе Патріаршее, пѣть двойное аллилуіа

(*) Сбор. Рум. Муз. № 358.

вмѣсто тройнаго, то всё соборное духовенство города Пскова противъ него вооружилось и особенно священникъ Іовъ, который, по словамъ самаго клирика Василія, почитался у Псковитянъ столпомъ церковнымъ и ревнителемъ Православія (*). Онъ обличалъ Евфросина въ своеволіи, говоря, что по всей землѣ Русской троятъ аллилуіа, и столь велико было неудовольствіе Псковитянъ противъ обители Евфросина, что всѣхъ его иноковъ чуждались, какъ еретиковъ. Евфросинъ обратился за разрѣшеніемъ къ Святителю Новгородскому Евѳимію, но и отъ него не получилъ никакой помощи, потому что вопросъ сей, какъ не довольно важный, а между тѣмъ возбуждающій несогласіе, былъ предоставленъ суду его совѣсти. Такимъ образомъ, хотя житіе сіе видимо было написано въ пользу новаго мнѣнія, однако изъ него явствуетъ, что и при самомъ началѣ вводимый обычай сей казался новизною всѣмъ просвѣщеннымъ іереямъ Пскова, ибо не только въ предѣлахъ Новгородскихъ, но и нигдѣ въ Россіи еще не употреблялось тогда сугубое аллилуіа, какъ видно изъ посланія Святителя Фотія (**).

(*) Жит Евфр. 81—87. (**), 1245 137.

Въ исходѣ того же вѣка обнаружилось въ Москвѣ другое мнѣніе нынѣшнихъ раскольниковъ о хожденіи *по солонь*. Лѣтописцы наши говорятъ, что въ 1478 году, по освященіи Московскаго Успенскаго собора, нѣкоторые прелестники клеветали Великому Князю Іоанну на Митрополита Геронтія, что онъ не по солнечному ходу ходилъ со крестами вокругъ церкви. Державный прогнѣвался на Святителя и началось изслѣдованіе дѣла; прежде всего обратились къ писаніямъ и богослужебнымъ книгамъ; но въ нихъ ничего не нашли, какъ должно ходить, по солнцу или противъ солнца.—Многіе Архимандриты и Игумены говорили за Митрополита и одинъ, бывшій на Аѳонѣ, замѣтилъ, что и на Святой горѣ ходили также противъ солнца, при освященіи церкви. Ростовскій Архіепископъ Вассіанъ и Чудовскій Архимандритъ Геннадій, призваны были для состязанія; въ присутствіи ихъ Митрополитъ привелъ въ свидѣтельство: когда діаконъ кадитъ въ олтарѣ вокругъ престола, то начинаетъ обыкновенно съ правой стороны и идетъ противъ солнца; они же, рѣшившись защищать сторону Князя, не представляли никакого свидѣтельства, а только умствовали и долго препираясь, не об-

рѣли истины.—Въ 1482 году, когда надлежало освятить въ Москвѣ нѣсколько церквей, Великій Князь снова началъ ту же распрю съ Митрополитомъ и Геронтій съ огорченіемъ удалился въ Симонову обитель, съ намѣреніемъ оставить Митрополію, если Князь не откажется отъ своихъ незаконныхъ требованій. Цѣлый годъ Іоаннъ не позволялъ освящать новыхъ церквей; но всѣ священники и книжники, иноки и міряне, говорили въ пользу Митрополита; на сторонѣ же Великаго Князя оставались весьма немногіе. Тогда Іоаннъ послалъ къ нему сына своего въ обитель, съ приглашеніемъ опять на каѳедру; вскорѣ прибылъ къ нему и самъ, сознанъ неправость своего мнѣнія и предоставилъ на волю Митрополита ходить въ крестныхъ ходахъ, яко же велитъ, какъ было въ старину. (*)

Это лѣтописное свидѣтельство можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ для новыхъ ревнителей мнимой старины: на какихъ непрочныхъ началахъ основаны ихъ мелкія, неправильныя притязанія, ибо они имѣли противъ себя Первосвятителей Восточныхъ и Русскихъ и почти

(*) Соф. Врем. II, 202—224.

все отечественное духовенство наше. Но въ началѣ XVI вѣка нѣкоторыя обстоятельства содѣйствовали къ умноженію раскольничьихъ мнѣній. Главное изъ нихъ было упадокъ просвѣщенія въ духовенствѣ и распространеніе грубаго невѣжества въ народѣ, ибо уже не существовало болѣе училищъ. (*) Новгородскій Архіепископъ Геннадій жаловался Митрополиту Симону, что нѣтъ школъ для приготовленія Пастырей Церкви и что приходящіе къ нему ставленники не умѣютъ ни пѣть, ни читать, и даже не хотятъ учиться, а потому и нельзя ручаться за ихъ Православіе. (**) Въ то же время Игуменъ Елеазарова монастыря Памфилъ, яркими красками изобразилъ суевѣрія и невѣжество, господствовавшія въ странѣ Псковской и заражавшія самое духовенство; а между тѣмъ достойно вниманія, что какъ обѣ ереси Стригольниковъ и Жидовствующихъ, такъ и первые толки о сугубомъ аллилуіа, возникли изъ Новгорода и Пскова. (***) Отцы Стоглаваго Собора, въ 1551 году, засвидѣтельствовали также совершенный недостатокъ училищъ въ Россіи,

(*) Акт. Ист. I, № 103.
(**) Допол. Акт. Ист. I, № 22.
(***) Стог гл. 41, 44.

усиленіе суевѣрія въ народѣ и невѣжество въ духовенствѣ. Не было ли это уже готовою почвою для сѣянія пагубныхъ плевелъ раскола? и вотъ они появились, чрезъ распространеніе подложныхъ и суевѣрныхъ писаній.

Писцы невѣжды, по настроенію ли собственнаго ума, или по требованіямъ толпы, списывали разныя апокрифическія повѣсти и сказанія, исполненныя нелѣпыхъ басенъ, и число такихъ книгъ въ XVI вѣкѣ было уже велико. Другіе невѣжды сами составляли повѣсти и слова, и чтобы придать своимъ мнѣніямъ болѣе важности въ глазахъ народа, выдавали ихъ подъ именемъ Св. Отцевъ, на что жаловался очевидецъ Князь Курбскій (*). Такимъ образомъ могло явиться и въ сборникѣ Митрополита Даніила подложное слово о двуперстномъ знаменіи, которое послужило впослѣдствіи камнемъ претковенія для отпавшихъ отъ древняго Православія (**). Иные переписывали кормчія книги и позволяли себѣ, по произволу, вносить въ нихъ дополнительныя статьи и даже вымышленныя правила (***); а между тѣмъ об-

(*) Рук. Курб. Биб. Погод. № 208.
(**) Руднев. о ересяхъ ст. 209.
(***) Корм. Рум. Муз. № 235.

наружилось повреждение богослужебныхъ книгъ отъ безотчетнаго ихъ списыванія и, по странному стеченію обстоятельствъ, въ самое то время, когда наиболѣе повреждены были книги, возникло невѣжественное мнѣніе о величайшей важности и неприкосновенности старыхъ Богослужебныхъ книгъ, даже по буквѣ, такъ что желавшіе ихъ исправить подвергались гоненію: — таково было начало болѣзней.

I.

Первое исправленіе книгъ.

Максимъ Грекъ.

Съ давняго времени и не вдругъ, но постепенно, начали чувствовать въ отечествѣ нашемъ необходимость церковнаго исправленія Богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ бывали ошибки, отъ неопытности переводчиковъ и переписчиковъ; погрѣшности умножались, по мѣрѣ того какъ у насъ менѣе встрѣчалось, между духовными, мужей ученыхъ, которые бы могли повѣрять списки съ подлинниками Греческими. Святители Русскіе, хотя и проникнутые сами глубокимъ благочестіемъ, не имѣли, при скудныхъ средствахъ ученія, тѣхъ духовныхъ пособій, для образованія собственной паствы, какими изобиловала въ свое время Православная Восточная Церковь, а между тѣмъ смутныя обстоятельства и ратныя тревоги не всегда позволяли къ ней обращаться.

Сынъ великаго Собирателя земли Русской, Іоанна III-го и Царевны Греческой Софіи, Великій Князь Василій Іоанновичъ, пользуясь миромъ своей державы, первый обратилъ вниманіе на столь важный предметъ; ему подало къ тому мысль множество древнихъ книгъ Греческихъ собственнаго его хранилища, которыя возбудили впослѣдствіи удивленіе Максима, ученаго Грека, вызваннаго для ихъ разбора. Въ 1518 году Великій Князь обращался къ Вселенскому Патріарху и во Святую гору Аѳонскую, съ просьбою, дабы присланъ былъ къ нему мужъ просвѣщенный, для перевода и исправленія книжнаго, и, общимъ выборомъ Святой горы, съ благословенія Патріаршаго, пришелъ въ Россію изъ обители Ватопедской Максимъ Грекъ, который славился не только своимъ образованіемъ, но и подвигами иноческими; много странствовалъ онъ по Европѣ, прежде нежели водворился въ отечествѣ нашемъ, гдѣ суждено ему было испытать столько бѣдствій. Принятый съ честію при дворѣ великокняжескомъ, въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ занимался онъ, въ Чудовѣ монастырѣ, переводомъ и исправленіемъ церковныхъ книгъ, начавъ съ толковой псалтыри, и образованіемъ переводчиковъ, которые бы могли ему помогать. Доколѣ не зналъ онъ еще Русскаго языка, Латинскій ему служилъ посредникомъ для бесѣды, при пособіи толмачей велико-княжескихъ, но впослѣдствіи и самъ глубоко изучилъ онъ, по краснорѣчивому его выра-

женію, бесѣду шумнаго вѣщанія Россійскаго. Въ какомъ положеніи нашелъ у насъ церковныя книги Максимъ Грекъ, можно судить изъ собственныхъ его рѣчей, когда впослѣдствіи, заточенный за слово истины, писалъ оправданіе немилостивымъ своимъ судіямъ. Для большей ясности переведу на Русскій его Славянскую рѣчь:

«Поелику нѣкоторые, не знаю почему, не страшатся называть еретикомъ меня, невиннаго человѣка, врагомъ и измѣнникомъ державы Богохранимой Россійской, то праведнымъ и необходимымъ нахожу отвѣчать моимъ клеветникамъ. Благодатію истиннаго Бога нашего Іисуса Христа, я по всему правовѣрный Христіанинъ и прилежный богомолецъ державы Русской; если же и не великъ въ разумѣ и познаніи божественныхъ писаній, однако посланъ сюда отъ всея Святыя горы, по прошенію и грамотѣ благовѣрнаго В. Князя, отъ котораго, въ теченіе девяти лѣтъ, преизобильныя получалъ почести. Повинуяся его повелѣнію, не только перевелъ я толкованіе псалтыри съ Греческаго, но и иныя боговдохновенныя книги, различно испорченныя, отъ переписчиковъ, хорошо я исправилъ, благодатію Христовой и содѣйствіемъ утѣшителя Духа, какъ всѣмъ извѣстно. Не знаю, что случилось съ нѣкоторыми враждебно ко мнѣ расположенными, которые утверждаютъ: будто я не исправляю, а только порчу боговдохновенныя книги; воздадутъ они слово Господу за то, что не только препятствуютъ богоугодному дѣлу, но и

меня бѣднаго и невиннаго клевещутъ и ненавидятъ, какъ еретика; я же не порчу священныя книги, но прилежно и со всякимъ вниманіемъ, со страхомъ Божіимъ и правымъ разумомъ, исправляю въ нихъ то, что испорчено или переписчиками ненаученными и неопытными, или даже въ началѣ, при ихъ переводѣ, мужами присно-памятными, но недовольно разумѣвшими силу Эллинскихъ рѣчей. Вѣдомо да будетъ, что языкъ Эллинскій весьма труденъ и не всякій можетъ до конца уразумѣть его смыслъ, если многіе годы не проведетъ подъ руководствомъ опытныхъ учителей, или развѣ кто будетъ Грекъ родомъ и быстръ умомъ. Если же изучится только отчасти и не достигнетъ совершенства, прилучатся у него тѣже погрѣшности, какія обрѣтаю въ выраженіяхъ у многихъ приснопамятныхъ переводчиковъ Св. писанія съ Греческаго на Россійскій. Исправляю не Св. писанія, но то, что въ нихъ вкралось отъ непохвальныхъ описей, отъ недоумѣнія или забвенія древнихъ переводчиковъ или отъ многаго невѣжества и небреженія новыхъ переписчиковъ.

Но, быть можетъ, нѣкоторые противники скажутъ: великое ты наносишь тѣмъ оскорбленіе возсіявшимъ въ землѣ нашей чудотворцамъ. Съ сими священными книгами благоугодили они Богу въ жизни, и по преставленіи прославлены отъ него силою чудодѣйственною. Не я буду отвѣчать имъ, но самъ блаженный Апостолъ Павелъ да научитъ ихъ Духомъ Святымъ, глаголя: «одному

дается Духомъ слово премудрости, другому же слово разума тѣмъ же Духомъ; иному вѣра тѣмъ же Духомъ; иному же дарованіе исцѣленій въ томъ же Духѣ, другому же дѣйствія силъ; иному пророчества, иному различіе духовъ, иному же разные языки, а иному истолкованіе языковъ: все же сіе дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя властію каждому какъ ему угодно». (I. Кор. XII, 7—11). Ясно изъ сего, что не всякому даются вмѣстѣ всѣ дарованія духовныя. Исповѣдую и я, что святые Русскіе Чудотворцы, по дарованію имъ данному свыше, возсіяли въ землѣ Русской, и поклоняюся имъ, какъ вѣрнымъ Божіимъ угодникамъ, но ни различные языки, ни толкованіе оныхъ не приняли они свыше. Посему не должно удивляться, если отъ столь Св. мужей утаилось исправленіе многихъ исправленныхъ мною описей: имъ, ради Апостольскаго ихъ смиренномудрія, кротости и святаго житія, дано было дарованіе исцѣленій и чудесъ предивныхъ; другому же, хотя и грѣшенъ онъ паче всѣхъ земнородныхъ, дарованы разумѣніе и толкованіе языковъ и не должно тому дивиться (*)».

Я привелъ въ цѣлости сію скорбную рѣчь узника преподобнаго Максима, исторгшуюся со всею искренностію изъ его сердца, въ заключеніи темничномъ, для того, что въ ней, какъ въ

(*) Слово 11 и 12 твор. Максима. Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ Пр. Андрея Іоаннова. 1795, стр. 32—36.

чистомъ зеркалѣ и даже пророчески для будущаго, отразилися первая вина, способъ и послѣдствія исправленія книжнаго. Все сказано въ этой рѣчи, какъ бы въ опытномъ предисловіи, для убѣжденія неразумныхъ ревнителей, о необходимости и самыхъ трудностяхъ сего великаго предпріятія, и сказано такимъ человѣкомъ, котораго неправильно сами считаютъ на своей сторонѣ.— Они полагаютъ, что достаточно были имъ исправлены книги, дабы впослѣдствіи уже ихъ не касались, и что даже будто бы единомудрствовалъ съ ними преподобный о крестномъ знаменіи и двоекратномъ аллилуіа. Раскроемъ теперь причину страданій Максима, дабы изъ сего перваго примѣра ясно было видно, какъ при самомъ началѣ благаго дѣла примѣшались къ нему страсти человѣческія и, воспрепятствовавъ успѣшному его ходу, обрекли на долгія страданія самого ревнителя просвѣщенія духовнаго. То же самое, къ сожалѣнію, повторилось и надъ двумя продолжателями подвига Максимова, преподобнымъ Діонисіемъ и Патріархомъ Никономъ, хотя при совершенно другихъ обстоятельствахъ.

Удаленіе на покой кроткаго Митрополита Варлаама, расположеннаго къ пришельцу Аѳонскому, и избраніе на его мѣсто гордаго, по сказанію лѣтописцевъ, Даніила, было началомъ бѣдствій для Максима Уже многіе несвѣдущіе люди были противъ него озлоблены за то, что ревност-

но исторгалъ онъ плевелы обѣими руками; были у него и завистники изъ числа бояръ, за особую милость, которою пользовался у Великаго Князя, свободно принимавшаго отъ него слово истины. Даніилъ же лично оскорбился тѣмъ, что ученый мужъ не согласился перевести, по его желанію, исторію церковную Ѳеодорита, какъ опасную для простоты, по выраженію Максима, ибо заключала въ себѣ много писемъ Аріанскихъ. Это можетъ служить свидѣтельствомъ тому, что Максимъ не былъ защитникомъ двухперстнаго знаменія, въ пользу коего думалъ обрести Даніилъ доказательства въ сей исторіи, тогда какъ еще въ общемъ употребленіи было у насъ знаменіе трехперстное. Хотя Ѳеодоритъ никогда не разсуждалъ о крестномъ знаменіи, но въ словѣ о крестѣ, которое ему въ то время приписывали, Даніилъ изъяснялъ выраженіе: «отъ двухъ бо палицъ составляется крестъ», такимъ образомъ: *отъ двухъ пальцевъ*, и это вводило его въ заблужденіе какъ и другихъ послѣдователей подобнаго мудрованія (*). Если бы дѣйствительно такія слова были у Ѳеодорита и Максимъ держался сего знаменія, не охотно ли бы перевелъ онъ его исторію во свидѣтельство истины?—Ожидали только случая, чтобы повредить Максиму во мнѣніи В. Князя, и случай представился: Василій Іоанновичъ хотѣлъ развестись съ супругою

(*) Ист. расколовъ Пр. Игнатія, стр. 85.

своею, добродѣтельною Соломоніею, за ея неплодіе, и Митрополитъ благопріятствовалъ разводу, вопреки правилъ церковныхъ. Сильно возсталъ Максимъ Грекъ противъ такой неправды и былъ обвиненъ посему въ недоброхотствѣ къ Русской Державѣ; его ввергли въ темницу, но онъ оправдался въ клеветѣ. Тогда обвинили его въ умышленномъ искаженіи церковныхъ книгъ и, не смотря на всѣ оправданія и ясныя доказательства невинности, не смотря на то, что онъ смиренно испрашивалъ прощенія въ тѣхъ невольныхъ погрѣшностяхъ, какія могли вкрасться въ его переводы, по незнанію въ началѣ языка Русскаго, Максимъ былъ заключенъ въ Волоколамскій монастырь, отколѣ вышелъ нѣкогда на каѳедру святительскую Даніилъ. Заключеніе было столь жестоко, что его томили въ дымной кельѣ безвыходно и десять лѣтъ не допускали къ причащенію Св. Таинъ. Тамъ, на стѣнахъ своей темницы, написалъ онъ краснорѣчивый канонъ утѣшителю Духу Святому. Правда Божія, ради невиннаго страдальца, открылась еще на землѣ. По смерти В. Князя Василія, во время боярскихъ смутъ при малолѣтствѣ Іоанна, туда же въ обитель былъ сосланъ гонитель его Митрополитъ. Кроткій Іоасафъ заступилъ его мѣсто; Максима перевели въ Тверской-Отрочь монастырь, съ разрѣшеніемъ приступить къ Св. Тайнамъ; напрасно однако самъ онъ и Патріархи Вселенскіе ходатайствовали о возвращеніи его на Св. гору,

гдѣ онъ жаждалъ окончить дни свои въ уединеніи.

По возведеніи на каѳедру мудраго Митрополита Макарія, Максимъ былъ переведенъ въ лавру Троицкую на жительство и даже приглашаемъ впослѣдствіи на соборъ противъ ереси Лютеровой, къ намъ проникшей съ Запада. Царь Іоаннъ совѣщался съ нимъ, посѣтивъ богомольцемъ лавру, послѣ взятія Казани, и услышалъ отъ него даже слово пророческое о кончинѣ своего младенца; но уже Максиму поздно было возвращаться на родину. Послѣ тридцати трехъ - лѣтнихъ томленій, мирно окончилъ онъ дни свои въ лаврѣ, и уваженіе общее къ нему было столь велико, что много лѣтъ спустя, при учрежденіи патріаршества въ Россіи, Первосвятитель Вселенскій Іеремія, по желанію высшихъ духовныхъ лицъ, читалъ надъ его гробомъ разрѣшительную молитву. Нѣсколько позже другой великій подвижникъ, который долженъ былъ самъ слѣдовать по тернистой стезѣ Максима Грека, Діонисій, Архимандритъ лавры и освободитель отечества вмѣстѣ съ Пожарскимъ, украсилъ гробницу страдальца, какъ бы предчувствуя собственную участь также за исправленіе книжное. Такъ тяжело было начало добраго дѣла; увидимъ, что и продолженіе его не менѣе было тяжко.

II.

Стоглавъ.

Еще Максимъ Грекъ доживалъ свои страдальческіе годы въ лаврѣ Троицкой, гдѣ жилъ на покоѣ и освободившій его изъ заточенія Волоколамскаго, Митрополитъ Іоасафъ, когда опять почувствовали необходимость продолжать начатое имъ исправленіе церковныхъ книгъ. Вотъ какое о томъ сознаніе находится въ самомъ опредѣленіи Стоглава, на который столько опираются мнимые ревнители старины. «Понеже божественныя книги писцы пишутъ у насъ съ неисправленныхъ переводовъ, и написавъ не исправляютъ же, и такъ описка къ опискѣ прибываетъ и недописки и точки неправильныя, а по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ читаютъ и поютъ и учатся и пишутъ съ нихъ: то сего ради, дабы намъ о семъ великомъ нашемъ нерадѣніи, не понести гнѣва отъ Бога, по божественнымъ законамъ, опредѣляемъ: протопопамъ, и старшимъ священникамъ со всѣми священниками, въ каж-

домъ городѣ, во всѣхъ Св. церквахъ наблюдать священныя иконы и сосуды и весь церковный служебный чинъ, и на престолахъ святые антиминсы, Евангеліе и Апостолъ и всѣ священныя книги, которыя Церковь пріемлетъ соборно, и если какія либо церковныя иконы состарѣлись, то ихъ велѣть исправлять иконописцамъ; а если какія святыя книги найдутся въ церкви неисправленными и съ ошибками, всѣ бы тѣ съ добрыхъ переводовъ исправлять соборно, потому что священныя правила запрещаютъ вносить въ церкви неисправленныя книги и по тѣмъ пѣть (*)».

Юный Царь Іоаннъ Васильевичъ, послѣ бурной эпохи своего дѣтства и смутъ боярскихъ, разстроившихъ государство, созвалъ Соборъ въ 1551 году, по совѣту мудраго Митрополита Макарія, для того, чтобы церковнымъ уложеніемъ дополнить свой гражданскій судебникъ. Соборъ сей вошло въ обычай называть Стоглавнымъ, потому что изо ста главъ или статей состоитъ книга, въ которой вписаны его дѣянія. Можно прочесть полный и критическій объ немъ разборъ въ исторіи расколовъ Преосв. Игнатія Воронежскаго (**). Опытный Пастырь не раздѣляетъ мнѣнія нѣкоторыхъ писателей нашихъ: будто Соборъ сей никогда не существовалъ, такъ какъ не осталось

(*) Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ. Пр. Андрея Іоаннова, стр. 37.

(**) Отд. I и II о Стоглавѣ.

отъ него подлинныхъ актовъ и не былъ онъ обнародованъ, ни даже подписанъ Митрополитомъ и прочими Епископами. Слишкомъ ясное о немъ свидѣтельство находится въ рѣчахъ большаго Патріаршаго Собора 1667 года, отмѣнившаго нѣкоторыя его положенія, чтобы сомнѣваться въ его существованіи; но несомнѣнно и то, что разногласія нѣкоторыхъ Епископовъ съ мнѣніемъ мудраго Митрополита, были виною, что дѣяніе соборное не облечено законною подписью и не введено въ общее употребленіе. Макарій извлекъ изъ него только то, что почиталъ полезнымъ, какъ напримѣръ о поповскихъ старостахъ и благочиніи церковномъ, и обнародовалъ извлеченіе изъ соборнаго уложенія и царскаго наказа, предоставляя, вѣроятно, болѣе благопріятному времени полное исправленіе церковнаго порядка. Изъ двухъ послѣднихъ главъ видно, что Митрополитъ, не удовольствовавшись мнѣніями засѣдавшихъ на Соборѣ, посылалъ еще въ Троицкую лавру узнавать мнѣніе своего предмѣстника Іоасафа и нѣкоторыхъ старцевъ, живших тамъ на покоѣ (*); но довольно странно, что не былъ спрошенъ о томъ Максимъ, свѣтильникъ своего времени, хотя немного спустя его спрашивали о ереси Бакшина; если же и былъ спрошенъ по предмету Стоглава, то вѣроятно многаго не одобрилъ и потому о немъ умолчано.

(*) Рукопись Стоглава.

Безпорядочно самое расположенiе статей соборныхъ, которыя состоятъ изъ отвѣтовъ Архiереевъ на Царскiе вопросы, отдѣльно на каждый или смѣшанно на многiе вмѣстѣ; иногда же и особыя главы включены внѣ всякаго вопроса, какъ напр. о двойномъ аллилуiа и подробности о крестномъ знаменiи, коихъ слогъ разнствуетъ отъ соборнаго текста и можно несомнѣнно сказать, что онѣ включены разномыслящими даже и нѣсколько позже. Самые списки Стоглава были столь рѣдки около того времени, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ потребовалъ одинъ списокъ для себя изъ Бѣлозерской обители, хотя казалось бы подлинникъ или вѣрный списокъ такого соборнаго уложенiя, если бы оно имѣло законную силу, должны скорѣе обрѣтаться въ Патрiаршемъ книгохранилищѣ.

Умилительно, при началѣ Стоглава, покаянiе Царя въ грѣхахъ своей юности, съ описанiемъ современныхъ бѣдствiй, которое возбудило слезы всѣхъ бывшихъ на Соборѣ и можетъ тронуть каждаго и по нынѣ. Благочестивый Самодержецъ описываетъ потомъ какiе безпорядки, разногласiя и безчинiя бываютъ при отправленiи церковныхъ службъ; сколько есть погрѣшительнаго въ образѣ жизни Христiанъ и даже самыхъ пастырей, и проситъ Отцевъ Собора, на основанiи церковныхъ правилъ, сдѣлать обо всемъ подробныя постановленiя. «Бога ради потрудитесь, говорилъ онъ, дабы исправить истинное и непорочное нашей Христiанской вѣры, и то, что отъ божественнаго писанiя

во исправленіе церковнаго благочинія». Нѣсколько прежде до Собора предлагалъ онъ, чтобы собраны были основательныя свѣдѣнія и составлены службы новоявленнымъ Чудотворцемъ Русскимъ, и такихъ службъ утверждено было на Соборѣ болѣе двадцати. Здѣсь вѣроятно, при исполненіи сего благочестиваго дѣла, вкралась и первая погрѣшность, о пѣніи сугубаго аллилуіа вмѣсто трекратнаго, искони существовавшаго въ Россіи. Разсматривая житіе преподобнаго Евфросина пустыннослужителя Псковскаго, только что составленное клирикомъ Василіемъ, нашли въ ономъ такіе страхи противъ пѣнія аллилуіа по трижды (будто бы изъ откровенія Богоматери въ сонномъ видѣніи Евфросину), что нѣкоторые изъ отцевъ Собора, простоты ради, приняли за основаніе пѣть съ того времени аллилуіа подважды, не смотря на то, что его пѣли дотолѣ по-трижды, какъ они сами сознаются.

«Во Псковѣ и Псковской землѣ, по многимъ монастырямъ и церквамъ, да въ Новгородской же землѣ по многимъ мѣстамъ, доднесь говорили трегубую аллилуіа вопреки Апостольскихъ и отеческихъ преданій. Мы же вѣрно узнали, отъ писателя житія Пр. Евфросина, новаго Чудотворца Псковскаго: какъ ради его святыхъ молитвъ извѣстила его Пресвятая Богородица о троекратной аллилуіа, и повелѣла православнымъ Христіанамъ говорить двойную аллилуіа, а въ третій разъ: «слава тебѣ Боже:» и того ради отнынѣ

всѣмъ такъ говорить православнымъ Христіанамъ.» И такъ вотъ начальныя основанія сего новаго ученія, не смотря на давній обычай многихъ обителей и церквей въ Новгородской и Псковской области, куда Христіанство проникло прежде Москвы! Что Митрополитъ Макарій предсѣдательствовавшій на Соборѣ, не былъ согласенъ на такое нововведеніе, это явствуетъ изъ писанной имъ книги: Четьи-Минеи или житія Святыхъ, досѣлѣ хранящейся въ Патріаршей ризницѣ. Книгу сію, какъ самъ изъясняетъ въ заглавіи, писалъ онъ въ великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ Архіепископомъ, «а собиралъ сіи великія святыя книги въ одно мѣсто чрезъ двѣнадцать лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писцами, не щадя сребра и всякихъ почестей.» Тамъ, въ книгѣ Августа мѣсяца, подъ числомъ 31-мъ, въ статьѣ о трегубой аллилуія написано:

«Иже поютъ мнози по дважды аллилуіа а не трегубно, на грѣхъ себѣ и на осужденіе поютъ. Тако подобаетъ пѣти: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; аллилуіа же речется: пойте Богу. . . Пой же всякій Христіанинъ, какъ положено, по трижды. а не по дважды; аще ли дважды, то разлучаетъ Духа Святаго отъ Отца и отъ Сына» (*). Такое свидѣтельство Митрополита Макарія, съ примѣчательною ясностію, излагаетъ и подтверждаетъ продолжающееся доны-

(*) Бѣседы къ глаг. Старообр. стр. 121.

нѣ древнее обыкновеніе Православной Церкви говорить аллилуіа тражды. Можно ли послѣ сего сомнѣваться еще во мнѣніи Митрополита Макарія о томъ, какъ должно пѣть аллилуіа? ибо никто не мого его заставить помѣстить сію статью въ четьи-минеи, когда бы не призналъ онъ ее православною. Если вставленная въ Стоглавъ противорѣчащая статья, не есть собственно вставка, то быть можетъ она была виною неподписанія имъ вынужденнаго суевѣрнаго опредѣленія Собора. Это однако одно изъ главныхъ разногласій мнимаго старообрядства съ православіемъ.

Вотъ и другое разногласіе о крестномъ знаменіи, о которомъ окончательное рѣшеніе приписываютъ также Стоглаву и слѣдственно Митрополиту Макарію. О пѣсни аллилуіа вовсе не было Царскаго вопроса на Соборѣ, о крестномъ же знаменіи онъ только кратко напомнилъ «что творятъ оное не по существу, и отцы духовные о семъ не радятъ, и не поучаютъ» На это Соборъ положилъ: какъ подобаетъ Архіереямъ и іереямъ рукою благословлять и прочимъ православнымъ Христіанамъ знаменоваться и поклоняться, и дополнилъ: «чтобы священные люди воображали знаменіе по чину крестообразно и такъ благословляли православныхъ, какъ предали Св. Отцы, и Христіанъ бы поучали, чтобы себя ограждали крестнымъ знаменіемъ по чину крестообразно.» И вопросъ и отвѣтъ относились не столько къ перстосложенію, сколько къ безчинному навыку

иныхъ людей, которые только махаютъ рукою по лицу и всуе трудятся, какъ о томъ сказано въ одномъ сборникѣ Соловецкой обители № 858, подъ словомъ Өеодорита о крестномъ знаменіи. Послѣдующее же пространное изложеніе, будто бы соборное, о томъ, какъ слѣдуетъ слагать персты, мало относится къ вопросу Царскому и разнствуетъ по слогу отъ предыдущаго, такъ что весьма легко можетъ быть позднѣйшимъ прибавленіемъ, и даже въ нѣкоторыхъ спискахъ Стоглава статья сія помѣщена весьма не кстати въ началѣ всего. Любопытно заглянуть въ книгу, подъ заглавіемъ: истина Соловецкой обители, въ которой изчислено сколько тамъ испорчено древнихъ сборниковъ, гдѣ слово *два* перста ясно написано по скобленому вмѣсто *трехъ* (стр. 96—100).

Мы не можемъ впрочемъ сомнѣваться о мнѣніи Митрополита Макарія, касательно перстосложенія для крестнаго знаменія, потому что въ его Чети-минеи оно изложено въ двухъ книгахъ, изъ коихъ одна Декабрьская, по свидѣтельству преосвященнаго Игнатія въ Ладожскомъ скитѣ, а другая Іюньская въ Патріаршей ризницѣ. Тамъ написано о состязаніи нѣкоего Панагіота съ Латинами: «се якоже мы крестимся, прообразующе истиннаго креста знаменіе, треми персты, на главу и на сердце, на правомъ плечѣ и на лѣвомъ», а въ другомъ мѣстѣ: «почто не слагаешь три перста и не крестишься десною рукою, но твориши крестъ съ обоими персты, и воображеніе

креста твоего зрится вонъ?» Въ книгѣ же за Августъ мѣсяцъ, слѣдовательно по порядку позднѣйшей и вѣроятно составленной послѣ Стоглава, тоже состязаніе Панагіюта прописано не сполна и въ немъ говорится уже о двуперстномъ знаменіи; не явной ли это подлогъ, ибо могъ ли одинъ и тотъ же человѣкъ такъ сильно себѣ противорѣчить? (*). Изъ сихъ свидѣтельствъ можно заключить, отчего Митрополитъ не рѣшился подписать Стоглава, съ коимъ не соглашался ни въ пѣніи двойнаго аллилуіа, ни въ крестномъ знаменіи. Есть еще свидѣтельство, какъ бы нечаянно исторгшееся на другомъ Соборѣ противъ ереси Бакшина, изъ устъ Троицкаго Игумена Артемія, обвиненнаго съ нимъ въ единомысліи и сосланнаго потомъ въ Соловки, о томъ что не было согласія соборнаго о крестномъ знаменіи и на Стоглавѣ: «на Соборѣ де и о крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего». (Арх. акты 1836 г. т. 1, стр. 239). Такое слово современника, сохранившееся въ актѣ историческомъ, весьма важно.

Но были и такіе вопросы, въ которыхъ Стоглавъ прямо не соглашался съ нынѣшними его ревнителями, хотя они думаютъ обрѣсти въ немъ главную себѣ опору. Такъ напримѣръ: тамъ нѣтъ ни слова о томъ, будто бы четвероконечный крестъ есть печать Антихриста и только

(*) Бесѣды къ глаголем. Старообр. о крестномъ знаменіи, стр. 100—105.

одинъ осмиконечный есть истинное знаменіе распятія Господня. Напротивъ того Соборъ, на вопросъ Царскій о крестахъ, водружаемыхъ на верху церквей, весьма спокойно постановилъ: «чтобы св. кресты, какъ искони такъ и доднесь, пребывали на церквахъ каковъ воздвизальный, который водрузилъ благочестивый Царь на Успенскомъ соборѣ, безъ прибавленія по концамъ его малыхъ крестовъ, такъ какъ они часто ломаются бурею, и по древнимъ образцамъ, какъ предали Св. Отцы, а не по вымыслу мастеровъ». Изъ сего разсужденія видно, что двѣ были формы креста, изъ коихъ одна воздвизальнаго, которымъ благословляютъ, а другая обыкновеннаго четвероконечнаго. Что̀ бы сказали ревнители трисоставнаго или осмиконечнаго, если бы въ Софійскомъ соборѣ Царьграда, отколѣ предки наши почерпнули святую вѣру, увидѣли они всѣ кресты на стѣнахъ четвероконечные, изъ мозаики, которая не можетъ измѣниться?

Вотъ и другое противорѣчіе лже-ревнителей опредѣленіямъ Стоглава, о символѣ вѣры, которое тѣмъ важнѣе, что самъ Никонъ Патріархъ тогда началъ свое книжное исправленіе, когда замѣтилъ въ символѣ вѣры прибавленіе къ оному, запрещенное не только Стоглавомъ, но и Вселенскими Соборами. Съ нѣкотораго времени, неразуміемъ переписчиковъ, вкралось въ осьмой членъ символа о Духѣ Святомъ, лишнее слово *истиннаго,* которое тамъ не должно находиться, ибо

его нѣтъ ни въ Греческомъ, ни въ древле Славянскомъ: «и въ Духа Святаго Господа *истиннаго* и животворящаго». Это могло произойти отъ того, что Греческое слово *Господа: το Κύριον*, поставленное въ среднемъ родѣ, новѣйшіе переводчики хотѣли выразить чрезъ прилагательное *господственный* или *истинный*, и такое поясненіе или приписку ставили сперва между строкъ, а потомъ люди незнающіе вставили ее, для полноты, въ самый текстъ символа. Но еще вѣроятнѣе, что слыша часто молитву: «Царю небесный Утѣшителю, Душе истины», и не различая сего отъ другаго выраженія: *Душе истинный,* вздумали, что надобно сему слову быть и въ символѣ, вопреки строгому запрещенію третьяго Вселенскаго Собора: «что либо прибавлять или убавлять въ символѣ вѣры». Памятуя сію священную заповѣдь, Церковь православная, отринула изъ общенія своего Латинъ, за ихъ приложеніе къ символу. Отцы Стоглава, хотя и не совсѣмъ правильно, опредѣлили однако слѣдующее: «нѣцые глаголютъ въ символѣ: и въ Духа Святаго Господа истиннаго; ино то негораздо; едино глаголати, или *Господа* или *истиннаго*».— Они только допустили неточный переводъ одного слова *Господа*, а мнимые ихъ послѣдователи вставили въ символъ и строго запрещенное ими прибавленіе. Какъ же не быть намъ благодарными Патріарху Никону за то, что онъ возстановилъ въ символѣ древнее правильное слово *Гос-*

пода, прочитавъ его на Греческомъ саккосѣ Митрополита Фотія XV вѣка!

Мы видѣли уже мнѣніе Стоглава о испорченныхъ книгахъ и устарѣвшихъ иконахъ, которыя велѣлъ онъ исправлять и поновлять; но при этомъ поновленіи ревнители старообрядства часто измѣняли правильное перстосложеніе на неправильное. Теперь въ Успенскомъ соборѣ, при снятіи четырехъ грубыхъ слоевъ краски съ древнихъ иконъ, ясно открылось на чудотворномъ образѣ Князя Боголюбскаго, благословеніе именословное, совершенно православное, десницы Спасителя. И такъ вотъ что вкратцѣ можно сказать о дѣйствіяхъ Стоглава: онъ призналъ нужду исправленія старыхъ церковныхъ книгъ и убѣждалъ духовенство заняться ихъ поправкою; символъ вѣры повелѣлъ хранить, безъ приложенія лишняго слова въ осьмомъ членѣ, и за едино почиталъ четыреконечной и осмиконечной крестъ; но иныя постановленія хотѣлъ сдѣлать совершенно вновь, какъ то: о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и о двойномъ пѣніи аллилуіа, если только вѣрны списки Стоглава; о нѣкоторыхъ же обрядахъ нынѣшняго старообрядства ничего не упомянулъ, какъ то: о круговыхъ хожденіяхъ посолонь, о числѣ просфоръ и печати на нихъ. Вообще со стороны своего намѣренія и попеченія устроить порядокъ въ Церкви, съ единообразіемъ во всемъ, Соборъ сей заслуживаетъ благодарное воспоминаніе, ибо надобно прочитать его чтобы видѣть,

какое жалкое было тогда состояніе нашей Церкви. Таково мнѣніе Преосвященнаго Игнатія о Стоглавѣ и едвали можно ему прекословить.

Весьма жаль что, по обстоятельствамъ того времени, не исполнилось мудрое предположеніе Митрополита Макарія, изображенное въ наказѣ Царскомъ, о старостахъ поповскихъ, которое бы могло постепенно ввести порядокъ и однообразіе въ богослуженіи. Онъ назначалъ въ Москвѣ, въ разныхъ частяхъ города, семь соборовъ подъ надзоромъ семи благочинныхъ, въ которые должны были сходиться еженедѣльно на совѣщанія, для повѣрки книгъ и обрядовъ, всѣ приписанные къ нему священники той части города. А между тѣмъ Царь обѣщалъ соорудить еще обширный соборъ въ столицѣ, гдѣ бы могли соединяться, для той же благочестивой цѣли, всѣ старшіе благочинные или старосты. Эта одна черта показываетъ уже глубокую мудрость Митрополита Макарія, и какъ мало онъ былъ способенъ для тѣхъ нелѣпыхъ опредѣленій Стоглава, соединенныхъ съ страшными клятвами, которыя хотятъ ему приписать.

III.

Книгопечатаніе.

Между тѣмъ Царь Іоаннъ Васильевичъ продолжалъ заботиться о умноженіи и исправленіи церковныхъ книгъ, при умноженіи церквей въ расширившихся предѣлахъ его государства; онъ рѣшился наконецъ завести типографію для единообразнаго ихъ изданія и, чрезъ тринадцать лѣтъ послѣ Стоглава, отпечатана была первая книга въ Москвѣ, Апостолъ. Въ ея предисловіи изображено, какъ трудно было тогда найти правильную рукопись священныхъ книгъ. «Благочестивый Царь повелѣлъ святыя книги покупать на торжищахъ и полагать въ церквахъ Псалтири, Евангелія, Апостолъ и прочія; но мало нашлось между ними годныхъ; прочія же всѣ были испорчены отъ переписчиковъ, не ученыхъ и не искусныхъ въ разумѣ, или отъ неисправленія пасущихъ. Это дошло въ слухъ Царя, и онъ началъ помышлять,

какъ бы изложить печатныя книги, какъ устроено въ Венеціи, Фригіи и въ другихъ городахъ, дабы впредь святыя книги излагались правильно (*)». И такъ вотъ начальная причина книгопечатанія въ Россіи, и хорошо для обличенія раскола, что въ предисловіи каждой книги находилась, можно сказать, отчасти исторія дѣйствій мнимыхъ ревнителей старины. Первая книга вышла въ свѣтъ въ 1564 году при Митрополитѣ Аѳанасіѣ, духовникѣ Царскомъ, и первыми печатниками были діаконъ отъ Николы Голстунскаго, Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ; но по смутамъ и зависти людей недоброжелательныхъ, вѣроятно переписчиковъ, которые боялись потерять хлѣбъ свой, если укоренится въ Россіи книгопечатаніе, оно скоро прекратилось; типографія была сожжена, а печатники принуждены бѣжать за границу. Десять лѣтъ спустя мы уже видимъ другой Апостолъ, напечатанный въ Галиціи, въ городѣ Львовѣ, гдѣ нашли себѣ убѣжище бѣжавшіе. Сперва призрѣлъ ихъ у себя Гетманъ Литовскій Ходкевичь, а послѣ, когда по старости пересталъ о нихъ радѣть, онъ велѣлъ имъ прекратить печатаніе; но ревностные дѣльцы, боясь, какъ сами говорятъ, дать отвѣтъ Господу за ввѣренный имъ талантъ, со многими скорбями достигли города Львова и тамъ, Христа ради, умолили нѣсколькихъ Христолюбцевъ со-

(*) Полное извѣстіе о расколахъ, стр. 40.

дѣйствовать имъ въ благомъ дѣлѣ просвѣщенія духовнаго. Все сіе искренно изложили они въ предисловіи къ Апостолу и горько жаловались, что принуждены были бѣжать изъ Россіи, «крайняго ради озлобленія отъ многихъ начальниковъ и священноначальниковъ и учителей, которые на нихъ, зависти ради, многія ереси замышляли, желая превратить благое на зло, и Божіе дѣло въ конецъ погубить, какъ то въ обычаѣ злонравныхъ и не искусныхъ въ разумѣ людей».

Если при такомъ могущественномъ Государѣ, каковъ былъ Іоаннъ Васильевичъ, и съ его твердою волею, нѣсколько людей злоумышленныхъ могли опрокинуть благое начало, проистекавшее отъ самаго Царя и духовнаго Собора, то чего же должно было ожидать въ смутную эпоху самозванцевъ и въ первые годы царствованія кроткаго Михаила. Однако сынъ Іоанна, Царь Ѳеодоръ, возобновилъ опять книгопечатаніе, и оно продолжалось при Царяхъ Годуновѣ и Шуйскомъ по благословенію Патріарховъ Іова и Гермогена, но безъ надлежащаго надзора за справщиками; потому и наполнены грубыми ошибками изданныя въ то время книги: Тріодь цвѣтная, Октоихъ, Минея служебная и Уставъ церковный.

Въ послѣсловіи Тріоди сказано: «что великій пламень божественнаго огня, о исправленіи святыхъ книгъ, возжегся въ душѣ благочестиваго Государя Ѳеодора Іоанновича и его Царицы

какъ бы изложить печатныя книги, какъ устроено въ Венеціи, Фригіи и въ другихъ городахъ, дабы впредь святыя книги излагались правильно (*)». И такъ вотъ начальная причина книгопечатанія въ Россіи, и хорошо для обличенія раскола, что въ предисловіи каждой книги находилась, можно сказать, отчасти исторія дѣйствій мнимыхъ ревнителей старины. Первая книга вышла въ свѣтъ въ 1564 году при Митрополитѣ Аѳанасіѣ, духовникѣ Царскомъ, и первыми печатниками были діаконъ отъ Николы Голстунскаго, Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ; но по смутамъ и зависти людей недоброжелательныхъ, вѣроятно переписчиковъ, которые боялись потерять хлѣбъ свой, если укоренится въ Россіи книгопечатаніе, оно скоро прекратилось; типографія была сожжена, а печатники принуждены бѣжать за границу. Десять лѣтъ спустя мы уже видимъ другой Апостолъ, напечатанный въ Галиціи, въ городѣ Львовѣ, гдѣ нашли себѣ убѣжище бѣжавшіе. Сперва призрѣлъ ихъ у себя Гетманъ Литовскій Ходкевичь, а послѣ, когда по старости пересталъ о нихъ радѣть, онъ велѣлъ имъ прекратить печатаніе; но ревностные дѣльцы, боясь, какъ сами говорятъ, дать отвѣтъ Господу за ввѣренный имъ талантъ, со многими скорбями достигли города Львова и тамъ, Христа ради, умолили нѣсколькихъ Христолюбцевъ со-

(*) Полное извѣстіе о расколахъ, стр. 40.

дѣйствовать имъ въ благомъ дѣлѣ просвѣщенія духовнаго. Все сіе искренно изложили они въ предисловіи къ Апостолу и горько жаловались, что принуждены были бѣжать изъ Россіи, «крайняго ради озлобленія отъ многихъ начальниковъ и священноначальниковъ и учителей, которые на нихъ, зависти ради, многія ереси замышляли, желая превратить благое на зло, и Божіе дѣло въ конецъ погубить, какъ то въ обычаѣ злонравныхъ и не искусныхъ въ разумѣ людей».

Если при такомъ могущественномъ Государѣ, каковъ былъ Іоаннъ Васильевичъ, и съ его твердою волею, нѣсколько людей злоумышленныхъ могли опрокинуть благое начало, проистекавшее отъ самаго Царя и духовнаго Собора, то чего же должно было ожидать въ смутную эпоху самозванцевъ и въ первые годы царствованія кроткаго Михаила. Однако сынъ Іоанна, Царь Θеодоръ, возобновилъ опять книгопечатаніе, и оно продолжалось при Царяхъ Годуновѣ и Шуйскомъ по благословенію Патріарховъ Іова и Гермогена, но безъ надлежащаго надзора за справщиками; потому и наполнены грубыми ошибками изданныя въ то время книги: Тріодь цвѣтная, Октоихъ, Минея служебная и Уставъ церковный.

Въ послѣсловіи Тріоди сказано: «что великій пламень божественнаго огня, о исправленіи святыхъ книгъ, возжегся въ душѣ благочестиваго Государя Θеодора Іоанновича и его Царицы

Ирины, ко спасенію душъ христіанскихъ, и онъ возвѣстилъ отцу своему и богомольцу, Іову Патріарху, всему собору и синклиту, дабы въ царствующей Москвѣ и во всей Россіи, книги святыя свидѣтельствованы и исправлены были и печатными писменами совершены, понеже во многихъ лѣтахъ отъ переписчиковъ и неученыхъ людей неправлены».

На концѣ служебника, печатаннаго при томъ же Патріархѣ, уже во дни Годунова, въ 1604 году сказано: «если что либо въ нѣкоторыхъ статьяхъ не довѣдано, вы добрѣ и съ искуствомъ исправляйте, не поношая другъ друга; и Богъ мира да будетъ со всѣми вами, и насъ всѣхъ спасетъ молитвами вашими (*)».

Если такія выраженія свидѣтельствуютъ о глубокомъ смиреніи занимавшихся дѣломъ печатанія, и о трудности, съ какою оно было сопряжено, при недостаткѣ правильныхъ рукописей, то съ другой стороны не служитъ ли это доказательствомъ, что самое книгопечатаніе, начавшееся по Царскому велѣнію, оставлено было на произволъ печатниковъ, которые избирали по своему разумѣнію тѣ рукописи, какія могли найти подъ рукою, хотя и сами имъ не довѣряли? Это особенно видно изъ предисловія къ церковному уставу, напечатанному при Патріархѣ Гермогенѣ въ 1610 году, послѣ первой бури Самозванцевъ. Печатав-

(*) Полн. изв. о раск. стр. 42.

шіе умоляютъ всѣхъ пастырей и учителей и благочестивый народъ, быть къ нимъ милостивыми и, яко грубые и немощные, раболѣпно покланяются до лица земли, прося извинить, если что по немощи или недоразумѣнію самаго издателя и повинующихся ему дѣлателей, сократилось или измѣнилось. «Молю васъ, продолжаетъ издатель уже отъ своего лица, не возненавидите и не поносите меня недостойнаго, но паче накажите милостиво и обличите, ибо я мало видѣлъ училище и не своею волею на сіе дерзнулъ, но никакъ не возмогъ отречься и дѣлалъ, сколько могъ, по умаленному моему смыслу».

Такъ напечатана однако не какая либо обыкновенная книга, но церковный уставъ, долженствовавшій служить руководствомъ для всѣхъ церквей. На страницѣ 165 печатавшій предупреждаетъ: «если найдется въ ономъ уставѣ измѣненіе чина, какъ подобаетъ совершать службу Благовѣщенія, во дни страстной и святой недѣли, да не дивятся, ибо сіе сдѣлано не по его произволу, но по сличенію нѣсколькихъ уставовъ Студитскаго съ Іерусалимскимъ Св. Саввы, хотя правила иначе повелѣваютъ (*)». Вотъ какъ и послѣ Стоглава дѣлались измѣненія въ службѣ церковной и никто однако не отдѣлялся отъ Церкви. Не былъ нарушенъ и церковный порядокъ сими исправленіями, потому что они дѣлались, какъ сказано

(*) Тамъ же, стр. 43—44.

въ послѣсловіи Минеи служебной: «по разсужденію благочестиваго Царя и съ благословенія Патріарха, повелѣвшихъ соборно пересвидѣтельствовать книги, ибо отъ давнихъ лѣтъ, какъ съ Греческаго языка переложены на Славянскій, многіе древніе переводчики и переписчики иное пропустили, иное же смѣшали или въ иномъ погрѣшили». Настала страшная буря самозванцевъ, низринувшая и Царя Василія и Святителя Гермогена, и опять прекратилось книгопечатаніе хотя и не искусное, по тяжкимъ обстоятельствамъ времени.

IV.

Архимандритъ Діонисій.

Дѣло исправленія книжнаго было до такой степени существенною необходимостію того времени для блага Церкви, что даже между патріаршествомъ, едва только утихло внутреннее смятеніе государства, юный Царь Михаилъ уже писалъ въ лавру, Архимандриту Діонисію и келарю Авраамію, знаменитымъ подвижникамъ Князя Пожарскаго: «Вы намъ писали, что старецъ Арсеній и

попъ Иванъ, вызванные нами для исправленія печатныхъ книгъ и требника, бьютъ челомъ, что имъ однимъ у исправленія той книги быть не возможно, потому что со временъ благовѣрнаго Князя Владиміра и до нынѣ, она разнится въ переводахъ, и отъ неразумныхъ писцовъ во многихъ мѣстахъ не исправлена, и много обычаевъ и безчинія застарѣлось у поповъ, въ городахъ и украйнахъ, по сосѣдству съ иновѣрными;—чины и уставы разнятся во многихъ мѣстахъ; стихи и молитвы не сходятся; иное по преданію не взошло въ обычай въ Русскомъ государствѣ, а иное утвердилось отъ Богоносныхъ Отецъ, новыхъ чудотворцевъ въ Россіи возсіявшихъ, и не согласно съ Греческими законами; а иное же отъ несогласія толмачей, ибо не всѣ въ нихъ учены философскому ученію и не знали подлинно языка своего простыхъ изрѣченій.—Посему надлежало бы книгу сію исправить, со многимъ испытаніемъ и свидѣтельствомъ многихъ книгъ, собранныхъ вмѣстѣ, а скоро напечатать ту книгу нельзя (*)».

Вотъ каково было мнѣніе о тогдашнихъ книгахъ мужей опытныхъ и добросовѣстныхъ, ознаменовавшихъ себя не только церковными, но и гражданскими подвигами. Вслѣдствіе сего имъ повелѣно было избрать въ лаврѣ Троицкой, духовныхъ, разумныхъ старцевъ, подлинно знаю-

(*) Житіе Пр. Діонисія, стр. 84.

щихъ книжное ученіе для исправленія книгъ церковныхъ, и заняться усердно симъ великимъ дѣломъ, руководясь для справокъ множествомъ книгъ, хранящихся въ лаврѣ, и тѣми требниками, которые имъ были присланы изъ Москвы, дабы, съ помощію Духа Святаго, издать сію необходимую для духовныхъ требъ книгу; расходы же по сему предмету благочестивый Государь принималъ всѣ на себя.—При такой ревности Царя къ просвѣщенію духовному и при полной его довѣренности къ заслуженному старцу, каковъ былъ Діонисій, можно ли было ожидать, чтобы столько искушеній и позора обратилось на его главу?—Но чего не дѣлаетъ зависть человѣческая? Здѣсь, въ годину испытаній, еще болѣе просіяла иноческая добродѣтель Діонисія, нежели когда одушевлялъ онъ полки ратныхъ для освобожденія отечества. Понятнымъ становится и слѣпое ожесточеніе новѣйшихъ мнимыхъ ревнителей старины, когда исправленіе одного лишь слова могло подвергнуть столькимъ истязаніямъ великаго подвижника.

Тщательно разбирая различные списки требника, Архимандритъ нашелъ, что въ чинѣ освященія богоявленской воды, взошло одно лишнее слово въ требникъ, небрежно напечатанный при Патріархѣ Гермогенѣ, которое не обрѣталось въ старыхъ харатейныхъ требникахъ, писанныхъ лѣтъ за двѣсти и болѣе: «пріиди убо человѣколюбче Господи и освяти водю сію, Духомъ твоимъ Свя-

тымъ и *огнемъ*». Положено было, отмѣтить сіе неправильное слово, при исправленіи другихъ грубыхъ ошибокъ, коихъ насчитывалось болѣе сорока, и представить о томъ Митрополиту Крутицкому Іонѣ, съ бывшими въ Москвѣ духовными властями, дабы они окончательно разрѣшили исключить слово *огнемъ*. Но Митрополитъ и бывшіе съ нимъ, по зависти противъ Архимандрита Діонисія, не разсудивъ о томъ соборно, прямо обвинили его въ ереси и осудили на заточеніе. Это былъ уже второй примѣръ пристрастнаго суда, за исправленіе истины, и чаша Максимова предстояла Діонисію.

И въ какое время неправедные судіи произнесли приговоръ свой надъ освободителемъ отечества?—когда еще войска Литовскія разсѣяны были по всей землѣ Русской, такъ что Діонисій не могъ даже достигнуть мѣста, назначеннаго ему для заточенія, и возвращенъ въ Москву на смиреніе, въ Новоспасскій монастырь. Тамъ наложено было на него, сверхъ обычныхъ службъ, по тысячѣ поклоновъ для ежедневной эпитиміи, и велѣно его бить и мучить сорокъ дней, и ставить въ дыму на палатяхъ; но Господь даровалъ ему силу свыше, ибо не только онъ съ радостію исполнялъ наложенное правило, но и сверхъ повелѣннаго отъ собственнаго усердія, еще по тысячѣ поклоновъ. Съ великимъ безчестіемъ водили его къ допросу на дворъ патріаршій и обложили пенею въ 500 руб. за то, что будто-бы онъ имя

Святыя Троицы велѣлъ марать въ книгахъ, и Духа Святаго не исповѣдывалъ, яко огнь есть. Преподобный же, стоя въ желѣзахъ, смѣялся и толкающимъ и оплевающимъ его, какъ бы шутя, говорилъ: «денегъ не имѣю, да и дать не за что; лихо чернецу то, если разстричь его велятъ, а если только достричь, то ему вѣнецъ и радость. Сибирью и Соловками грозятъ, а я тому и радъ; это мнѣ жизнь».

Касательно же клеветы: будто бы вымарывалъ, на концѣ молитвъ, имя Св. Троицы, онъ старался объяснить невѣждамъ, что хотѣлъ только, дабы всѣ, по соборному преданію Св. Отецъ, вѣровали во Святую Троицу, и не смѣшивали, по ереси Савелліевой, трехъ лицъ Божества, Сына нарицая Отцемъ и Духомъ Святымъ. Посему въ тѣхъ молитвахъ, которыя относились къ лицу единаго Отца но оканчивались смѣшанно, и къ Сыну и къ Духу, онъ измѣнялъ неправильное ихъ окончаніе такимъ образомъ: «со единороднымъ твоимъ Сыномъ и животворящимъ твоимъ Духомъ». Въ нѣкоторыхъ письменныхъ и печатныхъ служебникахъ обрѣталось даже и то: «яко бы Богъ Отецъ воплотился съ Сыномъ», и такія ошибки введены были, по еретическому мудрованію или по невѣжеству справщиковъ. Но напрасно изчислялъ онъ, въ своихъ ясныхъ отвѣтахъ, всѣ погрѣшности неопытныхъ писцовъ и печатниковъ; никто не хотѣлъ внимать его оправданіямъ, ибо это было дѣло зависти и корысти людей, хотѣв-

шихъ, какъ сказано въ житіи Діонисія, поживиться отъ него.

Когда бывали торжественныя собранія или торговые дни, Митрополитъ приказывалъ до обѣдни приводить его къ себѣ на дворъ, въ оковахъ, и тутъ онъ стоялъ до вечерни, въ лѣтній зной, не освѣжаемый даже чашею студеной воды. Но преподобный все принималъ со смиреніемъ и утѣшалъ братію, страдавшую съ нимъ вмѣстѣ, говоря: «не скорбите и не безумствуйте; Господь все видитъ, мы же страждемъ за слово истины, и это еще не вѣчныя муки; все минетъ!» По всему городу распустили нелѣпую молву: будто бы явились такіе еретики, которые хотятъ огонь совсѣмъ вывести. Чего не выдумаетъ и чему не повѣритъ невѣжество народное!—И что же? ради сей безразсудной клеветы, чернь толпами выходила на улицу, когда на худой лошади везли святаго старца изъ обители или въ обитель, чтобы только надъ нимъ потѣшиться, и бросать въ него камнями и грязью; но онъ, какъ незлобивый младенецъ, ни на кого не скорбѣлъ. Когда нѣкоторые изъ сострадавшихъ ему говорили: «отче святый, что съ тобою за бѣда?» онъ, улыбаясь, отвѣчалъ: «это не бѣда, а только притча передъ бѣдою; милость Божія явилась надо мною великая, ибо господинъ мой и отецъ, пр. Іона Митрополитъ, свыше всѣхъ человѣкъ сотворилъ мнѣ добро; по дѣламъ моимъ онъ меня смиряетъ, да не буду гордъ предъ нимъ и предъ братіею; это искушеніе къ просвѣщенію

моей души. Всѣ бѣды и напасти въ вѣкѣ семъ не суть бѣды, а милость Божія; но вотъ бѣда: если быть вѣчно мучиму въ гееннѣ огненной». Цѣлый годъ великодушно переносилъ онъ такое озлобленіе и наконецъ правда его превозмогла. Когда возвратился изъ Польскаго плѣна родитель Царя, Филаретъ Никитичъ, и былъ возведенъ на степень Патріаршую, то прибывшій съ Востока Патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ, до котораго дошелъ слухъ о несправедливыхъ страданіяхъ Св. мужа, предложилъ разсмотрѣть соборно его дѣло. По многомъ испытаніи, на которомъ Діонисій давалъ ясные отвѣты предъ лицемъ своихъ обвинителей, онъ признанъ былъ не только не виновнымъ, но и правымъ, и съ честію возвращенъ въ свою лавру. Слово же «огнемъ» было уничтожено во всѣхъ требникахъ при Богоявленскомъ освященіи, по повелѣнію Патріарха, и для большей вѣрности, онъ испросилъ еще на то письменное мнѣніе Патріарха Александрійскаго. Но и въ уединеніи лавры, гдѣ труженикъ продолжалъ заниматься подвигами благочестія, много терпѣлъ онъ, ради своего смиренія, отъ суровыхъ и невѣжественныхъ уставщиковъ, Логина и Филарета, которые доходили до такого неистовства, что, во время богослуженія, вырывали изъ рукъ Архимандрита священныя книги, а Логинъ изломалъ даже настоятельскій жезлъ въ его рукахъ (*).

(*) Житіе пр. Діонисія, стр. 74.

Логинъ былъ однако издателемъ устава церковнаго, при Патріархѣ Гермогенѣ, и отъ того такъ превозносился своимъ знаніемъ; но Патріархъ Филаретъ велѣлъ повсюду отбирать и сожигать уставъ сей, по множеству его ошибокъ, объяснивъ въ окружномъ посланіи «что его печаталъ воръ, бражникъ, Сергіева монастыря чернецъ Логинъ, безъ благословенія святѣйшаго Гермогена и освященнаго Собора, и многія статьи напечаталъ въ немъ не по Апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ, но по своему своевольству» (*). Вотъ какими ревнителями начался и гордится расколъ! Житіе преподобнаго Діонисія, написанное двумя его учениками, со всею искренностію очевидцевъ, можетъ служить поучительнымъ обличеніемъ противъ слѣпой ревности коснѣющихъ въ расколѣ, и вмѣстѣ печальнымъ примѣромъ, какъ мало дѣйствуютъ на такихъ людей слово истины и даже мѣры исправленія!

(*) Исторія раскола пр. Игн. стр. 137.

*

V.

Продолженіе исправленія книжнаго при Патріархахъ.

Страданія преподобнаго Діонисія, за одно краткое слово, послужили однако на пользу Церкви. Патріархъ Филаретъ, изъ предыдущихъ опытовъ небреженія, съ какимъ печатались книги церковныя, при неправильныхъ рукописяхъ и при своеволіи такихъ людей, каковы были Логинъ и его товарищи, сдѣлался осторожнѣе въ изданіи книгъ, хотя, по недостатку хорошихъ списковъ и опытныхъ переводчиковъ, не могъ онъ достигнуть желаемаго совершенства. Достойно вниманія то обстоятельство, что если Патріархъ Филаретъ приказывалъ всюду отбирать и даже жечь неправильно напечатанные уставы, для того чтобы ихъ вывести изъ общаго употребленія, за что же обвинять Никона Патріарха въ излишней настойчивости, когда онъ слѣдовалъ тому же примѣру,

отбирая испорченныя книги и рукописи, ибо вѣроятно не было другаго средства прекратить злоупотребленіе? Никто кромѣ Никона, изъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ Патріарховъ, не занимался болѣе Филарета Никитича исправленіемъ и изданіемъ церковныхъ книгъ, потому что онъ чувствовалъ крайнюю въ нихъ необходимость. Онъ вызывалъ для сего къ царскому двору честныхъ и ученыхъ иноковъ, изъ древнихъ обителей и природныхъ Грековъ; назначены были и особыя лица для книжной справки. Но уже скопище державшихся мнимой старины такъ усилилось, что старанія благонамѣреннаго Патріарха остались тщетными и если не его священное имя, а Никоново, употребили раскольники, какъбы нѣкую печать отверженія, то это потому лишь, что Никонъ довершилъ начатое Филаретомъ и своеволіе ихъ въ то время не знало предѣловъ.

Замѣтивъ усилія Поляковъ (въ эпоху самозванцевъ) ввести исповѣданіе Римское въ отечество наше, Патріархъ почелъ нужнымъ издать такъ называемое соборное изложеніе, направленное противъ Римской Церкви. По необходимости оно должно было, какъ исповѣданіе вѣры, изъяснять нѣкоторые догматы и обряды своего времени; однако достойно вниманія, что въ этомъ изложеніи четвероконечный крестъ Латинскій называется крестомъ Господнимъ, а не крыжемъ или знаменіемъ Антихриста, какъ домогаются нынѣшніе ревни-

тели раскола, уничижить всякой иной крестъ, кромѣ осмиконечнаго. Касательно благословенія Римскихъ священниковъ упоминается въ изложеніи только: «что они странно благословляютъ пятью перстами», и о пѣсни аллилуіа сказано просто: «что ее поютъ у Римлянъ на Пасху», безъ всякаго замѣчанія о двукратномъ или троекратномъ пѣніи, хотя бы конечно слѣдовало о томъ упомянуть, если бы Патріархъ держался мнѣнія Стоглава (*).

Но вотъ рѣшительное его разногласіе съ Стоглавомъ касательно крестнаго знаменія: — такъ какъ въ то время, отъ суетныхъ толковъ, возникшихъ послѣ сего Собора, начинало уже распространяться въ предѣлахъ Московскихъ, двуперстное знаменіе, хотя еще и безъ сильнаго словопрѣнія, то Филаретъ Никитичъ напечаталъ въ первоначальномъ своемъ катихизисѣ, равно какъ и въ предисловіи къ грамматикѣ, настоятельно «чтобы крестились триперстно». Но въ послѣдующихъ изданіяхъ сего катихизиса, которыя печатались для раскольниковъ уже въ Польшѣ, триперстное измѣнено было на двуперстное. Около того же времени, въ православномъ исповѣданіи вѣры Митрополита Кіевскаго Петра Могилы, которое было соборно одобрено Патріархами Восточными, заповѣдано также: «слагать три перста для знаменія крестнаго», слѣдственно ни

(*) Исторія пр. Игнатія, стр. 155.

на сѣверѣ, ни на югѣ Россіи, не было сомнѣнія въ томъ, которое перстосложеніе было правильно.

При Патріархѣ Іоасафѣ, преемникѣ Филарета, книги церковныя печатались съ меньшимъ тщаніемъ, и даже частными лицами, какъ о томъ можно судить изъ предисловія къ требнику 1639 года: «аще что узрите въ сихъ книгахъ, нашимъ забвеніемъ или неразуміемъ неисправлено или погрѣшно, то простите насъ грѣшныхъ и не кляните» (*). Посему, мало по малу, начали опять вкрадываться своевольныя приложенія неразумныхъ справщиковъ печатнаго дѣла и любителей мнимой старины, которую не хотѣли они повѣрить съ настоящей стариной. Такимъ образомъ, хотя Стоглавъ ничего не сказалъ о томъ, какъ слѣдуетъ ходить въ церковномъ обрядѣ кругомъ налоя и церкви, по солнцу или противъ солнца, но уже слово *посолонь* начало встрѣчаться въ новыхъ книгахъ, и аллилуіа положено непремѣнно пѣть по дважды, и въ осмомъ членѣ символа вѣры, о Духѣ Святомъ, начали печатать оба слова *Господа* и *истиннаго*, вопреки запрещенію самаго Стоглава. Оставалось еще неприкосновеннымъ одно только крестное знаменіе тремя перстами, но и его измѣнили новые ревнители на двуперстное, въ десятилѣтнее слабое правленіе престарѣлаго Патріарха Іосифа, преемника Іоасафа, которое было самымъ благопріятнымъ для сѣятелей раскола (**).

(*) Полное изв. о раскол. Андрея Іоанн. стр. 53.

(**) Исторія раскола пр. Игнатія стр. 153.

Кто же были виновники сей новой и послѣдней порчи книги, къ которой можно отнести слово евангельское: «послѣдняя лесть горше первой» (Матѳ. XX, 64.), потому что на основаніи сихъ нововведеній окончательно утвердился расколъ? — Справщики, собранные Патріархомъ Іосифомъ, по его склонности къ бѣлому духовенству, не изъ иноковъ (какъ при мудромъ Патріархѣ Филаретѣ), которые могли почерпнуть истину въ древнихъ рукописяхъ монастырскихъ, но изъ городскаго духовенства, уже зараженнаго суетными толками суевѣровъ. Тутъ былъ Аввакумъ, протопопъ Казанскаго собора, который зналъ еще Никона простымъ монахомъ и не могъ простить ему нечаяннаго величія, и придворный протопопъ Стефанъ, духовникъ царскій, и ключарь соборный Іоаннъ и Діаконъ Успенскій Ѳеодоръ и Григорій Нероновъ; изъ иногородныхъ же Лазарь священникъ изъ Романова, Никита изъ Суздаля, прозванный въ послѣдствіи Пустосвятомъ, Логинъ протопопъ изъ Мурома и Даніилъ изъ Костромы. Всѣ они сдѣлались главами раскола, когда разогналъ ихъ ненавистный имъ Никонъ Патріархъ, убѣдившись въ ихъ неправдѣ, потому что въ началѣ, пользуясь его неопытностію, они даже при немъ издали свою кормчую, которую начали печатать при Патріархѣ Іосифѣ.

Начальникомъ типографіи былъ Князь Львовъ, дворецкій бояринъ, подъ покровительствомъ коего

могли свободно дѣйствовать сѣятели раскола, потому что онъ раздѣлялъ ихъ образъ мыслей; они же въ свою очередь овладѣли довѣренностію Патріарха Іосифа, который во всемъ на нихъ полагался. Вотъ плоды ихъ суемудрія, по свидѣтельству Тобольскаго Митрополита Игнатія: «кромѣ прежнихъ погрѣшностей, они вставили ложное ученіе о двуперстномъ сложеніи, сперва въ книгу Кирилла Іерусалимскаго, потомъ въ учебную псалтирь и слѣдованную, дабы ввести въ общее употребленіе; — даже къ словамъ историка Өеодорита, на котораго ссылались, о крестномъ знаменіи трехъ перстовъ, они прибавили: «сирѣчь великій перстъ и два послѣдніе». Годъ спустя помѣстили они это сказаніе въ книгѣ о вѣрѣ, изданной противъ Уніи, и наконецъ, дѣлаясь все болѣе и болѣе дерзкими, измѣнили и въ самомъ катихизисѣ Патріарха Филарета триперстное знаменіе на двуперстное, и распространили свое ученіе по всей Россіи въ числѣ 6000 экземпляровъ, такъ что едва не всѣ новые читатели имъ заразились. Оставались при прежнемъ триперстномъ знаменіи, только простолюдины, не умѣвшіе читать, и, какъ говоритъ Митрополитъ Игнатій: «едино точію зѣло престарѣлые люди ученія того не пріяша» (*).

Съ тѣхъ поръ книги, изданныя при Патріархѣ Іосифѣ, сдѣлались зерцаломъ мнимаго старообряд-

(*) Исторія Игнатія, стр. 154.

ства и уже казались старыми въ сравненіи вновь изданныхъ Патріархомъ Никономъ, для исправленія ихъ погрѣшностей по древнимъ подлинникамъ Славянскимъ и Греческимъ. Однако, если бы ревнители раскола хотѣли быть искренни, они бы должны заглянуть въ предисловіе кормчей, начатой при Іосифѣ, и увидѣли бы какъ выражается онъ о книгахъ своего времени: «обрящешь ли гдѣ либо право писанную безъ всякаго порока въ церквахъ святую книгу? Обрящешь ли чинъ и послѣдованіе по узаконенному правилу Св. Отецъ? По чину ли бывающее въ церкви? Знаю, что не удобно можешь обрѣсти, не только въ соборной церкви, но даже въ епископіи или въ обителяхъ. Вотъ до какихъ, достойныхъ плача, временъ мы достигли» (*). И посреди такого плачевнаго времени, безъ соборнаго совѣщанія, безъ сличенія съ Греческими подлинниками, съ одними невѣжественными справщиками, думалъ Патріархъ Іосифъ исправить злоупотребленія, накопившіяся въ теченіи полутораста лѣтъ! — Одна сильная рука Никона могла это исправить.

(*) Полное извѣс. о расколѣ Андрея Іоаннова, стр. 60.

VI.

Никонъ Патріархъ; соборное исправленіе книгъ.

Каковъ же былъ этотъ мужъ, которому суждено было свыше довершить начатое его предшественниками, и не только не оконченное въ теченіи ста лѣтъ, но даже искаженное, въ послѣднее время исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ?—Замѣчательный геній своего вѣка и вмѣстѣ великій подвижникъ, самъ себя образовавшій, безъ содѣйствій человѣческихъ, при пособіи благодати Божіей, ради своей неукоризненной жизни, и прошедшій свято всѣ степени церковныя, доколѣ уже съ полнымъ опытомъ достигъ высочайшей. Таковъ былъ Никонъ, свѣтило своего времени, прямой во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отъ того непреклонный иногда до суровости, которая отчасти была необходимою въ то суровое время, когда онъ жилъ. Съ другимъ харак-

теромъ и съ меньшею твердостію можетъ быть не достигъ бы онъ благонамѣренной цѣли, до которой не могъ достигнуть даже самъ великій Патріархъ Филаретъ Никитичъ, съ его доблестями пастырскими и гражданскими, участвовавшій въ управленіи царствомъ при державѣ сына своего; а Никонъ, хотя и Патріархъ, былъ только другъ Царевъ.

Чего не испыталъ онъ въ долгое семидесятипяти лѣтнее свое поприще, которое совмѣщаетъ въ себѣ, можно сказать, все время патріаршества Россійскаго, потому что онъ родился при Іовѣ, а скончался при Іоакимѣ, когда Адріанъ, послѣдній Патріархъ, былъ уже Митрополитомъ Казанскимъ и готовился заступить его мѣсто. Простой поселянинъ по рожденію, потомъ сельскій священникъ и слѣдственно познавшій семейную жизнь во всѣхъ ея скорбяхъ и заботахъ; потомъ строгій отшельникъ Соловецкой обители, въ самомъ пустынномъ ея скиту, подъ началомъ великаго старца, ибо съ юныхъ лѣтъ душа его влекла въ уединеніе и брачныя узы связали его только по волѣ родителей; потомъ, по нечаянному случаю, Архимандритъ обители Новоспасской, пріобрѣтшій довѣренность Царя, которому сдѣлался необходимымъ совѣтникомъ; далѣе, Митрополитъ первостепенной каѳедры Новогородской, гдѣ оказалъ не только пастырскую свою заботу о благочиніи церковномъ, подавая во всемъ примѣръ паствѣ, но и доблести гражданскія, съ опа-

сностію жизни усмиривъ народный мятежъ; наконецъ, противъ воли, Патріархъ Всероссійскій, умоленный слезными прошеніями любящаго его Царя и всего Собора.

Предчувствовалъ Никонъ, какое бремя долженствовало пасть на мощныя рамена его, когда отрекался отъ высшаго сана. Митрополитомъ будучи онъ уже видѣлъ, противъ какихъ безпорядковъ ему надлежало бороться и какая непріязнь ему угрожала, отъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, хотя онъ и не касался еще главнаго вопроса исправленія книжнаго, который болѣе возбудилъ ее, по проискамъ довѣренныхъ лицъ бывшаго Патріарха Іосифа. Въ началѣ Никонъ давалъ имъ свободу дѣйствовать, при изданіи кормчей книги, и самъ даже крестился, по невѣдѣнію, двуперстнымъ знаменіемъ, которое уже распространилось по нѣкоторымъ мѣстамъ, доколѣ не узналъ онъ истины изъ древнихъ книгъ и живаго свидѣтельства Востока. Между тѣмъ, въ рукописномъ житіи старца Корнилія, писанномъ однимъ изъ вождей раскола, сказано: «что когда Никонъ былъ еще Митрополитомъ Новогородскимъ, нѣкто замѣтилъ Корнилію, что Владыка ихъ противникъ, потому что по новому благословляетъ народъ, а не какъ прежніе Святители, и что даже тѣло его предмѣстника, Митрополита Аѳонія, 14-ть недѣль стояло непогребеннымъ, отъ того будто что при послѣднемъ издыханіи не благословилъ онъ погребать себя Митрополиту Никону, какъ восхи-

тившему силою его престолъ». Таковы клеветы возстающихъ не только на Никона, но и на всю Церковь, и въ доказательство, какого они духа держатся, приведу изъ того же житія примѣръ буйства самаго Корнилія, которое однако восхваляется тамъ, какъ благочестивый подвигъ. Когда въ Ниловой пустынѣ, куда онъ укрылся, будто отъ гоненія Никонова, и служилъ тамъ въ качествѣ пономаря, священникъ началъ совершать проскомидію на пяти просфорахъ съ четвероконечнымъ крестомъ, то Корнилій сперва обличалъ его, но безуспѣшно; потомъ же возревновавъ (яко бы по истинѣ), ударилъ кадиломъ съ углемъ разженнымъ священника по головѣ, такъ тяжко «яко и кадилу разбитися». Вотъ каковы были подвижники и какими оружіями сражались они во святынѣ алтаря, за мнимую истину! Были ли какія человѣческія средства убѣдить такого рода слѣпыхъ ревнителей, которые въ свою очередь сдѣлались вождями иныхъ слѣпцовъ, и вмѣстѣ съ ними впали въ яму, по слову евангельскому?

Обратимъ вниманіе на то, что побудило въ началѣ Патріарха Никона изслѣдовать истину, какъ это изображено въ его служебникѣ, и можно ли было приступить, какимъ либо инымъ болѣе правильнымъ образомъ, къ благому дѣлу исправленія книжнаго! Не по своему лишь совѣту началъ онъ дѣйствовать, но соборно и даже съ помощію Восточныхъ Патріарховъ, потому что опытно уразумѣлъ всю важность сего дѣла, не

частнаго но общаго. Есть однако нѣкоторые люди, которые по невѣдѣнію и доселѣ говорятъ, хотя сами не принадлежатъ къ числу отступниковъ православія: «для чего было Никону исправлять книги? — не все ли равно было оставить въ нихъ, напримѣръ, пасхальную пѣснь: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи» или: «смертію смерть поправъ» и тому подобное?»—Дѣйствительно не стоило бы начинать столь великій трудъ, для такого рода однозначущихъ измѣненій. Но они конечно отказались бы отъ своего мнѣнія, если бы постоянно слѣдили за ходомъ исправленія книжнаго, начиная отъ Максима Грека, который нашелъ въ книгахъ церковныхъ нашихъ, что «Богъ Отецъ *воплотился* вмѣстѣ съ Сыномъ, и Сынъ единородный называется *собезматерним*ъ Отцу, вмѣсто *собезначальнаго*, и созданнымъ», и другія столь же грубыя ошибки; онѣ всѣ помѣщены въ словѣ Максима Грека, напечатанномъ въ предисловіи грамматики, по приказанію самаго Патріарха Іосифа. Если преподобный Діонисій нашелъ въ требникѣ, въ самой необходимой книгѣ церковной, до сорока трехъ грубыхъ ошибокъ, и Патріархъ Филаретъ принужденъ былъ сжечь уставъ, напечатанный уставщикомъ Троицкой лавры Логиномъ, то что оставалось дѣлать Никону, когда опять всѣ ошибки Стоглава, хотя и отринутыя Митрополитомъ Макаріемъ, введены были при Патріархѣ Іосифѣ уже во всеобщій катихизисъ,

вмѣстѣ съ запрещеннымъ приложеніемъ къ символу вѣры и съ страшными клятвами противъ троеперстнаго знаменія и четвероконечнаго креста, какъ печати антихристовой?

Любопытно въ высшей степени и умилительно, какимъ образомъ Никонъ Патріархъ, ревнитель древняго благочестія и врагъ всякой новизны, подвигся къ исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ, будучи, какъ мы видѣли, въ началѣ самъ увлеченъ преданіями мнимой старины, но безъ ослѣпленія. Это подробно описано въ напечатанномъ имъ служебникѣ, къ назиданію вѣрныхъ. Едва только, умоленный благочестивымъ Царемъ и Соборомъ, вступилъ въ управленіе Церкви Россійской, не обратилъ онъ вниманія на богатства Патріаршескаго имущества, но, какъ подобаетъ Епископу, по слову Апостольскому, быть строителемъ таинъ Божіихъ, дабы утѣшать здравымъ ученіемъ вѣрныхъ и обличать противниковъ, прежде всего озаботился онъ о исправленіи сего пастырскаго долга. Многіе дни посвятивъ тщательному разбору Патріаршаго книгохранилища, обрѣлъ онъ въ немъ Греческую грамоту, за подписью Вселенскаго Патріарха, о поставленіи Іова, и другую всего Собора Цареградскаго, въ подтвержденіе сего дѣйствія. Тамъ написано было: что пятый Патріархъ Московскій, сопрестольный и равночестный Восточнымъ, есть восполненіе пятаго чувства Восточной Каѳолической Церкви, и поелику Православная Церковь пріяла совершен-

ство догматовъ, то по священному ея уставу, праведно ограждать ее отъ всякой новизны, ибо новизны сіи бываютъ виною церковныхъ смятеній, а должно слѣдовать правиламъ святыхъ Отецъ, безъ всякихъ измѣненій или приложеній. Сего ради, какъ озаренные съ ними единымъ духомъ, все, что они предаютъ анаѳемѣ и мы отлучаемъ и запрещаемъ, дабы великая православная Россія во всемъ была согласна съ Вселенскими Патріархами» (*).

Устрашился Никонъ, прочитавъ сіи грамоты при той мысли: не отступлено ли въ чемъ либо отъ православнаго ученія Восточной Церкви?— Прежде всего, обративъ вниманіе на самое главное, символъ вѣры, онъ увидѣлъ на облаченіи святительскомъ, которое принесъ за 240 лѣтъ предъ тѣмъ изъ Царьграда, Митрополитъ Фотій, символъ вѣры, шитый письменами Греческими (облаченіе хранится доселѣ въ ризницѣ Патріаршей), и сличивъ оный съ напечатаннымъ въ новыхъ книгахъ, нашелъ несогласіе; разсмотрѣлъ онъ и святую литургію въ тѣхъ книгахъ и нашелъ въ ней многія измѣненія и прибавленія противъ старыхъ списковъ; посему просилъ благочестивѣйшаго Государя, дабы, на основаніи соборныхъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ, созванъ былъ Соборъ для совѣщанія и разрѣшенія недоумѣній, по предмету многихъ вопросовъ церковныхъ.

(*) Ист. пр. Игн.-Скрижаль Никона Патр.

Въ 1654 году соединился, въ царскихъ палатахъ, Соборъ почти всѣхъ Архіереевъ Русскаго государства, подъ предсѣдательствомъ самого Царя и Патріарха. Тутъ было пять Митрополитовъ: Новгорода, Казани, Ростова, Крутицъ и Сербіи, четыре Архіепископа: Вологды, Суздаля, Рязани, Пскова, и одинъ Епископъ Павелъ Коломенскій, о которомъ можно сказать то, что при исчисленіи собора Апостоловъ сказано въ Евангеліи о 12-мъ ученикѣ Христовомъ (Марк. III, 19) «иже и предаде его». (Мар. XII, 19); ибо сей Павелъ вмѣстѣ съ другими дважды подписавшійся подъ опредѣленіями соборными, одинъ только изъ всѣхъ Архіереевъ возсталъ противъ нихъ, и будучи за то отрѣшенъ Патріархомъ Никономъ, приложился къ расколу. Напомнивъ Собору, какъ подобаетъ во всемъ повиноваться уставамъ Вселенскимъ Св. Отецъ, и ограждать Церковь отъ всякой новизны, могущей ее возмутить, Патріархъ предложилъ ясный и рѣшительный вопросъ: «чему должно слѣдовать?—новымъ ли Московскимъ печатнымъ книгамъ, въ которыхъ много обрѣтено несходства, отъ неискусныхъ переводчиковъ и переписчиковъ, съ древними Греческими и Славянскими, и даже явно сказать погрѣшностей, или симъ древнимъ Греческимъ и Славянскимъ, которыя равно показываютъ единый уставъ и порядокъ? Ихъ же употребляли святые Божіи человѣки, богословы и учители великіе, Аѳанасій и Василій, Григорій, Златоустъ и наши

Московскіе Святители Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, и прочіе святые съ ними угодили Богу и намъ ихъ оставили на пользу непогрѣшительными, повелѣвъ блюсти ихъ невредимо» (*).

На сей ясный вопросъ Патріаршій Государь и весь Соборъ, отвѣчали единодушно: «достойно исправить противъ древнихъ харатейныхъ и Греческихъ, и мы такъ же утверждаемъ, какъ Греческія и наши старыя книги и уставъ утверждаютъ». По сему опредѣленію соборному, Самодержецъ и Никонъ Патріархъ повелѣли древнія святыя книги съ Греческаго на Славянскій языкъ, лѣтъ за 300 и болѣе переведенныя и на хартіи писанныя, собрать въ царствующій градъ Москву, и вслѣдъ за тѣмъ собраны были отовсюду самыя старыя книги изъ древнихъ Россійскихъ книгохранилищь, изъ обителей великаго Новгорода, изъ Сергіевой лавры, изъ Волоколамскаго монастыря и другихъ. Но Христолюбивый Царь и Патріархъ благоразумно разсудили, дабы не одна ихъ дѣйствовала воля, но и совѣтъ Вселенскихъ Патріарховъ, за одно съ ними, для исправленія церковныхъ книгъ, и послали о томъ, съ вопросными грамотами, благочестиваго Грека Мануила въ Царьградъ. Святѣйшій Патріархъ Константинополя не замедлилъ, по ихъ желанію, созвать Соборъ и отвѣчалъ по статьямъ на всѣ вопросы, повелѣвая во всемъ слѣдовать

(*) Исторія раскола пр. Игнатія 174. Скрижаль Никонова.

*

древнимъ учителямъ православной Церкви и писаніямъ, находящимся въ древнихъ книгахъ Греческихъ и Славянскихъ.

Вселенскій Патріархъ писалъ между прочимъ, что до его слуха дошло, о несогласіи нѣкоторыхъ обрядовъ церковныхъ въ Россіи съ уставами Восточной Церкви, и удивлялся, почему не было наипаче спрошено о приложеніи, сдѣланномъ у насъ къ символу вѣры Св. отецъ Никейскаго Собора, и о другихъ предметахъ церковныхъ?—Посему, движимый любовію и желаніемъ, дабы всѣ составляли единое тѣло Церкви, онъ умолялъ все сіе исправить, дабы еретики не могли обличить обѣ Церкви, Греческую и Россійскую, въ какомъ либо разногласіи между собою. Патріархъ озаботился прислать и символъ вѣры на Греческомъ языкѣ. Получивъ такой отзывъ изъ Царьграда, еще болѣе подвиглись Царь и Патріархъ къ исполненію своего благочестиваго намѣренія и, полагая недостаточными для совершеннаго исправленія, древнія книги Славянскія, обрѣтающіяся въ Россіи, они послали Богоявленскаго настоятеля старца Арсенія Суханова, со многою милостынею на Аѳонскую гору и въ иныя старожитныя мѣста Востока, къ содержащимъ непремѣнно уставы Греческаго закона, дабы тамъ пріобрѣсти древнія харатейныя книги.

Арсеній Сухановъ совершилъ уже одно путешествіе на Востокъ, куда былъ посланъ еще при Патріархѣ Іосифѣ, для сличенія нашихъ обрядовъ

съ Греческими. Онъ нашелъ нѣкоторые безпорядки церковные отъ тяжести ига Турецкаго, ибо въ его бытность и Патріархъ Вселенскій Іоанникій былъ умерщвленъ, по приказанію Порты, и не отличивъ, какъ подобало, внутренняго отъ внѣшняго, довольно неосторожно описалъ то, что его наиболѣе поразило;—посему книга его, Проскинитарій, вмѣсто пользы, принесла вредъ. Ею воспользовались противники исправленія книжнаго, чтобы въ одно время съ матерію своею, Церковію Россійскою, осудить и Греческую, какъ бы совсѣмъ ослабѣвшую подъ бременемъ ига; по своему обычаю они начали прибавлять къ его Проскинитарію вымышленныя ими статьи, какъ напримѣръ, продолжительную бесѣду Арсенія съ Патріархомъ Вселенскимъ, о крестномъ знаменіи, хотя изъ книги его явствуетъ, что онъ даже не могъ видѣть Патріарха. Просвѣщенная ревность, съ какою содѣйствовали православные Патріархи Никону, въ дѣлѣ исправленія книжнаго, и неисчерпаемое богатство источниковъ письменныхъ, коими они насъ одарили, свидѣтельствуютъ противъ клеветы раскольниковъ. Арсеній привезъ съ собою, изъ обителей Аѳонскихъ, до 300 древнихъ писанныхъ книгъ: изъ нихъ одному евангелію было уже 1040 лѣтъ, слѣдственно оно писано въ 516 году; другому евангелію 640 лѣтъ; псалтирю и служебнику, писаннымъ при Императорѣ Алексіѣ Комнинѣ, 600 лѣтъ, и такой же древности были иныя богослужебныя книги и

отеческія писанія, восходившія до 800 лѣтъ. Сверхъ того Патріархъ Іерусалимскій прислалъ евангеліе, писанное за 600 лѣтъ, и прочіе Святители, Греческіе и Сербскіе, старались, каждый съ своей стороны, прислать древнѣйшія рукописи, числомъ до 200 (*).

Разсмотрѣвъ тщательно всѣ сіи книги, вмѣстѣ съ Патріархомъ, благочестивый Государь велѣлъ соединиться Собору въ 1655 году, на которомъ присутствовали Патріархи, Антіохійскій Макарій и Сербскій Гавріилъ; одинъ какъ представитель Сирійской православной Церкви, другой же всѣхъ Славянъ, съ нѣсколькими Митрополитами Греческими и всѣми Архіереями Русскими; такимъ образомъ собраніе было совершенно полное и достойное своего высокаго назначенія. Прочтено было соборное посланіе Вселенскаго Паисія, и, по сличенію всѣхъ книгъ, найдены были древнія Греческія во всемъ сходными съ ветхими Славянскими, въ новыхъ же печатныхъ Московскихъ, многія съ ними несогласія; посему положено было, на основаніи соборныхъ правилъ, избравъ все истинное изъ древнихъ Русскихъ и Славянскихъ книгъ, напечатать служебникъ, согласуя его во всемъ съ древнѣйшими списками. Не только одну сію книгу положили исправить, но и всѣ прочія богослужебныя книги, въ коихъ много обрѣталось ошибокъ, дабы каждый православ-

(*) Ист. раск. Пр. Игн. 197. Увѣтъ дух. Патр. Іоакима.

ный Россіянинъ пребывалъ въ совершенномъ согласіи съ Греческими православными законами, здѣсь въ многолѣтномъ благополучіи и въ будущемъ вѣкѣ въ безконечной радости.

Не довольствуясь однимъ служебникомъ, въ которомъ изложено было: какъ совершать правильно всѣ обряды церковные, ревностный Патріархъ желалъ, чтобы всѣ православные, не только одни священнослужители, хорошо ихъ разумѣли, и для сего издалъ вслѣдъ за служебникомъ книгу, называемую Новая Скрижаль, переведенную съ Греческаго, въ коей собраны были таинственныя значенія церковныхъ вещей и самой литургіи. Онъ присоединилъ къ тому и соборные отвѣты Патріарха Константинопольскаго на 27 вопросовъ Московскаго Собора, о различныхъ предметахъ, сдѣлавшихся виною недоумѣнія. Въ сихъ отвѣтахъ, 8-мъ и 9-мъ, Патріархъ Вселенскій прямо пишетъ о Епископѣ Павлѣ Коломенскомъ и протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ, не согласующихся съ прочими Святителями Россійскими, по причинѣ будто бы разности въ книгахъ и молитвахъ: «что все сіе есть знаменіе ереси и раздора, и что кто такъ мыслитъ тотъ чуждъ православныя вѣры; посему или да примутъ то, что содержитъ православная Церковь, или, если пребудутъ непреклонными, послѣ перваго и втораго увѣщанія, да извергнутся изъ стада Христова, да не питаютъ овецъ своихъ смертною пажитью; въ этомъ будете имѣть и наше соборное согласіе,

поелику они, думая исправить священныя молитвы нашей божественной литургіи, которыя находятъ скудными, сами вносятъ въ нихъ свои плевела, подобно Аріанамъ, исказившимъ символъ вѣры».

Слѣдственно Никонъ Патріархъ, не одною своею властію, какъ его въ послѣдствіи въ томъ обвиняли, но опредѣленіемъ Константинопольскаго Патріарха и всего Собора, лишилъ епископства начальника раскола Павла Коломенскаго, дабы не соблазнялъ другихъ лжеученіемъ. Ясно было сказано въ отвѣтахъ Патріаршихъ, на 24 и 25 вопросы, о крестномъ знаменіи, и даже изображено какъ должно слагать три первыхъ перста, большій и два среднихъ, дабы осѣнять себя крестомъ во славу Святыя Троицы, и какъ подобаетъ іерею складывать персты для благословенія, дабы изъ ихъ различнаго согбенія происходило подобіе заглавныхъ буквъ имени Господа, Іс. Хс., въ коемъ обѣщано было благословеніе всѣмъ племенамъ земнымъ. Отвѣты сіи подписаны были, кромѣ Патріарха Паисія, 28-ю Митрополитами и Архіепископами и 11-ю первыми чинами великой Церкви. Для бо̀льшаго удостовѣренія Никонъ Патріархъ приложилъ еще отвѣтъ по тому же вопросу, лично ему сдѣланный Патріархами Антіохійскимъ и Сербскимъ и Митрополитами Никеи и Молдавіи: «что съ начала вѣры, отъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ Отецъ и седьми Соборовъ, творится знаменіе креста тремя

первыми перстами; противящіеся же сему древнему обычаю Восточной Церкви отлучены отъ нея какъ еретики».

Не насильственно, но съ разсужденіемъ, хотѣлъ возстановить Никонъ Патріархъ древнее знаменіе, употребляемое на Востокѣ, и у насъ искаженное нововведеніями Стоглава и наипаче при Патріархѣ Іосифѣ. Для сего, къ опредѣленію соборному всего Востока, приложилъ еще нѣкоторыя о томъ свидѣтельства Греческихъ писателей, какъ то иподіакона Дамаскина, изъ его слова на крестную недѣлю, и слово Максима Грека о неприкосновенности символа. Тутъ же помѣстилъ онъ соборное дѣяніе, бывшее въ Царьградѣ, для утвержденія у насъ патріаршества, гдѣ было такъ же опредѣлительно сказано о твердости символа и догматовъ вѣры, и соборное дѣяніе, бывшее въ Москвѣ для церковнаго исправленія, и вмѣстѣ пространные отвѣты Аѳанасія Великаго о божественныхъ писаніяхъ, и Гавріила Митрополита Филадельфійскаго о святыхъ тайнахъ. Такую заботу имѣлъ Никонъ о просвѣщеніи духовномъ своей паствы, которую старался вразумить словомъ и примѣромъ, не навязывая ей какую либо новизну, но древними Отцами объясняя древнее ученіе вѣры, дабы разумѣли то, чему должно вѣровать, и не увлекались слѣпо совратителями расколовъ: его Новая Скрижаль есть лучшее тому свидѣтельство. На концѣ оной, ревнитель православія, не только отеческаго но и

вселенскаго, не усомнился обличить прежнюю собственную свою погрѣшность о крестномъ знаменіи.

«Зазирали иногда моему смиренію, пишетъ онъ, мнѣ Никону Патріарху, приходящіе къ намъ въ царствующій градъ Москву, своихъ ради потребъ, святыя Восточныя Церкви Святители: Вселенскій Патріархъ Аѳанасій (почіющій нетлѣнно въ Лубнахъ) и Паисій святаго Іерусалима и Гавріилъ святаго Назарета и прочіе, и осуждали меня много за неисправленіе божественнаго писанія и за другія церковныя вины, изъ коихъ одна, что мы неправильно изображаемъ крестное знаменіе двумя перстами, на основаніи будто бы Ѳеодоритова писанія, по невѣдѣнію внесеннаго въ печатныя наши книги, а не повелѣніемъ какого либо Царя и Патріарха, по соборному сужденію Архіереевъ; ибо всѣ крестились тремя перстами, во образъ Святыя Троицы, какъ и донынѣ еще видно у многихъ, особенно простыхъ людей, не вѣдавшихъ Ѳеодоритова писанія и держащихся стараго обычая. И мы, Никонъ Патріархъ, не только ища пользы себѣ, но и прочимъ, по Апостолу, дабы имъ спастись, возбужденные такимъ обличеніемъ, разсмотрѣвъ, по примѣру святительствовавшихъ прежде насъ на семъ престолѣ, что многое и нынѣ не согласно съ древнимъ въ словесахъ божественнаго писанія и въ церковномъ чинѣ, по совѣту и нынѣ великихъ пастырей, ничѣмъ инымъ не разсудили взойти во дворъ овчій,

искусить лестные духи и познать истину, какъ только дверьми божественнаго писанія, а не сами собою».

Вотъ какимъ смиреннымъ путемъ шелъ Никонъ, искренно говоря самъ о себѣ, ради чистоты своихъ намѣреній. И въ самой Скрижали Никона, умѣли исказить раскольники слово о крестѣ Дамаскина, говоря, будто бы онъ запрещаетъ носить на себѣ крестъ, отъ того что, объясняя слова Господни: «иже хощетъ по мнѣ идти, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой» (Марк. VIII, 35), пишетъ: «что Господь не повелѣваетъ каждому сдѣлать себѣ деревянный крестъ и носить на раменахъ, ибо не въ томъ состоитъ добродѣтель, но имѣть всегда предъ собою смерть свою, подобно ему, и прочее».—Изложивъ далѣе какимъ образомъ посылалъ онъ на Востокъ за древними книгами, для исправленія новыхъ, и что̀ отвѣчалъ ему Вселенскій Патріархъ на вопросъ о крестномъ знаменіи, Никонъ присовокупилъ и сей замѣчательный отвѣтъ Макарія, Патріарха Антіохійскаго, данный ему въ церкви монастыря Чудова, когда совершали они вмѣстѣ память Святителя Алексія, и Мелетія Патріарха Антіохійскаго: «какъ разумѣть сказанное о немъ въ прологѣ, что когда показалъ сперва три перста—не было знаменія; когда же сложилъ два и пригнулъ къ нимъ одинъ, тогда какъ бы огнь изшелъ изъ его руки?»

«Мужи всего православія, слышите: я преемникъ и наслѣдникъ престола сего святаго Мелетія,

вѣрно извѣщаю, что онъ сперва показалъ три первые перста раздѣльно одинъ отъ другаго, отъ коихъ и не было знаменія; потомъ, опять соединивъ ихъ, показалъ знаменіе, и кто иначе изображаетъ на себѣ крестъ, тотъ подражатель еретиковъ!» Тоже самое, въ недѣлю православія, повторили опять, предъ всѣмъ народомъ, Макарій Патріархъ и съ нимъ Сербскій Гавріилъ и два Митрополита Никеи и Молдавіи; они, вмѣстѣ со всѣми Архіереями Русскими, одобрили къ напечатанію книгу Новую Скрижаль, находя ее совсѣмъ безпорочною и согласною съ Греческимъ подлинникомъ и обличали всѣ нововведенія печатныхъ новыхъ книгъ. Посему и засвидѣтельствовалъ ее Никонъ Патріархъ своею подписью, соборно со всѣми Архіереями Русской державы, слѣдуя во всемъ правиламъ Святыхъ Отецъ, Вселенскихъ Соборовъ, и согласію четырехъ Восточныхъ Патріарховъ, пріемля то, что они пріемлютъ и отлучая то, что они отлучаютъ.

Исправленіе служебника и напечатаніе его, а равно и скрижали поручены были самымъ образованнымъ инокамъ того времени: знаменитому Епифанію Славенецкому, вызванному изъ Кіева еще при Патріархѣ Іосифѣ, любознательнымъ бояриномъ Ртищевымъ, для перевода нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ на его иждивеніи. Вмѣстѣ съ другими выходцами обителей Малороссійскихъ, составили они ученое братство въ пустынѣ Преображенской подъ Москвою, и обличали еще до

Никона Патріарха грубыя погрѣшности напечатанныя у насъ въ Библіи. Къ нему въ помощь вызваны были, также изъ Кіева, царскими грамотами, іеромонахи Арсеній и Дамаскинъ, и изъ обители Соловецкой Іаковъ, прозванный философомъ, и Арсеній Грекъ, пришедшій въ Россію съ Патріархомъ Іерусалимскимъ Паисіемъ и основавшій въ Москвѣ первое училище духовное. Они исправили не одинъ служебникъ, но пожелали, какъ сказано въ его предисловіи, исправить и прочія святыя книги во всемъ согласно съ древними Славянскими, въ коихъ не обрѣтается ни одной погрѣшности, тогда какъ ихъ много въ новыхъ, отъ невниманія переписчиковъ. Это исправленіе тріоди, минеи, требника и иныхъ книгъ, продолжалось уже послѣ удаленія Никона, хотя еще во время его патріаршества, и основаніемъ исправленія служили, по свидѣтельству Увѣта духовнаго, писаннаго въ послѣдствіи Патріархомъ Іоакимомъ въ обличеніе мнимыхъ старообрядцевъ, древнѣйшія книги рукописныя, бывшія въ употребленіи многихъ изъ Святыхъ нашихъ. Въ числѣ оныхъ, двадцать-три самыя замѣчательныя по древности, суть слѣдующія: Греческая тріодь, принесенная Митрополитомъ Фотіемъ, вмѣстѣ съ старымъ служебникомъ Греческимъ; Русскій служебникъ Св. Евѳимія Новогородскаго Чудотворца, за 340 лѣтъ предъ тѣмъ писанный, и его же уставъ, положенный имъ въ Хутынѣ Монастырѣ; служебникъ, по которому

служили преподобные, въ Новгородѣ, Антоній Римлянинъ и Варлаамъ Хутынскій, Святители Митрополитъ Кипріанъ и первый Патріархъ Іовъ, и служебникъ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго; требникъ и чети-минеи Митрополита Макарія, предсѣдателя Стоглава; требникъ Греческаго Императора Іоанна Кантакузина, 1340 года, и еще требникъ, принесенный съ горы Аѳонской вмѣстѣ съ уставомъ; номоканоны Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, два древнихъ харатейныхъ часослова, хранившіеся въ Успенскомъ соборѣ, изъ коихъ одинъ писанъ при Митрополитѣ Фотіѣ, псалтирь келейная чудотворца Зосимы Соловецкаго, книга Григорія Богослова, писанная за 500 лѣтъ при Святителѣ Іоаннѣ Новогородскомъ; древняя книга Іоанна Дамаскина, Болгарскаго перевода; книга о вѣрѣ святаго Григорія Селунскаго, бывшая келейною Митрополита Макарія, и книга Зиновія монаха ученика Максима Грека.

Такимъ образомъ, по замѣчанію преосвященнаго Игнатія Воронежскаго, со всею точностію исполнялось надъ церковными книгами то, чего всѣ онѣ сами требовали въ своихъ предисловіяхъ до Никона Патріарха, т. е. лучшее ихъ исправленіе, и что постановилъ, но не исполнилъ Стоглавный Соборъ, т. е. чтобы исправленіе было соборное; и оно дѣйствительно было на сей разъ, вмѣстѣ соборное и правительственное. И такъ какъ основаніемъ сего исправленія служили многія книги Святителей и Чудотворцевъ нашихъ, то можно

напомнить здѣсь закоснѣлымъ ревнителямъ мнимой старины, увѣщательное слово Апостольское: «дабы они, имѣя толикій облежащь ихъ облакъ свидѣтелей, отложили всякую гордость и удобьобстоятельный грѣхъ, взирая на начальника вѣры и совершителя Іисуса» (Евр. XII, 1).

VII.

Удаленіе Никона Патріарха. Соборъ 1667 года.

Послѣ церковнаго исправленія книгъ, Никонъ Патріархъ приступилъ къ исполненію внушенія Цареградскаго Собора, и первымъ его дѣломъ было удаленіе виновниковъ раскола, возмущавшихъ народъ съ такою наглостію, что діаконъ Ѳеодоръ явно оправдывалъ ошибки суевѣровъ и даже въ лице поносилъ Никона и Восточныхъ Патріарховъ. Мѣры впрочемъ не были приняты слишкомъ строгія, и самъ протопопъ Аввакумъ сознавался въ послѣдствіи, «что Никоніане затворили его въ темницѣ пуще нежели отецъ ихъ Никонъ»,

хотя и распускалъ клеветы на Патріарха, будто бы велѣлъ онъ сжечь въ предѣлахъ Новгородскихъ Епископа Коломенскаго Павла (*). Не сожгли его ни прежде ни послѣ, и если Патріархъ лишилъ его сана, то, какъ мы уже видѣли, не самовольно, но по соборному мнѣнію Вселенскаго Патріарха. Соумышленникъ Павла, священникъ Иванъ Нероновъ, хотя и осужденный также въ Царьградѣ, былъ однако прощенъ и оставленъ въ покоѣ, потому что принесъ раскаяніе. Священники Никита и Лазарь удалены были въ свои города, въ Суздаль и Романовъ. Даніила, протопопа Костромскаго, сослали въ Астрахань, гдѣ онъ скоро умеръ, хотя Аввакумъ увѣряетъ, что его тамъ замучили. Впрочемъ можно судить о истинѣ его словъ потому, что онъ самъ о себѣ пишетъ: будто его сослали въ Дарбурскую землю за Сибирь, тысячь за двадцать верстъ отъ Москвы; число верстъ увеличено въ трое для возбужденія большаго участія. Князь Львовъ, какъ первый виновникъ ложныхъ вставокъ и прибавленій, допущенныхъ имъ въ книги церковныя, когда былъ начальникомъ печатнаго двора, былъ сосланъ въ Соловецкую обитель и тамъ содѣйствовалъ мятежу. Патріархъ велѣлъ отбирать вновь отпечатанныя имъ книги, по примѣру своего великаго предшественника Филарета Никитича, который окружнымъ посланіемъ приказалъ даже жечь

(*) Ист. Русск. Церкви, Еп. Филар. стр. 179.

уставы церковные, напечатанные чернецомъ Лонгиномъ, ибо не было иныхъ средствъ къ выведенію изъ употребленія неправильныхъ книгъ, при толкахъ, имъ благопріятныхъ. Тѣмъ и кончились дѣйствія Никона Патріарха, ибо ему суждено было только привести въ исполненіе предположенія своихъ предмѣстниковъ на каѳедрѣ святительской, со всею отчетливостію ревностнаго пастыря, памятующаго союзъ духовный своей Церкви съ Вселенскою. Скоро возникло гоненіе противъ него самого, и частная къ нему ненависть повредила общему дѣлу церковному.

Тяжелъ былъ Никонъ для духовенства, какъ высшаго, такъ и низшаго, потому что самъ былъ строгимъ блюстителемъ того, что̀ исправлялъ соборно, совершая всѣ службы съ точностію по исправленному имъ служебнику и требуя того же отъ другихъ. Еще строже былъ онъ въ отношеніи нравственности, и не пощадилъ даже собственнаго духовника, что̀ было ему поставлено въ вину; отъ ставленниковъ требовалъ онъ возможнаго въ то время образованія, и въ своей Патріаршей области лично испытывалъ ихъ, не рукополагая безграмотныхъ, какъ бывало до него, и не терпя безмѣстныхъ священниковъ, которыхъ прежде много скиталось по городу. Весьма естественно, что при такой строгости и при разглашаемыхъ толкахъ противъ него недовольными суевѣрами, еще болѣе возбуждалось неудовольствіе духовенства. Даже изъ Архіереевъ

нѣкоторые питали къ нему непріязненное чувство, особенно Питиримъ, бывшій намѣстникомъ его Патріаршей области, въ санѣ Митрополита Крутицкаго, и въ послѣдствіи заступившій его мѣсто. Не менѣе тягостенъ былъ Никонъ и для бояръ, которыхъ явно обличалъ въ нескромной жизни и въ склонности къ иностранной одеждѣ и увеселеніямъ. Онъ велѣлъ отбирать въ домахъ боярскихъ иконы западнаго письма, привезенныя ими изъ Польскаго похода, и однажды сжегъ. Когда же, во время двукратнаго отсутствія царскаго, въ дальніе походы противъ Польши и Швеціи, Патріарху поручено было, по искренней къ нему пріязни Царя, его семейство и даже заботы государственныя, еще бо̀льшая возгорѣлась къ нему ненависть, по чрезвычайной его взыскательности и строгому обращенію съ боярами. Наипаче завидовали родственники Царицы, потерявшіе свое вліяніе: всѣми мѣрами стараясь поколебать царскую пріязнь, они достигли своей цѣли, во время неудачнаго похода Шведскаго, который былъ предпринятъ отчасти и по совѣту Никона, желавшаго возвратить древнее достояніе Великаго Новгорода.

Много повредило Патріарху сооруженіе трехъ его обителей: Новаго Іерусалима, Иверской и Кійской на Бѣломъ морѣ, потому что онъ исключительно ими занимался, пребывая тамъ долгое время, и отписывалъ къ нимъ богатыя волости другихъ монастырей. Кроткій Царь Алек-

сѣй Михайловичъ, хотя и связанный узами не только пріязни, но и духовнаго родства съ Никономъ, который былъ воспріемникомъ всѣхъ его дѣтей, началъ постепенно къ нему охладѣвать по навѣтамъ боярскимъ; возвратясь изъ похода, онъ уже не столь часто посѣщалъ его, какъ это бывало прежде, и даже сталъ уклоняться отъ соборныхъ его служеній; Патріархъ, съ своей стороны, замѣтивъ такую холодность, также сталъ удаляться изъ столицы и проживалъ большею частію въ созданныхъ имъ обителяхъ. Враги его воспользовались такими обстоятельствами, дабы совершенно его удалить и, зная его пылкій характеръ, старались всѣми мѣрами раздражить, вступаясь въ его суды, по монастырскому приказу, и разглашая противъ него клеветы; нѣкоторые не щадили даже оскорбительныхъ насмѣшекъ, такъ что наконецъ Никонъ потерялъ терпѣніе. Услышавъ однажды, что бояринъ его, при торжественной встрѣчѣ Грузинскаго Царя, былъ побитъ, на Красномъ Крыльцѣ, онъ оставилъ послѣ литургіи жезлъ пастырскій въ Успенскомъ соборѣ и, объявивъ, что болѣе не Патріархъ, удалился на жительство въ Новый Іерусалимъ; тамъ подвизался въ постническихъ трудахъ, какъ въ первые годы своей пустынной жизни на Соловкахъ. Митрополитъ Питиримъ вступилъ въ управленіе церковное, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ полныя права Патріаршія, а случившійся въ Москвѣ Митрополитъ Греческій, Паисій Лигаридъ,

хотя и облагодѣтельствованный Никономъ, сдѣлался душею всѣхъ противъ него козней (*).

Можно себѣ представить, въ какое смятеніе пришли дѣла церковныя при такомъ безначаліи и какъ опять подняли главу сѣятели раскола. Дабы возстановить порядокъ, созванъ былъ, въ 1660 году, Соборъ всѣхъ Архіереевъ Русскихъ, для устройства дѣлъ церковныхъ, во время отсутствія Патріарха. Многіе были готовы признать его достойнымъ, не только лишенія престола, но и сана, предоставляя на волю царскую то или другое опредѣленіе; но посреди общей непріязни одинъ великодушный голосъ раздался на Соборѣ въ пользу отсутствующаго, голосъ Архимандрита Полоцкаго Игнатія, и правдою своею превозмогъ всѣхъ. Онъ представилъ, какъ много Святителей и прежде Никона, великіе Аѳанасій, Богословъ, Златоустъ, волею или неволею, оставляли свои престолы и не были за то лишаемы сана, и что не можетъ подчиненный Соборъ судить своего Архипастыря, безъ согласія Восточныхъ Патріарховъ. Положено было послать нѣкоторые вопросы ко Вселенскому Патріарху по сему предмету и пригласить Восточныхъ Святителей для суда надъ Никономъ Патріархомъ.

Однако Соборъ, не смотря на свои дѣйствія противъ Никона, не могъ не одобрить сдѣланнаго имъ исправленія книгъ и, разсмотрѣвъ опять

(*) Житіе Никона, Шушер. Грам. его къ Патр. Діонисію.

его служебникъ, скрижаль и послѣдующія книги, объявилъ. «что ничего не нашелъ въ оныхъ невѣрнаго, или ошибочнаго, но все согласно съ старыми харатейными книгами, въ коихъ и символъ вѣры пишется безъ прибавленія *истиннаго,* какъ въ новопечатныхъ, и аллилуіа по *трижды,* и крестное знаменіе по старому *тремя перстами,* и чинъ литургіи во всемъ сходенъ съ древнимъ; ибо Никонъ, бывшій Патріархъ, повелѣлъ исправлять и переводить книги не самъ собою, но по волѣ благочестиваго Царя и по совѣту Вселенскихъ Патріарховъ, и всего великаго Собора». Вотъ какое безпристрастное свидѣтельство въ пользу Никона произнесли тѣ самые, которые хотѣли лишить его престола! (*). Но, по несчастію, въ это смутное время неосторожно дана была свобода ревнителямъ мнимой старины, которые подъ личиною вражды своей къ Никону, враждовали противъ Церкви, смѣло разсѣявая плевелы раскола. Не удерживаемые властію Патріаршею, священники Лазарь и Никита прислали изъ своихъ городовъ пространныя челобитныя Царю, въ 30 и 70 обличеній, противъ мнимыхъ нововведеній Никона и эти челобитныя сдѣлались въ послѣдствіи, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ бы исповѣданіемъ вѣры ихъ соумышленниковъ; діаконъ Ѳеодоръ разсылалъ посланія о правой вѣрѣ и о Антихристѣ, о которомъ напи-

(*) Ист. Рус. Цер. Филар. стр. 187.

салъ цѣлое сочиненіе монахъ Ѳеоктистъ, относя все сіе къ тогдашнему состоянію Церкви. Нѣкто Семенъ Жулевъ написалъ духовный цвѣтникъ для суевѣровъ; иные устно, другіе письменно разглашали, что вновь исправленныя книги суть еретическія, что Церковь болѣе не Церковь и Архіереи не Архіереи; а о Восточныхъ Патріархахъ говорили: будто у нихъ вѣра повреждена подъ игомъ Турковъ, для того, чтобы заблаговременно предупредить ихъ судъ противъ раскола, ибо уже скоро ожидали пришествія Святителей. Аврамій, ученикъ сосланнаго протопопа Аввакума, любимецъ боярина Салтыкова, который явно покровительствовалъ расколу и дозволялъ у себя на дворѣ скрываться скопищу недовольныхъ, осмѣлился подать просьбу Царю въ защиту суевѣрія. Возвратили даже самаго учителя его, Аввакума, изъ дальней шестилѣтней ссылки, вѣроятно по сильному вліянію нѣкоторыхъ сановниковъ, потому что въ письмахъ своихъ Аввакумъ называетъ многихъ почетныхъ боярынь своими духовными чадами, готовыми всѣмъ для него жертвовать. Въ житіи его, составленномъ раскольниками, сказано, будто бы и самъ Государь ласково принялъ его, какъ бывшаго своего духовника, но такимъ вымысламъ нельзя вѣрить (*).

Однако дерзость распространителей раскола доходила до такой степени, что священникъ

(*) Ист. Церк. Филар. стр. 183.

Иванъ Нероновъ, прежде помилованный Никономъ Патріархомъ, сталъ нарочно ходить ко всякой службѣ въ соборъ Успенскій, чтобы только препятствовать пѣть троякое аллилуіа и принимать просфоры съ печатію четырeконечнаго креста, какъ будто бы нововведенныя Никономъ. Таковъ былъ духъ отпадшихъ отъ Церкви. Соборное правительство вынуждено было наконецъ просить Царя, гражданскими мѣрами, обуздать своеволіе ослушниковъ власти духовной, гласно проповѣдывавшихъ свое лжеученіе. Государь велѣлъ сперва боярину Стрѣшневу посовѣтовать Аввакуму, чтобы онъ молчалъ, а потомъ, видя его упорство, опредѣлилъ сослать его въ Мезень, въ Архангельскіе предѣлы, но какъ видно, по ходатайству покровителей его, приговоръ сей до времени не былъ надъ нимъ исполненъ. Нѣкоторые изъ лжеучителей посыланы были на увѣщаніе къ Митрополиту Крутицкому; одинъ изъ учениковъ Аввакума, Аврамій, осужденъ на градскую казнь и самъ покровитель его, бояринъ Салтыковъ, подвергся царскому гнѣву; но такъ какъ не было ничего общаго въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ раскола, то онъ постепенно умножался. Уже ясно начинали обозначаться главныя его требованія, какъ то: богослуженіе по старымъ книгамъ, прибавленіе слова *истиннаго* къ символу вѣры о Духѣ Святомъ, двойное пѣніе аллилуіа вмѣсто тройнаго, двуперстное знаменіе креста вмѣсто треперстнаго, хожденіе по

солнцу вокругъ церкви, вмѣсто того чтобы ходить напротивъ, осьмиконечный крестъ вмѣсто четвероконечнаго, начертаніе имени Господня словомъ *Ісусъ* вмѣсто Іисуса, которое почитали раскольники ошибочнымъ и даже хульнымъ, и поклоненіе только однѣмъ старымъ иконамъ или тѣмъ, которыя писались по ихъ образцу (*).

Въ такомъ положеніи были дѣла церковныя, когда въ 1666 году пришли Восточные Патріархи для суда надъ Никономъ Патріархомъ. Всѣ пастыри Русскіе вторично соединились въ ихъ ожиданіи и продолжали заниматься исправленіемъ книгъ церковныхъ. Въ исходѣ года Патріархъ Никонъ вызванъ былъ на судъ, послѣ осьмилѣтняго своего удаленія, изъ ближайшей его обители новаго Іерусалима. Не здѣсь мѣсто входить въ разбирательство сего суда, но то достойно вниманія, что не за книжное исправленіе былъ онъ осужденъ, какъ то явствуетъ изъ соборнаго дѣянія, напечатаннаго въ полномъ собраніи законовъ. — Нѣтъ, тамъ было поставлено въ вину Никону, что онъ досадилъ кроткому Государю и прилѣпился къ вещамъ, неподобающимъ Патріаршей власти и достоинству; самъ произвольно оставилъ свой престолъ, а между тѣмъ дѣйствовалъ самовольно и послѣ; занимался строеніемъ монастырей, давая имъ неподобающія названія Новаго Іерусалима, Виѳлеема, Голгоѳы;

(*) Ист. Филар. 186.

съ нѣкоторыми изъ духовныхъ поступалъ очень сурово и даже духовнаго своего отца наказалъ тѣлесно; поносилъ нѣкоторыхъ бояръ и Греческихъ Патріарховъ; лишилъ одного Архіерея сана самъ собою, безъ Собора, анаѳематствовалъ нѣкоторыхъ Архіереевъ безъ всякаго испытанія и пренебрегалъ власть и достоинство судившихъ его. Во всѣхъ сихъ обвиненіяхъ видны дѣйствія человѣка, привыкшаго къ властительству и раздраженнаго противъ унижавшихъ его достоинство, но ереси не видно никакой.

Что касается до Павла Коломенскаго, то мы уже видѣли, на основаніи какого мнѣнія, Вселенскаго Патріарха, былъ онъ лишенъ сана, и хотя Соборъ говоритъ, что съ нимъ поступлено не порядкомъ, и что онъ даже наказанъ тѣлесно, отчего сдѣлался почти внѣ ума и могъ даже погибнуть въ такомъ состояніи, однако не сказано, что онъ былъ невинно лишенъ своего сана, и санъ ему не возвращенъ; наказанія же тѣлесныя, особенно растриженныхъ, были въ духѣ того времени. Соборъ поступилъ съ нимъ столь же строго, сославъ его въ заточеніе на дальній сѣверъ, въ монастырь Палеостровскій, гдѣ онъ умножилъ еще свою вину, сдѣлавшись возбудителемъ раскола и мятежа Поморскаго. Не слѣдуетъ однако полагать, будто бы Соборъ одобрилъ всѣ церковныя распоряженія бывшаго Патріарха. Нѣтъ, онъ отмѣнилъ строгое его запрещеніе освящать воду въ навечеріе Богоявленія, и пріобщать преступни-

ковъ наканунѣ ихъ казни, называя неправильнымъ то и другое; Соборъ могъ бы, если бы находилъ причины, то же сказать и о церковномъ исправленіи, особенно при неудовольствіи многихъ изъ судей противъ подсудимаго. Но напротивъ, о его служебникѣ, сказано въ свиткѣ соборномъ: «да будетъ вѣдомо отъ нашего освященнаго Собора о книгѣ сей, что не просто отъ своего разума сдѣланы нѣкоторыя исправленія, но прилежнымъ разсужденіемъ и опытнымъ разсмотрѣніемъ Святѣйшихъ Патріарховъ, и единогласнымъ совѣтомъ всѣхъ Архіереевъ Греческихъ и Русскихъ, утверждено сіе чиноположеніе; — пріемли оное, ибо во многомъ совѣтѣ спасеніе, какъ отъ самаго Христа устроенное и проч.» (*).

Обратимся къ самому Никону: лишенный сана, простымъ монахомъ сосланъ былъ онъ въ заточеніе на Бѣлоозеро, гдѣ еще пятнадцать лѣтъ подвизался въ самыхъ трудныхъ подвигахъ иноческой жизни, на самомъ дѣлѣ оправдавъ то, что сказалъ Восточнымъ Патріархамъ, когда они хотѣли снять съ него клобукъ: что иноческаго образа никто его лишить не можетъ.—Послѣ кончины родителя, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, вспомнилъ о своемъ крестномъ отцѣ, когда уже третій Патріархъ Іоакимъ возсѣдалъ послѣ него на каѳедрѣ Московской, и пожелалъ возвратить старца Никона въ основанную имъ обитель новаго Іеру-

(*) Ист. Фил. стр. 190.

салима, но уже онъ былъ на пути къ горнему. Болѣзненнаго едва могли довести водою до Ярославля и тутъ онъ мирно отошелъ къ Господу, посреди плача многочисленнаго народа. Такъ суждено было окончить дни свои великому мужу Церкви, который всегда открыто дѣйствовалъ предъ лицемъ ея, на низшей степени какъ и на высшей, потому что искренно и неукоризненно преданъ ей былъ во всю свою жизнь, хотя и увлекался иногда пылкостію своего характера. Но такъ случается съ великими геніями, которые, выступивъ сами по своей природѣ изъ обыкновенныхъ размѣровъ, не вникаютъ, что ихъ не могутъ понимать современники, потому что они далеко опередили вѣкъ свой.

Съ почестями Патріаршими преданъ былъ землѣ великій Никонъ, подъ Голгоѳою основанной имъ обители Іерусалимской, и благочестивый Государь спѣшилъ исходатайствовать ему, отъ Восточныхъ Патріарховъ, снятіе падшаго на него осужденія и признаніе его въ прежнемъ святительскомъ чинѣ. Вотъ современное свидѣтельство, изъ прощальной грамоты Вселенскаго Патріарха Іакова, которая достигла Москвы уже послѣ кончины разрѣшаемаго: «не винъ ради душевныхъ или тѣлесныхъ, отчуждающихъ архіерейства, безъ возврата и врачеванія, осужденъ былъ Никонъ, ниже согрѣшилъ онъ противъ благочестія или божественнаго преданія, ибо не иде на совѣтъ нечестивыхъ и не ста въ путь грѣшниковъ; но былъ непоко-

лебимымъ столпомъ благочестія и преизрядный вразумитель божественныхъ канововъ, неизреченный ревнитель отеческихъ преданій и ихъ достойный оберегатель; яко же человѣкъ, человѣчески болѣзнуя, отъ малодушія нѣсколько объятъ и уныніемъ бывъ побѣжденъ, оставилъ свое мѣсто и, ради сихъ винъ, явился грубъ и непріятенъ, хотя и осужденъ былъ по законамъ, но потомъ смиреніемъ, злостраданіемъ, постомъ и молитвами непрестанными и бдѣніями всечасными, яко злато въ горнилѣ искушенъ былъ и явился, яко всеплодіе и жертва Бога живаго. Посему, согласно желанію благочестиваго Царя, законно воззванъ онъ паки въ Архіерейское и Патріаршее достоинство, и съ прочими Патріархами Московскими долженъ воспріять законное поминовеніе». Такая правда воздана была усопшему, хотя и поздно, и еслибы не были прерваны его благонамѣренныя дѣйствія противъ раждающагося раскола, можно было бы въ самомъ началѣ побѣдить зло (*).

Въ 1667 году начался собственно великій Соборъ, украшенный присутствіемъ двухъ Патріарховъ, Паисія Александрійскаго, Макарія Антіохійскаго и третьяго Московскаго, когда на мѣсто Никона рукоположенъ былъ смиренный Іоасафъ, изъ Архимандритовъ Сергіевой Лавры; 14 Митрополитовъ, изъ коихъ половина Греческихъ, присутствовали наономъ, и 8 Архіепископовъ, 3

(*) Житіе Никона Шушеринымъ.

Епископа, 20 Архимандритовъ, 8 Игуменовъ и 13 Протопоповъ, такъ что въ отношеніи не одной лишь Россійской Церкви, но и Греческой, Соборъ сей можетъ имѣть достоинство Вселенскаго; ибо Восточные Патріархи имѣли голоса и Антіохійскаго и Цареградскаго. Посему и тяготенъ великій Соборъ для раскольниковъ; хотя онъ дѣйствовалъ въ 1667 году, то есть послѣ поставленія Іоасафа въ Патріархи, однако они, какъ бы забывъ о томъ, принимаютъ въ разсчетъ своей церковной эпохи только время суда надъ Никономъ, а не церковныя распоряженія, послѣ него бывшія, и называютъ Соборъ Антихристовымъ, отъ того, что число 666 въ Апокалипсисѣ (Гл. XIII, 18), относится къ имени таинственнаго звѣря, ратующаго противъ Церкви, и число сіе называется звѣринымъ. Кромѣ самой нелѣпости такого примѣненія, тутъ двѣ пристрастныя ошибки: откинута буква *а*, знаменующая цыфру тысящелѣтія и вмѣсто 7 поставлено 6, не смотря на свидѣтельство самаго свитка соборнаго бывшаго уже въ 1667 году. Они говорятъ, что истинная Церковь взята была на небо въ 1666 году и уже болѣе не обрѣтается на землѣ, по ихъ суемудрію, потому что сами добровольно отъ нея отпали, не смотря на всѣ пастырскія внушенія.

Вотъ что опредѣлилъ Патріаршій великій Соборъ въ отношеніи Стоглава, какъ имѣющій власть разрѣшать опредѣленія Собора меньшаго: «что

писано о знаменіи честнаго креста, т. е. о сложеніи двухъ перстовъ, и о сугубой аллилуіа, и о прочемъ, то писано безразсудно, простотою и невѣжествомъ въ книгѣ Стоглава, и клятву, которую безразсудно и неправильно положилъ, мы, православные Патріархи и весь освященный Соборъ, ту неправедную клятву Макарія и того Собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и тотъ соборъ не въ соборъ, и клятву не въ клятву и ни во что вмѣняемъ; ибо тотъ Митрополитъ Макарій и бывшіи съ нимъ мудрствовали безразсудно, и какъ восхотѣли сами собою, не согласуясь съ Греческими и древними Славянскими харатейными книгами, ниже съ Вселенскими Патріархами о томъ совѣщались (*). Если Соборъ, разрушая дѣянія Стоглава, приводитъ имя Макарія, хотя и не подписалъ онъ его актовъ и не держался его мнѣній, то это лишь потому, что на него, какъ на предстоятеля ссылались отступники православія. Соборъ, не входя въ разбирательство его участія, для большей твердости опровергаетъ и его сужденіе, если оно дѣйствительно было, тѣмъ паче, что противники не вошли бы по своему обычаю въ такое подробное изслѣдованіе истины.

Соборъ Патріаршій еще съ большею строгостію, нежели самъ Никонъ, опредѣлилъ о сугубой аллилуіа: «что статья, въ жизнеописаніи Евфросина Псковскаго, есть ложная, сонное мечта-

(*) Соборный свитокъ при служеб. 1667.

ніе, произведеніе сочинителя льстиваго, и лживое писаніе на прелесть благочестиваго народа», а о мнимомъ писаніи Θеодорита, касательно двуперстнаго знаменія, припечатанномъ при новыхъ книгахъ Патріарха Іосифа: «что оно сложено отъ нѣкоего раскольника и скрытаго еретика, и напечатана безразсудно, невѣжествомъ, въ псалтирѣ и иныхъ книгахъ, изъ коихъ повелѣно искоренить оное, дабы никто ему не вѣровалъ». Патріархъ Никонъ, не смотря на свою ревность и смѣлый характеръ, не отважился однако положить такое мнѣніе на дѣйствія своего предмѣстника и Стоглава. — Четвероконечное знаменіе креста на просфорахъ признано было правильнымъ, по свидѣтельству великихъ учителей Церкви, Аθанасія и Дамаскина, и, кромѣ исправленія книжныхъ погрѣшностей, Восточными Патріархами замѣчены были до 25 погрѣшностей, которыя оставлены безъ вниманія Никономъ. Такъ напримѣръ: они запретили Архіереямъ посвящать болѣе одного діакона и священника на литургіи, священнику восходить на горнее мѣсто, архимандритамъ, имѣющимъ служеніе архіерейское, осѣнять въ присутствіи Архіерея, и еще нѣсколько иныхъ замѣчаній сдѣлано касательно обрядовъ церковныхъ и даже мѣстныхъ обычаевъ.

Слѣдственно можно сказать, что Соборъ 1667 года совершилъ, чрезъ 160 лѣтъ, начатое однимъ ученымъ мужемъ, Максимомъ Грекомъ, церковное исправленіе книгъ, которое нѣсколько разъ пре-

рывалось отъ внутреннихъ смутъ и только Никономъ Патріархомъ введено было на тотъ царскій, по истинѣ, путь совѣщанія соборнаго, безъ котораго бы никогда не могло увѣнчаться желаннымъ успѣхомъ. Не должна ли всегда остаться ему благодарною Церковь за такой подвигъ, котораго пламенно желали всѣ его великіе предшественники, начиная отъ Макарія, Іовъ и Гермогенъ и Филаретъ, и которымъ воспользовались его преемники? Для большей твердости своего опредѣленія, великій Соборъ Патріаршій, представлявшій всю соединенную Церковь Греческую и Россійскую, положилъ: «что если кто отнынѣ не послушаетъ повелѣнія и завѣщанія его во всемъ томъ, что онъ постановилъ о новоисправленныхъ книгахъ и о крестномъ знаменіи, объ аллилуіа и о прочемъ,—такого противника, Соборъ по данной ему власти отъ Всесвятаго и животворящаго Духа, если будетъ священнаго чина, извергаетъ и отлучаетъ, а если міранинъ, отлучаетъ и анаѳемѣ предаетъ, какъ еретика и противника, отсѣкая его какъ гнилой членъ отъ Церкви Божіей, доколѣ не образумится и не возвратится къ правдѣ покаяніемъ».

Между тѣмъ для вразумленія отступниковъ, дабы не могли они сказать, что на нихъ дѣйствовали только мѣрами строгости, безъ удовлетворенія ихъ вопросовъ, поручено было Симеону Полоцкому, ученому наставнику царственнаго отрока Петра, написать отвѣты на 30 вопросовъ

Никиты Пустосвята и на 70 Лазаря. Онъ это исполнилъ книгою, подъ названіемъ *Жезлъ правленія,* которая была одобрена Соборомъ, но мало принесла пользы, какъ всѣ послѣдующія, столь же благонамѣренно написанныя, потому что приверженцы старины, большею частію безграмотные, болѣе вѣрили своимъ невѣжественнымъ вождямъ, нежели свидѣтельству книжному, гдѣ указывалась истина; челобитныя Никиты и Лазаря, подъ разными видами, повторялись и въ послѣдствіи, какъ будто не было на нихъ отвѣта. До какой степени мелки и невѣжественны притязанія ихъ, уже не только къ словамъ, но даже къ буквамъ, можно видѣть изъ вопросовъ Лазаревыхъ, который увѣрялъ: будто Никоніане обратились къ идольскимъ жертвамъ, отъ того, что на концѣ 50-го покаяннаго псалма, «помилуй мя Боже» слово: *телецъ* поставлено было во множественномъ «тогда возложатъ на олтарь твой *тельцы*». По ихъ мнѣнію слѣдовало писать *тельца,* потому что, по невѣдѣнію Славянскаго языка, они не разумѣли, что буква ѧ выражаетъ не единственное, а множественное число, *тельцы* а не *тельца;* и между тѣмъ отъ одной буквы они выводили цѣлую ересь и даже язычество: таковы были сіи ревнители!

По повелѣнію того же Собора былъ напечатанъ въ слѣдующемъ году новый служебникъ, въ предисловіи коего опять повторено для назиданія ищущихъ правды: «что святѣйшіе Патріар-

хи дѣянія сего Собора, испытавъ, одобрили и благословили, ибо сіе есть преданіе Апостолъ и Св. Отецъ и древній чинъ Церкви, и книги новопереведенныя и исправленныя суть правыя и согласныя съ Греческими. И великій Архипастырь Іоасафъ, разсмотрѣвъ дѣяніе соборное, утвердилъ оное своимъ благословеніемъ». Касательно же крестнаго знаменія сказано въ свиткѣ соборномъ, составленномъ вкратцѣ изъ всѣхъ дѣяній Соборовъ, бывшихъ по дѣлу о исправленіи церковномъ: «что троеперстное знаменіе имѣютъ всѣ народы Христіанскіе, соблюдающіе православіе, и содержатъ оное преданіе издавна отъ Востока и Запада, какъ и нынѣ водится въ Россіи, что поселяне наши, неизмѣнно по древнему обычаю, знаменуются тремя перстами».

Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ поступлено было съ начальниками раскола, которые особенно воспользовались смутнымъ временемъ между-патріаршества, чтобы распространить свои толки, хотя нѣкоторые были столь нелѣпы, что ихъ даже обличали другіе ревнители раскола. Такъ напр. діаконъ Ѳеодоръ обличалъ своего учителя Аввакума, который однако стоялъ во главѣ всѣхъ, въ его заблужденіяхъ о Св. Троицѣ. Въ своихъ письмахъ къ сему Ѳеодору и Игнатію чернецу Соловецкому, Аввакумъ нелѣпо говорилъ: «что Пресвятая Троица тресущна и возсѣдаетъ на трехъ престолахъ, а Христосъ возсѣдаетъ на особомъ престолѣ», и тому подоб-

ное. Не повторяя всѣхъ его бредней, о воплощеніи Христовомъ и душѣ человѣческой, можно судить и по симъ краткимъ образцамъ, каково было образованіе сего начальника раскола, который училъ другихъ не покоряться Церкви и даже предавать себя самосожженію, лишь бы не слѣдовать ея уставамъ. Каково же долженствовало быть невѣжество его слѣпыхъ послѣдователей, принявшихъ въ послѣдствіи даже названіе Аввакумовщины, какъ почетное? (*).

Хотя въ житіи его, писанномъ раскольниками, сказано, будто онъ былъ разстриженъ рукою самого Патріарха Никона, однако окончательно лишенъ сана опредѣленіемъ Собора, отлученъ отъ Церкви, какъ нераскаянный отступникъ, вмѣстѣ съ попами Никитою и Лазаремъ, и вторично сосланъ въ Сибирь въ предѣлы Тобольскіе. Но такъ какъ Никита изъявилъ раскаяніе и обѣщалъ держаться православія, то Соборъ милостиво принялъ его и разрѣшилъ отъ клятвы. Нѣсколько лѣтъ спустя Пустосвятъ показалъ, каково его раскаяніе, возбудивъ стрѣлецкій мятежъ, при малолѣтствѣ будущаго Императора Петра. Лазарь, писавшій другую челобитную, былъ сосланъ также въ Тобольскъ, гдѣ, по свидѣтельству очевидца (какъ писано въ розыскѣ Святителя Димитрія), былъ виною многихъ соблазновъ по своей нетрезвой жизни и нелѣпымъ толкамъ. Такому же от-

(*) Ист. Фил. 223.

лученію и заточенію подверглись закоснѣлые въ расколѣ чернецъ Соловецкій Епифаній и діаконъ Ѳеодоръ.

Въ книгѣ описанія осады Соловецкой обители, въ стѣнахъ коей расколоучители возмутились противъ власти законной, сказано высокопарнымъ сочинителемъ, будто бы Лазарю и Епифанію отрѣзаны были языки, и первый исцѣлился немедленно, а второй при встрѣчѣ съ Аввакумомъ въ селѣ Братовщинѣ, когда всѣ они посыланы были въ заточеніе;—такими ложными чудесами домогались ревнители раскола прославить первыхъ своихъ начальниковъ. Изъ послѣдующей исторіи извѣстно, что Аввакумъ, раздраживши дерзкими письмами Царя, изъ своего заточенія, подвергся наконецъ гражданской казни въ Пустозерскѣ, вмѣстѣ съ своими сообщниками Ѳеодоромъ, Лазаремъ и Епифаніемъ, но это было много лѣтъ спустя послѣ Собора; о священникѣ Иванѣ Нероновѣ ничего не было опредѣлено, потому что, вѣроятно, онъ умеръ прежде Собора, а бывшій Коломенскій Епископъ заточенъ былъ въ Палеостровскій монастырь, гдѣ возбуждалъ смятеніе Поморянъ, какъ Пустосвятъ въ Москвѣ.

Такимъ образомъ великій Патріаршій Соборъ 1667 долженъ почитаться, въ церковной исторіи нашей, эпохою, послѣ которой явно открылъ себя таившійся дотолѣ расколъ, и съ сего времени начнется печальная повѣсть всѣхъ его противодѣйствій власти, равно духовной и гражданской

не только словомъ, но и оружіемъ. Какъ, по изреченію евангельскому, всякій познается отъ своихъ плодовъ, и не можетъ злое древо принести плодовъ добрыхъ и на оборотъ доброе злыхъ, (Матѳ. VII, 17, 18) такъ, и по симъ горькимъ плодамъ буйства и мятежа, можно будетъ судить, какимъ духомъ проникнуты были первые двигатели раскола и что они оставили своимъ послѣдователямъ! По особенному Промыслу Божіею о своей Церкви, въ обличеніе ея отступниковъ и во свидѣтельство твердаго взаимнаго союза Церкви православной, Греческой съ Россійскою, никогда столько первостепенныхъ Восточныхъ Святителей не посѣщало Россіи, какъ во время патріаршества Никона. Если при благочестивомъ Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Патріархъ Антіохійскій Іоакимъ и вскорѣ послѣ него, Вселенскій Іеремія, пришли и содѣйствовали учрежденію патріаршества въ Россіи; если послѣ смутъ самозванцевъ всѣ Патріархи Восточные послали благоговѣйнаго Ѳеофана Іерусалимскаго утвердить православіе въ Россіи и патріаршій престолъ Филарета Никитича, то при Никонѣ всѣ четыре Патріарха являлись, одинъ за другимъ, въ столицѣ Россійской: сперва Аѳанасій Константинопольскій приноситъ съ собою чинъ литургіи архіерейской; вслѣдъ за нимъ Іерусалимскій Паисій даетъ благоразумные совѣты Никону о исправленіи книжномъ; потомъ самъ онъ вызываетъ Патріарха Антіохійскаго Макарія и Гавріила Сербскаго, для соборнаго

исправленія, и наконецъ когда оно окончено, приходитъ тотъ же Макарій и Александрійскій Патріархъ Паисій, хотя и для суда надъ самимъ Никономъ, но и для одобренія того, что онъ исправилъ, по вселенскому совѣту всѣхъ Патріарховъ Восточныхъ. При такомъ облакѣ свидѣтелей (Евр. XII, 1), какихъ еще свидѣтельствъ требовать безпристрастному искателю истины?

VIII.

Смятенія отъ Расколовъ. Осада Соловецкая.

Доселѣ мы только видѣли сѣмена расколовъ: какъ мало по малу пускали они корни въ Русскую землю, и какими мѣрами убѣжденія противодѣйствовала имъ Церковь, стараясь увѣщаніями обратить неразумныхъ ревнителей. Теперь увидимъ мы и горькіе ихъ плоды, ознаменовавшіеся мятежами и кровопролитіемъ, потому что духъ сопротивленія законной власти церковной, необходимо отзывался непокорностію власти граждан-

ской, какъ проистекающихъ отъ единаго начала, а въ нѣкоторыхъ людяхъ, духъ мятежа противъ власти государственной, какъ орудіемъ, воспользовался мятежнымъ духомъ противъ Церкви. Многовѣковый опытъ засвидѣтельствовалъ, какъ ошибочно мнѣніе, что можно быть вмѣстѣ вѣрнымъ сыномъ отечества и невѣрнымъ сыномъ Церкви. Не стану говорить о частныхъ смятеніяхъ, которыя, по мѣстамъ, обнаруживались, подъ предлогомъ исправленія книжнаго, какъ напримѣръ, въ Ниловой пустынѣ: это ничто въ сравненіи съ девятилѣтнимъ мятежемъ Соловецкимъ и стрѣлецкимъ Никиты Пустосвята, которые были возбуждены начальниками расколовъ, будто бы за дѣло вѣры, и съ разбоями Стенки Разина, гдѣ они являлись только участниками, а не стояли во главѣ. Но и небольшое смятеніе въ Ниловой пустынѣ замѣчательно по тому, какъ оно описано у самихъ раскольниковъ, ибо въ ихъ похвальбѣ выражается ихъ духъ.

Когда, по распоряженію эпархіальнаго начальства, повелѣно было въ сей пустынѣ совершать обряды церковные по древнему чину, изложенному въ служебникѣ, съ утвержденія Восточныхъ Патріарховъ, и посланы были отъ Тверскаго Архіерея духовныя лица для наблюденія за порядкомъ, возмутились мнимые ревнители старины противъ власти святительской. Иноки сговорились стоять за свои старопечатные служебники и просфоры съ осьмиконечнымъ крестомъ, и велѣли по-

помарю Корнилію наблюдать въ алтарѣ, чтобы священникъ не дерзалъ поступать по новизнѣ, какъ они называли, по своему неразумію, исправленіе книгъ, обѣщаясь за него вступиться, если произойдетъ смятеніе. Корнилій сперва запрещалъ словомъ, служащему іерею, совершать проскомидію на пяти просфорахъ съ четыреконечнымъ крестомъ; потомъ же, когда священникъ напомнилъ ему о его пономарской обязанности, не дозволяющей пререкать іерею, безразсудный ревнитель ударилъ его по головѣ кадиломъ, съ горячими углями такъ сильно, что и кадило разбилось, за что отъ расколоучителей названъ новымъ Финеесомъ. Посланные отъ Архіерея, услышавъ шумъ, вбѣжали въ алтарь и исторгли оттуда дерзкаго пономаря, иноки же собравшись отовсюду въ церковь, схватили что кто могъ: подсвѣчники, ключи и книги, и начали жестокую битву внутри храма, такъ что церковный помостъ обагрился кровію: до такого неистовства дошли мнимые ревнители старины! Корнилій же бѣжалъ и укрылся въ предѣлахъ Олонецкихъ (*).

Смятеніе и осада Соловецкой обители описаны также однимъ изъ начальниковъ раскола, Семеномъ Денисовымъ, изъ рода Князей Мышецкихъ, и можно судить, по высокопарному началу, какого довѣрія заслуживаетъ его книга. Смѣшивая баснословныя преданія съ Христіанскими, онъ хо-

(*) Рукописное житіе Корнилія. Ист. Филар. стр. 192.

четъ подражать древнимъ языческимъ поэтамъ, и говоритъ: что если Омиръ столько потрудился, для описанія разоренія Троянскаго града и подвиговъ за честь отечества храбрыхъ витязей, то ему наипаче подобаетъ изобразить вящшій подвигъ чудныхъ мужей во святой обители, за законы родительскіе пострадавшихъ, позабывъ, что они мятежно возставали противъ своего законнаго Государя. Книга Денисова, напечатанная въ Полоцкихъ типографіяхъ, вмѣстѣ съ такъ называемою челобитною Соловецкою и нѣкоторыми другими нелѣпыми статьями, о крестномъ знаменіи и бѣломъ клобукѣ, ходитъ однако, какъ завѣтная, по рукамъ глаголемыхъ старообрядцевъ, и служитъ основаніемъ ихъ догматовъ. Кѣмъ же написана была сія знаменитая челобитная и кто были дѣйствительно защитники, или вѣрнѣе сказать, мятежники Соловецкіе?—Это достойно вниманія и явствуетъ изъ современныхъ посланій Митрополита Тобольскаго Игнатія, которому можно вѣрить, потому что онъ былъ уставщикомъ сей обители, три года спустя послѣ мятежа (*).

Онъ пишетъ: «что изъ Аввакумовыхъ и Лазаревыхъ учениковъ, нѣкоторые прибѣжали въ страны сѣверныя, на островъ Соловецкій и тамъ возмутили обитель преподобныхъ Отцевъ Савватія и Зосимы, со всѣмъ ея братствомъ, такъ что и словомъ нельзя сего изобразить. Къ ихъ же бѣс-

(*) Ист. Филар. 196.

нующемуся обществу прибѣжали достойные помощники изъ Астрахани, товарищи Донскаго Атамана, богоотступника Стенки Разина, и когда взошли въ обитель, то у всего братства, какъ иноковъ такъ и бѣльцовъ, отняли всю власть и, поставивъ своихъ начальниковъ, начали быть во всемъ противны не только Св. Церкви, но и благочестиваго Царя не хотѣли имѣть Государемъ. Отступники Донскіе казаки льстиво говорили: «постойте, братіе, за истинную вѣру и не креститесь тремя перстами, то есть печать Антихристова!» Казаки же съ ними притворялись, чтобы умертвивъ все братство, овладѣть богатствомъ обители». О разбояхъ Стенки Разина, которые приводили въ ужасъ не только берега Волги и Каспійскаго моря, но и дальнюю Персію, кто не слыхалъ! — какъ ворвалась предательски шайка его въ Астрахань и тамъ умертвила всѣ власти, разграбивъ городъ, Святителя же, Митрополита Іосифа, мученическою смертію уморила: сперва жгли его малымъ огнемъ и потомъ свергли съ бойницъ городскихъ. Сихъ то дивныхъ мужей подвиги, напоминавшихъ будто бы Троянскіе, описалъ Денисовъ.

Самая челобитная, которая имѣетъ такую извѣстность между раскольниками, писана не отъ имени настоятеля обители со всею братіею, но отъ лица келаря Азарія и казначея Геронтія, избранныхъ во время мятежа, вопреки законнаго порядка, безъ благословенія патріаршаго и соборнаго,

какъ о томъ сказано въ грамотѣ Государевой, слѣдственно не истинными представителями братства святой обители (*). Если они ее писали, судя по заглавію челобитной: «благовѣрному и благочестивому и въ православіи свѣтлосіяющему, отъ небеснаго Царя помазанному въ Царяхъ всея вселенныя, Государю своему, и прочее», то должны бы памятовать долгъ присяги, а не возставать на него съ оружіемъ, девять лѣтъ воюя за крѣпкими стѣнами противъ царскаго войска. Челобитная сія не есть что либо новое, но составлена изъ тѣхъ же почти статей, какъ и челобитныя поповъ Лазаря и Никиты, на которыя былъ уже обнародованъ отвѣтъ въ книгѣ: «Жезлъ правленія». Не смотря на то, она была вновь оглашена самимъ Пустосвятомъ, на стрѣлецкомъ мятежѣ, который онъ возбудилъ нѣсколько лѣтъ спустя. Лучшимъ ея опроверженіемъ могли служить древнія книги рукописныя, хранившіяся въ обители Соловецкой, гдѣ можно было усмотрѣть, какъ въ старину творили крестное знаменіе и пѣли аллилуіа; но составители челобитной много потрудились и надъ искаженіемъ монастырскихъ рукописей, даже съ утратою смысла рѣчи, вымарывая и выскабливая вездѣ слово: *три* перста, чтобы ставить *два* и т. п. — Весьма хорошо они знали, что дѣйствовали не противъ Никона Патріарха, котораго

(*) Ист. Филар. 197.

называли уже «бывшимъ», а противъ самого Царя, «скопомъ и заговоромъ», какъ сказано о нихъ въ грамотахъ царскихъ; но въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, вѣра служила только покровомъ; дѣйствовало же своеволіе противъ всякой власти, еще болѣе гражданской, нежели духовной.

Книга, изданная въ 1841 году, подъ заглавіемъ: «истина Соловецкой обители противъ неправой челобитной о вѣрѣ», весьма хорошо обличаетъ всю нелѣпость ея и подлоги по всѣмъ пунктамъ, на основаніи подлинныхъ актовъ Соловецкой обители, и кромѣ прежнихъ отвѣтовъ патріаршихъ, недавнія «бесѣды къ глаголемому старообрядцу», непререкаемо опровергаютъ всѣ суемудрыя притязанія сей челобитной. Такъ напримѣръ: въ сихъ бесѣдахъ указано множество мѣстъ изъ древняго сборника XI вѣка, гдѣ имя Господа Іисуса безразлично написано съ двумя буквами и съ одною; достаточно кажется такихъ свидѣтельствъ для удостовѣренія, что двойное И *(иже)* въ имени Іисусовомъ не есть новизна, и тѣмъ не искажено благословенное его имя, какъ увѣряютъ мнимые ревнители; однако они остаются при своемъ мнѣніи, хотя примѣры указаны и самыя книги имъ доступны (*). Отъ чего же такое закоснѣніе и упорство? — Отъ того, что не ищутъ истины и не за вѣру подвизаются,

(*) Бесѣды Митр. Филар. стр. 67—93.

а за старые толки отцевъ, которые даютъ ихъ послѣдователямъ исключительное положеніе, выходящее изъ общаго порядка гражданскаго и потому особенно благопріятное ихъ вождямъ, большею частію равнодушнымъ къ тому, что они называютъ старымъ и новымъ. Предложу исторически, безъ восторженности Денисова, сказаніе о мятежѣ въ Соловецкой обители.

По ея архивнымъ свѣдѣніямъ видно, что до 150 человѣкъ недовольныхъ, какъ гражданскими преобразованіями, такъ въ особенности церковнымъ исправленіемъ книгъ, были туда сосланы, и во главѣ ихъ сталъ другъ Аввакума и Лазаря, начальникъ печатнаго двора, Князь Львовъ, удаленный за искаженіе церковныхъ книгъ при Патріархѣ Іосифѣ. Онъ возбуждалъ невѣжественную толпу не принимать того, что, по его мнѣнію, казалось нововведеніемъ, такъ что настоятель, Архимандритъ Варѳоломей, принужденъ былъ донести о томъ Царю и самъ вызванъ въ Москву. Присланъ былъ другой настоятель, съ бывшимъ Архимандритомъ Саввина Монастыря Никаноромъ; но первый не былъ принятъ въ обитель, а другой остался въ ней, будтобы для увѣщанія, и сдѣлался тамъ главою раскола. Безуспѣшными оказались увѣщанія инаго Архимандрита Ростовскаго Сергія, нарочно присланнаго для вразумленія невѣждъ; но хотя удалены были въ то время изъ обители Князь Львовъ и сообщникъ его казначей Савватій, однако посѣянныя ими плевела далеко

пустили корни. Новыя книги, то есть исправленные по древнимъ рукописямъ служебники, не были даже раскрыты. Самозванцы, монахъ Азарій, изъ простыхъ будильниковъ переименованный келаремъ и сынъ подъячаго Геронтій, назвавшійся произвольно казначеемъ, съ нѣсколькими соумышленниками, послали отъ себя челобитную Царю, какъ бы отъ лица всей братіи, хотя не всѣ въ ней участвовали; тѣхъ же, которые не приставали къ ихъ соумышленію, накрѣпко запирали въ трапезу, какъ это видно изъ показанія одного изъ старцевъ Соловецкихъ Варлаама (*).

Между тѣмъ къ возмутителямъ набѣжали другіе мятежники, изъ Донскихъ казаковъ Стенки Разина, не ради духовныхъ цѣлей, но чтобы разграбить обитель, когда она будетъ совершенно въ ихъ рукахъ. Они поставили себѣ начальниками, изъ числа своихъ сотниковъ, Ѳаддея Бородина и Ивана Сарафанова, которые сдѣлались полновластными распорядителями монастыря и на все отважились, зная, что не могутъ ожидать себѣ помилованія за прежнія свои дѣла. Когда услышали, что соборный старецъ, посланный съ челобитною къ Царю, былъ задержанъ въ Москвѣ, и что Государь, объявивъ неудовольствіе за ихъ дерзость, велѣлъ отобрать на время всѣ вотчины монастырскія,—они съ своей стороны объявили, что союзъ съ Царемъ кон-

(*) Томъ IV актовъ историческихъ 535.

ченъ, и что кто сталъ бы за него молиться, тотъ имъ открытый врагъ, употребляя при томъ такія рѣчи, что не только написать, но и помыслить о нихъ страшно, по свидѣтельству допрашиванныхъ въ послѣдствіи. Они надѣялись на крѣпость стѣнъ монастырскихъ, вооруженныхъ 90 пушками, на множество пороха и свѣжихъ запасовъ и, разодравъ или разбросавъ въ море до 200 книгъ новой печати, дерзнули даже открыть пальбу по малочисленной дружинѣ царской, присланной болѣе для вразумленія, нежели для покоренія оружіемъ обители. Самозванецъ келарь Азарій и Донской казакъ Бородинъ, первые отважились на такую неслыханную дотолѣ дерзость, въ которой не хотѣли принимать участія даже и тѣ, которые сопротивлялись книжному исправленію; но ихъ жестоко наказывали, били плетьми, морили голодомъ въ тюрьмѣ и счастливъ былъ тотъ, кто при самомъ началѣ мятежа успѣлъ бѣжать изъ обители. Старца Варлаама, 37 лѣтъ въ ней жившаго, годъ держали въ тюрьмѣ, не давая по пяти дней пищи, іеромонахъ Амвросій бѣжалъ, но его поймали и заперли; другихъ двухъ, Павла и Діонисія, били плетьми за несогласіе съ крамольниками. Въ началѣ 1669 года былъ запертъ монастырь, и хотя зачинщики мятежа, Азарій и Бородинъ, который дошелъ до такого неистовства, что жегъ и рубилъ всѣ кресты съ титлами, сами попались въ руки царской дружины, въ концѣ того же года, и заключены въ Сумской острогъ,

Bayerische Staatsbibliothek München

однако сообщники ихъ продолжали начатый мятежъ. Во главѣ ихъ стали сотникъ Исаія Воронинъ и Самуилъ изъ Кеми, съ другимъ писателемъ челобитной Геронтіемъ, и осада продолжалась девять лѣтъ.

Если, быть можетъ, покажется страннымъ: какимъ образомъ столько времени могла сопротивляться одна обитель, хотя и крѣпкая, войскамъ царскимъ? то надобно обратить вниманіе на то, что въ началѣ не ожидали такого сопротивленія, и потому стряпчій Волоховъ былъ только посланъ, съ сотнею стрѣльцовъ, для водворенія Архимандрита Іосифа и отобранія монастырскихъ вотчинъ кругомъ поморія. Когда мятежники открыли по немъ пальбу, онъ не могъ имъ отвѣчать, не имѣя при себѣ пушекъ и довольствовался только тѣмъ, что ловилъ выходившихъ изъ ограды или искавшихъ возмутить окрестные берега. Выходцы говорили, что въ монастырѣ заключено до 200 человѣкъ братіи и до 300 бѣльцовъ и что во всю осаду вымерло тамъ и убито на стѣнахъ не болѣе 33 человѣкъ: это согласно съ раскольничьими помянниками, гдѣ записаны только 30 пострадавшихъ: изъ нихъ 15 послушниковъ и 15 міранъ, и одинъ только Архимандритъ Никаноръ. Восторженный же историкъ Денисовъ увѣряетъ, что въ осадѣ сидѣло до 1500 человѣкъ, изъ коихъ пострадало до 500, но конечно не были бы забыты и ихъ имена въ синодикахъ: вотъ какъ можно вѣрить словамъ лжеучителя! Мятеж-

ники отвѣчали стряпчему Волохову, что «естьли и тьмами лютое постраждутъ, но древнято благочестія законовъ отречься не могутъ»; вслѣдствіе чего, совѣщавшись соборно между собою, затворились въ монастырѣ и начали стрѣлять по царскому войску. Не такъ поступали древніе исповѣдники вѣры, но покоряясь всякой власти, какъ установленной отъ Бога, сами себя только предавали на страданія (*).

Четыре года стоялъ стряпчій Волоховъ подъ монастыремъ, на Зайчемъ острову, на зиму удаляясь въ Сумской острогъ, и во все это время успѣлъ переловить только тридцать бунтовщиковъ, а добровольно къ нему явились въ острогъ 11 монашествующихъ и 9 міряпъ. Денисовъ описываетъ страданія, какъ бы нѣкоего мученика, одного монастырскаго писца, котораго подвергли пыткѣ за то, что писалъ возмутительное посланіе въ Кандалашскую сторону, противъ новопреданныхъ уставовъ. На смѣну Волохова присланъ былъ стрѣлецкой голова Іовлевъ, съ 1000 стрѣльцовъ, но и онъ дѣйствовалъ столь же слабо, потому что добродушный Государь еще надѣялся, мѣрами кротости, образумить мятежниковъ. Онъ даже писалъ къ нимъ посланіе и обѣщалъ полное прощеніе, если только обратятся къ его милосердію, и такія же увѣщанія повторялись почти ежегодно со стороны Митрополита Новгородскаго. Подъя-

(*) Ист. Филар. 201.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

чій Истоминъ и священникъ Архангельскаго собора, пріѣзжали въ послѣдній разъ съ царскимъ словомъ къ непокорнымъ, но они были прогнаны съ безчестіемъ; оказалась явная необходимость покорить монастырь силою оружія, и воевода, стольникъ Иванъ Мещериновъ, присланъ былъ для окончательныхъ дѣйствій съ 1300 стрѣльцовъ.

Немедленно къ нему явились бѣжавшіе изъ монастыря 4 іеромонаха, 3 монаха и 4 послушника; въ числѣ первыхъ самъ составитель челобитной, бывшій казначеемъ Геронтій, и Манасія объявили: что хотя и не принимаютъ опредѣленій соборныхъ, но готовы слушать наставленія; прочіе же изъявили всегдашнюю свою покорность Собору, потому что вынужденно были заключены въ обители. Простоявъ безуспѣшно два лѣта, воевода рѣшился не возвращаться на зиму въ Сумскій острогъ и вести осаду постоянную, съ подкопами и батареями, бросая раскаленныя ядра въ ограду; нѣсколько его приступовъ были однако отражены. Но еще находились въ стѣнахъ обители иноки, скорбѣвшіе о бѣдственномъ ея положеніи; одинъ изъ нихъ открылъ тайный выходъ, которымъ прежде добывали воду, и ночью 22 Января 1674 года, въ зимнюю непогоду, когда мятежники безпечно отдыхали, войско царское проникло въ ограду и отбило изнутри врата. Услышавъ шумъ, осажденные бросились къ оружію; завязалась кровопролитная сѣча, въ которой убито болѣе 100 человѣкъ стрѣльцовъ и до

Bayerische Staatsbibliothek München

130 мятежниковъ; другіе разбѣжались по келліямъ и тамъ затворились, но вѣрные изъ числа монашествующихъ и мірянъ, которые сами страдали въ долгую осаду отъ скопища разбойниковъ Стенки Разина, вышли со крестами на встрѣчу воеводѣ царскому. Денисовъ увѣряетъ, будто бы Мещериновъ убѣдилъ ихъ выйти изъ келлій и встрѣтить его такимъ образомъ, но кажется не было въ томъ нужды побѣдителю и вѣроятнѣе произвольное движеніе освобожденныхъ имъ отъ плѣна.

Потомъ описываетъ онъ, какъ бы подвиги мученическіе, заслуженную казнь зачинщиковъ мятежа, изъ коихъ только шесть были осуждены на смерть, и прежде всѣхъ атаманъ ихъ Самуилъ. Восхваляя его ревность и Архимандрита Никанора, онъ говоритъ, что на вопросъ воеводы: какъ дерзнули противиться Самодержцу и отбивать посланное имъ войско? оба отвѣчали: будто Царю не противились, а только защищали обитель отъ попирающихъ отеческіе законы. Архимандритъ же, бывшій нѣкогда духовникомъ царскимъ, сказалъ: «что и царскую душу въ рукахъ своихъ держитъ и никого не боится, ибо удалился отъ молвы житейской въ стяжаніе чудотворцевъ, чтобы идти по ихъ стопамъ; потому и праведно не впускали пришедшихъ разорять».— Такъ онъ разумѣлъ свое званіе и долгъ присяги! По словамъ Денисова старецъ, получивъ многія раны, брошенъ былъ на морозъ во рву мона-

стырскомъ; но можно ли сему вѣрить, при доказанной склонности къ преувеличеніямъ самого Денисова? Онъ писалъ также, будто бы сверхъ шести осужденныхъ, воевода велѣлъ вывести изъ подъ караула до 60-ти иноковъ и бѣльцовъ и всѣхъ ихъ предалъ различнымъ казнямъ, когда мы знаемъ, что въ синодикахъ раскольничьихъ, ихъ записано не болѣе 30-ти. Нѣтъ ничего чуднаго въ его сказаніи, что тѣла казненныхъ сохранились невредимы до половины лѣта, потому что не ранѣе сего времени таетъ ледъ около Соловецкой обители. Денисовъ увѣряетъ еще, будто бы и Царь Алексѣй Михайловичъ плачевно умеръ, въ самый день взятія монастыря, когда, напротивъ того, кроткій Государь сей, столько щадившій мятежниковъ, скончался мирно, недѣлю спустя послѣ покоренія монастыря, то есть 29-го Января, напутствованный св. тайнами; но ревнителю мятежа нужно было украсить ложью свой разсказъ (*).

Однако, съ умиреніемъ обители не прекратилась болѣзнь раскола, возбужденнаго на сѣверѣ. Во время девятилѣтней осады постоянно выходили на окрестное поморіе сѣятели его, изъ древней лавры, и распространяли повсюду свое лжеученіе, устроя скиты, гдѣ собирали множество невѣжественныхъ послѣдователей, отъ чего и самый расколъ принялъ общее названіе Поморскаго. Де-

(*) Исторія Соловец. обители Денисова. Ист. Филар. 200.

писовъ, прославляя своихъ сподвижниковъ, говоритъ: что сперва вышелъ изъ лавры старецъ Епифаній, называемый имъ многострадальнымъ, который утвердилъ въ расколѣ всю Обонежскую страну, и въ послѣдствіи, взятый въ Москвѣ, сосланъ былъ въ Сибирь, вмѣстѣ съ попами Аввакумомъ и Лазаремъ, гдѣ будто бы сожженъ за вѣру; но по актамъ видно, что они наказаны за дерзкія хулы противъ особы царской. Оттуда также вышелъ Савватій инокъ, который обойдя многія пустыни, нашелъ себѣ достойный конецъ въ Москвѣ, принявъ участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ Никиты Пустосвята, и вмѣстѣ съ нимъ осужденъ на казнь. Экклесіархъ Соловецкій, діаконъ Игнатій, шелъ по ихъ слѣдамъ и обойдя Каргопольскіе и Обонежскіе предѣлы, собралъ единомышленниковъ въ Выгорѣцкую пустынь, которая сдѣлалась гнѣздомъ раскола; когда же хотѣли его схватить, съ собранною имъ дружиною изъ 2700 человѣкъ, онъ бѣжалъ въ Палеостровскій монастырь, гдѣ поселился иной ревнитель раскола, бывшій Епископъ Коломенскій Павелъ. Игнатій былъ убитъ, ученики же его сами себя предали сожженію. Примѣру ихъ подражали, въ томъ же монастырѣ, другой Соловецкій инокъ Германъ, сожегшійся съ 1500 учениковъ, во избѣжаніе присланныхъ за нимъ воиновъ, и Іосифъ Сухой, сгорѣвшій добровольно въ Пудожскомъ монастырѣ съ 1200 своихъ приверженцевъ. Денисовъ называетъ еще между своими великими старцами, проповѣдывавшими

по всему поморію, Евѳимія и Геннадія Качалова, которые до конца жизни были распространителями раскола въ пустыняхъ Олонецкихъ, гдѣ утвердился болѣе, нежели въ иныхъ мѣстахъ (*). Онъ заключаетъ повѣсть свою о Соловецкой осадѣ, призывая всѣхъ истинныхъ сыновъ Церкви къ подражанію столь великимъ подвижникамъ, позабывъ, что всѣ они подымали оружіе противъ законной власти, вопреки словамъ Апостольскимъ: «нѣсть власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть; тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіися же себѣ грѣхъ пріемлютъ» (Римл. XIII, 1—2).

IX.

Стрѣлецкій мятежъ Никиты Пустосвята.

Не прошло семи лѣтъ послѣ усмиренія мятежа Соловецкаго, какъ вспыхнулъ новый, въ самой столицѣ, тѣмъ болѣе дерзкій, что всѣ его безчинія, прикрытыя знаменемъ вѣры, совершались въ присутствіи всего Собора и Синклита. Онъ

(*) Истор. Филар. 202.

былъ возбужденъ разстриженнымъ попомъ Никитою Пустосвятомъ, который забывъ принесенное имъ однажды покаяніе, возвратился, при удобномъ случаѣ, къ прежнимъ толкамъ. Въ числѣ его сообщниковъ были: нѣкто монахъ Сергій, составитель новой челобитной, по образцу Никитиной, Савватій, бывшій въ осадѣ Соловецкой, и еще два выходца лѣсовъ Волоколамскихъ. Былъ между ними и простой послушникъ обители Желтоводской, Савва, который заступалъ важное мѣсто, какъ грамотный и описатель мятежа сего, и весьма счастливо, что нашелся изъ числа самыхъ мятежниковъ свидѣтель, для подтвержденія современныхъ сказаній Патріарха Іоакима, монаха Сильвестра и боярина Матвѣева (сына убитаго стрѣльцами воспитателя Царицы Натальи Кириловны), потому что изъ записокъ сего Саввы можно почерпнуть много любопытныхъ свѣдѣній, о крамольныхъ дѣйствіяхъ невѣжественнаго скопища, для его обличенія (*).

Странно однако, что всѣ раскольники въ запискахъ Матвѣева и Крекшина, называются подъ общимъ именемъ Капитоновъ, хотя скитавшійся монахъ Капитонъ не былъ участникомъ мятежа и не имѣлъ такой извѣстности, какъ попы Аввакумъ, Лазарь и Никита, оставившіе по себѣ многихъ послѣдователей. Неизвѣстно откуда онъ явил-

(*) Записки Русскихъ людей Сахарова, томъ II. Рукопись Саввы.

ся и какъ изчезъ, но увлеченный гордою мыслію о своемъ подвижничествѣ, не считалъ уже нужнымъ для Церкви ни священства, ни таинствъ, такъ какъ не былъ самъ посвященъ. Но Капитонъ не подозрѣвалъ въ то время, когда еще было много священниковъ стараго посвященія, что его мнѣніе составитъ въ послѣдствіи особенную вѣтвь раскола, которая приметъ названіе *безпоповщины.* Тогда еще ненависть его къ духовной власти отзывалась только сопротивленіемъ предстоятелямъ Церкви, а не явнымъ ихъ отверженіемъ, но уже обнаруживалось и неразлучное съ такимъ образомъ мыслей сопротивленіе власти гражданской. Когда же со временемъ окончательно раздѣлился расколъ на поповщину и безпоповщину, явилось множество Капитоновъ всякаго толка, которые подъ разными видами проповѣдывали свое пагубное лжеученіе и быть можетъ не напрасно, при самомъ началѣ, смѣшали ихъ всѣхъ подъ однимъ общимъ именемъ, потому что одинаковый духъ непокорности предержащей власти таился во всѣхъ.

Начало смятенія произошло слѣдующимъ образомъ: по смерти кроткаго Царя Ѳеодора Алексѣевича, властолюбивая сестра его Царевна Софія, недовольная избраніемъ на царство отрока Петра, происками бояръ Милославскихъ, возбудила стрѣльцовъ ниспровергнуть сіе благое дѣло и поставить Царемъ слабаго Іоанна, вмѣстѣ съ юнымъ Петромъ, а ее провозгласить правительницею госу-

дарства. Не мѣсто здѣсь говорить о всѣхъ ужасахъ, которыми ознаменовался мятежъ стрѣлецкій 15-го Мая, неслыханный въ лѣтописяхъ Московскихъ, потому что никогда еще дотолѣ не дерзали нарушать недоступную святыню царскаго жилища. Избіеніемъ почти всѣхъ родственниковъ добродѣтельной Царицы Наталіи Кириловны, которая сама вынуждена была выдать имъ любимаго брата, укрытаго ею въ церкви, и грабежи по всѣмъ частямъ города не удовлетворили неистоваго буйства стрѣльцовъ. Но у историка раскольниковъ Саввы, все это оговорено такимъ образомъ: «въ 190 году, Мая въ 15-й день, по смерти Государя Өеодора Алексѣевича, бысть чудо преславно, попущеніемъ святаго Бога, восташа служивые люди на бояръ, и убиша Князя Юрія Долгорукова, съ товарищами, а послѣ того смятенія въ третій день, бысть промежъ ими дума и совѣтъ заедино: что въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную Христіанскую вѣру погубили, въ коей Россійские чудотворцы Богу угодили и прежніе великіе Князи и благовѣрные Цари и святѣйшіе Патріархи, до Никонова патріаршества, и поискаша у себя въ полку таковыхъ людей, чтобы кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать Патріарху и властямъ, отъ божественныхъ писаній: за что они власти, старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ Князяхъ и Царяхъ и пяти Россійскихъ Патріархахъ, возненавидѣли и возлюбили

новую Латиноримскую вѣру, по своей волѣ, а не по Божіей сотворенную».

Хотя Савва, во всѣхъ состязаніяхъ, приписываетъ побѣду мнимымъ старообрядцамъ, однако, изъ его разсказа, можно видѣть тайныя пружины и приготовленія мятежа сего; иначе намъ бы только было извѣстно его заключеніе въ грановитой палатѣ: Савва разсказываетъ, не подозрѣвая, что самъ на себя пишетъ обличенія. При всей ревности стрѣльцовъ за такъ называемую старую вѣру, не обрѣталось между ними человѣка, который могъ бы составить челобитную; такъ мало разумѣли они то, чего хотѣли! — Стрѣльцы Титова приказа стали распрашивать: нѣтъ ли грамотнаго между посадскими людьми, изъ ревнителей старой вѣры? и, по долгомъ совѣщаніи, обрѣли инока Сергія, новаго Илію и адаманта, по словамъ Саввы; но инокъ сей, бродившій между мірскими людьми, вмѣсто обѣщаннаго пребыванія въ стѣнахъ обители, очевидно заслуживалъ не похвалу, а порицанія и суда. Съ его благословенія начали писать челобитную, о старой будто бы вѣрѣ, въ домѣ одного посадскаго. На другой день призвали нѣкоторыхъ стрѣльцовъ, которыхъ Сергій возбуждалъ стоять за старую вѣру, но ихъ самихъ не выдавать, хотя готовы пролить кровь свою за древнее благочестіе (за чѣмъ же было просить защиты?). Стрѣльцы обѣщались за одно съ ними жить и умереть и, выслушавъ съ изумленіемъ

челобитную, говорили: «мы во дняхъ своихъ не слыхали толикаго описанія ересей въ новыхъ книгахъ!» И такъ еслибы не бѣглый инокъ, то стрѣльцы и не подозрѣвали бы за что они ревнуютъ! Сотники созвали всѣхъ стрѣльцовъ своего приказа въ съѣзжую избу и велѣли одному изъ своей среды читать вслухъ челобитную; но такъ какъ онъ не раздѣлялъ рѣчь отъ рѣчи и читалъ не внятно, то никто его не понялъ. Пригласили Савву и онъ сталъ читать толкомъ, раскрывая мнимыя ереси, такъ что многіе прослезились и воскликнули: «подобаетъ, братіе, постоять намъ за старую православную вѣру; если мы за тлѣнное готовы были сложить головы, то кольми паче за Христа свѣта!» и списавъ для своего приказа челобитную, подлинную возвратили въ посадъ.

Возвѣстили о томъ Князю Хованскому, который послѣ перваго возмущенія, стоившаго столько боярской крови, назначенъ былъ отъ Царевны Софіи начальникомъ стрѣлецкаго приказа, вмѣсто убитаго Князя Долгорукаго, и самъ въ послѣдствіи былъ казненъ вмѣстѣ съ сыномъ, за участіе въ третьемъ бунтѣ. Таковы были ревнители старой вѣры! Обрадовался Князь доброй вѣсти и спросилъ только: «есть ли между ними кому давать отвѣтъ противъ властей: ибо дѣло это великое и надобно людей ученыхъ?» Ему отвѣчали: «что есть инокъ у нихъ весьма искусенъ божественному писанію, и много посадскихъ людей о

томъ ревнуютъ». Князь велѣлъ ихъ привести къ себѣ и, испытавъ Сергія, объявилъ ему, что самъ онъ хотя и грѣшенъ, но держится стараго благочестія; однако, выслушавъ челобитную, замѣтилъ, что простому иноку не по силамъ будетъ возстать на столь великое дѣло, хотя и обѣщаетъ всѣхъ обличить, и спросилъ: «нѣтъ ли еще кого изъ ученыхъ?» Когда же сказали ему о Никитѣ, бывшемъ попѣ Суздальскомъ, уже разстриженномъ, успокоился говоря: «противъ того нечего молвить, онъ имъ всѣмъ уста заградитъ; самъ же я, хотя и радъ вамъ помогать и васъ не выдамъ, но въ этомъ дѣлѣ не искусенъ, навыкнувъ чину воинскому а не духовному».

Стрѣльцы и ихъ возбудители просили Князя, чтобы онъ для нихъ устроилъ Соборъ, всенародный на лобномъ мѣстѣ, въ присутствіи Царей и Царицы Натальи Кириловны, Патріарха и всѣхъ Архіереевъ, или въ Кремлѣ у Краснаго крыльца, и какъ можно скорѣе. Князь отвѣчалъ, что въ назначенный ими день неудобно, потому что Цари должны вѣнчаться скоро на царство и можетъ сдѣлаться смятеніе въ народѣ; но Сергій и выборные говорили: «что можно вѣнчаніе отложить до другаго воскресенья». Вотъ какъ бѣглый инокъ, съ простыми воинами, почитали себя въ правѣ рѣшать даже столь важное дѣло, каково царское вѣнчаніе! Бояринъ съ клятвою увѣрялъ безразсудныхъ, что уже дѣла сего отложить нельзя, потому что все приготовлено; но что служба

будетъ по старому, и Цари станутъ вѣнчаться по древнему чину, какъ вѣнчались Цари Іоаннъ Васильевичъ и сынъ его Ѳеодоръ; однако не могъ ихъ переубѣдить и, чтобы успокоить, обѣщалъ для нихъ Соборъ въ назначенный день.

Наступилъ пятокъ и стрѣльцы, отслуживъ у себя молебенъ, пришли въ Кремль, предводимые слѣпыми своими вождями: бѣглымъ Сергіемъ съ крестомъ въ рукахъ, разстригою Пустосвятомъ съ евангеліемъ, и новымъ выходцемъ Волоколамскихъ лѣсовъ, Савватіемъ, съ иконою страшнаго суда. Народъ столпился у Краснаго крыльца, любопытствуя какая причина такому сборищу?—Князь призвалъ выборныхъ и ихъ старцевъ въ отвѣтную палату и къ нимъ вышелъ, со множествомъ дьяковъ. Приложившись къ святынѣ, лицемѣрно спросилъ онъ, какъ бы ничего не вѣдая о томъ, что самъ устроилъ: какая вина ихъ прихода?— Разстрига отвѣчалъ: «мы пришли побить челомъ Государямъ, о старой вѣрѣ, чтобы велѣлъ Патріарху служить по старымъ служебникамъ, на семи просфорахъ, не на пяти, и крестъ былъ бы двучастный, а не крыжъ Латинскій, да утихнетъ смятеніе; а если Патріархъ на это не согласенъ, то велѣли бы дать ему праведное съ нами разсужденіе: почему онъ такъ поступаетъ вопреки божественнаго писанія, и ссылаетъ ревнителей отеческихъ законовъ, а Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить весь, и за ребры перевѣшать и на морозѣ выморозить?» — Мы уже

видѣли истинную повѣсть объ осадѣ Соловецкой. Бояринъ отвѣчалъ: «я и самъ вѣрую по старымъ книгамъ», и прочитавъ символъ съ приложеніемъ, перекрестился двумя перстами. «Есть ли у васъ челобитная?» спросилъ онъ. Ему представили двѣ, изъ коихъ одна была вѣроятно старая Никитина; Пустосвятъ опасался, что Князь ихъ не возвратитъ, и не по чемъ будетъ отвѣчать на Соборѣ; но бояринъ обѣщалъ съ клятвою и, трижды ходивъ въ верхъ къ Государямъ, принесъ ее обратно съ такимъ словомъ: что на эту челобитную недѣли на три есть дѣло, кромѣ свидѣтельства книжнаго, и Патріархъ упросилъ Царей, чтобы до среды отложить разсужденіе соборное. Пустосвятъ опять сталъ приступать, чтобы царское вѣнчаніе было по старому чину и обѣдня на семи просфорахъ: и бояринъ, чтобы отъ него освободиться, предложилъ ему испечь просфоры съ осьмиконечнымъ крестомъ, которыя самъ обѣщалъ отнести Патріарху, и заставить его на нихъ служить (*).

Между тѣмъ подошли еще иные ревнители изъ Волоколамскихъ лѣсовъ, вызванные Саввою, и въ день вѣнчанія царскаго была голка, т. е. сборище въ Титовѣ стрѣлецкомъ приказѣ. Пустосвятъ велѣлъ искусной вдовѣ испечь просфоры и самъ понесъ ихъ боярину; но отъ тѣсноты народной не могъ проникнуть даже до собора и возвратился

(*) Рукопись Саввы. Ист. Филар. 205.

осмѣянный. Благоразумные люди Титова приказа, какъ ихъ называетъ Савва, видя что нѣтъ согласія въ иныхъ толкахъ о правовѣріи, совѣщались между собою, и выбравъ старыхъ стрѣльцовъ, съ благословенія своихъ монаховъ, послали ихъ по всѣмъ приказамъ съ челобитною, чтобы къ ней прикладывать руки, и Савву съ ними, чтобы было кому читать неграмотнымъ. Девять приказовъ на то согласились, а 10 Пушкарской отказалъ и сдѣлалась между ними большая распря. Смышленые говорили: «какъ намъ прилагать руки къ тому, въ чемъ противъ Патріарха не съумѣемъ отвѣчать? и старцы наши смутившись уйдутъ, потому что это дѣло патріаршее, а не наше». Такъ всѣ и рѣшили, чтобы имъ безъ рукоприкладства стоять за правую вѣру и не давать себя мучить, а подписанную челобитную положили за печатью въ Титовѣ приказѣ; велѣли же подать другую, болѣе пространную на 20 столбцахъ, отъ лица всѣхъ православныхъ Христіанъ (*).

Выборные заблаговременно пошли спросить Князя: когда велитъ придти отцамъ ихъ на Соборъ? и Князь спросилъ ихъ трижды, какъ бы отъ имени Государей: «всѣ ли они готовы стоять за старую вѣру?» Услышавъ же, что всѣ готовы за нее умереть, самъ повелъ выборныхъ и посадскихъ къ Патріарху. По сказанію Саввы: пока ходилъ бояринъ въ крестовую патріаршую, велѣно опять

(*) Рукопись Саввы.

было перепоить выборныхъ и они подошли къ благословенію, а вѣрные не подошли и крайне смутились, предвидя, что не будетъ успѣха. Бояринъ, на вопросъ Патріарха, о причинѣ пришествія? отвѣчалъ отъ лица всѣхъ: «что надворная пѣхота Государева пришла бить къ нему челомъ о старомъ благочестіи». Патріархъ напомнилъ имъ сперва, что, по апостольскимъ правиламъ, мірянамъ не подобаетъ судить Архіереевъ, а должно повиноваться имъ, какъ своимъ учителямъ, и объяснилъ, что не новую какую либо вѣру проповѣдуетъ, послѣдуетъ же соборному опредѣленію Восточныхъ Патріарховъ. Тогда поставили въ отвѣтчики противъ Патріарха одного посадскаго Павла и самаго Савву, и они будто бы такъ сильно ему говорили, все изъ священнаго писанія, противъ Никона, что Патріархъ не зналъ уже какъ имъ отвѣчать, и только тѣмъ отговаривался, что три дня не ѣлъ и отъ того такъ ослабѣлъ, а бояринъ похвалилъ Павла: что въ немъ такого человѣка не чаялъ. Когда же Патріархъ спросилъ Павла и Савву: кто они?—оба ревнители солгали, страха ради; одинъ назвался Иваномъ, а другой посадскимъ человѣкомъ, и потомъ вторично солгалъ на вопросъ Митрополита Нижегородскаго, который началъ его распознавать: какъ его зовутъ? — Васильемъ, да еще и стрѣльцемъ, что подтвердили и другіе стрѣльцы. Такъ стояли они за истину и сами сознаются искренно въ этой лжи. Утоми-

тельно было бы повторять все словопреніе, не представляющее ничего новаго въ обычныхъ нареканіяхъ раскольничьихъ: говорилъ же не одинъ Патріархъ, но еще и Митрополиты Крутицкій и Нижегородскій, котораго укорялъ Савва, будто моритъ въ тюрьмѣ трехъ ревнителей стараго ученія. Не былъ ли Савва самъ въ числѣ бѣжавшихъ изъ его эпархіи, бывъ послушникомъ Желтоводскаго монастыря?—потому вѣроятно и боялся быть узнанъ своимъ Архіереемъ.

Послѣ долгаго пренія опять никто не хотѣлъ благословляться у Патріарха, кромѣ выборныхъ и всѣ разошлись до слѣдующей среды, въ которую назначено было соединиться Собору, а до того времени были посланы отъ духовныхъ властей двое, священникъ и іеромонахъ, чтобы проповѣдывать народу о триперстномъ знаменіи, но ихъ побила чернь, и страхъ распространился между Архіереевъ, такъ что они, по словамъ Саввы, будто бы перестали благословлять по новому и носить ненавистные старообрядцамъ жезлы со зміями. Вотъ еще одна ложь, достойная первой: будто бы сама благовѣрная Царица, Наталья Кириловна, принимала участіе въ суемудріи и присылала нарочно сказать стрѣльцамъ, чтобы Соборъ непремѣнно былъ на лобномъ мѣстѣ, и ее бы звали на Соборъ съ Государями, а въ церковь бы не ходили, хотя бы и весьма ихъ приглашали; естьли же не на лобномъ мѣстѣ, то хотя промежъ соборовъ, и трижды о томъ при-

сылала просить, чтобы въ грановитую палату не ходили, потому что есть противъ нихъ злой умыселъ. Можно ли повѣрить такой клеветѣ на Царицу, у которой, за нѣсколько только дней предъ симъ, тѣ же стрѣльцы исторгли изъ объятій роднаго брата и умертвили страшною мукою?—И на Патріарха выдумали, будто бы онъ, испугавшись, не хотѣлъ идти на Соборъ, а просилъ только, чтобы старые и новые служебники положены были въ раку Петра Митрополита, заповѣдавъ постъ по всей землѣ и запечатавъ общею печатію Собора, дабы проявилось, которыя книги правы, отъ самого Чудотворца? На это будто бы уже соглашались стрѣльцы, но изъ дворца пришла тайная вѣсть, чтобы запечатали не соборную дверь, а самую раку, потому что у Патріарха есть умыселъ взойти тайными дверьми, и выкинувъ старыя книги изъ раки положить новыя: посему надобно приставить къ собору стражу по сту человѣкъ въ сутки; когда же, продолжаетъ Савва, узналъ Патріархъ, что открытъ его умыселъ, не захотѣлъ болѣе класть книги въ раку и потому вынужденъ былъ назначить Соборъ въ среду.

Отселѣ можно, по крайней мѣрѣ, повѣрять сказанія Саввы, современными записками, во всемъ между собою сходными, и книгою Патріарха Іоакима, Увѣтомъ духовнымъ, какъ историческимъ актомъ, въ которомъ вѣрно описано бывшее смятеніе на Соборѣ 5-го Іюля. Сперва прослѣдимъ

вкратцѣ сказаніе Саввы. Онъ пишетъ, что благословившись у отца Никиты (разстриженнаго и потому не имѣвшаго болѣе права благословлять), старцы ихъ (бѣглые монахи) взяли опять крестъ и евангеліе, икону страшнаго суда, и со свѣчами, которыя несли предъ ними выборные, пошли на Соборъ, въ сопровожденіи 50 стрѣльцовъ. Еще нѣкоторые несли на головахъ старыя книги для обличенія новыхъ; толпы народа, пораженныя симъ зрѣлищемъ, взошли за ними въ Кремль, такъ что стража не успѣла затворить ворота, и всѣ устремились къ собору, гдѣ Патріархъ долженъ былъ служить литургію, такъ какъ это былъ день памяти преподобнаго Сергія. Мнимые ревнители благочестія разложили святыню на налояхъ близь Архангельскаго собора, выжидая окончанія службы. Послѣ обѣдни высланъ былъ священникъ, съ обличительными тетрадями противъ Пустосвята; выборные хотѣли разорвать тетради и прибить священника, а народъ собирался даже побить его камнями; но монахъ Сергій удержалъ говоря, что священникъ не виноватъ, потому что не свою творитъ волю, и Царевна Софія, изъ оконъ грановитой палаты похвалила за то Сергія. Намѣреніе побить камнями посланнаго отъ Патріарха (въ чемъ сознается и Савва), свидѣтельствуетъ истину словъ другихъ описателей мятежа (Матвѣева и Крекшина): «что буйные несли съ собою за пазухою камни, для того, чтобы побить ими не одного священника,

*

но и Святителей, более имъ опасныхъ». Сергій, вставъ на скамью, поставилъ рядомъ съ собою спасеннаго имъ священника, и началъ обличать новую вѣру, читая вслухъ челобитную, которой въ глубокомъ молчаніи внималъ народъ, до того стѣснивъ чтеца, что стрѣльцы принуждены были оградить его скамьями.

Между тѣмъ выборные ходили къ Князю Хованскому и Патріархъ велѣлъ имъ звать старцевъ своихъ въ грановитую палату; но предводители раскола чувствуя, что они лучше могутъ держаться въ толпѣ народной, нежели въ палатѣ, не хотѣли туда идти и требовали, чтобы Патріархъ вышелъ къ нимъ съ Царями совѣщаться на площадь. Наконецъ бояринъ убѣдилъ Никиту и Сергія идти вверхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что и Царевны хотятъ присутствовать на Соборѣ, а имъ неприлично быть на площади, и съ клятвою обѣщалъ, что всѣхъ отпустятъ тотчасъ по выслушаніи челобитной, потому что было уже поздно свидѣтельствовать книги. Ревнители согласились, хотя и съ большимъ опасеніемъ, идти тѣмъ же порядкомъ, съ иконами и свѣчами, на Красное крыльцо, на которомъ стояло много священниковъ; но тутъ вышла новая помѣха. По словамъ Саввы: одинъ изъ священниковъ, узнавъ разстригу, выскочилъ изъ толпы и подралъ за волосы Никиту; шествіе опять остановилось, доколѣ нарушитель порядка не былъ взятъ подъ стражу, по приказанію Князя Хованскаго, и не удалены

съ крыльца всѣ священники. Тогда лишь раскольничьи старцы отважились взойти въ палату, въ присутствіе Царицы, трехъ Царевенъ, Патріарха и всего духовнаго Собора и Синклита. Никто изъ нихъ не поклонился Святителямъ, а только Царицѣ и Царевнамъ. На вопросъ Патріарха: «чего ради пришли»? Никита нагло отвѣчалъ: «для разсмотрѣнія о старой вѣрѣ съ вами, новыми законодавцами»! И когда Патріархъ оправдывалъ книжное исправленіе, какъ согласное съ древними списками и даже съ грамматическимъ смысломъ, столь же дерзко возразилъ Никита: «мы не о грамматикѣ пришли спорить, а о догматахъ»! Аѳанасій, Епископъ Холмогорскій, хотѣлъ отвѣчать за Патріарха, и тутъ надобно привести собственныя выраженія раскольничьяго писателя, чтобы показать, какимъ духомъ они напитаны: «бросился изъ кути гонебный песъ, Колмогорскій Епископъ пустобродъ, а имя ему не въ памяти у насъ, и нача громко говорить а рѣчей не слыхать; Никита же воспрети ему: что де ты ноги выше главы ставишь? я не съ тобою говорю, а со святѣйшимъ Патріархомъ, и отвелъ его мало рукою. Царевна же Софія вскочи съ престола и воскрича: видите ли, что Никита дѣлаетъ? въ нашихъ очахъ Архіерея бьетъ, а безъ насъ и давно убьетъ; а предстоящіе сказали Царевнѣ: онъ не бьетъ, а только рукою отвелъ, да не велѣлъ ему прежде Патріарха говорить». Таково было ожесточеніе!—Царевна напомнила Никитѣ, какъ онъ

приносилъ повинную Царю, Патріарху и всему Собору, призывая на себя клятву вселенскую, естьли вновь будетъ подавать челобитную, а теперь опять за то же принялся! Никита же отвѣчалъ ей: что давалъ клятву, подъ страхомъ меча и костра, и ему не дали отвѣта на его челобитную, которую писалъ шесть лѣтъ, а только посадили въ тюрьму; книга же Симеона Полоцкаго «Жезлъ правленія» и пятой доли его вопросовъ не удовлетворяетъ; но теперь, если дадутъ ему во всемъ отвѣтъ, то пусть съ нимъ дѣлаютъ что заблагоразсудятъ (*).

Царевна велѣла ему умолкнуть, а дьяку читать челобитную; но когда дошли до того мѣста, что чернецъ Арсеній еретикъ, съ Никономъ Патріархомъ, поколебали царскую душу Алексѣя Михайловича, Софія, не вытерпѣвъ, быстро встала опять съ престола и воскликнула: «и такъ покойные отецъ и братъ нашъ также еретики, и нынѣшніе Цари не Цари и Святители не Святители! Мы всѣ удалимся съ царства»! Князь Хованскій и бояре стали ее уговаривать, чтобы осталась, увѣряя, что готовы головы положить за своихъ Государей, а стрѣльцы, по словамъ Саввы, видя таковую неправду бояръ, стали говорить въ глаза Царевнѣ: «пора вамъ, Государыня, давно въ монастырь; полно вамъ царство мутить; намъ бы Цари были здоровы, а и безъ васъ пусто не бу-

(*) Рукопись Саввы.

детъ». Она же, со стыдомъ сѣвъ на царскомъ мѣстѣ, велѣла читать челобитную. Тутъ началось преніе Царевны съ Савватіемъ, о крестномъ знаменіи, который утверждалъ: будто бы Дамаскинъ запрещаетъ, въ словѣ своемъ, напечатанномъ въ скрижали, носить на себѣ крестъ и прочее. Никита опять вступился въ разговоръ и хотѣлъ показать это мѣсто въ скрижали, и опять велѣла молчать ему Царевна, отдавъ книгу Сергію, она будто бы сказала: «что прежде не читала о такомъ запрещеніи носить крестъ», когда стоило только прочесть нѣсколько строкъ сряду, чтобы видѣть всю нелѣпость сего обвиненія противъ Дамаскина, который ничего подобнаго не говорилъ, какъ уже о томъ сказано прежде. Потомъ, когда дошла рѣчь до сугубой аллилуіа и Епископъ Холмогорскій хотѣлъ доказать, древнею харатейною рукописью, что должно пѣть ее трижды, старообрядцы будтобы обличили его иною древнѣйшею книгою Греческою, гдѣ аллилуіа написано было дважды.

Стали читать далѣе челобитную: «что если новоучители Никонъ и Іоакимъ Патріархи прокляли православныхъ, не пріемлющихъ ихъ Латино-римскаго преданія, то съ ними прокляты всѣ прежде бывшіе Патріархи и Цари и предки царствующихъ, и сами они свое крещеніе древнее проклинаютъ». Тутъ Царевна промолвила: «вижу что сосудъ вашъ полонъ полыни, а по краямъ медомъ обмазанъ; если отецъ нашъ еретикъ, то

за-чѣмъ пишете его съ полнымъ титуломъ»? Царица же Наталья Кириловна молча пошла въ свою палату. Патріархъ, взявъ сосуды Св. Антонія Римлянина, показывалъ народу, что крестъ на нихъ четвероконечный, а Сергій сказалъ: «мы сей крестъ пріемлемъ, онъ тричастный, а не то что крыжъ (какъ будто въ подножіи все дѣло, а не въ самомъ крестѣ!). Да еще показывалъ Патріархъ служебникъ Митрополита Кипріана и соборный свитокъ, о поставленіи Патріарха Іова, но не раскрывалъ ихъ народу, такъ что неизвѣстно, сходно ли или несходно съ старыми книгами? (опять явная ложь, потому что изъ сего свитка почерпнулъ Никонъ свидѣтельство о символѣ вѣры безъ приложенія). Народъ же (т. е. стрѣльцы) завопилъ, сложа персты по преданію своихъ отцевъ: «мы ради за старый крестъ помереть»!

Царевна со слезами сказала: «не знаю что съ вами дѣлать», и, вставъ съ престола, совѣщалась съ выборными: что хулу говорятъ на отца ея и брата, и просила вступиться за царскій домъ. Савва же отвѣчалъ, что не Царей благочестивыхъ, а только Никона и Арсенія называлъ еретиками. Тогда Царевна вышла изъ палаты со всѣмъ синклитомъ, а Патріархъ положилъ быть еще Собору въ пятницу. Народъ обрадовался, что старцы его безвредными вышли изъ палаты и просилъ прочесть еще разъ Соловецкую челобитную на лобномъ мѣстѣ; потомъ съ честію

проводилъ ихъ до Таганки, и слагая двуперстное знаменіе, всѣ восклицали: «намъ Государи приказали по старому креститься». Князь Хованскій далъ старцамъ сто человѣкъ стрѣльцовъ почетной стражи и въ Титовѣ приказѣ со звономъ служили молебенъ. Такъ пишетъ Савва.

Между тѣмъ, по словамъ его, Патріархъ, съ духовными властями пришли будто бы въ палату просить Царевну, чтобы не выдавала ихъ раскольникамъ; она же, призвавъ выборныхъ отъ всѣхъ полковъ стрѣлецкихъ, убѣждала ихъ именемъ Царей и Патріарха, не промѣнять всего государства на шесть чернецовъ, обѣщая имъ великіе дары и почести. Выборные отвѣчали: «не наше дѣло стоять за старую вѣру, а Патріаршее»! У тѣхъ же выборныхъ Титова приказа, которые не хотѣли согласиться, говоря, что ихъ побьютъ камнями, велѣла отобрать оружіе и посадить подъ стражу, но одумалась услышавъ ропотъ. Когда выборные возвратились въ полки, рядовые стали упрекать ихъ, что пропили свою братію на водкѣ, и посадили нѣкоторыхъ въ тюрьму, а другіе пришли извѣстить о томъ Царевну. Патріархъ пришелъ опять просить защиты; она же успокоила его, обѣщая все уладить, и велѣла созвать по сту человѣкъ опасной стражи съ каждаго полка. Всѣмъ имъ, когда уже они хотѣли возмутиться и идти съ барабанами на патріаршій дворъ, поднесено было много вина и меда, и они не только перепились, но и отцевъ своихъ выдали, а дру-

гіе разбѣжались видя такую бѣду (вотъ какъ твердо было православіе сихъ ревнителей, даже по словамъ ихъ единомышленника, что за водку всѣмъ пожертвовали, а хотѣли возмутить все царство и бились за старую вѣру). На третій день всѣ стрѣльцы принесли повинную, а старцевъ схватили и разослали по монастырямъ; разстригѣ же Никитѣ отсѣкли голову и тѣмъ окончились всѣ его козни.

Послѣ такого преукрашеннаго описанія бывшаго соборища, однимъ изъ дѣятелей раскола, справедливость требуетъ посмотрѣть, какъ о томъ говорили православные свидѣтели и не одинъ, а нѣсколько вмѣстѣ и единодушно. Сынъ боярина Матвѣева, едва и самъ спасшійся отъ смерти, прямо пишетъ, что многіе простецы, незнавшіе вовсе древняго устава, изъ коихъ нѣкоторые сами себя въ лѣсахъ предавали на сожженіе, хотѣли имѣть преніе о вѣрѣ съ Патріархомъ; мятежные стрѣльцы съ своими Капитонами, пришли въ Кремль, неся иконы и свѣчи: «многіе напившись вина, чтобы дерзновенно устремиться на убіеніе неповинныхъ, и едва не у всѣхъ каменями наполнены были пазухи». По прочтеніи суемудрой ихъ челобитной, Патріархъ и Архіереи начали ихъ обличать, показывая старыя книги; но они, какъ пьяные, возшумѣли и когда Аѳанасій Епископъ, мужъ слова и разума, крѣпко защищалъ православіе, уязвляя какъ бы стрѣлами Капитоновъ, не могли они стерпѣть

обличеній и устремились его умертвить, такъ что благочестивые Цари съ гнѣвомъ вышли изъ палаты. Тогда вѣрные стрѣльцы, не державшіеся раскола, выслали мятежниковъ изъ Кремля, а пустосвятъ Никита, какъ новый Симонъ волхвъ, едва вышелъ изъ Спасскихъ воротъ, бѣснуясь палъ на землю предъ всѣмъ народомъ, и потомъ понесъ достойную казнь (*).

Тѣми же почти словами описываютъ въ своихъ запискахъ, Крекшинъ и монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, буйство пьянаго Никиты на Соборѣ противъ Епископа Аѳанасія. Медвѣдевъ еще приводитъ трогательныя слова Патріарха, сказанныя имъ, съ евангеліемъ чудотворца Алексія въ рукахъ: «видите ли, что мы не послѣдователи злу, но содержимъ старыя книги; если найдете во мнѣ какую либо неправду, возьмите меня: я готовъ не только на раны, но и на смерть, желая по христіанству спасенія себѣ и другимъ». На эти слова неистовые отвѣчали только воплемъ, поднявъ руки съ двуперстнымъ знаменіемъ: «вотъ такъ, вотъ такъ»! Послушаемъ самого Патріарха, какъ онъ описываетъ то, чему былъ очевидецъ, въ своей книгѣ: *Увѣтъ духовный*, потому что ему, какъ дѣйствователю, болѣе другихъ можно повѣрить.

По царскому повелѣнію снесены были въ грановитую палату, для обличенія раскольниковъ,

(*) Записки Русскихъ людей, Т. II.

старыя книги Славянскія и Греческія, вывезенныя съ Востока при Никонѣ Патріархѣ, имѣвшія отъ 300 до 1000 лѣтъ древности. На Соборѣ присутствовала Царица Наталія и три Царевны, Патріархъ и восемь Митрополитовъ, шесть Архіепископовъ и два Епископа (изъ коихъ послѣдній былъ Святитель Митрофанъ Воронежскій). Раскольники взошли въ палату, съ иконами и свѣчами, и дерзко разставили свои аналои. Предводителями ихъ были разстрига Никита и чернецы бродяги, также разстриженные, Сергій изъ Нижняго, Савватій изъ холоповъ боярскихъ, и другой Савватій постриженный въ частномъ домѣ, и называвшіе себя монахами поселяне, Доровей и Гавріилъ, которые въ послѣдствіи были уличены; всѣ они, не разумѣя, что монашество есть отсѣченіе своей воли, бродили по свѣту безъ всякаго начала. Съ ними нѣсколько невѣждъ изъ мужиковъ, безъ стыда явились предъ царскія очи, не только чуждые всякаго приличія, но и страха Божія. Когда спросили ихъ Государи: за чѣмъ пришли? они отвѣчали: старую вѣру утвердить, потому что вы всѣ теперь въ новой, въ которой нельзя спастись»! Когда же ихъ спросили: «что есть вѣра, и какая старая, какая новая»? они ничего про то не знали, а только подали челобитную, въ которой ни единаго праведнаго слова не обрѣталось. Никита же, пьяный, во время чтенія челобитной, началъ досаждать Патріарху какъ бѣсноватый, и когда ему воспретилъ Аѳанасій,

Епископъ Холмогорскій, онъ при всѣхъ бросился терзать Святителя (что называетъ Савва «мало отвести рукою»). Видя такое неистовство, выборные люди всѣхъ полковъ оборонили Архіерея, а безумные суевѣры скрежетали зубами, что у нихъ похищена жертва. Патріархъ показалъ имъ евангеліе Святителя Алексія и соборный свитокъ о поставленіи Іова Патріарха, гдѣ написанъ символъ безъ приложенія, и убѣждалъ ихъ не безумствовать, представляя свидѣтельства изъ древнихъ книгъ. Раскольники же, видя что имъ нечего отвѣчать противъ правды, сложивъ два перста и поднявъ руки, долго вопіяли: «тако, тако»!

При такомъ безчиніи Царскія Величества хотѣли оставить престолы, чтобы не предать на поруганіе благочестія, и едва умолены были Соборомъ остаться. По прочтеніи челобитной не было отъ Государей никакого слова или указа, ибо день уже склонялся къ вечеру. Нечестивое скопище вышло изъ палаты, взывая къ народу: «побѣдили, побѣдили»! а что? неизвѣстно, и поднявъ руки къ верху кричали во всеуслышаніе: «такъ слагайте персты»! Пришедши на лобное мѣсто стали учить старой вѣрѣ, будто бы по повелѣнію царскому, бѣглые иноки, говоря: «такъ вѣруйте! мы всѣхъ Архіереевъ переспорили и посрамили»! Но не потерпѣлъ имъ судъ Божій: пустосвятъ Никита, томимый духомъ нечистымъ, обмирая падалъ на землю, испуская пѣну; нѣсколько дней спустя, повелѣніемъ царскимъ, схва-

чены были возмутители чернецы, а грубые мужики разбѣжались; разстрига казненъ за дерзость и хулы, а товарищи его разсажены по монастырямъ и отобраны у нихъ хульныя тетради. Патріархъ заключаетъ свое описаніе, начатое подробнымъ изложеніемъ всего исправленія книжнаго при Никонѣ Патріархѣ, увѣщаніемъ мира, а о себѣ трогательно говоритъ: «что уже старость не только надъ главою его, но уже во всѣ члены прошло изнеможеніе, и ждетъ онъ архангельскаго гласа и послѣдней трубы; но надѣется спасеннымъ быть въ вѣрѣ своей, милостію Христа Бога и предстательствомъ пречистой его Матери и всѣхъ Святыхъ, въ Церкви Россійской возсіявшихъ, ибо твердо держится сея Церкви и готовъ положить душу свою за паству, дабы съ нею вмѣстѣ, представъ на страшномъ судилищѣ Господу, сказать: се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ»!

Если, съ подробностію, описано здѣсь сіе мятежное скопище раскольниковъ и бывшій противъ нихъ Соборъ, то это потому, что здѣсь впервые предстали они предъ лице верховныхъ Пастырей нашей Церкви и самихъ Государей, предлагая отвѣчать за свою вѣру предъ всею Церковію, чего въ послѣдствіи не случалось. Этотъ одинъ примѣръ, при изложеніи всѣхъ ужасовъ ихъ буйства, служитъ свидѣтельствомъ: до какой степени можетъ доходить дерзость невѣжественныхъ ревнителей, если бы ихъ не удерживала гражданская власть.

X.

Дѣйствія Патріарха Іоакима.
Увѣтъ духовный.

При такихъ внутреннихъ смятеніяхъ, возбуждаемыхъ расколомъ, посмотримъ, какъ дѣйствовала съ своей стороны Св. Церковь и какія употребляла мѣры, чтобы вразумить отпадшихъ чадъ своихъ? Исправленіе книжное продолжалось и послѣ Собора Патріарховъ Восточныхъ, которые свидѣтельствомъ своимъ одобрили правильныя распоряженія Никона и его Собора, и возбуждали къ продолженію столь добраго начинанія. Патріархъ Іоасафъ II-й, изъ смиренныхъ Архимандритовъ лавры Троицкой, возведенный на степень Первосвятителя Русскаго, старался послѣ удаленія Восточныхъ, всѣми мѣрами привести въ исполненіе ихъ мудрыя внушенія и, въ краткое свое правленіе, успѣлъ издать двѣ тріоди, постную и цвѣтную, повѣривъ ихъ съ Греческимъ подлинникомъ. Дѣйствуя въ духѣ Собора 1667

года, простеръ онъ пастырскій свой гласъ къ священноначальникамъ, дабы руководили паству на путь спасенія, и разослалъ наставленіе о иконномъ писаніи, по случаю просьбы, поданной Царю Алексѣю Михайловичу о безобразномъ письмѣ иконъ; священники же, которые, вопреки соборному запрещенію, домогались служить на семи просфорахъ съ осьмиконечнымъ крестомъ, и самые причетники, имъ содѣйствовавшіе, были лишаемы мѣстъ и предаваемы суду за противленіе власти церковной. Преемникъ Іоасафа, Патріархъ Питиримъ, слишкомъ мало оставался на каѳедрѣ святительской, чтобы успѣть что либо сдѣлать въ пользу Церкви; но мудрый Іоакимъ, изъ благороднаго дома Савеловыхъ, достигнувъ высшей степени церковной, былъ свѣтиломъ своего времени и оставилъ по себѣ незабвенную память.

Провидѣніе утѣшило опять Россію духовнымъ союзомъ Царя и Патріарха, достойныхъ другъ друга, каковы были Ѳеодоръ и Іоакимъ, исполненные одинаковою любовію къ просвѣщенію и напомнившіе первые годы Царя Алексѣя Михайловича и Никона Патріарха. Какъ тогда, въ краткое время, совершилось много великаго въ государственномъ и церковномъ быту: присоединеніе Малороссіи и соборное исправленіе книгъ,—такъ опять много полезнаго совершилось въ шестилѣтнее правленіе Царя Ѳеодора, при вѣрномъ содѣйствіи мудраго пастыря: уничтоже-

ніе мѣстничества и открытіе академіи духовной, которая послужила началомъ и для свѣтскаго образованія всего государства. Получивши самъ высокое образованіе въ палатахъ царскихъ, подъ сѣнію благочестиваго родителя, юный Ѳеодоръ пожелалъ распространить оное на ввѣренное ему царство. Онъ и Патріархъ Іоакимъ ясно видѣли: что самая болѣзнь раскола возникла отъ недостатка образованія и училищъ, гдѣ бы могли почерпать оное пастыри для пасомыхъ; оба помнили увѣщательное слово Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго: «полюбить премудрость и завести училища Греческія и Славянскія», и рѣшились искать сей мудрости на Востокѣ, отколѣ при началѣ Христіанства Россіи и въ послѣдующія времена, неоскудно черпали ее Цари и Пастыри, какъ изъ чистаго источника, коимъ притекла къ намъ и самая вѣра. Такого рода образованіе, облеченное въ формы церковныя, было въ духѣ нашего народа и естественно къ нему прививалось, какъ нѣчто родное, безъ особыхъ усилій распространяя издавна посѣянное. До такой степени чувствовалась необходимость онаго, что даже боголюбивые граждане Москвы подали отъ себя просьбу Царю, о дозволеніи имъ завести училище при церкви Іоанна Богослова. Царь предложилъ Патріарху открыть Греческое духовное училище и вызвать для сего учителя изъ Царьграда. Два брата именитаго рода Лихудіевъ, Іоанникій и Софроній, славив-

шіеся ученостію, присланы были Патріархомъ Вселенскимъ и положили прочное начало сему разсаднику духовному, образовавъ нѣсколько человѣкъ изъ природныхъ Россіянъ, хотя ихъ самихъ временно постигла участь Максима Грека. Но уже они пришли послѣ смерти Царя и дѣйствовали только подъ руководствомъ просвѣщеннаго Патріарха. Еще прежде ихъ прихода Ѳеодоръ Алексѣевичъ почувствовалъ необходимость распространить основанное имъ училище, которое почти ежедневно посѣщалъ, и возвелъ его на степень академіи духовной; она сдѣлалась разсадникомъ слова Божія и пастырей по всей Россіи. Много послужили для сего новаго братства, Епифаній Славенецкій, Арсеній и Дамаскинъ, вызванные изъ Кіева, еще при Патріархѣ Никонѣ, въ ученую обитель боярина Ртищева; явились и проповѣдники слова Божія съ каѳедры, по примѣру Симеона Полоцкаго, изъяснявшіе догматы народу.

Преждевременная кончина Царя Ѳеодора и смятенія, возникшія при малолѣтствѣ Петра, много повредили успѣхамъ духовнаго просвѣщенія, которое не имѣло уже столь твердой опоры; но ревностный Патріархъ до конца жизни старался поддержать благое начало образованія церковнаго, и много потрудился словомъ и писаніемъ на этомъ поприщѣ. Дѣйствуя съ пламеннымъ усердіемъ для просвѣщенія духовнаго, Патріархъ Іоакимъ не менѣе заботился о искорененіи рас-

кола, всѣми средствами, какія только были въ его рукахъ. Соборно разсмотрѣлъ онъ чиновникъ архіерейскаго служенія, опредѣливъ преимущество каждой степени церковной, начиная съ патріаршей, и давъ приличное наставленіе священникамъ о ихъ поведеніи, напечаталъ уставъ, который вновь былъ переведенъ съ Греческаго. Въ послѣдній годъ жизни Царя Θеодора, соединился опять Соборъ почти всѣхъ Архіереевъ Россійскихъ, для устройства богослуженія, и самъ благочестивый Государь принималъ въ немъ дѣятельное участіе, требуя разрѣшенія на многіе вопросы.

«Дошло до моего слуха, говорилъ онъ, что многіе безумные люди, оставивъ святую Церковь, учинили въ своихъ домахъ моленныя, и собираясь, творятъ несообразное съ христіанствомъ, а на Св. Церковь произносятъ страшныя хулы». Соборъ отвѣчалъ просьбою, чтобы Царь приказалъ отсылать упорныхъ противниковъ вѣры къ гражданскому суду, сообразно съ рѣшеніемъ родителя его о тѣхъ, которые окажутся непокорными святой Церкви, и подтвердилъ бы всѣмъ гражданскимъ властямъ: оказывать содѣйствіе въ дѣлахъ о расколѣ духовному начальству, такъ какъ не предстояло иныхъ способовъ уврачевать сію язву. Скоро послѣдовавшій мятежъ Пустосвята оправдалъ предусмотрительность пастырскую. Царь обратилъ также вниманіе Собора на то, что въ Москвѣ, у Спасскихъ воротъ, продаются тет-

ради, подъ названіемъ выписокъ изъ Св. писанія, но съ хулами на книги церковныя, и Соборъ положилъ: чтобы Патріархъ избралъ изъ духовныхъ лицъ способнаго и довѣреннаго человѣка, который будетъ строго за этимъ надзирать и виновныхъ представлять на судъ Патріаршій. Касательно же книгъ, стараго и новаго изданія, Соборъ опредѣлилъ, по предложенію Царя, чтобы всякому, кто принесетъ книги стараго изданія, безденежно выдавать новыя, продаваемыя же отбирать въ печатный дворъ. Государь не оставилъ безъ вниманія и того, что самовольно заводимыя пустыни въ лѣсахъ, часто служатъ пристанищемъ раскола, потому что народъ, отвлекаясь отъ литургіи, собирается слушать молитвы предъ сомнительными иконами въ часовняхъ, и Соборъ положилъ: не дозволять впредь устроять новыхъ подобныхъ пустыней и часовень, а живущихъ выводить въ ближайшіе монастыри, закрывая тѣ часовни, отъ которыхъ далека стража (*).

Когда же, вскорѣ послѣ кончины благочестиваго Царя, вспыхнулъ мятежъ стрѣлецкій, и явился опять съ своею челобитною Никита Пустосвятъ, опытный пастырь написалъ на всѣ его суетныя совопрошенія пространный отвѣтъ, подъ именемъ «Увѣта духовнаго» дабы не могли мнимые ревнители говорить опять: будто бы не было дано удовлетворительнаго разрѣшенія на ихъ

(*) Исторія Русской Церкви Еп. Филарета т. IV стр. 213.

сомнѣнія. Если Никита Пустосвятъ жаловался Собору, что не на всѣ его вопросы было отвѣтствовано, въ книгѣ «Жезлъ правленія» Симеона Полоцкаго: то уже нельзя было повторить сей жалобы, при чрезвычайно ясныхъ отвѣтахъ Патріарха, который съ возможною отчетливостію отвѣчалъ на двадцать пять статей челобитной. Трогательно предисловіе сего Увѣта, въ которомъ исторически описываетъ Святитель постепенный ходъ книжнаго исправленія при Никонѣ и утвержденіе онаго на Соборѣ Восточныхъ Патріарховъ, и послѣдній мятежъ раскольничій, убѣждая паству, сѣдинами своими и памятованіемъ смерти, вѣровать словамъ своего пастыря, готоваго положить душу за ввѣренное ему стадо.

«Всякій да вникнетъ въ сей мой увѣтъ, говоритъ онъ, да не буду истязанъ въ пришествіе Господне за то, что не возвѣстилъ истины людямъ. Не столько скорблю о себѣ, сколько о васъ, дабы не отторглись члены Христовы. Мы вѣдаемъ, что на скорби родились сами, ибо и Господь сказалъ: «въ мірѣ скорбни будете»; но, хотя намъ и грозили всякими смертями и укоризнами, дерзая на Церковь Божію, мы благодушествуемъ. Многи суть напастей волны и люта потопленія, но не боимся, ибо на камнѣ стоимъ; да пѣнится море и неистовствуетъ, но корабля Іисусова потопити не можетъ. Чего убоимся? смерти ли? — но Христосъ для насъ жизнь, и смерть пріобрѣтеніе, по словамъ Апостольскимъ:

ваша любовь мнѣ служитъ свѣтомъ въ сей жизни, и соплетаетъ вѣнецъ въ будущей. Говорю сіе въ уши слышащихъ, возбуждая ихъ къ послушанію. Касательно же того, что ложно пишутъ противники Церкви: будто мы новую вѣру и книги изобрѣли, — то если сіе справедливо, да буду достоинъ клятвы и не вочтуся въ жребій епископства. Свидѣтель души моей Господь, которому служу неукоризненною совѣстію, вѣруя спастися его страданіями: никогда не хотѣлъ я слышать нововводныхъ преданій и инаго ученія, кромѣ того что изначала предали намъ самовидцы Божія Слова и святые Отцы Вселенскихъ Соборовъ. Такъ содержимъ и вѣруемъ и пріемлемъ Греческія и Славянскія древнія книги, писанныя Отцами, а не новыя, и сіе пишу вамъ по истинѣ, да не соблазнитеся. Если кто внемлетъ моему гласу и сотворитъ волю Господню, спасенъ будетъ; не внемлющій же подлежитъ не только архіерейской клятвѣ, но и всѣхъ святыхъ Отецъ, которые книги сіи писали, по слову Господню: «яже свяжете на земли, будутъ связана на небесахъ» (Мат. XVIII). Внемлите же тѣмъ, кому дана сія власть; не послѣдуйте безразсудно простымъ невѣждамъ, которые не могутъ подать никакой святыни; бѣгите зла, возлюбите законъ Божій и Церковь его непорочную, въ которой нѣтъ соблазна, и мзда ваша многа будетъ на небесахъ».

Послѣ сего предисловія приступаетъ Святитель

къ разбору челобитной съ перваго ея слова: «бьютъ челомъ Св. Восточныя Церкви Христовы Царскіе богомольцы, священническій и иноческій чинъ и православные Христіане, опричь тѣхъ, которые новымъ Никоновымъ книгамъ послѣдуютъ, а старыя хулятъ». Кто же именно бьетъ челомъ и на кого? спрашиваетъ Патріархъ, и какимъ образомъ въ челобитной ни чьихъ рукъ не приложено? Написали въ ней всѣхъ Христіанъ и все государство, а не написали, какіе именно люди новымъ книгамъ слѣдуютъ, а старыя хулятъ. Не коварная ли это лесть для возмущенія къ кровопролитію Русскихъ? Въ то время, когда подавали челобитную, въ Государевой палатѣ предъ Царскимъ Величествомъ, собраны были всѣ Архіереи Русскіе, весь освященный Соборъ и Царскій Синклитъ, люди всѣхъ чиновъ и всѣхъ полковъ выборные, и никто не былъ въ согласіи съ челобитчиками, но проливали слезы, видя такіе возмутительные замыслы простыхъ мужиковъ къ погибели всѣхъ. Писано въ челобитной: «вѣра измѣнилась, Цари изнемогли, Архіереи пали»! а вотъ: кому подавали ее, тѣхъ самыхъ и назвали неправой вѣры, говоря: «чтобы Великіе Государи взыскали старое прадѣдовъ и дѣда ихъ благочестіе», отца же ихъ и брата, блаженныя памяти благочестивыхъ Царей, не упомянули. Не явно ли, что они почитали самихъ Царей не благочестивыми и не въ правой вѣрѣ живущими? Не есть ли это дѣло злоумышленныхъ невѣждъ,

съ которыми бы не надлежало заводить рѣчь, ибо никто не бьетъ челомъ, кромѣ ихъ, а гдѣ было искать большаго свидѣтельства, если не въ царской палатѣ? Но невѣжды приняли себѣ во главу возмутителя и отступника, изверженный изъ Св. Церкви членъ; а за такимъ волкомъ какіе добрые люди могли идти?

Первою статьею поставлено было въ челобитной: будто уподіаконъ Дамаскинъ, въ словѣ напечатанномъ въ скрижали, велитъ ходить Христіанамъ по татарски, безъ крестовъ. Патріархъ опровергаетъ сію нелѣпую выдумку, приводя подлинныя слова Дамаскина о томъ, въ чемъ состоитъ духовное ношеніе креста Господня, гдѣ нѣтъ и тѣни запрещенія носить на себѣ знаменіе креста. Утомительно было бы прослѣдовать всю челобитную отъ начала до конца, исполненную такихъ вымысловъ; нельзя однако не выставить самыхъ разительныхъ, для обличенія мнимыхъ ревнителей. Такъ напр: они хотятъ увѣрить пятою статьею: будто бы въ новомъ требникѣ напечатана молитва къ лукавому духу, и это отъ того, что, не разобравъ грамматически падежей, смѣшали смыслъ рѣчи. «да не снидетъ съ крещающимся, *Господи*, духъ лукавый, помраченіе помысловъ наводяй», *Господи* стоитъ въ звательномъ, а *духъ* въ именительномъ, иначе было бы *душе*. Кто же изъ грамотныхъ могъ бы сдѣлать такую ошибку?

Прекрасно обличаетъ Патріархъ нареканіе ихъ

на крестъ четвероконечный, въ седьмой статьѣ, объяснивъ сперва, что употребляемое ими въ бранномъ смыслѣ слово *крыжъ* есть Польское, и значитъ то же, что и крестъ по Славянски, и потомъ спрашиваетъ: не четвероконечнымъ ли крестомъ знаменуютъ ихъ самихъ священники, когда помазываютъ масломъ отъ иконы, въ навечеріе празднествъ, или когда совершаютъ муромъ младенцевъ? Онъ напоминаетъ имъ апостольскія слова, что слово о крестѣ для погибающихъ юродство есть (1 Кор. I, 18), и кромѣ тѣхъ четвероконечныхъ крестовъ, коими исполнены всѣ древнія облаченія, Святитель указываетъ имъ на крестъ, такъ называемый Корсунскій, выносимый въ крестныхъ ходахъ изъ Успенскаго собора, и на хранящійся тамъ животворящій крестъ Царя Константина, и даже на тотъ, что на главѣ Благовѣщенскаго собора, приводя свидѣтельство въ пользу такого рода крестовъ, изъ святыхъ Отецъ и даже изъ Стоглава. Касательно трехперстнаго знаменія и тройнаго аллилуіа, имени Іисусова и приложенія къ символу, излишнимъ было бы извлекать изъ Увѣта то, что нѣсколько разъ приводимо было въ свидѣтельство истины и опять повторено Патріархомъ. Онъ настоятельно напоминаетъ, какъ строго запрещено было Соборами Вселенскими прилагать что либо къ символу вѣры, и что хотя слово: *истинный* можетъ относиться къ Духу Святому, но поелику не поставили оное въ началѣ Св. Отцы, никто не дерзалъ

въ послѣдующіе вѣка приложить оное, ибо символъ перешелъ неприкосновеннымъ въ Церковь православную Русскую изъ Греческой.

Вотъ еще примѣръ недоброжелательнаго вымысла, обличеннаго Патріархомъ, противъ шестнадцатой статьи челобитной. Раскольники увѣряютъ: будто бы въ новыхъ книгахъ, на отпускѣ Троицкой вечерни, говорится о истощаніи Духа Святаго изъ нѣдръ Отчихъ, вмѣсто изліянія, и замѣчаютъ, что благодать Божія никогда не истощается; Патріархъ же приводитъ полный текстъ отпуста, во свидѣтельство того, что слово истощаніе относится не къ лицу Духа Святаго, а къ лицу Сына, который дѣйствительно истощалъ (т. е. умалилъ) себя, ради нашего спасенія, облекшись въ человѣчество. Тамъ сказано: «иже отъ Отчихъ и Божественныхъ нѣдръ истощивый себе и съ небесъ на землю сошедый, и наше все воспріемый естество и обоживый, по сихъ же на небеса паки возшедый и одесную сѣдый Бога и Отца, Божественнаго же и Святаго и единосущнаго своего Духа на ученики своя ниспославый, и проч.». Гдѣ же тутъ истощаніе Духа, вмѣсто изліянія?

На 17 обвиненіе раскольниковъ: будто бы въ новыхъ служебникахъ напечатаны молитвы, не по преданію святыхъ Отецъ и не сходно съ тѣми харатейными, которыя писаны за пять и шесть сотъ лѣтъ въ Соловецкой обители, Патріархъ сперва обличаетъ ложь тѣмъ, что и Соловецкая

обитель существуетъ не болѣе 220 лѣтъ, и потомъ исчисляетъ всѣ древніе харатейные служебники преподобныхъ Отецъ Новогородскихъ и Святителей Московскихъ, которые приняты были за основаніе при исправленіи церковныхъ книгъ (о книгахъ сихъ упомянуто нами въ подробности прежде). Въ опроверженіе же того: будто бы Никонъ Патріархъ впервые ввелъ жезлы архіерейскіе со зміями, указываетъ онъ, въ патріаршей ризницѣ, на костяной посохъ Патріарха Филарета Никитича. До такой степени увлеклись писатели челобитной, что и самое осѣненіе Архіереевъ, обѣими руками, называли Римскимъ. Патріархъ, свидѣтельствуя постепенность преданія отъ первыхъ временъ христіанства, заграждаетъ уста хулящимъ, словами евангелиста Луки, о послѣднемъ благословеніи Апостоловъ самимъ Господомъ, когда изведъ ихъ вонъ до Виѳаніи, воздвигъ руцѣ свои и благослови ихъ (Лук. XXIV, 51).

Для большаго свидѣтельства о трехперстномъ знаменіи, Святитель указываетъ имъ еще на сложенные такимъ образомъ персты десницы первозваннаго Апостола, которую принесъ въ благословеніе Царю Михаилу Ѳеодоровичу, отъ Патріарха Вселенскаго Парѳенія, Архимандритъ Солунскій Галактіонъ, хранящуюся въ Успенскомъ соборѣ. Любопытно и то, что говоритъ Патріархъ, о книгѣ бывшаго діакона Ѳеодора, одного изъ начальниковъ раскола, которая принесена была вмѣстѣ съ прочими въ грановитую палату,

во свидѣтельство будто бы старой вѣры, и отобрана у мятежныхъ чернецовъ при усмиреніи бунта. Тамъ найдено аллилуіа написанное трижды, а четвертое «слава тебѣ Боже», выскоблено; въ словахъ символа по скобленому написано: «и въ Духа Святаго Господа *истиннаго* и животворящаго», на мѣсто прежняго правильнаго изреченія; но безъ скобленія сохранилась молитва: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», хотя это было одно изъ обвиненій со стороны раскольниковъ: будто въ новыхъ книгахъ не велятъ именовать Господа Іисуса Сыномъ Божіимъ; а о четвероконечномъ крестѣ писано тамъ, что онъ составляется изъ двухъ палицъ, и чернецы сознались, что многое выскоблилъ ихъ начальникъ Θеодоръ.

Послѣ такихъ подлоговъ и клеветъ на то, будто ихъ мучатъ и хотятъ предать смерти за вѣру, весьма естественно отвѣчалъ имъ Патріархъ: «не за вѣру, а за то, что хулятъ крестъ Господень и Св. тайны, Церковь Христову и священство, и Царей называютъ еретиками; люди неосвященные у нихъ, простымъ хлѣбомъ, святотатно пріобщаютъ невѣждъ, и сверхъ того возбуждаютъ смятенія въ народѣ, каково было послѣднее Пустосвята, когда дерзнули даже нарушить неприкосновенность царскихъ палатъ; все сіе справедливо подвергаетъ ихъ градскому суду, даже по правиламъ соборнымъ». Не довольствуясь одними письменными увѣщаніями, ревностный Патріархъ отправилъ въ различныя мѣста пропо-

вѣдниковъ для устнаго вразумленія заблуждающихся, въ тѣ мѣста, которыя наиболѣе страдали отъ раскола, и даже учредилъ новую епархію Холмогорскую, дабы оградить сѣверное поморіе отъ Соловецкихъ выходцевъ. Бывшій при немъ іеродіакономъ Аѳанасій, опытный въ состязаніяхъ съ раскольниками, посвященъ въ Епископа Архангельскаго и Холмогорскаго; собравъ много старыхъ рукописей для вразумленія невѣждъ, написалъ онъ противъ нихъ обличительную книгу подъ названіемъ: «Щитъ вѣры». Оттого такъ сильно и вооружался противъ него Пустосвятъ, не въ состояніи будучи противустоять его твердому слову. Въ Сибирскіе остроги и волости, куда занесена была ересь ссыльными попами Аввакумомъ и Лазаремъ, посланъ былъ отъ Патріарха для увѣщанія іеродіаконъ Мисаилъ, а въ Кинешму и Кострому Новоспасскій Архимандритъ Игнатій, изъ рода Римскихъ-Корсаковыхъ, который, въ послѣдствіи, въ санѣ Митрополита Сибирскаго, тремя посланіями обличилъ суевѣровъ самосожигателей.

Умилительно предсмертное завѣщаніе Патріарха Іоакима, которымъ убѣждаетъ онъ юныхъ Царей: избѣгать всякой новизны въ дѣлахъ вѣры, свидѣтельствуясь тѣмъ, какъ до послѣдней минуты самъ онъ былъ ревнителемъ старой вѣры своихъ отцевъ, и отходитъ въ вѣчность съ твердымъ убѣжденіемъ чистоты ея догматовъ. Преемникъ Іоакима Адріанъ, послѣдній Патріархъ,

хотя не имѣлъ столько случаевъ подвизаться противъ расколовъ, какъ его знаменитый предшественникъ, однако ревновалъ пастырски о ихъ уничтоженіи и, будучи еще Митрополитомъ Казанскимъ, написалъ противъ нихъ пространное изложеніе о крестномъ знаменіи, и цѣлое сочиненіе о различныхъ ересяхъ, также подъ названіемъ щита вѣры. Такъ подвизались, въ теченіи цѣлаго столѣтія, верховные наши пастыри, для исправленія книжнаго и для соблюденія въ ненарушимой чистотѣ древней вѣры отеческой, принесенной къ намъ съ Востока!

XI.

Распространеніе раскола, раздѣленіе его на толки.

Между тѣмъ, не смотря на увѣщанія пастырскія и на строгія мѣры правительственныя, расколъ распространялся по многимъ мѣстамъ, частію чрезъ бѣглецовъ, частію чрезъ ссылаемыхъ въ заточеніе, которые увлекали неопытныхъ, выдавая себя за страдальцевъ истины. Въ рукописномъ сочиненіи раскольническомъ, *о бѣглыхъ по-*

пахъ, сохранилась повѣсть о главныхъ сѣятеляхъ раскола, и даже доселѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они втайнѣ держались, многочисленнѣе скопища чуждающихся единства церковнаго. Посему необходимо назвать сихъ начальниковъ раскола для того, чтобы объяснить послѣдствія ихъ непріязненнаго ученія.

Первымъ прославляется между ними Іовъ, шляхетскаго рода, котораго вывелъ съ собою изъ плѣна Литовскаго Филаретъ Никитичъ, въ качествѣ келейника, и посвятивъ его іереемъ, позволилъ составить обитель въ Тверскихъ предѣлахъ; такъ покрайней мѣрѣ разсказываютъ послѣдователи раскола. При Никонѣ Патріархѣ Іовъ, чуждаясь исправленія книжнаго, удалился сперва въ предѣлы Курскіе, около Рыльска, и тамъ временно основался; но, вынужденный бѣжать оттолѣ, ушелъ на Донъ, гдѣ опять устроилъ обитель, въ которой умеръ, имѣя болѣе ста лѣтъ отъ рожденія; онъ соорудилъ тамъ и церковь на рѣкѣ Чирѣ, но не успѣлъ ее освятить. По смерти его Тихвинскій игуменъ Досиѳей, оставивъ свою обитель святаго Николая, предпочелъ, ради суетнаго мудрованія, скитаться по разнымъ предѣламъ Россіи, будто бы ревнуя по старой вѣрѣ. Сперва укрывался онъ нѣкоторое время въ пустынной обители Курженской, у нѣкоего старца Евфросина, но когда разсѣяно было въ предѣлахъ Онежскихъ это зачинавшееся гнѣздо раскола, Досиѳей бѣжалъ въ Курскіе предѣлы, а потомъ

далѣе къ югу, на Донъ. Случайно пришедши къ скопищу учениковъ Іова, вмѣстѣ съ діакономъ Рыльскимъ Герасимомъ, онъ освятилъ церковь и прожилъ у нихъ пять лѣтъ. Однако Досиѳей вынужденъ былъ искать себѣ болѣе безопаснаго пріюта, на берегахъ Каспійскаго моря, и провелъ остальные годы на рѣкѣ Кумѣ. Послѣдователи его, переселяясь на Кубань, взяли съ собою тѣло своего наставника, но насыпали въ гробъ его много серебра, а хищные Татары, дорогою ограбивъ деньги, разсѣкли на части тѣло и бросили на съѣденіе звѣрямъ. Такимъ образомъ раскольничьи старцы, Іовъ и Досиѳей, были виною раскола въ станицахъ Донскихъ и Кубанскихъ, который и доселѣ тамъ держится; онъ еще умножился черезъ ссыльныхъ стрѣльцовъ, удаленныхъ изъ столицы за мятежи, въ первые годы Великаго Петра. Нѣкоторые изъ нихъ скрывались въ гребняхъ Кавказа, и оттуда, по примѣру дикихъ горцевъ, дѣлали набѣги на мирныхъ поселенцевъ, вмѣстѣ съ Магометанами.

Въ то же время сильное гнѣздо раскола основалось въ предѣлахъ Черниговскихъ, около Стародубскихъ казачьихъ слободъ. Попъ Косма, Московской церкви всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, обличаемый въ своемъ неправомъ мудрованіи правилами Патріаршаго Собора 1667 года, бѣжалъ къ присному своему другу, Стародубскому полковнику Гаврилѣ Иванову, которому имѣлъ случай оказать однажды важную услугу, укрывъ

его отъ предстоявшей напасти. Съ Козьмою бѣжало до двадцати человѣкъ; полковникъ принялъ ихъ благосклонно, и послалъ къ атаману Ламакѣ, съ приказаніемъ отвести для ихъ жительства урочище Понуровку, это было въ 1675 году. Мало по малу начали къ нимъ собираться другіе раскольники, преслѣдуемые градскимъ судомъ, потому что ихъ расколъ духовный всегда почти отзывался мятежомъ, по примѣру Пустосвята: такимъ образомъ населилось нѣсколько слободъ. Пришелъ къ нимъ и другой единомудрствовавшій священникъ изъ Бѣлева, по имени Стефанъ, и они оба совершали вечернія и утреннія службы для своихъ прихожанъ, кромѣ литургіи, ибо не имѣли церкви. По ненависти къ тому, что ими почиталось за новые догматы, они безразсудно перекрещивали всѣхъ приходившихъ, не допуская ихъ иначе до своего общенія и не признавая священниковъ, рукоположенныхъ послѣ Никона Патріарха (*).

Порядокъ перекрещиванія былъ таковъ: хотящій вступить въ такъ называемую старую вѣру, принималъ отъ настоятеля заповѣдь сорокадневнаго поста, въ теченіи коего долженъ былъ класть по триста земныхъ поклоновъ и по семи сотъ поясныхъ ежедневно. Потомъ оглашенный, въ присутствіи всѣхъ, слезно просилъ крещенія и приготовлялъ для сего холстъ, аршинъ въ

(*) Полное извѣстіе о расколахъ Пр. Андрея Іоаннова. Часть III стр. 12.

тридцать; послѣ обычнаго отреченія отъ сатаны и еретиковъ, древнихъ и новоявленныхъ по именамъ, снималъ онъ даже съ себя крестъ, отрекаясь тѣмъ отъ прежняго крещенія, и перемѣнялъ самое имя. Потомъ крещающій, подвязавъ изъ предосторожности холстомъ крещаемаго, чтобы не утопить, ибо многіе обмирали отъ страха непокойной совѣсти, совершалъ троекратное погруженіе; онъ давалъ новокрещаемому строгія заповѣди: отнюдь не сообщаться съ Никоніанами, ни въ пищѣ, ни въ молитвѣ, подъ опасеніемъ эпитиміи, не разсуждать съ ними о вѣрѣ по страху обличеній, вмѣняя ихъ всѣхъ за еретиковъ, страдальцевъ же своихъ защищать вездѣ и всегда, иконъ новыхъ не принимать, пищу для себя готовить дома, а покупаемую на торжищахъ очищать поклонами, и въ общую баню не ходить.

По кончинѣ Царя Θеодора Алексѣевича пришелъ указъ отъ Царевны-правительницы Софіи, Черниговскому Архіерею и новому полковнику Стародубскому, чтобы не дозволять въ своихъ предѣлахъ скопища бѣглыхъ, и потому разсѣялись они по разнымъ мѣстамъ; но вскорѣ опять собрались въ гнѣздо свое, когда миновалась первая строгость сего указа; однако новый полковникъ уже имъ не благопріятствовалъ. Тогда раскольники, совѣщавшись между собою, рѣшились бѣжать въ Польшу и тамъ поселились на рѣкѣ Вѣткѣ, въ имѣніи пана Халецкаго, который при-

надлежа къ Римской Церкви, покровительствовалъ всякаго рода людямъ, лишь бы заселялись его земли. Бѣглецы перенесли на Вѣтку весь прежній уставъ свой и число ихъ умножалось, болѣе и болѣе, людьми укрывавшимися по причинѣ какихъ либо проступковъ, такъ что, по выраженію раскольничьихъ писателей, звѣропаственныя мѣста населялись и вмѣсто древесъ умножались люди; четыре новыя слободы устроились въ непроходимыхъ дотолѣ лѣсахъ. Попы ихъ разлучились однако между собою, потому что Косма, какъ бывшій житель столицы, любилъ внѣшній блескъ и устроилъ звонъ у своей часовни; а Стефанъ, болѣе скромный, упрекалъ его за излишнее славолюбіе, опасаясь, что гласностію можетъ навлечь на себя гоненіе, и самъ умеръ въ уединеніи (*).

Девять лѣтъ послѣ заселенія Вѣтки основалась еще одна слобода раскольничья, за 20 верстъ отъ нее, на рѣкѣ Вылевѣ; туда пришелъ изъ Курскихъ предѣловъ черный попъ Іоасафъ, который называлъ себя послушникомъ старца Іова, умершаго на Дону. Сперва жилъ онъ въ уединеніи, не уважаемый народомъ, потому что хотя и былъ стараго крещенія, т. е. до Никона Патріарха, но рукоположенъ вновь Архіереемъ Тверскимъ, уже послѣ Патріарха; народъ въ насмѣш-

(*) Рукопись о бѣглопоповщинѣ. Полн. изв. о раск. Т. III, стр. 17 и далѣе.

ку называлъ его Асапомъ вмѣсто Іоасафа. Однако онъ повсюду распускалъ слухъ, что хотя рукоположеніе его и почитается новымъ, но въ сущности можетъ быть принимаемо за старое, отъ того будто бы, что Тверской Архіерей, ради особой своей пріязни къ старцу Іову, рукоположилъ его келейника по старымъ книгамъ. Когда Іовъ удалился на Донъ изъ Курскихъ предѣловъ, ученикъ его не стерпѣлъ тамъ тѣснаго житія и ушелъ на рѣку Вылевъ, гдѣ не хотѣли принять его люди, наученные попомъ Стефаномъ: столь велика была ихъ взаимная ненависть! Іоасафъ принужденъ былъ оставить непріязненныя ему слободы и прилѣпился къ игумену Досиѳею, жившему на Дону, который разрѣшилъ ему священнодѣйствовать, бросивъ прежде о томъ жребій. Тогда Іоасафъ началъ дѣйствовать съ большею свободою и обойдя Малороссійскіе предѣлы, поселился опять на рѣкѣ Вылевѣ, гдѣ по смерти обоихъ поповъ, Космы и Стефана, снисходительнѣе начали смотрѣть на него раскольники, лишенные своихъ вождей.

Однажды, наканунѣ Пасхи, все Вѣтковское общество, скучая о неимѣніи священника, для совершенія службы, пригласило къ себѣ Іоасафа, и съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался у нихъ наставникомъ. Въ продолженіи пяти лѣтъ, видя размноженіе раскола, рѣшился онъ устроить церковь, но не успѣлъ ее довершить. Іоасафъ былъ еще изъ числа уважаемыхъ рас-

кольниками поповъ, за старое его крещеніе, хотя, по замѣчанію его собратій, былъ въ немъ одинъ порокъ не совершенно чистаго, по ихъ мнѣнію, рукоположенія. Послѣ него явился на Вѣтку послѣдній священникъ стараго поставленія, Θеодосій, который бѣжалъ изъ города Рыльска въ пустыню на Донецъ и, найденный тамъ разсыльными Архіерея Бѣлгородскаго, былъ посланъ на судъ въ Москву; шесть лѣтъ содержался онъ въ Кирилловомъ монастырѣ на Бѣлѣ-озерѣ, доколѣ не присоединился къ Церкви. Воспользовавшись свободою, бѣжалъ онъ опять изъ обители на Поморье къ единомышленникамъ, въ предѣлы Нижегородскіе, на Керженецъ и Бѣльбашъ, гдѣ въ лѣсахъ скиталось довольно раскольничьихъ монаховъ; тамъ по ихъ просьбѣ совершалъ для нихъ требы и наконецъ удалился отъ нихъ въ Калугу, гдѣ однажды въ великій четвергъ, ночью, совершилъ литургію въ пустой церкви, для полученія запасныхъ даровъ, безъ благословенія архіерейскаго.

Вѣтковцы, услышавъ о томъ, пригласили его къ себѣ въ настоятели изъ Калуги; не замедлилъ Θеодосій придти по ихъ зову и занялся довершеніемъ церкви, начатой Іоасафомъ. Втайнѣ пріобрѣлъ онъ, отъ знакомыхъ ему Калужанъ, старый иконостасъ времени Царя Іоанна Васильевича, и такимъ образомъ освятилъ на Вѣткѣ первую церковь, во имя Покрова Божіей Матери; онъ даже самъ, вопреки всѣхъ церковныхъ правилъ, рѣ-

шился подписать антиминсъ. Изъ Рыльска вызвалъ Өеодосій къ себѣ на помощь брата своего, бѣлаго попа Александра, хотя и новопоставленнаго, и постригъ его въ монахи. Послѣ того Өеодосій вызвалъ еще одного попа Бориса изъ Калуги и разрѣшилъ ему совершать священнодѣйствіе, вопреки мнѣнію старыхъ ревнителей: такимъ образомъ, со времени сего Өеодосія, утвердился обычай принимать и новыхъ священниковъ, лишь бы отреклись они отъ мнимой новизны; но что весьма нелѣпо: признавая ихъ новое рукоположеніе, отъ нихъ требовали перекрещиванія, пересовершая таинство, безъ котораго не могутъ существовать всѣ послѣдующія: таково невѣжественное мудрованіе! (*).

Вѣтка и подобныя общества мнимыхъ старовѣровъ, внутри и на границахъ Россіи, представляли, впрочемъ, еще лучшую сторону раскола, если только можно искать въ немъ что либо доброе; они еще не ожесточились до такой степени, чтобы не чувствовать необходимости таинствъ, хотя и неправильно у нихъ совершаемыхъ бѣглыми попами. Глубже къ сѣверу, около поморья Бѣлаго, оказалась другая болѣе мрачная сторона раскола, подъ именемъ *безпоповщины*, которая отвергала всякое священство, говоря, что оно погибло на землѣ, ибо уже настало послѣднее время и благодать рукоположенія пересели-

(*) Полн. извѣст. о раск. Андр. Іоан, Т. III стр. 9.

лась на небо, съ ихъ усопшими отцами. Этому учили выходцы Соловецкіе: Епифаній, Игнатій, Іосифъ и другіе, устроявшіе себѣ скиты въ дебряхъ Олонецкихъ, и оттолѣ наипаче распространилось пагубное сіе ученіе внутрь государства. Изъ числа именитыхъ почитался Корнилій, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать при разсказѣ о мятежѣ Ниловой пустыни. Заимствовавъ свои ошибочныя мнѣнія съ юныхъ лѣтъ, въ Костромскихъ лѣсахъ, у скитавшагося тамъ монаха Капитона, Корнилій исправлялъ потомъ должность ключаря при Патріархахъ Филаретѣ и Іоасафѣ, и ему поручено было смирять въ узахъ священнослужителей, впадшихъ въ преступленія, потому что онъ былъ крѣпокъ отъ природы: должность не совсѣмъ духовная для такого подвижника, какимъ его описываютъ, степени же церковной онъ никакой не имѣлъ.

Чуждаясь книжнаго исправленія, Корнилій удалился изъ Москвы на Донъ, вмѣстѣ съ игуменомъ Тихвинскимъ Досиѳеемъ, и, возвратясь въ предѣлы Россійскіе, опять вынужденъ былъ бѣжать изъ Ниловой пустыни, по случаю смятенія, возбужденнаго тамъ его буйствомъ. Тогда вселился онъ въ пустыняхъ Олонецкихъ и часто мѣнялъ свои кельи, при рѣкахъ и озерахъ, избѣгая преслѣдованія гражданской власти, потому что правительство забирало такихъ людей, возмущавшихъ миръ церковный. Епифаній Соловецкій былъ его первымъ сожителемъ и вскорѣ оста-

вилъ, чтобы идти въ столицу для поданія челобитной, которая произвела стрѣлецкій мятежъ. Потомъ пришелъ къ нему изъ предѣловъ Сибирскихъ, отъ заточенныхъ тамъ поповъ Аввакума и Лазаря, діакона Ѳеодора и сего Епифанія, уже туда сосланнаго, новый сожитель, бѣглый монахъ Филиппъ. Корнилій зналъ ихъ во время пребыванія своего въ Москвѣ при Патріархахъ, и будучи такимъ образомъ въ общеніи со всѣми начальниками раскола, передалъ упорное чувство непріязни къ православію всѣмъ своимъ послѣдователямъ (*).

Мало по малу начали къ нему собираться братія и ставить отдѣльно себѣ келліи, и отъ сего убогаго начала составилось скопище Выговское, по имени рѣки, или Поморское, которое дало свое названіе цѣлой отрасли раскола безпоповщины, не признававшей священства, потому что первые ея наставники не были сами рукоположены. Приходили къ нему въ пустыню и женщины, которымъ также позволилъ составить общежитіе на рѣкѣ Лексѣ, не далеко отъ своего скита; и такъ образовались въ послѣдствіи два главныхъ монастыря поморскихъ, мужской Богоявленскій и Крестный дѣвичій. Ближайшіе поселенцы предупреждали ихъ въ случаѣ какихъ либо поисковъ, и въ дикой глуши созрѣвалъ расколъ. Тогда пришелъ къ Корнилію во вновь

(*) Рукописное житіе Корнилія.

устроенныя келліи, бывшій дьячекъ Шумскаго Новгородскаго погоста, Данило Викулинъ, который былъ сперва ученикомъ выходца Соловецкаго Игнатія. Скитаясь по волостямъ, гдѣ всѣхъ развращалъ ученіемъ противъ Церкви и ея таинствъ, какъ бы уже не существовавшихъ, онъ, наконецъ, испросилъ у столѣтняго старца Корнилія дозволеніе устроить подъ его сѣнію общежитіе, въ 1694 году, и достигъ своей цѣли, для погибели многихъ, имъ совращенныхъ съ истиннаго пути, ибо что можетъ быть гибельнѣе для души, какъ непослушаніе Церкви и отверженіе ея спасительныхъ таинствъ? По его имени назвалась даже Выговская пустынь Даниловскимъ скитомъ и доселѣ почитается основнымъ гнѣздомъ своего толка. Она отстоитъ къ сѣверу отъ Новгорода за 800 верстъ и за 40 отъ озера Онежскаго, на самой рѣкѣ Выгѣ, впадающей въ океанъ, и оттолѣ выходили въ послѣдствіи всѣ лжеучители поморскіе.

Данила нашелъ себѣ двухъ именитыхъ по рожденію сотрудниковъ, братьевъ Андрея и Семена Князей Мышецкихъ, которые странными судьбами сдѣлались учениками раскола и поддержали его своими писаніями. Прадѣдъ ихъ, Князь Борисъ, помѣщикъ Новогородскій, во время смутъ самозванцевъ, ушелъ изъ своей отчизны въ заонежскую область, и тамъ вмѣстѣ съ сыномъ Іаковомъ, скончался въ иноческомъ образѣ. Потомки его, основавшись въ краю столь глухомъ,

не получили образованія, свойственнаго ихъ рожденію. Два брата Мышецкіе, Денисъ и Прокопій, пользуясь вліяніемъ въ глуши Олонецкой, по своей грубости, надѣлали много тревогъ во время книжнаго исправленія. Дѣти перваго, Андрей и Семенъ, заразились тѣмъ же духомъ отъ выходца Соловецкаго Игнатія, который подѣйствовалъ въ пустынѣ своей на ихъ юное воображеніе и вмѣстѣ съ отцемъ ихъ вовлекъ въ свои сѣти. Скитаясь по Россіи, они получили однако нѣкоторое образованіе; старшій бывалъ часто въ Москвѣ и въ Кіевѣ, гдѣ проживалъ подъ видомъ купца, а младшій жилъ въ Новгородѣ, и былъ тамъ посаженъ въ темницу Митрополитомъ Іовомъ, за распространеніе нелѣпыхъ толковъ; освободившись, послѣ его кончины, онъ бѣжалъ къ брату въ пустынь.

Оба они еще при Данилѣ Викулинѣ, одинъ за другимъ, были его сотрудниками въ управленіи скита Выговскаго. Все семейство Мышецкихъ переселилось мало по малу въ туже пустынь: отецъ ихъ Діонисій, съ меньшимъ сыномъ Иваномъ и дочерью Соломоніею, которая подъ именемъ Февроніи основала женскій скитъ подлѣ мужескаго, отдѣленный отъ него одною лишь стѣною. Раскольники увѣряютъ даже, будто бы Андрей служилъ при дворѣ царскомъ и былъ въ перепискѣ съ царевной Софіей (*). Семенъ, называемый у

(*) Полн. извѣст. о раск. Т. III, стр. 5, 10.

нихъ ластовицею церковною, описалъ цвѣтистымъ слогомъ осаду, или, лучше сказать, мятежъ въ Соловецкой обители, и повѣсть о страданіи всѣхъ ревнителей раскола, которые понесли заслуженную казнь, начиная отъ Павла, Епископа Коломенскаго и до Мемнона, послушника Выговскаго, сожженнаго въ Холмогорахъ. Книга сія называется «Виноградомъ Россійскимъ» у Поморянъ и пользуется между ними большою довѣренностію; дѣйствительно, она могла казаться необычайнымъ твореніемъ для людей малограмотныхъ, каковы были сообщники Мышецкихъ. Тутъ и баснословные герои Омировы воспоминаются съ мятежными витязями Соловецкими, и вставлены отрывки изъ древнихъ мартирологій; всѣ лжеименные старовѣры представляются мучениками, а власти гражданскія, которыя ихъ судятъ, украшены титломъ древнихъ языческихъ эпарховъ. Множество ложныхъ чудесъ украшаютъ это выспреннее сказаніе, и послѣ многоразличныхъ истязаній, которыя почти всѣ повторяются надъ каждымъ страдальцемъ, обыкновенною казнію служитъ всегда срубъ или костеръ. Въ вымышленныхъ разсказахъ Денисова, Аввакуму, Лазарю, Епифанію и Ѳеодору діакону, отсѣкаютъ руку и языкъ по два раза и они будто бы опять выростаютъ. Въ другомъ баснословномъ сказаніи, нѣкто Никита, писарь Владимірскій, осужденный на сожженіе, вылетаетъ изъ костра на конѣ побѣдоносца Георгія, и тому подобное.

Никита Пустосвятъ, возмутившій стрѣльцовъ, также между святыхъ подвижниковъ. Но что весьма странно поражаетъ при чтеніи сихъ преувеличенныхъ мученій всякаго рода, — это самое исповѣданіе вѣры мнимыхъ учениковъ и цѣль ихъ страданій. Въ древнихъ мартирологіяхъ, истинные мученики исповѣдаютъ Христа Богомъ и пріемлютъ вѣнецъ свой за сіе исповѣданіе, когда язычники требовали, чтобы они приносили жертву идоламъ и отрекались отъ Христа. Тутъ же совсѣмъ противное: никто не требуетъ такого отреченія, и безразсудные ревнители подвизаются, не зная сами за что.

Такъ, напримѣръ, разсказано въ житіи Мемнона: что онъ подносилъ водку приказнымъ людямъ въ Москвѣ, на монастырскомъ подворьи, съ молитвою: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ».—Отъ него только потребовали чтобы онъ произнесъ ее какъ положено въ Церкви, то есть «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», но онъ упорствовалъ и не хотѣлъ повиноваться; а потому и былъ осужденъ, не за самое выраженіе, но за непослушаніе Церкви. Освободившись изъ темницы, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Мемнонъ подвергся опять самопроизвольнымъ узамъ за то же упорство, и мечталъ, что онъ страдаетъ за имя Христово, когда былъ окончательно осужденъ въ Холмогорахъ, если только можно вѣрить истинѣ сего сказанія, послѣ тѣхъ басней и высокопарныхъ возгласовъ,

какими наполненъ «Виноградъ» Мышецкій, а не Россійскій (*).

Когда такимъ образомъ Поморяне усиливались на сѣверѣ, и въ дальнюю Сибирь проникли чрезъ ссыльныхъ гибельныя вѣтви раскола. Нѣкто Астоментъ, родомъ изъ Армянъ, долго жившій въ Казани и сосланный въ Сибирь еще при Никонѣ Патріархѣ, разсѣвалъ плевелы свои въ Енисейскѣ; его главнымъ сообщникомъ былъ Яковъ Лепихинъ, который имѣя двухъ женъ, одну изъ нихъ убилъ, и никогда не бывши рукоположенъ, самозванно священнодѣйствовалъ по разнымъ мѣстамъ Сибири. Тамъ же проповѣдывали Авраамъ, монахъ происхожденія Еврейскаго, выходецъ изъ Венгріи, и самопостриженный монахъ Капитонъ, попъ Домитіанъ изъ Тюмени, и нѣкто Шапошниковъ изъ Томска. Почти каждый городъ имѣлъ своего лжеучителя, потому что мѣста сіи еще были тогда мало населены и не могло быть надъ ними надзора правительственнаго. Кромѣ совращеній, всякаго рода неистовства совершались сими грубыми людьми, не подчиненными никакому закону, ни даже гласу совѣсти, какъ это описываетъ, въ трехъ своихъ обличительныхъ посланіяхъ, ревностный Митрополитъ Сибирскій Игнатій.

Онъ разсказываетъ страшную повѣсть о нѣкоемъ чернецѣ, Иванищѣ по прозванію, который

(*) Виноградъ Сем. Денисова.

на вопросъ соумышленнаго ему попа Тюменскаго Дементія: «что прикажетъ дѣлать съ тѣми, которые, собравшись къ нему, просятъ втораго не оскверняемаго крещенія огнемъ»? отвѣчалъ: «заваривши кашу не жалѣй масла». Тогда злодѣй, собравши много смоляныхъ веществъ, устроилъ срубъ, внутрь коего заключилъ свои жертвы, убѣжденныя имъ къ мнимому мученичеству и всѣ они числомъ до 1700, съ женами и дѣтьми, сгорѣли предъ глазами посланныхъ для ихъ увѣщанія священниковъ отъ Митрополита Сибирскаго. Другой изувѣръ Шапошниковъ, убѣдивъ также до 200 человѣкъ къ самосожженію, самъ хотѣлъ избѣжать той же участи, подъ предлогомъ, будто онъ выдетъ изъ сруба, чтобы только зажечь его, однако былъ удержанъ внутри и сгорѣлъ вмѣстѣ со всѣми (*).

Около Тобольска попы Аввакумъ и Лазарь, діаконъ Ѳеодоръ и чернецъ Епифаній, довольно долго тамъ обитавшіе до своей казни, составили также зародышъ раскола, не смотря на ихъ зазорную жизнь. О Лазарѣ пишетъ одинъ изъ клириковъ Митрополита Сибирскаго, Юрій, родомъ Сербинъ, что улицы Тобольскія были ему тѣсны, когда пьяный по нимъ шатался и, обличаемый Юріемъ въ хульныхъ рѣчахъ, сознавался ему, что самъ не понимаетъ, какимъ образомъ въ бесѣдахъ своихъ, начиная духовно, ча-

(*) Полн. извѣст. о расколѣ. Ч. I, стр. 5, 7.

сто кончаетъ плотски (*). Аввакумъ же, почитаемый за святаго своими послѣдователями, имѣлъ притязаніе на богословскія познанія, хотя его невѣжество обличаемо было даже въ письмахъ къ нему Θеодора діакона. Достаточно взглянуть на одинъ слогъ его писемъ, чтобы убѣдиться въ нелѣпости ихъ писателя; напримѣръ къ Игнатію Соловецкому пишетъ: «зри Игнатій Соловьянинъ и вѣруй трисущную Троицу несѣкомую; сѣки не бойся на три естества и образы три равны; на трое течетъ источникъ Божества» (**).

Это не помѣшало однако его послѣдователямъ хвалиться своимъ лжеучителемъ, по имени коего составился даже особый толкъ Аввакумовщины, переименовавшійся въ послѣдствіи Онуфріевщиной отъ другаго лжеучителя Онуфрія, который поселился въ Нижегородской губерніи. Тамъ на Керженцѣ, въ лѣсахъ Чернораменскихъ, собралось большое общество раскольниковъ, принимавшихъ къ себѣ отчасти бѣглыхъ поповъ и монаховъ, и это было третіе сильное гнѣздо раскола, послѣ Вѣтки и Поморья. Онуфрій, хотя и былъ обличаемъ на сходбищахъ такъ называемаго братства сихъ отступниковъ православія, за то что исключительно держался ученія Аввакумова, которое слишкомъ было странно, чтобы не поразить людей нѣсколько благоразумныхъ, однако продол-

(*) Розыскъ гл. 3.
(**) Ист. Филар. 223.

жалъ до своей смерти имѣть вліяніе на нѣкоторые скиты. Послѣ него старшіе въ скитахъ Керженскихъ составили мировой свитокъ и совершенно осудили ученіе Аввакумово, о святой Троицѣ и воплощеніи Господнемъ, за подписью своихъ старцевъ, между коими видны имена іеромонаха Досиѳея и священника Андрея. Не смотря на то, попы Аввакумъ, Лазарь и Никита Пустосвятъ, получившіе достойную казнь, и всѣ самосожигатели почитались у нихъ за истинныхъ страдальцевъ, и они перекрещивали всѣхъ къ нимъ приходившихъ, потому что утверждали будто погибла на землѣ правая вѣра и добрыя дѣла и наступило послѣднее время; Антихристъ насталъ и скоро будетъ конецъ міра и послѣдній судъ (*).

(*) Полн. извѣст. о раскол. Ч. III, стр. 3—7.

XII.

Розыскъ Святителя Димитрія.

Изъ глубины сихъ Чернораменскихъ и еще Брынскихъ лѣсовъ, Калужской губерніи, выходили въ среднюю полосу Россіи всѣ лжеучители, распространяя гибельную ересь всякаго рода, между неопытныхъ поселянъ. Это побудило просвѣщеннаго пастыря и великаго Святителя, Димитрія Ростовскаго, написать о нихъ цѣлую книгу обличеній, подъ именемъ Розыска о Брынской вѣрѣ; онъ назвалъ ее такъ по имени тѣхъ урочищъ, отколѣ распространялась, и пастырски вразумлялъ въ тяжкомъ заблужденіи, доводами святаго писанія, стараясь дѣйствовать болѣе со стороны нравственной, обличеніями совѣсти и разума; книга его замѣчательна выписками изъ святыхъ Отцевъ, которыми опровергаетъ неправые толки. Хотя Розыскъ Святителя Димитрія не есть

соборное изложеніе, какъ Жезлъ правленія и Увѣтъ духовный Патріарха Іоакима, а только обличеніе одного ревностнаго пастыря, для предохраненія своей паствы, но можно сказать, что его твореніе имѣетъ достоинство соборное, какъ и всѣ писанія сего Всероссійскаго учителя Церкви, и проникнуто тѣмъ же глубокимъ познаніемъ. Оно раздѣлено на три части: въ первой разбирается что такое вѣра, и есть ли вѣра раскольниковъ правая и старая? Во второй изслѣдовано самое ученіе ихъ и обличается въ ереси и въ хулахъ на святыя тайны, на Церковь и священство, съ непререкаемыми опроверженіями на всѣ сіи хулы. Въ третьей части говорится о дѣлахъ мнимо добрыхъ, и потому безполезныхъ, и о злыхъ дѣлахъ раскольничьихъ повсемѣстно.

Святитель собралъ всѣ свѣдѣнія, какія только могъ, о ученіи и дѣйствіяхъ раскола, и даже обличенія противъ нихъ, изъ твореній нѣкоторыхъ писавшихъ въ его время Архіереевъ, какъ то: Игнатія, Митрополита Тобольскаго и Мѣстоблюстителя Патріаршаго престола, Митрополита Стефана Яворскаго. Сей послѣдній вынужденъ былъ написать книгу о Антихристѣ, противъ нелѣпыхъ толковъ, которые возбуждали смятеніе въ народѣ, молвою о кончинѣ міра и явленіи Антихриста, въ Москвѣ, по ихъ мнѣнію, новомъ Вавилонѣ. Посему книга Святителя Димитрія имѣетъ достаточную полноту и заключала въ свое время всѣ необходимыя обличенія противъ суевѣровъ.

Видно, что онъ не оставлялъ безъ вниманія и малѣйшихъ вопросовъ; такъ напримѣръ, разсказываетъ, что однажды, когда возвращался изъ церкви въ Ярославлѣ, его остановили два старовѣра и жаловались, что имъ велятъ обрить бороды, они же лучше готовы дать себѣ отсѣчь головы. Святитель на первый разъ спросилъ ихъ только: «что можетъ опять отрасти, если отсѣкутъ, борода или голова»? и тѣмъ образумилъ неразсудительныхъ ревнителей; потомъ же включилъ въ свою книгу цѣлое разсужденіе о томъ, какъ и въ древности брили бороды.

Но вотъ что внушаетъ невольную скорбь при чтеніи сего Розыска: въ Жезлѣ правленія и Увѣтѣ патріаршемъ, мы видимъ только отвѣты на странные вопросы челобитной Пустосвята, о предметахъ несущественныхъ, которые однако послужили основаніемъ раскола: напримѣръ, о двойномъ или тройномъ аллилуіа, о двуперстномъ или триперстномъ знаменіи и тому подобное. Въ Розыскѣ же, кромѣ сихъ возобновленныхъ опять вопросовъ, можно видѣть изъ другихъ предметовъ словопренія, какой страшной шагъ сдѣлалъ расколъ въ краткій срокъ, отъ 1682 года до 1709, когда писанъ былъ Розыскъ, то есть, въ четверть вѣка Святитель Димитрій долженъ уже защищать не различный образъ креста Господня или письмо иконъ, но самое ихъ достоинство, а равно и святыхъ мощей, потому что явились такіе лжеучители, которые начали отвергать вся-

кую святыню.—Брынскіе выходцы начинали уже тайно учить, что не должно почитать святыхъ мощей, и нѣкоторые мужики и бабы, наученные ими, стали явно проповѣдывать: что не только не слѣдуетъ ходить въ церковь, но и покланяться предъ иконами, потому будто бы, что одно лишь дозволено поклоненіе, духомъ и истиною, и что даже самая исторія евангельская есть иносказательная и болѣе притча. Вотъ какъ опасно отступить однажды отъ Церкви, потому что безъ ея руководства можно легко впасть во всякую ересь; и здѣсь, отдѣлившіеся отъ нея подъ разными несущественными предлогами, влаемые всякимъ вѣтромъ ученія, сами незамѣтно для себя, отступили не только отъ коренныхъ догматовъ православія, но и Христіанства.

До какой степени такія заблужденія были новостью въ православномъ отечествѣ нашемъ, можно судить изъ словъ Святителя Димитрія, который пишетъ по сему предмету: «азъ смиренный, не въ сихъ странахъ рожденъ и воспитанъ, ниже слышалъ когда о расколахъ, въ странѣ сей обрѣтающихся, ни о разнствіи вѣры и правилъ раскольничьихъ; но уже здѣсь, по Божью изволенію и указу Государеву жити начавъ, увѣдалъ слухомъ отъ многихъ донесеній» (*).

Нѣкоторые доходили до такого ожесточенія, что уже начинали сомнѣваться: могутъ ли творить

(*) Розыскъ стр. 566.

на себѣ крестное знаменіе, потому что по необходимости оно было четвероконечное? Святитель, разсуждая о враждѣ ихъ къ сему образу креста, который дерзали называть печатью Антихристовой, замѣчаетъ: «что сія еретическая хула произыде древле отъ нѣкоего Нѣмчина, Буллингера именуемаго, муропомазаніе хулившаго; не вѣмъ же како въ Россійскія страны въ раскольники вниде» (*). Любопытно, въ третьей книгѣ Розыска, сказаніе о многихъ лжеучителяхъ и неистовствахъ, какія они дозволяли себѣ въ разныхъ предѣлахъ Россіи и какъ они лестію искали овладѣть умами. Приходя, какъ волки въ одеждахъ овчихъ, усматривали они всегда, какіе дома богаче, потому что обыкновенно чуждаются бѣдныхъ и наипаче обращаются къ простымъ людямъ и женщинамъ. Вселившись въ домъ, являютъ фарисейски чрезвычайное благочестіе, приносятъ съ собою свой хлѣбъ, не касаясь чужихъ брашенъ, какъ бы оскверненныхъ, и намѣренно продолжаютъ молитву, да видимы будутъ отъ человѣковъ; потомъ уже предлагаютъ чтеніе книжное съ своимъ поученіемъ, противнымъ духу евангельскому, и бесѣдуютъ со слезами и многими воздыханіями, такъ что люди простодушные, не разумѣя ихъ коварства, удивляются ихъ житію, и тѣмъ удобнѣе имъ бываетъ вселить въ сердце еретическіе плевелы. Они превозно-

(*) Роз. кн. II.

сятъ свои Брынскіе скиты, всякими похвалами о вѣрѣ и житіи мнимыхъ подвижниковъ, и пророчествуютъ о второмъ пришествіи, говоря что Антихристъ уже въ мірѣ; принявъ же обильную милостыню отъ устрашенныхъ, возвращаются, съ корыстію, уводя съ собою и обольщенныхъ ими будто бы на спасеніе, но дѣйствительно на погибель.

Святитель Димитрій приводитъ современное сказаніе Митрополита Сибирскаго Игнатія, объ одномъ изъ главныхъ ересіарховъ, чернецѣ Капитонѣ, скитавшемся въ Костромскомъ уѣздѣ, котораго послѣдователи назвались въ началѣ Капитонами, ибо онъ дѣйствительно былъ главою безпоповщины по своему духу, хотя въ послѣдствіи секта сія образовалась отъ оскудѣнія священниковъ между отпадшими отъ Церкви: когда умерли всѣ бывшіе стараго рукоположенія, а новыхъ не хотѣли принимать, тогда расколъ раздѣлился на двѣ свои главныя отрасли, хотя и со многими подраздѣленіями, особенно въ послѣднее время. Сей Капитонъ являлъ столь необыкновенный постъ, что даже, вопреки разрѣшенію церковному, и въ праздники не разрѣшалъ на сыръ и масло, и на Пасху вмѣсто яицъ употреблялъ красныя луковицы. Но при такомъ мудрованіи почиталъ себя за великаго и святаго, какъ обыкновенно бываетъ съ превозносящимися надъ уставами церковными; онъ началъ презирать чинъ духовный и не принимать

благословенія отъ іереевъ: послѣ же сего сталъ изобрѣтать новое ученіе, возбуждая расколъ въ церкви, повелѣвалъ чуждаться таинствъ, не покланяться иконамъ и держаться двуперстнаго знаменія. Его послѣдователи, возбуждаемые однимъ невѣжественнымъ поселяниномъ, изобрѣли себѣ и новое причастіе, виноградную ягоду, вмѣсто священнаго хлѣба. Избираемая изъ среды ихъ дѣвка, одѣтая въ цвѣтное платье, выходила изъ подполья въ сборную ихъ избу и, держа на головѣ рѣшето съ изюмомъ, какъ бы дискосъ, по подобію іерейскому, говорила: «всѣхъ васъ православныхъ Христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ».—«Аминь» отвѣчали ей ослѣпленные и принимали изюмъ, какъ бы божественное пріобщеніе. Изъ многихъ повѣствованій, собранныхъ въ Розыскѣ, я представлю только нѣсколько самыхъ разительныхъ (*).

Въ предѣлахъ Вологодскихъ поселился одинъ волхвъ въ пустынѣ, который снискалъ себѣ довѣріе простыхъ поселянъ; онъ проповѣдывалъ, что можно всѣмъ жить въ бракѣ безъ церковнаго благословенія и что нѣтъ грѣха въ нечистыхъ узахъ. Волхвъ велѣлъ двумъ своимъ приверженцамъ вырѣзать сердце у новорожденнаго младенца, для нечистыхъ волхвованій, и растолочь въ порошокъ, который разносили по селеніямъ для прельщенія къ расколу. Когда же, обличенный

(*) Роз. книг. III.

однимъ изъ свидѣтелей сего ужаснаго дѣла, вынужденъ былъ бѣжать на Поморье, тамъ съ толпою своихъ единомышленниковъ, ворвался въ монастырь Палеостровскій, гдѣ обиталъ бывшій Епископъ Коломенскій Павелъ. Ограбивъ обитель, они сожгли въ ней много народа, и годъ спустя, какъ это видно изъ актовъ историческихъ (V № 151), опять овладѣли монастыремъ, въ 1688 году, заперли Игумена съ братіею въ погребѣ, а сами затворились въ крѣпкихъ стѣнахъ. Митрополитъ Новгородскій Корнилій послалъ увѣщателей, а гражданское начальство солдатъ изъ Олонца, чтобы схватить вождей, изъ коихъ главный былъ выходецъ Соловецкій Игнатій, другъ Аввакумовъ, но напрасно старались образумить неистовыхъ; они зажгли монастырь и всѣ въ немъ погибли, числомъ до пяти сотъ, по свидѣтельству иноковъ Палеостровскихъ.

Если же вѣритъ синодику поморскому Андрея Денисова, то въ оба пожара, съ двумя бѣглецами Соловецкими, Игнатіемъ и Германомъ, погибло въ первый разъ 2700 душъ, а во второй 1500, и дѣйствительно это можно назвать погибелью не только тѣлесъ, но и душъ. Въ 1693 году было такое же всесожженіе въ Пудожскомъ погостѣ, возбужденное также бѣглецомъ Соловецкимъ, чернецомъ Іосифомъ и однимъ изъ Московскихъ учениковъ Пустосвята; въ этотъ разъ сгорѣло до пятидесяти человѣкъ. Если же исчислить всѣ бывшія въ то время самосожженія, то еще на го-

рахъ близъ Олонца сожглось до 1000 человѣкъ и въ разныхъ мѣстахъ Сибири также около 1000, не считая большаго костра чернеца Тобольскаго Дементія, который погубилъ въ одинъ разъ 1700 душъ (*). Нельзя однакоже сказать, чтобы Сибирь оставалась безъ бдительнаго надзора пастырей, потому что въ ней Митрополиты Павелъ, Игнатій, Филоѳей и Іоаннъ, истинные подвижники благочестія, повсюду распространяли слово Божіе между язычниками и ревностно старались о обращеніи раскольниковъ.

Святитель Димитрій свидѣтельствуетъ, что и въ Устюжскомъ уѣздѣ, на Пасху 1709 года, добровольно сожгли себя въ лѣсу до 300 раскольниковъ, когда воевода Ржевскій послалъ ихъ отыскивать въ глуши, гдѣ у нихъ устроены были храмины съ оградами и подъ ними пещеры; а въ Пошехонскомъ уѣздѣ сожглось всякаго рода людей до 1920 человѣкъ. Князь Иванъ Голицынъ пріѣзжалъ нарочно въ свое помѣстье, Бѣлосельскую волость, уговаривать крестьянъ, чтобы не жглись, такъ какъ ихъ къ тому побуждалъ крестьянинъ сосѣдней волости боярина Языкова, Иванъ Десятинъ. Князь велѣлъ сыскать его и распрашивалъ о ученіи, убѣждая не совращать народъ. Если такихъ людей казнили, то не заслуживали ли они своей казни, и не такого ли разряда была большая часть страдниковъ, про-

(*) Ист. Церк. Филар. 218—220.

славленныхъ книгою, Виноградомъ Денисова? Страшную притомъ разсказываетъ повѣсть Святитель, приводя впрочемъ во свидѣтельство самовидца, іеромонаха Игнатія, который подтвердилъ это по священству. Неистовый крестьянинъ бросилъ на полъ, во время допроса боярскаго, три ягоды, и домовый священникъ Князя, растерши одну, хотѣлъ узнать, что въ ней за вкусъ. Внезапно онъ измѣнился въ лицѣ и пришелъ какъ бы въ нѣкое бѣшенство. Князь велѣлъ его заключить въ подклѣтье, гдѣ топилась печь, и онъ бросился въ пламя, такъ что едва могли его спасти; когда же пришелъ въ себя, со слезами разсказывалъ Князю, что печь сія показалась ему какъ бы райскою дверью, доколѣ не прошло его изступленіе.

Святитель описываетъ въ Розыскѣ своемъ еще секту такъ называемыхъ Морельщиковъ, которые прельщаютъ, равно какъ и сожигатели, простыхъ людей, мужей и женъ, идти спасаться къ нимъ въ затворъ, по подобію святыхъ, возсіявшихъ въ постѣ, ибо, говорили они, насталъ уже день судный. Увлеченныхъ ими они отводятъ, каяться въ грѣхахъ своихъ, въ нарочно ископанныя ими въ лѣсахъ ямы, или въ хоромы, устроенныя безъ дверей, въ которыя спускаютъ ихъ съ верху и запираютъ по одному, по два и болѣе. Хотя же заключенные, послѣ трехъ дней, съ воплями умоляютъ, чтобы ихъ выпустили, никто имъ не внемлетъ, и ихъ находили даже по-

ѣдавшими другъ друга. Но убѣждая другихъ на столь страшную смерть, сами лжеучители не только имъ не подражаютъ, но и не умерщвляютъ страстей своихъ, и не многіе между ними живутъ цѣломудренно. Воевода Ростовскій Пашковъ самъ разсказывалъ Святителю, какъ, въ 1703 году, бортники его схватили въ лѣсу двухъ такихъ совратителей, которые деньгами подговорили жену священника села Бора, идти съ ними на спасеніе въ Брынскіе лѣса, и хотѣли обольстить ее дорогою, но были испуганы выстрѣломъ бортниковъ. Крестьяне же Зауральской волости, по словамъ сего воеводы, добровольно отводятъ въ лѣса дочерей своихъ и сестеръ, къ такъ называемымъ у нихъ святымъ отцамъ. Въ подтвержденіе словъ воеводы, Святитель Димитрій называетъ богатыхъ посадскихъ людей города Романова, изъ коихъ одинъ, Иванъ Трусовъ, послалъ такимъ образомъ въ лѣсъ трехъ дочерей, а братъ его Василій одну, и еще одинъ посадскій трехъ, какъ донесено было Преосвященному, будто бы въ женскій скитъ.

Скопища раскольничьи, въ лѣсахъ Брынскихъ, называются скиты и толки, пишетъ Святитель: скиты, потому что населяющіе ихъ скитаются по лѣсамъ, какъ бы подражая древнимъ пустынникамъ; толки же отъ того, что всякій скитъ по своему толкуетъ Божественное писаніе, не согласно съ другими, и каждый однако старается увлечь въ свой толкъ окрестныя селенія. Есть, на-

примѣръ, скитъ или толкъ Христовщины, въ которомъ обрѣтается мужикъ, богохульно почитаемый за Христа; пристанище его за 60 верстъ отъ Нижняго, на перевозѣ Оки; родомъ онъ, какъ говорятъ, Турчанинъ; водитъ съ собою дѣвицу, которую называютъ Богородицею, и имѣетъ двѣнадцать Апостоловъ, которые ходятъ по деревнямъ, проповѣдуя свое ученіе, но не воспрещаютъ ходить въ церковь, чтобы ихъ скоро не узнали. Самовидѣцъ, монахъ Пахомій, разсказавшій о томъ Святителю, былъ приведенъ однимъ изъ такихъ учениковъ, на поклоненіе мнимому Христу, въ пустую ветхую церковь, на рѣкѣ Волгѣ. Обольститель вышелъ, съ сіяніемъ на головѣ, къ людямъ изъ алтаря, и всѣ, припадши къ ногамъ его, долго ему молились, говоря: «Создатель нашъ, помилуй насъ»! доколѣ не изнемогли отъ молитвы; онъ же пророчествовалъ имъ о измѣненіяхъ въ воздухѣ, и убѣждалъ въ него вѣрить (*).

Другой скитъ Аввакумовщины почиталъ за святаго, какъ мы уже говорили, разстриженнаго попа сего, и совершалъ празднество его памяти, говоря, что письма его свѣтлѣе солнца, по свидѣтельству ученика его Іероѳея и старца Онуфрія, въ послѣдствіи осужденнаго самими раскольниками. Другіе скиты, по именамъ своихъ основателей, назывались Вавиловщина, Андреевщина, Іосифовщина, и держались поповщины, то есть, прини-

(*) Розыскъ ст. 599 и далѣе.

мали бѣглыхъ поповъ, непокоряющихся Церкви, но перекрещивали людей, которые были не моложе шестидесяти лѣтъ, потому что почитали еретическимъ православное крещеніе послѣ Никона. Они перестригали иноковъ, а бѣглымъ приказывали проклинать свое посвященіе и Архіерея, ихъ рукоположившаго; тогда давали имъ власть совершать у себя требы и даже литургію, но не часто, въ пустыхъ церквахъ и по старымъ служебникамъ только для запасныхъ даровъ; а иные попы приносили съ собою будто бы старые дары и тѣмъ причащали; за дальностію же разстоянія разрѣшительныя молитвы, для родильницъ и для усопшихъ, разсылали въ платкахъ; если же кто изъ нихъ сообщался съ православными, надъ тѣмъ читали молитву какъ бы надъ оскверненнымъ сосудомъ.

Другіе скиты безпоповщины въ тѣхъ же лѣсахъ, Волосатовщина, Илларіоновщина и прочіе, вовсе не принимаютъ поповъ, но старцы ихъ сами совершаютъ требы, крестятъ, исповѣдуютъ и хоронятъ, и бабы у нихъ преимущественно крестятъ, ссылаясь на Кормчую книгу, по коей дозволено бабкѣ окрестить, въ случаѣ смертности младенца; они живутъ безъ всякаго супружества и съ ними въ кельяхъ пребываютъ мнимыя ихъ монахини, ибо ихъ учители увѣряютъ что не должно вѣнчаться у еретиковъ, и если у вѣнчанныхъ православными родятся дѣти, то съ тѣми не сообщаются, какъ съ нечистыми. Причастіе у

нихъ, сказываютъ, будто бы давнее, до временъ Никона, и когда оскудѣваетъ, то дѣлаютъ новое тѣсто и съ нимъ смѣшиваютъ старое, растерши его въ порошокъ. Въ сихъ толкахъ, какъ болѣе закоснѣлыхъ, собственно находятся сожигатели. Межь ними Андрей Поморянинъ хвалился, что уже сжегъ болѣе трехъ тысячь человѣкъ, и власатый старецъ болѣе двухъ тысячь. Они устрояютъ для сего обширныя храмины въ лѣсахъ, гдѣ запираютъ человѣкъ по 200, и дѣтей, чтобы не убѣжали, гвоздями приковываютъ за одежду къ лавкамъ, и такъ обложивъ соломою храмину, зажигаютъ: сами же берегутъ снаружи, чтобы не ушли ихъ невольные мученики, или если кто покушается выскочить, опять его вгоняютъ въ огонь, а пожитки сожженныхъ берутъ себѣ сожигатели. Что можетъ быть печальнѣе такихъ ужасовъ, которые въ то время повторялись повсемѣстно?

Святитель Димитрій говоритъ еще объ одномъ скитѣ, Серапіоновщинѣ, котораго наставникъ научалъ мориться голодомъ до смерти. Онъ собралъ много инокинь около себя, и послѣ него братъ его Семенъ уговорилъ до 50, изъ числа ихъ, на вольное будто бы мученичество, а съ одною ушелъ и женился на ней въ Казани. Еще толкъ Стефановщины отъ дьякона Стефана; его послѣдователи, осуждая бракъ и выдавая себя за цѣломудренныхъ, не почитали блуда за грѣхъ, а дѣтей бросали въ лѣса на съѣденіе звѣрямъ. Много такихъ примѣровъ можно извлечь изъ книги

Розыска, которая служитъ вѣрною, хотя и страшною, картиною внутренняго быта раскольниковъ того времени. Всѣ свѣдѣнія, собранныя ревностнымъ пастыремъ, достовѣрны, потому что, кромѣ формальныхъ донесеній отъ подчиненнаго ему духовенства и Ростовскихъ воеводъ, подробно раскрыли ему всѣ дѣйствія Брынскихъ лѣсовъ, долго тамъ проживавшіе монахи, Макарій Ростовскаго уѣзда и Пахомій Пошехонскаго. Послѣдній, съ дѣтства завезенный въ лѣса, выросъ между раскольниками, дважды былъ перекрещиваемъ, въ различныхъ толкахъ поповщины и безпоповщины, и оба они обращены въ православіе ревностнымъ игуменомъ Успенской обители Питиримомъ, который въ послѣдствіи обратилъ столькихъ заблудшихъ, будучи посвященъ Епископомъ на каѳедру Нижегородскую. Также и монахиня Анфиса, въ преклонныхъ лѣтахъ скончавшаяся въ Ростовѣ, которая долго жила прежде на Керженцѣ и въ лѣсахъ Брынскихъ, много разсказала Святителю о всѣхъ ужасахъ и безпорядкахъ, которые тамъ совершались въ женскихъ скитахъ; «при двухъ же и трехъ свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголъ», говоритъ Божественное писаніе. Лучшимъ свидѣтельствомъ истины словъ Святителя Димитрія есть то, что самъ Господь оправдалъ его, прославивъ предъ нашими глазами за святую жизнь, нетлѣніемъ мощей его и многими знаменіями, которые могли видѣть и самые отступники православія, ибо открыто почиваетъ угодникъ Божій въ своей

Ростовской обители, гдѣ, по смиренію, думалъ укрыться отъ всенароднаго чествованія; но вмѣсто того онъ прославилъ собою сію обитель, включенный самъ въ лики святыхъ, житіе коихъ, съ такою любовію, описалъ для назиданія душъ Христіанскихъ. И вотъ опять въ наше время, просіялъ другой великій поборникъ православія, Святитель Митрофанъ Воронежскій, въ обличеніе упорнымъ, которыхъ, вмѣстѣ съ прочими православными Архіереями, увѣщавалъ на Соборѣ Патріарха Іоакима, когда Никита Пустосвятъ съ буйною толпою ворвался въ царскія палаты, для провозглашенія своей челобитной.

На концѣ Розыска Святитель Димитрій, съ пастырскимъ увѣщаніемъ о избѣжаніи дѣлъ раскольничьихъ, предлагаетъ краткій ихъ перечень, дабы въ одной разительной картинѣ представить весь ихъ ужасъ. «Они сожигаютъ и сожигаются, и похищаютъ имущества сожигаемыхъ, морятъ голодомъ на смерть, такъ что иные заѣдали другъ друга, младенцевъ закалаютъ, дѣвки причащаютъ изюмомъ и обаяніемъ ищутъ привлечь къ себѣ людей, бракъ почитаютъ нечестивымъ, а нечестивые узы любовію Христовой; мужика величаютъ Христомъ и покланяются ему, еретика Аввакума причисляютъ къ лику святыхъ, перекрещиваютъ и перестригаютъ иноковъ и поповъ переставляютъ, посылаютъ въ платкахъ разрѣшительныя молитвы; простые мужики и дѣвки совершаютъ требы, святотатно творятъ ложное

причастіе, за Царя Бога не молятъ, иные крещенія вовсе не имѣютъ, и субботствуютъ по жидовски. Всякій здравый разумъ, присовокупляетъ Святитель, можетъ разсудить, богоугодны ли такія дѣла ихъ, и потому какъ должно остерегаться волковъ сихъ, приходящихъ въ одеждахъ овчихъ, ибо заранѣе предсказано Апостоломъ о имѣющихъ возстать лживыхъ учителяхъ (2 Петр. II), и Апостолъ Павелъ умоляетъ «соблюдать себя отъ творящихъ распри и отвращаться отъ бабьихъ басень» (Римл. XVI. Тим. IV).

«Предложивъ все сіе любви вашей, о правовѣрные, заключаетъ Святитель, довершаю мою къ вамъ бесѣду словами Іоанна Богослова: «иже знаетъ Бога, послушаетъ насъ, а иже нѣсть отъ Бога, не послушаетъ насъ; о семъ познаваемъ духа истины и духа лестча» (1 Іоанна IV). Богъ же милосердый, не хотяй смерти грѣшника, да обратитъ, имиже вѣсть судьбами, возстающихъ на святую Церковь и да присоединитъ ихъ паки къ своему избранному стаду. Васъ же, чада моя, держащіяся матери своей Каѳолической Церкви и пребывающія въ православіи, да изведетъ изъ тьмы грѣха ко свѣту вѣры, и Церковь свою да соблюдетъ, непреодолѣнною адовыми вратами до скончанія вѣка». Послѣ сей трогательной молитвы опять выражается смиренный духъ благочестиваго учителя Церкви, въ его послѣднихъ словахъ: «предлагаю убогую сію кни-

жицу трудовъ моихъ на разсужденіе Церкви, преосвященныхъ Архіереевъ и всего духовнаго чина; ибо не мнилъ себя быть мудрымъ и не уповалъ на свой убогій разумъ; аще что въ ней обрящете не право, прошу любезно исправить; азъ же готовъ во всемъ повиноваться церковной власти, яко послѣдній членъ и нижайшій послушникъ и работникъ». Вотъ какой примѣръ послушанія Церкви подавалъ одинъ изъ ея величайшихъ Пастырей, для обличенія отступившихъ отъ Церкви, по необдуманному ихъ самолюбію!

XIII.

Дѣйствія Епископа Питирима; Духовная Пращица.

Примѣру Святителя Димитрія подражали другіе ревностные пастыри, но всѣхъ болѣе принесъ духовнаго плода, обращеніемъ раскольниковъ, Питиримъ, бывшій въ послѣдствіи Архіепископомъ Нижегородскимъ, который имѣлъ случай лично пользоваться наставленіями святаго Митрополита Ростовскаго. Слово, слышанное имъ изъ устъ самого Святителя, внесъ онъ лично въ ди-

кую глушь лѣсовъ Чернораменскихъ, гдѣ было тогда сильнѣйшее скопище раскола и куда наиболѣе направлены были дѣйствія правительства свѣтскаго и духовнаго. Многія тысячи обратились по гласу Питирима, котораго имя ненавистно ревнителямъ раскола, не менѣе прославленнаго, въ ликахъ Святыхъ, имени Святителя Димитрія. Благое Провидѣніе употребляетъ иногда, для достиженія своихъ спасительныхъ цѣлей, такія орудія, какія казались наиболѣе имъ противны, и допускаетъ временное уклоненіе отъ истины лучшихъ ея проповѣдниковъ, дабы они сами въ послѣдствіи явились болѣе искусными въ опроверженіи изученныхъ ими, по собственному опыту, заблужденій. Это видимое руководство Промысла ясно представилось въ Питиримѣ.

Рожденный въ простомъ званіи, онъ, съ молодыхъ лѣтъ, имѣлъ влеченіе заниматься чтеніемъ старыхъ рукописей и богословскихъ изслѣдованій, но по недостатку образованія впалъ въ сѣти раскольниковъ. Много лѣтъ проживалъ онъ у нихъ въ Бѣлоруссіи и на Вѣткѣ, гдѣ былъ даже постриженъ въ монашество, но этотъ случай послужилъ ему къ подробнѣйшему разсмотрѣнію всѣхъ ихъ толковъ. Такъ какъ ревность Питирима была добронамѣренна, то Господь не оставилъ его во мракѣ и далъ ему средство, чрезъ умноженіе просвѣщенія духовнаго, обратиться къ православію. Онъ сблизился съ пустынножителемъ Іоан-

номъ, который былъ въ послѣдствіи основателемъ Саровской обители и много ревновалъ о обращеніи заблудившихся, въ предѣлахъ Нижегородскихъ. Поступивъ въ Переяславскій монастырь святаго Николая, Питиримъ имѣлъ случай, по близости къ Ростову, часто видѣть свѣтильникъ своего времени, Димитрія, и многое отъ него заимствовалъ. Уже Питиримъ былъ настоятелемъ сей обители, когда однажды, при осмотрѣ Переславскаго озера, узналъ его Великій Петръ, орлинымъ взоромъ быстро проницавшій людей, и угадалъ, до какой степени можетъ быть онъ полезенъ для вразумленія совратившихся съ пути истины, потому что мудрый Государь чрезвычайно ревновалъ о истинѣ православія, въ своемъ обширномъ царствѣ. Именнымъ указомъ поручилъ онъ ему особенно, въ 1706 году, увѣщавать раскольниковъ, усиливавшихся въ Юрьевскомъ и Балахнинскомъ уѣздахъ, и съ тѣхъ поръ до конца своего царствованія былъ въ непосредственной съ нимъ перепискѣ по дѣламъ о расколахъ (*).

Ревностный Питиримъ былъ съ своей стороны вполнѣ достоинъ Монаршей довѣренности, и неутомительно ходилъ по дебрямъ и пустынямъ, для собесѣдованія съ укрывавшимися тамъ отъ всякаго назиданія духовнаго. Не мало нужно было твердости духа, чтобы преодолѣвать всѣ трудности нравственныя и физическія, по непроходимо-

(*) Ист. Церк. Фил. 133—137.

сти самыхъ мѣстъ; чего не могъ онъ словомъ, то дополнялъ писаніемъ, разсылая повсюду обличительныя свои тетради. Долго оставаясь въ самомъ средоточіи раскола, Питиримъ собралъ братію въ лѣсахъ, на Керженцѣ и въ Бѣльбашѣ, и устроилъ тамъ обитель пустынную во имя Успенія, въ которую поставленъ былъ первымъ настоятелемъ. Тамъ, собственнымъ примѣромъ наставляя своихъ учениковъ, образовалъ онъ ревностныхъ защитниковъ православія, каковыми были: іеромонахъ Неофитъ, посланный въ послѣдствіи на сѣверъ къ Поморянамъ, Авраамій, дѣйствовавшій на Вѣткѣ, и Епифаній, игуменъ Костромской. Еще въ 1705 году Питиримъ, будучи въ Переяславлѣ, успѣлъ обратить во ввѣренныхъ ему уѣздахъ до 2000 душъ изъ раскола, но жаловался письменно Государю: что мѣстныя гражданскія власти, то есть, губернскіе начальники, волостные старосты и прикащики, не только ему ни въ чемъ не помогали, но даже препятствовали въ дѣлѣ обращенія, запрещая входить въ домы раскольниковъ и священникамъ учить ихъ; онъ просилъ подтвердить о необходимомъ содѣйствіи и охраненіи посылаемыхъ имъ старцевъ, отъ неистовства закоснѣлыхъ въ расколѣ. Немедленно воспослѣдовала резолюція Государя, 19 Марта 1715 года, въ слѣдующихъ сильныхъ выраженіяхъ: «по сему прошенію отца Игумена Питирима запрещается всѣмъ ему возбранять въ его равноапостольскомъ дѣлѣ, но повелѣвается паче

ему помогать; если же кто ему въ семъ святомъ дѣлѣ препятствовать будетъ, тотъ безъ всякаго милосердія казненъ будетъ смертію, яко врагъ святыя Церкви, и буде кто изъ начальствующихъ помогать ему не будетъ, тотъ лишится своего имѣнія».

Такъ дѣйствовалъ Великій Петръ и памятны слова его, потому что безъ содѣйствія властей гражданскихъ, какъ извѣстно по опыту, не можетъ быть полнаго успѣха въ дѣлѣ обращенія людей, будто бы непокорныхъ одной лишь власти духовной. Три года спустя, по представленію Питирима, 14 Февраля 1718 года, Государь издалъ жалованную грамоту обращающимся раскольникамъ, о честномъ ихъ повсюду принятіи, и это можетъ служить свидѣтельствомъ, что не одни только мѣры строгости противъ нихъ употреблялись. Въ томъ же году, 2 Марта, изданъ другой указъ, о строгомъ эпархіальномъ надзорѣ за священниками: дабы не утаевали въ исповѣдныхъ росписяхъ раскольниковъ, ибо это есть главный корень ихъ размноженія, и не выбирались бы въ старосты и бурмистры отступники отъ Церкви, для того что они, потворствуя своимъ, могли имѣть болѣе случая къ размноженію раскола.

Еще въ началѣ 1716 года Питиримъ отправилъ къ Чернораменскимъ раскольникамъ, Дьяконовскаго толку, такъ названнымъ по имени вождя своего дьякона Александра, 130 вопросовъ о

причинѣ ихъ уклоненія отъ Церкви. Толкъ дьяконовщины разнствовалъ тѣмъ отъ Вѣтки и другихъ толковъ поповщины, что онъ не признавалъ нужнымъ перемазывать бѣглыхъ поповъ и принималъ четвероконечный крестъ наравнѣ съ осьмиконечнымъ; слѣдственно былъ лучше расположенъ къ Церкви. Вопросы сіи приняты были, хотя и неохотно, однако съ обѣщаніемъ написать на нихъ отвѣты, но вмѣсто сего раскольники послали къ нему, въ томъ же году, 240 своихъ вопросовъ о вѣрѣ и преданіяхъ Церкви Православной, потому что находили болѣе легкимъ спрашивать, нежели отвѣчать. Питиримъ обѣщалъ взаимно ихъ удовлетворить, и въ слѣдующемъ году увѣдомилъ, что отвѣты его уже готовы; годъ спустя повторилъ онъ свое извѣщеніе, требуя, чтобы противники явились съ своими отвѣтами и назначили бы мѣсто для совѣщаній; но расколоучители, не имѣя между собою людей довольно образованныхъ для такого рода отвѣтовъ, всячески отъ нихъ уклонялись и еще болѣе отъ собесѣдованія (*). Въ продолженіи сего времени Питиримъ, въ 1719 году, рукоположенъ былъ во Епископа Нижегородской эпархіи, какъ болѣе другихъ способный дѣйствовать на ея расколы, и онъ уже началъ употреблять дѣятельныя мѣры для побужденія къ отвѣту на заданные имъ вопросы. Наконецъ отвѣты были

(*) Полное изв. о раск. Ч. IV, 5.

представлены въ Маѣ и весьма любопытно извѣстіе, кто и какимъ образомъ составлялъ ихъ? потому что Чернораменскіе, по своему невѣжеству, не въ состояніи были сами отвѣчать.

Это былъ тотъ же лжеучитель Андрей Денисовъ, который не только у себя въ Поморьи, но и по всѣмъ мѣстамъ Россіи, старался распространять расколъ, научая всѣ толки, несогласные между собою, въ одномъ только быть согласными—въ непослушаніи Церкви, какъ это видно изъ его жизни, съ непомѣрными хвалами описанной его послѣдователями. Тамъ, въ 17 главѣ сказано, что однажды Андрей, пріѣхавъ въ Москву, познакомился съ однимъ добрымъ человѣкомъ изъ согласія поповщины (когда самъ принадлежалъ къ самой суровой безпоповщинѣ), и съ нимъ вмѣстѣ отыскивалъ старыя вещи, могущія подкрѣпить мнимое ихъ древнее церковное благочестіе; онъ собиралъ отовсюду старыя утвари и иконы, пользуясь всякими случаями, и отъ того много находится въ его скиту древней святыни, не только боярской, но и царской, не всегда совѣстливо добытой. Въ это время нужда пришла крайняя, Нижегородскимъ мнимымъ старовѣрамъ, отвѣчать на вопросы Питирима, яко бы злодыхающаго на всѣхъ Христіанъ, какъ они себя за всѣхъ называли, и они просили убѣдительно пріятеля Андреева имъ пособить; а такъ какъ онъ зналъ ихъ неграмотность и невѣдѣніе

превыспренней богословіи, не смотря на то, что состязались съ богословами, то умиленно просилъ Денисова вступиться за ихъ бѣдствующее сословіе, обѣщая ему все нужное къ написанію сихъ отвѣтовъ. Сперва отрицался Денисовъ, чтобы не возбудить въ своихъ подозрѣніе противъ себя, за содѣйствіе чуждому толку, однако въ послѣдствіи склонился на милость изъ опасенія, что и ему въ другомъ случаѣ не помогутъ, ибо и всякому скоту, не только разумному существу, подобаетъ оказывать милость (не слишкомъ лестное выраженіе для тѣхъ, кому онъ помогалъ); а здѣсь еще болѣе, потому что поповщина трудилась противъ новолюбителей, то есть, чадъ православной Церкви.

И такъ онъ рѣшился взять на себя лице Нижегородскихъ старовѣровъ, хотя и чуждался самъ ихъ общества, и подложно, будто бы отъ нихъ, написалъ желаемые ими отвѣты, которые послужили ему въ послѣдствіи основаніемъ собственныхъ его Поморскихъ отвѣтовъ іеромонаху Неофиту, присланному отъ Святѣйшаго Сѵнода. Но мнимый ревнитель истины, хотя и въ чуждѣ, не забылъ и себя, потому что, сказано въ его житіи: «великое за сіе получилъ благодареніе себѣ, отъ всего ихъ согласія, и нѣсколько на скудость пустынную и пѣнязей награжденія».—Вотъ каковы были сіи ревнители, за деньги, какъ будто бы изъ милости, готовые вступаться и за чуждое имъ общество, съ которымъ находились въ

явномъ разрывѣ, лишь бы для нихъ это было выгодно противъ Церкви православной (*).

Преосвященный Питиримъ, получивъ давно ожидаемые отвѣты, назначилъ общее собраніе въ селѣ Пафнутьевѣ, дворцовой волости, Балахнинскаго уѣзда, всѣмъ расколоучителямъ разныхъ толковъ Нижегородскихъ, пригласилъ туда и крестьянъ изъ многихъ волостей, чтобы они были свидѣтелями пренія. Въ праздникъ Покрова Богоматери, совершивъ литургію, вышелъ онъ въ полномъ облаченіи со всѣмъ своимъ клиромъ на возвышенный амвонъ близъ церкви, и вступивъ въ переговоры съ расколоучителями, всенародно вручилъ имъ свои отвѣты, дабы они не могли въ послѣдствіи отъ сего отречься. Они же, принявъ ихъ, тутъ же отступились отъ преждепредставленныхъ ими отвѣтовъ Андрея Денисова, и отказались предъ всѣмъ народомъ вступить въ состязаніе съ просвѣщеннымъ пастыремъ, потому что чувствовали свою неспособность. Весьма любопытно это соборное, можно сказать, или эпархіальное дѣяніе Епископа съ своею паствою, которое было все изложено въ донесеніи Святѣйшему Сνноду и трижды напечатано отдѣльно, и еще въ древней Россійской Вивліоѳикѣ (**).

Осѣнивъ всѣхъ крестомъ, Преосвященный сказалъ народу: «Отцы и матери, и всѣ православ-

(*) Рукоп. жит. Андр. Денисова.

(**) Объявл. пр. Питир. 1720, 1782, 86, Рус. Вивліо. XV.

ные Христіане, извольте смотрѣть: я къ вамъ пришелъ, не износя никакого оружія для устрашенія вашего, кромѣ одного Христіанскаго оружія, насъ охраняющаго, святаго евангелія и животворящаго креста, и потому не имѣйте ни малѣйшаго страха. Я пришелъ только для того, чтобы при всѣхъ васъ размѣняться съ дьякономъ Александромъ, вопросами и отвѣтами, а вы смотрите, кто изъ насъ правъ будетъ и кто виноватъ».—Всѣ собравшіеся тутъ старцы и старицы благодарили Епископа, за его снисхожденіе, и поклонились кресту и евангелію. Послѣ сего Преосвященный предложилъ дьякону Александру и старцу Варсонофію, съ ихъ товарищами, девять вопросовъ о томъ: обѣщались ли они отвѣчать, еще за три года передъ тѣмъ, на сто тридцать присланныхъ къ нимъ вопросовъ, и вмѣсто того не послали ли къ нему своихъ 240 съ требованіемъ отвѣта? Когда же извѣстилъ онъ ихъ, что у него отвѣты готовы, не дали ли они ему такого отзыва: что свои пришлютъ, какъ только будутъ готовы?—Не приходилъ ли, отъ лица всѣхъ, сперва старецъ Варсонофій просить, чтобы ихъ освободили отъ необходимости отвѣчать, а потомъ дьяконъ Александръ съ товарищами, съ такою отговоркою: будто бы ихъ выборный Филаретъ не поладилъ съ Варсонофіемъ, и отъ того не могутъ отвѣчать? Потомъ, когда опять пришелъ Варсонофій, не говорилъ ли онъ, что руки къ заготовленнымъ отвѣтамъ приложить не хо-

тѣлъ, потому что всѣ они ему не нравились, и вторично просилъ его избавить отъ нихъ?—Это и было ему разрѣшено, съ тѣмъ однако, чтобы дьяконъ съ товарищами непремѣнно явились; и наконецъ, не приходилъ ли еще разъ Варсонофій просить Преосвященнаго, чтобы явившіеся и задержанные отпущены были на поруку, съ обѣщаніемъ представить, когда потребуютъ ихъ къ отвѣту?

На всѣ сіи вопросы старецъ Варсонофій и дьяконъ Александръ, съ товарищами, смиренно отвѣчали предъ народомъ, что все это такъ дѣйствительно было. Дьяконъ присовокупилъ: что онъ неоднократно умолялъ Преосвященнаго не требовать отъ нихъ отвѣтовъ, потому что не чувствуютъ себя въ состояніи ихъ дать, отговариваясь тѣмъ, будто выбранный старецъ Филаретъ ихъ съ собою унесъ. Но Епископъ настаивалъ, чтобы дали требуемые отвѣты, или бы всенародно объявили, что не въ состояніи ихъ дать, дабы въ послѣдствіи не хвалились, что ихъ не хотѣли принять. Когда же не смотря на то, они все еще упорствовали, Преосвященный приказалъ удержать у себя дьякона съ товарищами, а Варсонофій боялся взять ихъ подъ свою росписку, чтобы не ушли.

Преосвященный допрашивалъ еще: не просили ли раскольники, чтобы, принявъ его отвѣты, не отдавать ему своихъ? и не сказалъ ли онъ имъ: что, ради неправды сихъ отвѣтовъ, поже-

лалъ обличить ихъ на всенародномъ собраніи, размѣнявшись бумагами. Потомъ Питиримъ вручилъ дьякону свои отвѣты предъ всѣми, требуя отъ него въ обмѣнъ его отзывы; но прежде нежели отдать свою книгу, онъ прочелъ во всеуслышаніе ея предисловіе, старцамъ Александру, Варсонофію, Іосифу, Герасиму и всѣмъ ихъ сообщникамъ, о мирѣ и возсоединеніи съ Церковію, убѣждая, въ случаѣ если что не ясно, требовать объясненія. Въ заключеніе же спросилъ старцевъ, согласія Софонтіева или стариковскаго: пріемлютъ ли они отвѣты діакона? они отвѣчали, что не согласуются съ ними. Тоже подтвердили всенародно Варсонофій и другіе старцы Онуфріева и иныхъ толковъ, равно изъ поповщины и безпоповщины.

Тогда, обратившись къ одному дьякону Александру, Питиримъ кротко его спрашивалъ: почему отвѣчалъ онъ ему такъ неправо на его вопросы? и противъ сего ни слова не могъ сказать дьяконъ, а Варсонофій, раскаявшись, подалъ за своей рукою прошеніе Владыкѣ, которое велѣно было прочесть вслухъ. Въ ономъ написано: какъ отъ нихъ требовались отвѣты, и какъ они, получивъ отвѣты Преосвященнаго, уразумѣли свою неправду и умоляли его простить имъ такое прегрѣшеніе и оставить ихъ впредь безъ испытанія, ибо не почитаютъ себя въ силахъ когда либо отвѣчать и ни во что вмѣняютъ данные ими отвѣты. Если же кто въ послѣдствіи изъ ихъ

согласія, мірской или духовный человѣкъ, будетъ оные похвалять или распускать въ народѣ, тайно и явно, да будетъ тогда на всѣхъ членахъ ихъ общества клятва соборная и въ будущемъ вѣкѣ судъ Божій, а въ нынѣшнемъ судъ Царевъ; все же сіе они творятъ, не по нуждѣ или насилію, но собственнымъ произволеніемъ, по совѣту всего ихъ согласія, въ чемъ подписались за всѣхъ старцевъ, Александръ, Іосифъ, Варсонофій, Герасимъ, Наѳанаилъ, 1 Октября 1719 года.

По прочтеніи сей просьбы, Преосвященный опять приглашалъ дьякона, съ товарищами, отвѣчать подлинно на главные его вопросы, и они, поклонившись до земли, умоляли слезно болѣе ихъ не испытывать, потому что ничего сверхъ изложеннаго въ ихъ прошеніи сказать не могутъ. Съ ними вмѣстѣ пали ницъ всѣ старцы и старицы и лежали не подымаясь, сколько ни уговаривалъ ихъ Архипастырь отвѣчать; они умоляли единственно о прощеніи. Тогда Преосвященный сказалъ имъ, что самъ собою не можетъ сего сдѣлать и, призвавъ для совѣта Архимандрита Ѳеофилакта изъ Зеленковскаго монастыря, игумена Успенскаго Мелетія, келаря Филарета, всѣхъ своихъ иподіаконовъ, приказныхъ и нѣсколько посадскихъ людей Нижегородскихъ, отошелъ съ ними въ сторону и спрашивалъ: что и какъ лучше сдѣлать? потому что полезно бы было, еслибы они въ присутствіи всего народа съ нимъ состязались. Нѣкоторые сказали: дѣйствительно это

лучше, другіе же разсуждали, что не нужно, потому что уже письменно сознались въ своей неправдѣ, и должно оставить ихъ безъ дальнѣйшаго испытанія, ради вольнаго ихъ покаянія, а только спросить прочіе толки: не имѣютъ ли они что отвѣчать противъ вопросовъ Преосвященнаго?

Тогда Епископъ Питиримъ сказалъ всѣмъ предстоявшимъ: «слушайте, православные Христіане, какъ, вмѣсто требуемыхъ отвѣтовъ на мои вопросы, дьяконъ Александръ, съ товарищами своего толка, сознаютъ свою неправду и умоляютъ, чтобы ихъ не допрашивали болѣе и ни во что не вмѣняли бы ихъ отвѣты:—что намъ съ ними дѣлать?» Выборные старцы Онуфріева согласія, чина духовнаго, Макарій и Софроній, и Софонтіева толка Павлинъ и Павелъ, и Безпоповщины Макарій со всѣми своего согласія, и мірскіе люди поклонились Преосвященному до земли и просили, чтобы онъ простилъ дьякона съ его товарищами; ради сей общей просьбы онъ ихъ отпустилъ, но хотѣлъ, чтобы вмѣсто Дьяконовщины три другіе толка, Онуфріевщины, Софонтіевщины и Безпоповщины, отвѣчали на его вопросы. Едва успѣли прочесть имъ вслухъ 30 вопросовъ изъ 150, какъ уже всѣ три толка стали умолять Преосвященнаго, чтобы ихъ также оставилъ безъ испытанія, и Питиримъ простилъ ихъ, видя безотвѣтность. А между тѣмъ, пока читались вопросы, Преосвященный объяснялъ народу о пѣсни аллилуіа: отколѣ она произошла, что означаетъ и

какъ неправильно мнимые ревнители настаиваютъ, чтобы употребляли двойное вмѣсто тройнаго; онъ объяснялъ и то, какъ и почему должно слагать три перста для крестнаго знаменія, и на все сіе ни дьяконъ, ни прочіе толки ничего ему не отвѣчали, безмолвно внимая Святителю; одинъ только изъ предстоявшаго народа спросилъ: какъ же намъ сказывали, о сложеніи первыхъ трехъ перстовъ, что это печать Антихристова? Преосвященный опять во всеуслышаніе объяснилъ ему: «что сложеніемъ первыхъ трехъ перстовъ изображаются три Божественныя лица, такъ какъ мы крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и посему воображаемъ на себѣ не печать Антихристову, но печать Бога живаго».

Послѣ сего старецъ Варсонофій предостерегъ касательно прежде данныхъ ими неправыхъ отвѣтовъ: что слышно, будто они находятся въ кельяхъ у Софонтіева толка, и опасно, чтобы оттолѣ не разгласилось; но старцы сего толка, Павлинъ и Павелъ, отъ того отреклись, и Преосвященный приказалъ имъ строго о томъ навѣдаться, а если у кого найдутся, то извѣстить. Всѣхъ же предстоявшихъ Епископъ слезно умолялъ, Господа ради, постараться разсмотрѣть, до какой степени ихъ дѣло не право и ко спасенію безнадежно, и съ сими словами распустилъ собраніе. Всѣ разошлись, благодаря Бога и Архіерея, за его кроткую и душеспасительную бесѣду.

Это было по истинѣ полное торжество надъ расколомъ, обличеннымъ въ лицѣ его главныхъ представителей всѣхъ Нижегородскихъ толковъ, и такой способъ обличенія всенароднаго на тотъ разъ былъ лучшій, ибо оставлялъ ихъ безотвѣтными. Собраніе было многолюдное, какъ духовнаго такъ и мірскаго чина: на сторонѣ Преосвященнаго Архимандритъ и строители трехъ монастырей, съ двумя іеромонахами, шестью іереями, девятью іеродіаконами и двумя игуменіями съ ихъ сестрами, при цѣлой станицѣ архіерейскихъ пѣвчихъ, при трехъ подъячихъ Нижегородскихъ и шести первостатейныхъ посадскихъ людяхъ; со стороны же раскольниковъ присутствовали: Софонтьева толка два начальныхъ старца, четыре простыхъ и пять начальныхъ старицъ съ ихъ сестрами и многими иными, изъ десяти скитовъ женскихъ; Онуфріева толка два начальныхъ старца и два простыхъ, съ пятью начальными старицами и ихъ сестрами; Дьяконовскаго согласія, кромѣ Александра и трехъ другихъ, еще шесть начальныхъ старицъ съ ихъ сестрами; толкъ безпоповщины съ его бѣльцами и трудниками, и сверхъ того изъ села Пафнутьева, гдѣ было собраніе, и изъ прочихъ пятнадцати селъ и деревень той же волости до 64 человѣкъ, названныхъ по именамъ въ подлинномъ донесеніи Святѣйшему Сѵноду, кромѣ тѣхъ, имена коихъ, какъ сказано въономъ, множества ради оставлены.

Нельзя было желать бо̀льшаго торжества и нельзя сомнѣваться въ безотвѣтности людей несвѣдущихъ на вопросы просвѣщеннаго пастыря, если сравнить его донесеніе Св. Сvноду съ тѣмъ, что сказано въ житіи Денисова: какъ умоляли его, ради ихъ невѣжества, написать отвѣты. Весьма естественно, что подавъ на бумагѣ то, чего не разумѣли, не могли они отвѣчать словесно на вопросы, какъ это обыкновенно случается съ учениками, вытвердившими наизусть чужія рѣчи, безъ сознанія. И однако, не смотря на то, столь тяжко было закоснѣніе въ расколѣ, что послѣ ясныхъ обличеній предъ всѣмъ народомъ, многіе по упорству бѣжали изъ Чернораменскихъ лѣсовъ, гдѣ не могли болѣе держаться, въ Гомель, къ своимъ сообщникамъ, по сосѣдству Вѣтки. Это свидѣтельствуетъ, что не умомъ и не сердцемъ, а большею частію по привычкѣ или изъ личныхъ видовъ, придерживаются лжеученія люди невѣжественные, и потому нѣтъ средства ихъ убѣдить мѣрами убѣжденія духовнаго.

Обрадовался Великій Петръ успѣшнымъ дѣйствіямъ Епископа Питирима, и давая ему нѣкоторыя тайныя наставленія, писалъ собственноручно, съ какою великою радостію получилъ извѣстіе, что Господь, чрезъ его трудъ, прославилъ истину своей святой Церкви и безотвѣтными учинилъ ея противниковъ. Государь велѣлъ напечатать въ особой книжкѣ, при своемъ манифестѣ,

донесеніе Преосвященнаго, для обличенія прочихъ расколоучителей. На слѣдующій годъ двое изъ важнѣйшихъ, старецъ Варсонофій и дьяконъ Александръ, убѣжденные отвѣтами Питирима на ихъ 240 вопросовъ, изъявили ему письменно свое раскаяніе и просили принять ихъ въ лоно православной Церкви, что и было исполнено допущеніемъ ихъ къ святымъ тайнамъ. По указу Царскому, они вмѣстѣ съ преосвященнымъ Питиримомъ вызваны были даже въ Петербургъ; но тамъ опять, обольщенный бывшими соумышленниками, дьяконъ Александръ отрекся отъ православія, и на сей разъ былъ уже приговоренъ къ смертной казни, такъ какъ въ своемъ прошеніи, о присоединеніи къ Церкви, самъ изъявилъ: что въ случаѣ новаго отпаденія призываетъ на себя судъ земной и небесный.

Добрый Пастырь не искалъ однако, строгими мѣрами, обращать раскольниковъ въ своей епархіи, которыхъ присоединилъ множество въ продолженіи двадцатилѣтняго управленія, соорудивъ много церквей въ пустыхъ лѣсахъ, гдѣ прежде были ихъ скиты. Онъ представлялъ, что для достиженія благой цѣли, лучше не принуждать обращающихся изъ раскола брить бороды и не носить Русскаго платья, предоставляя это имъ на волю, и освободить ихъ отъ положеннаго за то штрафа; упорствующихъ же не ссылать въ Сибирь, куда и безъ того бѣжали многіе, потому что они могли съ большею свободою распростра-

нять свое лжеученіе. Мудрый Государь, благосклонно принимавшій мнѣніе опытныхъ, повелѣлъ поступать по представленію Преосвященнаго, давая обращеннымъ только какой либо отличительный знакъ, дабы подъ ихъ видомъ не скрывались необратившіеся. Увѣдомивъ о томъ Преосвященнаго особеннымъ рескриптомъ, Императоръ Петръ почтилъ его саномъ Архіепископа, въ 1723 году, и, по его же указу, напечатаны были отвѣты Питиримовы на 240 вопросовъ раскольничьихъ подъ названіемъ Пращицы духовной (*). Достойно вниманія это многосложное твореніе опытнаго Пастыря, доказывающее глубокую его начитанность въ древнихъ рукописяхъ и книгахъ и неутомимое вниманіе къ вразумленію отступниковъ, выписками изъ Святаго писанія и Святыхъ Отецъ.

Въ пространномъ предисловіи, убѣждаетъ ихъ добрый Пастырь обратиться на путь истинный, въ лоно матери Церкви, изъ того неосвященнаго скопища, въ которомъ гибнутъ безъ таинствъ; потомъ отвѣчаетъ подробно на всѣ ихъ вопросы, изъ коихъ многіе весьма странны и однозначущи. На первый изъ нихъ: что есть вѣра? приводитъ слова Апостольскія: «вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ» (Евр. XI, 1); на иные же долженъ былъ отвѣчать уже не богословски, а грамматически, по ихъ нелѣпо-

(*) Ист. Фил. 136. Пращица духовная Питирима.

сти. Такъ напримѣръ послѣ разрѣшенія вопроса: «что есть догматъ?» говоритъ опять вопрошающимъ его о томъ «что суть догматы вѣры?»—что это только множественное число того же существительнаго имени; такъ мало разумѣли они то, что писали, испытуя его своими вопросами. Прекрасно раскрылъ Пастырь, на вопросъ ихъ: «что есть Церковь?» какъ опасно отъ нея уклоняться, лишая себя тѣла и крови Господнихъ, и надѣяться получить разрѣшеніе въ грѣхахъ своихъ, отъ связанныхъ клятвою архіерейскою, недостойныхъ служителей Церкви. Онъ объясняетъ исторически непреложное соблюденіе православія въ Россіи, со временъ святаго Владиміра, на ихъ вопросъ: «ту же ли содержатъ вѣру?» и говоритъ: какія и почему необходимо было сдѣлать исправленія въ книгахъ, по вкравшимся въ нихъ грубымъ ошибкамъ. За тѣмъ слѣдуетъ пространное изложеніе о двуперстномъ и триперстномъ знаменіи, о двойномъ и тройномъ аллилуіа и указаніе: какіе допущены были посему предмету погрѣшности на Стоглавномъ Соборѣ, которыя по праву были осуждены на Патріаршемъ Соборѣ 1667 года.

Состязатели лукаво спрашивали: если допущены были такія погрѣшности въ Стоглавѣ, то отъ его времени и до Патріаршаго Собора, пребывали ли православными Цари наши и Святители?— Питиримъ благоразумно отвѣтствовалъ: что они постоянно пребывали въ православной вѣрѣ и въ преданіяхъ Восточной Церкви, кромѣ указанныхъ

нововведеній; раскольники же не могутъ съ ними сравняться, потому что на оборотъ, удержавъ у себя нововведенія сіи, отринули существенные догматы, вмѣстѣ съ послушаніемъ Церкви. Ошибки, бывшія въ старопечатныхъ книгахъ и при совершеніи требъ, поелику происходили отъ недостатка духовнаго просвѣщенія, а не отъ упорства, не препятствовали спасенію тѣхъ, которые смиренно держались въ оградѣ Церкви; раскольники же внѣ Церкви и внѣ ея таинствъ. Потомъ Преосвященный отвѣчаетъ на ихъ вопросы, о времени напечатанія тѣхъ книгъ, гдѣ заповѣдано креститься двумя перстами? и, разнорѣчивымъ толкованіемъ самихъ расколоучителей, о значеніи перстовъ при ихъ сложеніи, свидѣтельствуетъ ихъ притязательность. Онъ объясняетъ, что ихъ ученіе по сему предмету названо ересью, по сходству съ иными еретиками, употребляющими такое знаменіе, и обличаетъ ихъ неправду перстнымъ сложеніемъ руки Первозваннаго Апостола, хранящейся въ Успенскомъ соборѣ, отвѣчая на всѣ ихъ вопросы, когда и какъ принесена сія святыня? Приводитъ къ тому и свидѣтельство книгъ, собранныхъ Патріархомъ Никономъ, и саккосъ Митрополита Фотія въ ризницѣ Патріаршей, на коемъ вышиты изображенія Святителя, съ рукою именословно благословляющею, указываетъ и на другія священныя утвари, потому что вопросы состязателей, отъ крестнаго знаменія перешли и къ благословенію. Утомительно было бы выписы-

вать здѣсь всѣ подробности Пращицы духовной, по симъ вопросамъ, равно какъ и о четвероконечномъ крестѣ. Питиримъ ссылается на Евангелистовъ, что никто изъ нихъ не изобразилъ, каковъ былъ собственно крестъ, потому что не въ составѣ креста, тричастномъ или двусоставномъ, вся сила его, но въ искупленіи чрезъ него дарованномъ міру.

Слѣдуютъ по порядку вопросы, о пяти и седьми просфорахъ, — и Преосвященный объясняетъ, что Патріархъ Никонъ, сообразно съ древними харатейными служебниками Греческими, установилъ прежній порядокъ пяти просфоръ, когда увидѣлъ разногласіе старопечатныхъ требника и служебника: ибо въ одномъ, четвертая просфора вынималась за Патріарха, Епископовъ и весь освященный чинъ, пятая за Царя и боляръ и всѣхъ православныхъ, а шестая за начальника обители и всю братію, — въ требникѣ же, четвертая за одного Патріарха, безъ освященнаго чина, пятая за Царя, Царицу и чадъ ихъ, безъ боляръ и всѣхъ православныхъ, а шестая за живыхъ вообще, а не за настоятеля и братію, и все сіе произволомъ; такимъ образомъ на три раздѣлялось поминовеніе о живыхъ, когда по старому, правильному чину, оно соединено во единой просфорѣ, представляя единое тѣло Церкви. Касательно же печати на просфорахъ четвероконечнаго креста, безъ позднѣйшаго прибавленія копія, губы и главы Адамовой, говоритъ:

что ни въ какомъ служебникѣ о нихъ не сказано, и едва ли приличны такія прибавленія на священномъ агнцѣ, который весь прелагается въ тѣло Христово. Напротивъ того, на антиминсахъ, весьма прилично изображать не одинъ только крестъ, но и погребеніе Господне, потому что трапеза, на которую они возлагаются, есть подобіе гроба Господня. Затѣйливые вопросы, о двойномъ и тройномъ аллилуіа, гдѣ и въ какомъ служебникѣ впервые о нихъ напечатано? — занимаютъ также много отвѣтовъ въ Пращицѣ, потому что состязатели изъ каждаго обряда старались вывести догматъ. Много долженъ былъ толковать имъ Питиримъ о имени Іисусовомъ, приводя тексты Еврейскіе и Греческіе и самое ветхозавѣтное имя Іисуса Навина, какъ прообразъ имени Господня.

До какой степени странны нѣкоторые вопросы, какъ напр. относящіеся до поклоновъ, можно судить изъ 151-го: «Евангелистъ свидѣтельствуетъ, что отъ поклоненія Господа бысть потъ, яко капли крове, каплющи на землю; скажи о семъ: отъ чего бысть потъ? отъ поклоненія ли, или отъ стоянія токмо на колѣнахъ?» — Одинъ этотъ вопросъ доказываетъ всю притязательность вопросителей, а между тѣмъ онъ приведенъ для того, чтобы доказать, что на Троицкой вечернѣ недостаточно стоять только на колѣняхъ, а слѣдуетъ преклониться долу. Вслѣдъ за тѣмъ объясняетъ Преосвященный и то, почему должно ходить

кругомъ аналоя и церкви противъ солнца, а не посолонь, такъ какъ это явствуетъ изъ самыхъ священныхъ дѣйствій во время литургіи, на обоихъ входахъ, съ евангеліемъ и дарами.

Питиримъ пользуется вопросомъ о томъ: какъ слѣдуетъ принимать въ церковь Латинъ и еретиковъ, и какъ поступать съ ихъ духовными лицами? дабы напомнить, что Церковь имѣетъ для всего свои непреложные уставы; мнимые же ревнители тяжко грѣшатъ сами, допуская простыхъ людей дѣйствовать священное, перемазывать переходящихъ къ нимъ, разрѣшать отъ грѣховъ, безъ всякой власти вязать и рѣшить, и дозволяютъ бѣглымъ попамъ служить у себя безъ воли Епископа. Касательно ихъ собственнаго принятія въ Православіе, такъ какъ и объ этомъ они любопытствовали, говоритъ: что слѣдуетъ совершать надъ ними мѵропомазаніе, ибо имѣющееся у нихъ мѵро сдѣлано на Вѣткѣ, простымъ старцемъ Аѳанасіемъ, который въ томъ сознался, обратившись къ истинѣ.

Ревностный защитникъ Православія, Питиримъ, отвѣчаетъ на всѣ вопросы о книгахъ: Скрижали, Жезлѣ, Увѣтѣ и Розыскѣ, въ которыхъ ищутъ разнорѣчія притязательные совопросники; онъ защищаетъ память Никона Патріарха, не осужденнаго за какую либо ересь, не лишеннаго таинствъ и разрѣшеннаго грамотами четырехъ Восточныхъ Патріарховъ, въ доказательство всегдашняго его общенія съ Церковію и законнаго ис-

правленія книгъ церковныхъ; неразумные же ревнители хотѣли основать правду свою на его удаленіи.

На лукавый ихъ вопросъ, который къ себѣ примѣняли: можетъ ли быть измѣненіе въ церковныхъ чиноположеніяхъ, когда бываетъ гоненіе отъ еретиковъ и нужда Христіанамъ?—Питиримъ отвѣчаетъ пространнымъ обличеніемъ ихъ собственнаго отпаденія отъ Церкви и заключаетъ напоминовеніемъ страшныхъ словъ Апостольскихъ: «что если отрекшійся закона Моусеева, безъ милосердія былъ наказываемъ смертію, то сколь жесточайшему, думаютъ они, повиненъ будетъ тотъ, кто не почитаетъ за святыню кровь завѣта и ругается надъ Духомъ благодати?» (Евр. X, 28, 29). Продолжая дѣйствовать съ тѣмъ же лукавствомъ, въ оправданіе своего раскола, они старались уловить православнаго Архіерея, спрашивая: дѣйствительно ли разрѣшеніе еретика Христіанскимъ священникомъ, если онъ не подозрѣвалъ въ немъ ереси? или служеніе еретическаго Архіерея, если онъ не запрещенъ Соборомъ? и таинство евхаристіи у еретиковъ? Спасается ли впадшій въ ересь по невѣдѣнію? можетъ ли во дни гоненій сооружаться церковь безъ Епископа? и слѣдуетъ ли оставлять ясное писаніе святыхъ Отцевъ для неяснаго?—На все сіе отвѣчаетъ Питиримъ изложеніемъ правилъ Соборныхъ, обличая при томъ отступниковъ, которые отвергли у себя всякія правила и разсуждаютъ о власти архіерей-

ской, не имѣя у себя іерархіи; онъ приводитъ для примѣра разногласіе различныхъ толковъ о Таинствахъ.

На ихъ вопросъ: можно ли правовѣрнымъ и прежде разсужденія соборнаго, отступить отъ неправомудрствующихъ Архіереевъ и іереевъ?—Питиримъ отвѣтствуетъ: Епархіальные Архіереи судятъ іереевъ, а не міряне, а Соборъ судитъ Архіереевъ, и въ тоже время обличаетъ онъ нечестивыя сборища, изъ неосвященныхъ людей и мнимыхъ старицъ, которыя, какъ самъ онъ видѣлъ, не стыдились приходить на сіи собранія съ своими младенцами, а такъ называемые трудники съ дубьемъ. Еще страннѣе вопросъ ихъ: которая есть истинная Церковь, гонящая или гонимая?—Питиримъ прекрасно раскрываетъ чистоту Православія Восточнаго, въ теченіи многихъ вѣковъ подъ игомъ Турецкимъ, и утверждаетъ, что всегда останутся до скончанія вѣка православные Архіереи, такъ какъ раскольники изъявили сомнѣніе: удержатся ли до конца Вселенскіе Патріархи?

Въ послѣднемъ изъ 240 вопросовъ, касательно книги о правой вѣрѣ, ревностный Пастырь опять обличаетъ вкратцѣ нѣкоторые изъ главныхъ предметовъ, ради коихъ состязуются съ Православными раскольники, и описываетъ исторически необходимость книжнаго исправленія при Никонѣ Патріархѣ; онъ обличаетъ буйство и разногласіе толковъ, хулящихъ Церковь и ея Святителей, и

убѣждаетъ ихъ возвратиться въ лоно матери своей Церкви Россійской, сотворивъ тѣмъ радость не только людямъ на землѣ, но и Ангеламъ на небеси, по выраженію евангельскому: «яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся» (Лук. XV, 7), а такъ какъ ихъ множество, то радость будетъ велія. Самъ онъ проситъ прощенія у святой Церкви, если въ чемъ по недоразумѣнію согрѣшилъ, ибо остается во всемъ ея несомнѣннымъ послушникомъ. Замѣчательно, что какъ Розыскъ святаго Димитрія, такъ и Пращица Питиримова, проникнуты тѣмъ же духомъ смиренія сихъ благочестивыхъ Пастырей.

XIV.

Поморскіе отвѣты Андрея Денисова; ихъ обличеніе Архіепископомъ Тверскимъ Ѳеофилактомъ.

Великій Императоръ Петръ, видя чрезвычайный успѣхъ проповѣди преосвященнаго Питирима, пожелалъ испытать тѣже средства и въ отношеніи другихъ раскольниковъ, въ особенности противъ скитовъ Поморскихъ, о которыхъ имѣлъ случай слышать, при частомъ посѣщеніи вновь

открытыхъ имъ заводовъ Петровскихъ, въ Олонецкой губерніи. Святѣйшій Сунодъ, только что открывшій свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ бывшаго мѣстоблюстителемъ Патріаршаго престола, Митрополита Стефана Яворскаго, съ пастырскою ревностію содѣйствовалъ благочестивымъ намѣреніямъ Государя, слѣдуя въ томъ примѣру Патріарховъ Всероссійскихъ, коихъ заступилъ мѣсто. Онъ заботился прежде всего, мѣрами кротости, вразумить заблуждавшихся, такъ какъ расколъ наиболѣе умножается отъ содержащихся втайнѣ по домамъ лжеучителей, которые, не вѣдая силы божественнаго писанія, прельщаютъ суетнымъ своимъ ученіемъ простой народъ, показывая себя мудрыми предъ невѣждами, ибо никѣмъ не обличаются; посему опредѣлилъ: повсемѣстными объявленіями вызвать такихъ распространителей раскола на явное состязаніе, безъ всякаго впрочемъ опасенія съ ихъ стороны, дабы свободно излагали свои мнѣнія, но только предъ могущими имъ отвѣчать. Назначены были мѣсто и сроки для собесѣдованія: въ Москвѣ, съ перваго Марта 1722 года по 1-е Мая, всѣмъ живущимъ изъ числа ихъ въ столицѣ и въ окрестностяхъ за 200 верстъ; болѣе отдаленнымъ за 300 верстъ по Іюнь мѣсяцъ: тѣмъ, которые за 1000, по Августъ, и наконецъ всѣмъ прочимъ, т. е. самымъ дальнимъ, по 1-е Марта будущаго 1723 года. Но хотя это печатное объявленіе обнародываемо было во всѣхъ приходахъ, по воскрес-

нымъ днямъ, никто не явился на предлагаемыя собесѣдованія и даже письменно не отозвался. Между тѣмъ, по указу Императора, посланъ былъ въ Петрозаводскъ, собственно къ Поморянамъ, іеромонахъ Неофитъ, одинъ изъ учениковъ преосвященнаго Питирима, и ему дано было приличное наставленіе (*).

Объявивъ, чрезъ мѣстныя власти, о цѣли своего прибытія, онъ долженъ былъ пригласить раскольниковъ немедленно на тихое и кроткое разглагольствіе въ пристойномъ мѣстѣ, если же не явятся скоро, то отъ всѣхъ признаваемы будутъ за безотвѣтныхъ, избѣгающихъ обличенія, а когда явятся, слѣдовало пригласить Ландрата и всѣхъ знатныхъ отъ духовныхъ и мірянъ, присутствовать при собесѣдованіи, дабы въ послѣдствіи не было нареканія, и чтобы Православные утверждались въ истинѣ обличеніемъ раскола, а соблазнившіеся же въ расколъ могли бы его отвергнуть и возвратиться въ лоно Церкви. При состязаніи надлежало поступать умѣренно и осторожно, употребляя такіе только вопросы, которые относятся къ правому ученію Св. Церкви, и противъ раскольниковъ утверждаться книжнымъ свидѣтельствомъ, опасаясь наипаче не подать какого либо соблазна своими отвѣтами; во время же словеснаго состязанія постараться, буде можно, записывать важнѣйшіе вопросы и отвѣты, возвѣ-

(*) Словарь ист. писат. дух. чина 442.

щая ихъ Св. Сvноду, и съ рукоприкладствомъ, дабы нельзя было въ послѣдствіи отъ нихъ отречься. Если на совѣщаніи предложатся вопросы трудные и сомнительные, то никакъ ихъ самому собою не рѣшать, а представлять о нихъ Сvноду; равномѣрно и раскольниковъ не принуждать къ скорому и неосмотрительному отвѣту, а лучше отлагать на удобное время, чтобы съ обѣихъ сторонъ можно было разсудительно дать неподозрительный отвѣтъ. Если кто при такомъ собесѣдованіи, познаетъ истину и обратится къ святой Церкви, то, по обычной присягѣ и исповѣди, сподоблять его святыхъ таинъ, поручивъ потомъ опытному руководству. Если же лжеучители будутъ отвѣчать дерзко и нагло, то просить Ландрата пресѣчь ихъ дерзость; но съ тѣми, которые явятъ себя только упорными въ своихъ мнѣніяхъ, не употреблять никакой суровости а записывать лишь ихъ имена ради предосторожности. Въ случаѣ, если они не явятся на предлагаемое собесѣдованіе, приказать приходскимъ священникамъ и клирикамъ, дабы они кроющихся лжеучителей увѣщавали, безъ всякаго опасенія идти на переговоры, и обѣщать симъ священнослужителямъ достойную награду, если обратятъ къ истинѣ сѣятелей раскола; въ Сvнодъ же отсылать подъ карауломъ тѣхъ только расколоучителей, которые не внимая никакому убѣжденію, будутъ тайно ходить по домамъ, возбуждая сопротивляться волѣ правительства. Если ни-

какими способами не возможно будетъ привлечь расколоучителей на разговоры, то навѣдываться: гдѣ находится наиболѣе прельщеннаго ими простаго народа? и съ должнымъ опасеніемъ ѣхать въ тѣ мѣста для личнаго увѣщанія, а обращаемыхъ поручать надзору людей, могущихъ ихъ руководить, наставляя и другихъ, какъ увѣщавать раскольниковъ; о всѣхъ же своихъ дѣйствіяхъ должно было присылать постоянно обстоятельныя донесенія Св. Сvноду.

Столь благонамѣренною инструкціею снабженъ былъ іеромонахъ Неофитъ, но къ сожалѣнію не вполнѣ могъ ею воспользоваться. Когда прибылъ онъ на заводы, хотя и ознакомился, чрезъ посредство мѣстныхъ властей, съ нѣкоторыми изъ расколоучителей, однако не съ главными, потому что Андрей Денисовъ съ братіею укрывались въ скиту, равно и настоятель ихъ Данила Викулинъ; они же, прежде личнаго собесѣдованія, успѣли выпросить у него письменные вопросы, числомъ 106, и отправили ихъ въ скитъ для написанія отвѣтовъ. Неофитъ думалъ подражать въ этомъ успѣшнымъ дѣйствіямъ своего учителя, Епископа Питирима, но не обратилъ вниманія на то, что предлагая своихъ 150 вопросовъ, Преосвященный въ тоже время отвѣчалъ на 240 раскольничьихъ; слѣдственно при собесѣдованіи они могли взаимно размѣняться ими, не прибѣгая къ справкамъ на неожиданные вопросы. Тутъ же произошло противное: на краткіе вопросы Неофита, которые

были бы весьма полезны при разговорѣ, ему отвѣчали цѣлою книгою, требовавшею для удовлетворительнаго отзыва уже не краткихъ рѣчей, а такой же книги, что и было немедленно, съ большою ясностію, сдѣлано Архіепископомъ Ѳеофилактомъ. Не требуя вопросовъ для разрѣшенія съ ихъ стороны, Неофитъ настаивалъ, чтобы скиты ему отвѣчали и, въ началѣ Декабря 1722, далъ сроку только до исхода года; согласившись же на письменное состязаніе, вмѣсто личнаго, имѣлъ съ ними одно только краткое разглагольствіе, о крестѣ и печати на просфорахъ, при самомъ началѣ.

Между тѣмъ и въ Генварѣ и въ Апрѣлѣ, побуждаемые безпрестанно къ отвѣтамъ на предложенные имъ вопросы, расколоучители, льстивыми обѣщаніями, держали Неофита до Петрова дня; тогда наконецъ представили ему свою книгу Поморскихъ отвѣтовъ. Самъ Андрей Денисовъ надъ нею трудился все сіе время, дважды переписавъ свои тетради, какъ сказано въ его житіи, потому что однажды по неосторожности почти всѣ сгорѣли, когда онъ, занимаясь до глубокой ночи, заснулъ надъ ними. Такъ какъ онъ писалъ уже подобные отвѣты для чуждаго ему толка, отъ которыхъ отреклись потомъ послѣдователи поповщины предъ Питиримомъ, то ему легче было составлять по нимъ отвѣты для своего толка. Въ пространномъ предисловіи, какое можно было написать изъ глубины непроходимыхъ лѣсовъ, Помор-

скій риторъ лукаво повторяетъ, о мнимомъ соблюденіи церковныхъ правилъ старцами, спасающимися по нуждѣ безъ церквей, какъ бы въ первыя времена Христіанскихъ гоненій, и которые будто бы только чуждаются всякой новизны, а не враждебны послѣдователямъ Никона. Онъ умоляетъ притомъ о трехъ предметахъ: принять, вмѣсто требуемаго словопренія, его письменные отвѣты, дабы не тратить лишняго времени; не оскорбляться ими, хотя бы были противны новымъ преданіямъ, и, если въ чемъ найдутся неудовлетворительными, написать на нихъ свой отзывъ съ отеческими доводами; въ заключеніе же напоминалъ двусмысленно, о всѣхъ гоненіяхъ противъ истинныхъ Христіанъ, не только отъ язычниковъ, но даже отъ Аріанъ и прочихъ еретиковъ, и предлагалъ въ примѣръ кротость Златоустову и прочихъ святыхъ Отцевъ.

Послѣ сего Неофиту уже невозможно было имѣть словопренія съ раскольниками, прежде требуемаго ими отвѣта письменнаго на ихъ книгу; это оказалось на опытѣ, при краткихъ состязаніяхъ, съ ними бывшихъ въ послѣдствіи; они обращались въ пустые толки, при непрестанныхъ ссылкахъ на сочиненіе Денисова, какъ бы на отеческую книгу, съ притязаніемъ: почему не держатся ея порядка въ отвѣтахъ и смѣшиваютъ вопросы? когда въ Поморскихъ было непрестанное уклоненіе отъ прямаго вопроса. Неофитъ отложилъ словопреніе до Сентября, а между тѣмъ расколо-

учители, Мануилъ и Иванъ, присланные съ книгою, дерзнули даже просить одного прибывшаго на заводъ Петровскій сановника, вручить списокъ сихъ отвѣтовъ самому Императору. Наконецъ, послѣ краткаго, хотя и довольно шумнаго пренія, въ присутствіи мѣстныхъ властей, на которомъ іеромонахъ Неофитъ записалъ то, что находилъ зазорнаго въ Поморскихъ отвѣтахъ, отпустилъ онъ состязателей въ ихъ скитъ, а самъ возвратился въ Петербургъ. Недовершенное имъ восполнилъ, не теряя времени, ревностный Архіепископъ Тверскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій, книгою своею, названною: «Обличеніе неправды раскольническія, показанной въ отвѣтахъ Выговскихъ пустосвятовъ, на вопросы честнаго іеромонаха Неофита, посланнаго къ нимъ отъ Св. Сунода, для увѣщанія и призванія ихъ къ Св. Церкви».

Благоразумный Пастырь видѣлъ по опыту, изъ состязаній Питирима и Неофита, какъ много тратится времени и словъ или писаній, въ отвѣтахъ на суетные вопросы, только отклоняющіе отъ главной цѣли; онъ рѣшился, чтобы не затмить существеннаго множествомъ мелкихъ толкованій, избрать изъ всѣхъ отвѣтовъ Поморскихъ одинъ лишь 50, какъ самый важный, потому что въ немъ собственно разсуждаютъ они о своихъ несогласіяхъ съ Церковію и, ради какихъ мнимыхъ ересей, отъ нея отдѣлились. Такъ какъ въ одинъ этотъ пространный отвѣтъ вмѣстили они до 38 статей: о перстосложеніи, о крестѣ тричастномъ,

*

о аллилуіа, о имени Іисусовомъ, о иконахъ, просфорахъ, пѣніи, совершеніи литургіи и пр., однимъ словомъ, всѣ предметы, составляющіе собственно причину ихъ отпаденія: то преосвященный Ѳеофилактъ, ради краткости, весьма благоразумно объясняетъ въ своемъ предисловіи, что достаточно будетъ и на это отвѣчать, для обличенія всей неправды; раскольники же, по своему упрямству, непрестанно возвращаются къ тѣмъ же вопросамъ, какъ бы къ чему либо новому, хотя уже неоднократно было на нихъ отвѣтствовано, въ Жезлѣ правленія, въ Увѣтѣ духовномъ, въ Розыскѣ и Пращицѣ, и во многоглаголаніи своемъ думаютъ обрѣсти себѣ оправданіе. Во свидѣтельство ихъ самонадѣянности, Архіепископъ приводитъ и то: какъ они уподобили себя мученикамъ и пустынножителямъ первыхъ вѣковъ, а Церковь Россійскую и Государей, Діоклитіанамъ и прочимъ мучителямъ, и оправдывали свое пребываніе безъ священства и таинствъ, коихъ бѣгутъ какъ бы нѣкоей отравы, примѣромъ мучениковъ, которые будто бы сами священнодѣйствовали для себя въ темницахъ, и пустынножителей, искавшихъ себѣ спасенія въ пропастяхъ земныхъ, далеко отъ храмовъ. Но они забыли, что никогда святые мученики не воспринимали на себя совершать священныя дѣйствія, если не были на то предварительно посвящены.

Впрочемъ ученый Ѳеофилактъ не отъ того чуждался прочихъ отвѣтовъ, что затруднялся на нихъ

возражать, но потому что видѣлъ ихъ суетное направленіе и несообразность съ вопросами, какъ онъ это для примѣра показываетъ въ нѣкоторыхъ. «Ради лучшаго показанія ихъ неправости, говоритъ онъ, предлагаю тѣ вопросы, которые сами себя обличаютъ; иные утверждаются на ложныхъ доводахъ, другіе, суетнымъ многословіемъ и приборными рѣчами, покрываютъ силу вопросовъ; иные же мимо ихъ ухищряются, съ одними восклицаніями и многократными похвалами древле Россійскія Церкви и чудотворцевъ».—Дѣйствительно, если кто только, по необходимости, будетъ имѣть терпѣніе преплыть все сіе пространное море Поморскихъ отвѣтовъ, тотъ убѣдится въ истинѣ словъ Преосвященнаго, потому что послѣ такого чтенія остается въ умѣ одинъ только хаосъ.

Ѳеофилактъ приводитъ нѣкоторые вопросы (напр. 5): «какими перстами пріялъ креститься Св. Владиміръ, отъ Восточной Церкви, и какъ древле содержала сіе Россійская»?—Поморяне бездоказательно отвѣчали Неофиту: что Св. Князь принялъ отъ Грековъ не тремя, но двумя перстами креститься, и такъ содержала вся Церковь до Никона. На чемъ же основываютъ свое рѣшительное мнѣніе?—На разныхъ иконахъ до Никона бывшихъ, отъ временъ Владиміровыхъ, и для прельщенія простыхъ людей кичливо проходятъ 16 степеней Князей Россійскихъ, съ изображеніемъ написаннаго, въ ихъ будто бы время, перстосложенія на иконахъ. «Суетный человѣкъ, за чѣмъ ты столько

трудился? говоритъ Архіепископъ. Вмѣсто отвѣта изъ житія или исторіи, ты пошелъ за иконами, о коихъ не было вопроса. Чѣмъ докажешь, что подобно имъ слагали персты князья наши? къ тому же такъ различно перстосложеніе на приведенныхъ образцахъ, что нельзя вывести изъ онаго никакого согласія. Однако лжеучители восклицаютъ: что чрезъ сіе иконное писаніе и даже чрезъ евангельскій гласъ, принялъ будто бы двуперстное сложеніе Св. Владиміръ и предалъ Церкви, какъ самое Христово благословеніе при его вознесеніи; но на чемъ же это основано?—Если на ближайшихъ къ намъ преподобныхъ Печерскихъ, Илью Муромца и Іосифа многоболѣзненнаго, не постыдились сказать раскольники, будто имѣютъ персты согбенные, согласно ихъ суемудрію, почему же не привели еще во свидѣтельство руку Печерскаго просфорника Спиридона, троеперстнымъ сложеніемъ доселѣ обличающую ихъ черезъ столько вѣковъ?»

На вопросъ 19, что Стоглавный Соборъ утверждается о двоеніи аллилуіа, на одномъ мечтательномъ житіи Евфросина Псковскаго, Денисовъ смѣло отвѣчаетъ, дабы только что либо отвѣчать: «будто бы Соборъ сей не симъ однимъ свидѣтельстомъ утвердился», а чѣмъ именно, не показываетъ. — Есть ли это отвѣтъ на вопросъ Неофита?

Вопросъ 34: какія несходства и противности обрѣтаются въ старопечатныхъ книгахъ, и съ

совѣта ли Восточныхъ Патріарховъ печатались книги? — Указавъ нѣкоторыя разности, Поморяне отвѣчаютъ: «если какія прописи или сомнительныя рѣчи ввелись отъ переписчиковъ, то сіе тогда съ добрыхъ переводовъ исправлялось, съ соблюденіемъ отъ нововводства; ибо если бы вводили новые и противные Церкви уставы, то сего бы не потерпѣли Россійскіе Самодержцы и Архіереи и пріѣзжавшіе въ Россію Патріархи Іеремія и Ѳеофанъ». Весь этотъ отвѣтъ, замѣчаетъ Преосвященный, можно употребить въ защиту новопечатныхъ книгъ, если бы не совѣстно было пользоваться ихъ разсужденіями.

35 вопросомъ спрашивалось: можно ли безъ совѣта Восточныхъ Патріарховъ покоряться повелѣніямъ противнымъ Восточной Церкви (каковы Стоглавныя), когда Св. Дамаскинъ говоритъ: что только согласіемъ пяти Патріарховъ утверждается рѣшеніе соборное?—Поморяне, уклоняясь прямаго вопроса, отвѣчаютъ: «что Россійская Церковь содержала всегда согласіе седми Вселенскихъ Соборовъ и Патріарховъ, и тогда не была внѣ онаго». Однако они не касаются опредѣленія Дамаскина о Соборахъ, и не упоминаютъ о Стоглавномъ, коего рѣшенія не перешли за рубежъ Московской Церкви и не получили утвержденія Патріаршаго.

Ихъ спрашиваютъ въ 37 вопросѣ: за чѣмъ лгать на Святыхъ и книгу называть Кирилловою (т. е. Св. Кирилла Іерусалимскаго), когда она

не имъ писана, а Зизаніемъ? — Они отвѣчаютъ: «потому что въ началѣ ея есть толкованіе оглашеній Кирилловыхъ. Но развѣ это одно и тоже? Зизаніево толкованіе XVII вѣка, или Кириллово IV-го.

Справедливо указываетъ Θеофилактъ на слѣпоту ниспровергающихъ, суетными мудрованіями, всѣ тайны церковныя, по ихъ отвѣту на вопросъ 65: почитаютъ ли крестъ четвероконечный за самый крестъ Христовъ, и въ тайнахъ Божественныхъ разумѣютъ ли быть нынѣ самому тѣлу и крови Христовымъ? — «Не только за крестъ его, но и за подобіе не пріемлютъ четвероконечнаго, ибо Господень, по ихъ мнѣнію, долженъ состоять изъ трехъ древъ, а на четвероконечномъ нѣтъ ни дщицы, ни подножія». Однако, въ 50 отвѣтѣ, благоразумно напомнилъ имъ Преосвященный, что когда воины заставили Симона Киринейскаго понести крестъ Спасителя до Голгоθы, на немъ еще не было надписи, т. е. верхней дщицы, не смотря на то однако названъ онъ въ евангеліи крестомъ Господнимъ: «тому задѣша понести крестъ его» (Марк. XV, 21). Безразсудные же ревнители не признаютъ таинъ святыхъ, отъ того что не осьмиконечнымъ крестомъ запечатлѣнъ на просфорѣ агнецъ, и не двумя перстами благословляютъ его священники; но во всякомъ случаѣ, какими бы то ни было перстами, развѣ можно употребить для осѣненія даровъ, чтобы совершить надъ ними крестъ, иное знаменіе, кромѣ четвероконечнаго?

Когда ихъ спрашиваютъ (вопросъ 90): въ православіи ли была, до исправленія книгъ Никономъ Патріархомъ, Церковь Восточная и какъ теперь? — они отвѣчаютъ: «была въ православіи и согласіи съ Россійскою Церковію, а нынѣ нѣтъ», не опредѣляя впрочемъ времени ея измѣненія, и ссылаются на описаніе путешествія Суханова, который замѣтилъ нѣкоторыя маловажныя отступленія Грековъ, вовсе не догматическія и не существенныя, а между прочимъ и то: что въ Царьградѣ Греки тройное пѣли аллилуіа и крестились тремя перстами; но это самое могло бы скорѣе свидѣтельствовать истину такого пѣнія и знаменія, потому что если бы онѣ вновь вводились въ Церковь Греками, то были бы вѣроятно замѣчены и могли бы явиться такія же, какъ и у насъ, возраженія. Не ясно ли, что все тамъ содержалось древнее, хотя и не согласное съ тѣмъ, что творилось въ Россіи по неисправнымъ книгамъ?

Изъ опредѣленій Стоглава, касательно крестнаго знаменія, можно отчасти выводить заключеніе и о томъ, какимъ образомъ возникло у насъ разногласіе о двуперстномъ и триперстномъ сложеніи. Царь Іоаннъ Васильевичъ не спрашивалъ Архіереевъ: какъ подобаетъ креститься? и потому не было о семъ разсужденія, уже позднѣе вставленнаго въ дѣяніе соборное. Онъ только просилъ ихъ внушить духовникамъ, чтобы учили духовныхъ чадъ своихъ творить на себѣ крестное знаменіе бла-

гоговѣйно, т. е. на челѣ, персяхъ и обѣихъ раменахъ (слѣдственно четвероконечное), а не махать безчинно рукою. При такомъ неблагоговѣйномъ осѣненіи, весьма естественно, что не слишкомъ занимались тѣмъ, какъ слагаемы были персты; подобное видимъ у Латинъ, которые крестятся и однимъ перстомъ, и двумя, и всею ладонью.

Къ сожалѣнію начали разсуждать у насъ о перстосложеніи, въ такое время, когда уже любили мудрствовать, не основываясь однако на вѣрныхъ источникахъ, какъ мы это видимъ въ сужденіи о сугубомъ аллилуіа, которое утвердилось на мечтательномъ житіи Евфросина, писанномъ даже безъименнымъ авторомъ. Посему очень вѣроятно, что могли принять за образецъ, для сложенія перстовъ, нѣкоторыя иконы болѣе уважаемыхъ Святыхъ, хотя и не самыя древнія и неправильно написанныя, на коихъ нельзя было ясно различить именословное благословеніе; не было принято во вниманіе и то, что лики сіи были написаны не въ молитвенномъ положеніи, а съ благословляющею десницею, и что нѣкоторые изъ нихъ, какъ Предтеча и ветхозавѣтные Пророки, еще не могли слагать перстовъ для крестнаго, невѣдомаго имъ знаменія. Мудрователей могла увлечь и такая мысль, что сложеніе перстовъ священника должно быть предпочтено всякому другому, а для неграмотныхъ, не умѣвшихъ распознать имени Господа Іисуса Христа,

въ согбеніи благословляющихъ перстовъ, это не казалось страннымъ. Такимъ образомъ, въ окрестностяхъ столицы, гдѣ начались первые толки по сему предмету, распространилось наипаче между горожанами, отъ непримѣтнаго сперва обычая, двуперстное сложеніе, которое невѣдомо было въ отдаленныхъ предѣлахъ, особенно поселянамъ и старымъ людямъ, какъ свидѣтельствуетъ Игнатій, Митрополитъ Сибирскій; оно еще болѣе утвердилось изданіемъ, такъ называемыхъ старопечатныхъ книгъ, хотя и разнствовавшихъ съ древними харатейными, потому что уже получило тѣмъ какъ бы силу закона, во мнѣніи людей непросвѣщенныхъ, которые не могли дать себѣ отчета, о времени и началѣ неправильно вкравшагося обычая.

Два послѣдніе вопроса, 101 и 104, тяжко и выводить на свѣтъ, по хульнымъ на нихъ отвѣтамъ. «Безъ церкви, Архіереевъ и іереевъ, могутъ ли совершаться всѣ тайны церковныя, чрезъ неосвященныхъ простолюдиновъ? и православная вѣра будетъ ли утверждаться безъ священства?»— Отвѣчаютъ дерзновенно: «могутъ и будетъ!»—И что же въ примѣръ приводятъ? то, что многіе Апостолы не были священниками и крестили, какъ Филиппъ евнуха и Ананія Павла; и дочери Филипповы пророчествовали, и проч.; а въ случаѣ гоненій отшельники оставались безъ священниковъ, и въ этомъ ссылаются лжеучители на слово Аѳанасія Великаго, въ Скрижали, разсуж-

давшаго совершенно о иномъ: «что непорочно живущіе, чрезъ благія дѣла, сами себя творятъ храмами и безъ церковнаго собранія, въ горахъ и вертепахъ, покланяются Богу духомъ и истиною». Дерзновенно отнесли къ себѣ слова сіи самовольные отступники Церкви, безъ священства совершающіе дѣйствія священныя, противно не только новопечатнымъ, но и старопечатнымъ книгамъ, потому что и онѣ требуютъ священниковъ и церкви для совершенія тайнъ. Они же, за несогласное перстосложеніе, всякихъ тайнъ отреклись, и отрекаются храмовъ. Если же, по ихъ мнѣнію, можно совершать тайны безъ священниковъ и церкви, то конечно и безъ старопечатныхъ книгъ! Но нельзя отъ единаго крещенія, по нуждѣ совершаемаго и безъ священника, распространять дерзновенно право сіе на всѣ тайны, и кому же себя уподоблять?—мученикамъ и пустынножителямъ!

«Гдѣ же берете Св. евхаристію и бываете ли причастниками тайны сей, спрашивалъ у нихъ наконецъ Неофитъ, и отъ посвященнаго ли пріобщаетесь, или безъ причащенія живете и умираете»?—Безъ причащенія, какъ и безъ мѵропомазанія, можно крещеному человѣку спастися, отвѣчаютъ Поморяне, а только безъ крещенія и покаянія невозможно», и опять приводятъ въ примѣръ мучениковъ во время гоненій и пустынниковъ. Причащеніе почитаютъ они двоякое: видимое, устами въ храмахъ или на дому, сохраняемыми

частицами, и невидимое, духовное—одною вѣрою, благословной ради вины, и, не отвѣчая прямо на вопросъ, много толкуютъ о духовномъ родѣ причащенія, съ частыми восклицаніями и повтореніями тѣхъ же словъ. Но ни видимое, ни невидимое причащеніе къ нимъ относиться не можетъ, присовокупляетъ мудрый Архіепископъ, потому что, ниже по старопечатнымъ книгамъ, они у себя не пріобщаются отъ священниковъ, ниже духовно не вѣруютъ теперь быть тѣлу и крови Господнимъ на землѣ, подъ видами хлѣба и вина, говоря: что вся святыня, со времени Никона Патріарха, взята отъ земли на небо; въ отвѣтъ же на вопросъ 99 явно сказали: «Христосъ не обѣщался съ нами быть до скончанія вѣка, подъ видами хлѣба и вина, а только въ храненіи благочестія и соблюденіи заповѣдей Божіихъ». И такъ у нихъ нѣтъ сей пречудной тайны и не всѣ седмь церковныхъ тайнъ исповѣдаютъ, хотя и хвалятся древнимъ православіемъ, но не исполняютъ словесъ Господнихъ: «сіе творите въ мое воспоминаніе (Луки XXII, 19), и смерть Господню не возвѣщаютъ дондеже пріидетъ» (1 Кор. XI, 26). Не страшатся они словъ Христовыхъ: «аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови его, живота не имате въ себѣ» (Іоан. VI, 53), хотя слова сіи столь же утвердительны, какъ и сказанныя о крещеніи: «аще кто не родился водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе!» (Іоан. III, 5).

Весьма естественно, что послѣ такихъ догматическихъ разсужденій о томъ «что есть единое на потребу» (Лук. X, 42), Преосвященный не хочетъ входить въ археологическія и историческія изслѣдованія по ихъ вопросу, о подлинности Собора Кіевскаго на Мартина еретика и о требникѣ Өеогноста, предвидя, что съ одной стороны это возбудитъ только новыя многосложныя и безконечныя состязанія, отдаляющія отъ самой цѣли, а съ другой, не почитая этотъ вопросъ довольно важнымъ, при множествѣ другихъ, собственно догматическихъ свидѣтельствъ.

Краткость сего историческаго обзора не позволяетъ подробно изложить всего замѣчательнаго обличенія Архіепископа Өеофилакта, которое было напечатано въ царствованіе Императрицы Елисаветы и заслуживаетъ вниманіе благонамѣренныхъ читателей, равно православныхъ какъ и неправославныхъ, если хотятъ познать истину. Извлеку только нѣкоторыя главныя черты изъ 50 вопроса, который раздѣленъ по главамъ и обнимаетъ всѣ главнѣйшіе предметы, о перстосложеніи, крестѣ, печати просфоръ, имени и молитвѣ Іисусовыхъ, о пѣніи аллилуіа, о старопечатныхъ и харатейныхъ книгахъ, и наконецъ о частныхъ мнѣніяхъ мнимыхъ ревнителей, каковы поклоны, хожденіе посолонь и пр., однимъ словомъ, все что составляетъ причину разногласія, потому что ревностный пастырь касался только существеннаго, отлагая суетное многословіе.

Первый членъ ихъ суевѣрія, говоритъ онъ, въ знаменіи крестномъ, котораго силу не отъ креста и страданія Господня заимствуютъ, а отъ своего сложенія перстовъ, гнушаясь триперстнаго; разсудимъ, право ли они въ томъ вѣру и спасеніе полагаютъ?— Ѳеофилактъ начинаетъ обличеніе съ Евангелія и Апостольскихъ преданій, въ коихъ ни слова нѣтъ о томъ или другомъ знаменіи, хотя состязатели ссылаясь на Евангелиста Луку, утверждаютъ будто ихъ благословеніе есть собственно Христово и Апостольское. Что же они приводятъ? — евангельскія слова о вознесеніи Господнемъ: «изведъ же ихъ вонъ до Виѳаніи, и воздвигъ руцѣ свои и благослови ихъ» (Лук. XXIV, 50). Но развѣ тутъ сказано, какъ слагалъ свои персты благословляющій Господь? развѣ двѣ руки тоже, что и два перста? — Чувствуетъ однако недостаточность такого свидѣтельства самъ лжеучитель и думаетъ извиниться тѣмъ: что хотя Св. Лука не объясняетъ въ евангеліи, какъ слагалъ персты Господь, однако, велегласнѣе трубы, показуетъ священнымъ иконописаніемъ благословляющую десницу Господа, на Тихвинской иконѣ Богоматери. Преосвященный разсуждаетъ: что всѣ основные догматы нашего спасенія должны быть, по ученію Церкви, основаны на словѣ Божіемъ, а такъ какъ перстосложеніе вошло въ существенный догматъ у раскольниковъ, то они и въ этомъ должны утверждаться на Св. писаніи, а не на однѣхъ иконахъ; но и

тѣми не могутъ утвердить мнимаго своего догмата, ибо, какъ въ судахъ человѣческихъ, разногласіе показаній свидѣтельскихъ, не можетъ доказать истины изслѣдуемаго дѣла, такъ и различіе въ перстосложеніи на иконахъ не успѣшно для доказательствъ. Изъ 118 рукъ, списанныхъ съ большимъ тщаніемъ Поморянами и приложенныхъ къ ихъ тетрадямъ, не многія между собою сходствуютъ. Даже на Тихвинской иконѣ, не по ихъ мудрованію сложены персты, но первый лежитъ на второмъ составѣ четвертаго, а не соединенъ съ оконечностями двухъ меньшихъ; рука же Иліи Муромца и Іосифа многострадальнаго, по вѣрному ихъ освидѣтельствованію въ пещерахъ Кіевскихъ, имѣютъ первый перстъ простертый на двухъ указательныхъ. Изображеніе оныхъ, какъ равно и другихъ 118 подобныхъ рисунковъ, приложены къ книгѣ Ѳеофилактовой и сего достаточно.

Оставивъ догматическое словопреніе, перейдемъ ко кресту Господню. Мудрователи, не заимствуя силу крестнаго знаменія отъ креста, почитаютъ и самый крестъ не отъ распятаго на немъ Господа, но отъ сложенія нѣкіихъ древъ; суемудро толкуютъ они слова Пророка Исаіи, о певгѣ, кедрѣ и кипарисѣ, относящіяся къ славѣ Ливановой и новаго Іерусалима, и требуютъ непремѣнно, чтобы изъ сихъ трехъ древъ составленъ былъ истинный крестъ, съ приложеніемъ еще и дщицы изъ маслины; а такъ какъ четвероконечный крестъ

не можетъ состоять изъ сихъ древъ, то его не только не почитаютъ крестомъ Господнимъ, но еще низвергаются въ бездну хуленія, утверждая, что тайны у насъ не суть тайны, потому что просфоры печатаются такимъ крестомъ. Преосвященный приступаетъ къ разсужденію о томъ: что есть крестъ? какъ онъ составленъ и почему почитаютъ его Христіане? Обличая неправильное толкованіе пророчествъ, о древѣ крестномъ, и даже ложное примѣненіе отеческихъ писаній, Ѳеодорита, Златоуста, Палладія и другихъ, Ѳеофилактъ говоритъ, что нигдѣ въ евангеліи не сказано, на чемъ было начертано надписаніе: «Іисусъ Назорей Царь Іудейскій», на хартіи или на деревѣ, и ни слова тамъ не помянуто о подножіи. Что крестъ имѣетъ видъ четвероконечнаго, а не осьмиконечнаго, Ѳеофилактъ приводитъ изъ исторіи, какъ Св. Царица Елена обрѣла три креста, но не могла распознать Господній отъ разбойничьихъ, до совершенія чуда отъ прикосновенія животворящаго креста: слѣдственно не было на немъ надписи. Потомъ напоминаетъ онъ чудное знаменіе звѣзднаго креста, явившагося на небѣ при Царѣ Константіи, которое простиралось отъ Голгоѳы до Элеона, и широтою равнялось долготѣ своей, по письменному свидѣтельству Св. Кирилла Іерусалимскаго; въ истинѣ событія нельзя сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что и Церковь его празднуетъ 6 Мая.

Такое же равноконечное знаменіе креста явилось прежде и великому Константину, по подобію коего соорудилъ онъ драгоцѣнный крестъ на своей хоругви, и образъ сего креста видится доселѣ на стѣнахъ храма Св. Софіи, на вѣнцахъ царскихъ и на монетахъ; да и крестъ Первозваннаго Апостола, хотя и связанный иначе, былъ четвероконечный, однако чествуется. Много иныхъ подобныхъ свидѣтельствъ приводитъ ученый Архіепископъ, въ опроверженіе ложныхъ мудрованій. Самое осѣненіе себя крестомъ не бываетъ ли четвероконечное, на челѣ, персяхъ и обоихъ раменахъ? спрашиваетъ Святитель и заключаетъ статью о крестѣ разсужденіемъ: что если бы только ради вещества своего онъ былъ почитаемъ, то мы бы покланялись древу, подобно идолослужителямъ. Аѳанасій Великій прямо говоритъ въ Скрижали: «еслибы кто насъ въ томъ укорилъ, то можетъ разлучить два древа, составляющія крестъ, и когда не будетъ его образа, не будетъ и поклоненія древу»; — и такъ не двоечастенъ ли и не четвероконеченъ ли, по словамъ его, крестъ? Да престанутъ же пещись о свойствѣ и числѣ древъ, его составляющихъ, поелику не только оныхъ древъ, но и всего міра честнѣйшая вина поклоненія кресту Господню есть страданіе на немъ Христово.

Отъ креста, по порядку, переходитъ Ѳеофилактъ къ печати его на просфорахъ и опять обличаетъ ихъ мудрованіе о Божественныхъ тай-

нахъ, ибо не вѣруютъ въ нихъ отъ того, что агнецъ запечатлѣнъ не трисоставнымъ крестомъ. Вотъ какой ядъ кроется подъ суетнымъ предлогомъ осьмиконечія и двуперстія, и гдѣ же въ старыхъ книгахъ могли обрѣсти такую хулу? Въ священномъ писаніи ни слова нѣтъ о печати на просфорахъ, а только о единомъ хлѣбѣ, прелагаемомъ въ тѣло Христово. Не благодатію ли Духа Святаго совершается таинство? а если бы оно зависѣло отъ печати, то что сказать о винѣ, прелагаемомъ въ кровь Христову, надъ коимъ, ни прежде, ни послѣ Никона, не было печати? Если же и безъ нея дѣйствительна надъ виномъ тайна евхаристіи, то и надъ хлѣбомъ также; напрасно печать дѣлается какъ бы догматомъ вѣры, когда она служитъ только для обозначенія хлѣбовъ, отдѣляемыхъ на службу церковную. Но у мудрователей на оборотъ: они не стоятъ за священство необходимое для евхаристіи, потому что своевольно его отринули и, сдѣлавъ себѣ догматъ изъ печати просфоръ, допускаютъ неосвященныхъ людей преподавать неосвященное вещество, подъ таинственнымъ названіемъ причащенія.

Разсуждая о числѣ просфоръ, не опредѣленныхъ также никакимъ древнимъ писаніемъ отеческимъ, Ѳеофилактъ объясняетъ, что пятиричное число ихъ достаточно для полнаго воспоминанія Церкви видимой и невидимой; объясняя истинное значеніе жертвы, которая заключается въ еди-

номъ агнцѣ, а не въ вынимаемыхъ частяхъ изъ просфоръ, Преосвященный обращаетъ состязателей къ Пращицѣ Питиримовой, которая указала имъ пятипросфоріе въ служебникахъ Митрополита Кипріана, Сергія Чудотворца и Іосифа Волоколамскаго.

Въ опроверженіе суемудрія ихъ о имени Іисусовомъ, которое не признаютъ истиннымъ, если писано съ осьмиричнымъ *иже*, онъ приводитъ имъ свидѣтельство Греческой Библіи 70 толковниковъ, переведенной еще до Рождества Христова, гдѣ имя Іисуса Навина писано по нашему, и указываетъ въ Новомъ Завѣтѣ на другое имя Іисуса, нарицаемаго Іустомъ, въ посланіи къ Колоссаямъ (IV, 11). Онъ объясняетъ, что по Гречески и по Еврейски священное имя сіе, означающее Спасителя, по составу самой рѣчи, не можетъ иначе писаться, какъ съ двумя *и*, дабы не утратить внутренняго своего смысла, и ссылается на древнѣйшія рукописи, обличая мудрователей. Также и относительно молитвы: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ», являетъ, что напрасно укоряютъ Церковь, будто она ее отринула, отъ того что въ молитвословіяхъ употребляетъ преимущественно сію: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ». Это не значитъ не признавать Господа Іисуса Сыномъ Божіимъ, но тѣмъ наипаче исповѣдуется его Божество, и тотъ не православенъ, кто не пріемлетъ обѣихъ молитвъ; да и въ древнихъ

харатейныхъ книгахъ, у самихъ раскольниковъ, обрѣтается сія послѣдняя молитва при благословеніи хлѣбовъ: за чѣмъ же такое ожесточеніе?

Касаясь пѣсни аллилуіа, Ѳеофилактъ опять говоритъ: какъ напрасно, изъ предмета безразличнаго, расколоучители составили себѣ великій догматъ. Онъ опровергаетъ подметное свидѣтельство Максима Грека о Игнатіи Антіохійскомъ, будто бы наученномъ отъ Ангеловъ двоить аллилуіа, и спрашиваетъ, какъ же было прежде? — троили или единожды пѣли? отъ чего, какъ видно, не зависѣло спасеніе, и приводитъ подлинное сказаніе лѣтописи Евсевіевой, не о двоеніи аллилуіа, но о антифонахъ, пѣваемыхъ на обоихъ клиросахъ, чему научился Игнатій видѣніемъ Ангельскимъ. Ученый Архіепископъ объясняетъ смыслъ самой рѣчи «аллилуіа» на Еврейскомъ, которая не означаетъ: «слава тебѣ Боже», какъ это перетолковалъ Стоглавъ, или «да воскреснетъ Богъ», какъ заблуждался писатель житія Евфросинова, но собственно «хвалите Бога»; посему, послѣ троекратнаго приглашенія къ похвалѣ, и возглашается сія похвала: «слава тебѣ Боже». Особенно ясно обличеніе безъименнаго писателя житія Евфросинова, которому и безъ имени вѣруютъ состязатели, хотя сомнѣваются въ иныхъ свидѣтельствахъ иподіакона Дамаскина, потому только, что онъ не въ ликахъ Святыхъ. Поразительно невѣдѣніе о событіяхъ, современныхъ Евфросину Псковскому и Евѳимію, Архіепископу Нов-

городскому, къ коему будто бы писалъ Евфросинъ о взятіи Царьграда, какъ о давно минувшемъ, хотя совершилось въ его время; онъ называетъ Царя Калояна, который жилъ въ крестовые походы, вмѣсто Іоанна Палеолога, и восхваляетъ красныя времена во дни Патріарха Іосифа (научившаго будто бы двоить аллилуіа), который принужденъ былъ однако ходить на Соборъ Флорентійскій, страха ради Турецкаго. Крайне странно, въ житіи Евфросина, и мнимое явленіе Богоматери, которая будто бы внушаетъ ему, чтобы ее не оскорбляли троеніемъ аллилуіа, ибо это значитъ, что не вѣруютъ воскресенію ея Сына; — какое тутъ соотношеніе? Когда же Евфросинъ говоритъ ей, что слышалъ о Святыхъ спасавшихся, которые однако троили, а не сугубили аллилуіа, она отвѣчаетъ: спасались по невѣдѣнію. И такъ можно было угодить Богу и съ сею тройною пѣснію! Сколь ни странны рѣчи, какія дерзнулъ вложить безъимянный мечтатель въ уста Матери Божіей, есть однако люди, которые безотчетно сему вѣруютъ, хотя пытливо истязуютъ все прочее. Другихъ свидѣтельствъ не привелъ Стоглавъ въ пользу сугубаго аллилуіа, хотя и восклицаютъ Поморяне, что много ихъ представилъ.

Θеофилактъ разсказываетъ опять постепенный ходъ исправленія книжнаго до Никона Патріарха и послѣ него, исторически, и потомъ разбираетъ, кромѣ служебныхъ, нѣкоторыя книги,

слывущія догматическими у мнимыхъ ревнителей, начиная съ такъ называемой Кирилловой, хотя она писана Зизаніемъ, монахомъ Кіевскимъ XVII вѣка. Онъ обличаетъ ложное ея названіе самымъ содержаніемъ, потому что въ ней описываются событія позднѣйшія, когда Святый Кириллъ жилъ въ IV вѣкѣ, и выставляетъ нелѣпую похвалу, которую самъ себѣ пишетъ въ предисловіи издатель, прикрывающійся именемъ святаго: «по семъ начинается сія блаженная книга чести, аки каменіе драгое и бисери нести, или яко медвеныя соты вкушати, а еретикамъ и развратникамъ вѣры Христовой уста заграждати», и пр. Кто изъ древнихъ Отцевъ, спрашиваетъ Ѳеофилактъ, даетъ такія похвалы своимъ книгамъ?— Потомъ обличаетъ и глаголемую книгу о вѣрѣ, безъимяннаго автора, къ которой имѣютъ довѣренность мудрователи, потому что она гласитъ въ ихъ пользу, о двуперстномъ знаменіи (вѣроятно вставленномъ въ послѣдующихъ изданіяхъ); но указываетъ въ ней и то, что писатель говоритъ въ защиту четвероконечнаго креста, разсуждая о человѣкѣ, крестообразно сотворенномъ, когда распростретъ руки, и спрашиваетъ: почему пріемля одно, отвергаютъ другое? — Такимъ же образомъ разбираетъ и прочія сочиненія, уважаемыя у нихъ, дабы видѣли, на какихъ книгахъ и учителяхъ утверждаютъ свое суемудріе, ибо въ нихъ есть многое даже имъ самимъ непріятное; но они притворяются, будто не видятъ,

уловляя только то, что имъ пріятно. Въ послѣдней 9-й главѣ разбираетъ Преосвященный иныя мелкія мнѣнія, которыя однако ставятъ на ряду съ указанными выше, лишь бы только умножить разногласіе.

Если съ бо̀льшею подробностію, нежели прежнія сочиненія противъ расколовъ, изложено здѣсь обличеніе Θеофилактово на Поморскіе отвѣты, то это потому лишь, что лжеучители скита Выговскаго слишкомъ превозносились ими, а книга Θеофилактова служитъ соборнымъ опроверженіемъ ихъ мудрованій, такъ какъ она въ послѣдствіи издана Святѣйшимъ Синодомъ. Это была уже седьмая книга противъ раскольниковъ: Новая скрижаль Патріарха Никона, Жезлъ правленія, изданный при Іоасафѣ, Увѣтъ духовный Патріарха Іоакима, Щитъ вѣры Аѳанасія Холмогорскаго, Розыскъ Святителя Димитрія, Пращица духовная Питирима и наконецъ Обличеніе Θеофилактово, всѣ были направлены къ одной и той же цѣли вразумленія отпадшихъ отъ Православія, но тщетно, ибо закоснѣлые не хотѣли внимать пастырскому гласу, ни выпускать изъ сѣтей своихъ уловленныхъ ими, подобно Фарисеямъ евангельскимъ, которыхъ обличаетъ Господь за то, что сами, не входя въ царствіе Божіе, и другимъ воспрещали въ него входить.

Однимъ изъ главныхъ сѣятелей раскола, который пользовался наибольшимъ вліяніемъ не только у Поморянъ своего толка, но и у разногла-

сившихъ съ нимъ толковъ безпоповщины и поповщины, въ лѣсахъ Нижегородскихъ и слободахъ Черниговскихъ, былъ Андрей Денисовъ, котораго княжескій родъ и поверхностное образованіе ставили выше всѣхъ его единомышленниковъ. Дьячекъ Данила Викулинъ, хотя и настоятель Выговскаго скита, и братъ Андрея Семенъ, авторъ многихъ сочиненій, не имѣлъ того вѣса, равно какъ и уставщикъ скитскій Петръ, ихъ племянникъ, не смотря на то, что раскольники прославляютъ сихъ трехъ вмѣстѣ съ Андреемъ «четверицею Богосочетанною, четыремъ евангелистамъ равночисленною», и прочими высокопарными титлами. Возникалъ ли раздоръ между послѣдователями какого бы то ни было толка, взаимно анаѳематствовавшими другъ друга, какъ напр. между дьяконовщиною и поповщиною, о неповтореніи крещенія надъ перемазываемыми священниками:—сейчасъ ссылались на мнѣніе Андрея, какъ великаго учителя, который посѣщалъ слободы Черниговскія, хотя былъ въ существенномъ съ ними разногласіи, и запретилъ перекрещивать. Являлась ли необходимость въ отвѣтахъ на вопросы церковные, какъ въ лѣсахъ Чернораменскихъ, онѣмѣвшихъ предъ Питиримомъ:—опять выходилъ подъ чужою личиною Андрей и вступался, хотя и не безмездно, за разномыслящихъ съ нимъ, лишь бы сдѣлать сопротивленіе Церкви. Онъ и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, вездѣ

ищетъ связей и знакомства, собираетъ не только милостыню, но и древнія иконы и книги, не слишкомъ совѣстливо иногда, и все влечетъ въ свое Поморское гнѣздо, которое возрастало подъ его дѣятельнымъ управленіемъ. Если принять въ соображеніе то, что говоритъ о немъ протоіерей Андрей Іоанновъ, обратившійся самъ изъ раскола и слѣдственно знавшій самъ всѣ его тайны: «что сей Денисовъ знаемъ былъ лично Царевной Софіей, имѣя будто бы съ нею тайную переписку, и что Поморяне хвалятся собственноручными ея письмами къ Андрею, хранящимися въ ихъ скиту, содержаніе коихъ неизвѣстно» — то быть можетъ не безъ особой цѣли странствовалъ онъ по всей Россіи, поддерживая повсюду расколъ во всѣхъ его видахъ, котораго первыми двигателями были мятежные стрѣльцы (*).

Есть цѣлая книга житія Андрея Денисова, съ его портретомъ, весьма уважаемая у раскольниковъ, въ которой напыщеннымъ слогомъ описаны его подвиги и противодѣйствія Питириму, и состязанія съ Неофитомъ, вмѣстѣ съ началомъ и событіями Выговскаго скита. До какой степени натянуты сказанія о добродѣтеляхъ расколоучителя и даже о знаменіяхъ, будто бы отъ него бывшихъ, можно судить по разсказу о возобновленіи имъ сгорѣвшихъ женскаго скита и скотнаго двора Выговскаго. Приведемъ для образ-

(*) Полн. извѣст. о расколѣ Ч. I, 71.

ца собственныя рѣчи жизнеописателя: «еще и сіе сказанія достойно: егда на Лексѣ, послѣ погорѣнія монастыря, начаша коровъ на гору гнати, на конный дворъ, и вси идоша съ великимъ крикомъ; у овыхъ изъ очей слезы капаша: такова скорбь, таково сѣтованіе быша, яко и самымъ безсловеснымъ болѣзновати: а егда на новомъ мѣстѣ изготовиша хлѣвы, и начаша тѣхъ же коровъ перегоняти въ новый дворъ, и овыхъ веревками уладиша вести напереди, и абіе вси коровы съ радостію потекоша съ горы дорогою, не предваряюще тѣхъ, которыя на веревкахъ ведены, но и тѣхъ не могоша братія удержати, и овыя бѣжаша, овыя скоростію ступаша къ новопостроенному монастырю; а идучи, ни въ кую иную на сторону дорогу уклонишася, но вси по одной дорогѣ другъ за другомъ, аки водими, скоро идуще: и яко же повѣствуется въ книзѣ первыхъ Царствъ, о коровѣхъ оныхъ, которыя впряжены въ колесницу, имущую кивотъ Завѣта, не совращахуся съ пути ни на десно, ни на шуее, но прямо идяху въ Веѳсамъ, самѣмъ хотѣніемъ Божіимъ ведомы:—тако видѣша очи наши и о сихъ коровахъ, которыя, хотѣніемъ того же Бога, обузданы и прямо ведомы, на устроенное имъ мѣсто течаху, не совращающеся съ пути, но аки словесно вѣдуще камо идти подобаетъ имъ, и аки сказано имъ бѣ Богомъ, яко той есть дворъ устроенный во еже жити онымъ.— Егда же убо настоятель Андрей, съ постницами,

въ то время на дворѣ новомъ пѣвше молебень, скотъ же смолкомъ по двору хождаше и на нихъ веселымъ зрѣніемъ зряше; настоятель и вси прочіе дивишася скотскому благоразумію и радованію. Зрите, о боголюбивіи, пастырскія главы премудраго благоумія»! и проч.—И такъ возвращеніе коровъ на новый скотный дворъ, жизнеописатель Андреевъ, дерзнулъ сравнить съ чуднымъ шествіемъ двухъ юницъ, которыя везли освобожденный отъ Филистимлянъ кивотъ Завѣта, бывшій образомъ Церкви и Евангелія Господня!—Вотъ какъ разумѣютъ раскольники то, что пишутъ (*).

Послѣ сего можно ли вѣрить ихъ сказаніямъ и тѣмъ непомѣрнымъ хваламъ, которыми величаютъ они своего учителя, сравнивая его съ Златоустомъ и другими Отцами, усиливаясь изобразить глубокое будто бы уваженіе, которое къ нему имѣли всѣ власти гражданскія и даже нѣкоторые изъ духовныхъ. Сами однако изумляются они: какъ такой, по ихъ мнѣнію, великій подвижникъ окончилъ столь бѣдственно свое долголѣтнее поприще, избѣжавъ на ономъ всѣхъ своихъ гонителей? и приписываютъ это бѣдствіе собственнымъ грѣхамъ. Ночью, въ Каргополѣ, наскакали на него недобрые люди и, избивъ безъ милосердія, оставили еле жива на улицѣ. Говорятъ, будто мѣстное начальство предлагало из-

(*) Рукоп. житіе Андрея Денисова.

слѣдовать о сихъ людяхъ, но онъ самъ не захотѣлъ и не думалъ такъ скоро окончить жизнь, хотя и съ трудомъ доѣхалъ до Выговскаго скита. Тамъ поболѣвъ трое сутокъ отъ разбитой головы, умеръ посреди плача присныхъ и всѣхъ скитянъ, исполнивъ *все* Христіанское чиноположеніе, но уже безъ языка, какъ о томъ сказано въ его житіи; необъяснено однако, *что* именно, хотя это было бы занимательнѣе, нежели риторическій надъ нимъ плачь автора. Какія же таинства могли быть совершены надъ умирающимъ? — покаяніе? но кто бы могъ разрѣшить его? — пріобщеніе? но отколѣ же святые дары, когда онъ утверждалъ, что вся святыня послѣ Никона взята на небо и уже не существуетъ на землѣ?—елеосвященіе? но какъ же совершить его безъ священства, имъ непризнаваемаго? — Въ чемъ же состояло Христіанское напутствіе, когда самъ Господь сказалъ: «аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови его, живота не имате въ себѣ» (Іоан. VI, 53)? Страшно впасть въ руки Бога живаго! страшно умирать такимъ образомъ, и особенно начальнику раскола, введшему многія тысячи людей въ заблужденіе, когда о единомъ соблазненномъ слышится такое страшное прещеніе въ словахъ евангельскихъ: «иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, добрѣе есть ему паче, аще облежитъ камень жерновный о выи его, и ввърженъ будетъ въ море (Марка IX, 42).

XV.

Раздѣленіе Поморянъ, Ѳедосѣевцы и Филиповцы.

Какъ отъ горькаго древа нельзя ожидать плода сладкаго, говоритъ долго питавшійся плодами раскола, но обратившійся къ истинѣ протоіерей Андрей Іоанновъ, такъ и Поморское злочестіе, чрезъ десять лѣтъ послѣ своего зачатія, произвело подобный себѣ плодъ, горькое порожденіе, Ѳедосѣевскій толкъ. Начальникомъ его былъ церковный дьячекъ, Ѳедосѣй Васильевъ, въ перекрещеніи названный Діонисіемъ, который отступилъ въ 1707 году отъ Выгорѣцкаго согласія и первый учинилъ тотъ разрывъ, на которомъ основалось его соборище. Достойно вниманія, что какъ Поморской, такъ и Ѳедосѣевской секты, основателями были бѣглые дьячки, которымъ, какъ видно, хотѣлось быть настоятелями, но не

удалось, однако успѣли они вмѣсто того стать во главѣ раскола (*).

За рубежемъ Русскимъ, на земляхъ Польскихъ и Шведскихъ, поселились еще со временъ Царя Іоанна Васильевича, бѣжавшіе туда изъ Новгорода и Пскова Стригольники. Это были также раскольники, получившіе свое названіе отъ разстриженнаго діакона Новгородскаго Карпа, который возбуждалъ народъ клеветами на Епископовъ: будто они благодать священства продавали за деньги. Онъ произносилъ и другія хулы на святую Церковь и ея служителей, и былъ въ свое время обличенъ соборнымъ посланіемъ Патріарховъ Вселенскихъ и Митрополитовъ Всероссійскихъ, къ горожанамъ Новгорода и Пскова. Послѣдователи сего разстриги или стригольника, получившіе достойную казнь, бѣжали, во дни грознаго похода Царя противъ Новгорода, толпами за границу, потому что сами были виновниками многихъ смятеній, и поселились большею частію въ Курляндіи и около Риги, отъ Нарвы и до Полоцка; нѣкоторые изъ нихъ перешли въ Унію, другіе же остались въ своемъ расколѣ и съ радостію услышали о новыхъ смутахъ церковныхъ, возникшихъ во время исправленія книжнаго, умноживъ собою число отступниковъ отъ Православія: — вотъ почему такъ быстро и почти внезапно пустилъ свои вѣтви расколъ безпоповщины въ

(*) Часть II, 18.

предѣлахъ сѣверныхъ, гдѣ уже нашелъ себѣ готовую стихію.

Были однако между ними люди благонамѣренные, которые, внявъ гласу совѣсти, пожелали обратиться въ лоно матери своей Церкви и дѣйствительно присоединились къ ней, подъ руководствомъ одного уроженца Коломенскаго, по имени Ивана. Онъ началъ уговаривать соотечественниковъ, чтобы возвратились на родину, въ Церковь православную, и приняли опять ея таинства, безразсудно отринутыя ихъ отцами, и болѣе бы не чуждались благословеннаго священства. Проповѣдь его начинала имѣть добрый успѣхъ, потому что большая часть простаго народа вовлечена была въ сѣть раскола, безъ внутренняго сознанія. Озлобились расколоучители Новгородскіе, услышавъ о дѣйствіяхъ Ивана Коломенскаго; они составили сходбище, съ нѣкоторыми Московскими соумышленниками, и положили разрушить сіе благое начало заграничныхъ бѣглецовъ; для сего отправили къ нимъ, съ своею грамотою, дьячка Ѳедосѣя Васильева, какъ опытнаго и болѣе отважнаго, за Нарву, на мызу называемую Солдину, гдѣ соединивъ скопище при Черной рѣчкѣ, опять поколебалъ онъ и совратилъ народъ. Любопытно содержаніе грамоты Новгородской, писанной 1-го Іюля 1692 года. Высокопарно начинаютъ ее отступники Церкви, какъ бы отъ имени всея Восточныя Соборныя Апостольскія Церкви и всѣхъ Христіанъ Новгородскихъ, духов-

ныхъ и мірянъ, тутъ впервые является имя Θедосѣя, получившаго въ послѣдствіи столь горькую извѣстность (*).

«Посланъ отъ насъ за Свейской рубежъ, отъ всѣхъ насъ вышеписанныхъ людей, стариковъ и старухъ, по духу братъ нашъ, Новгородецъ, духовный человѣкъ, Крестецкаго яма Θедосѣй Васильевъ, по извѣстнымъ грамоткамъ зарубежныхъ учителей, которые возвѣщали о воспослѣдовавшемъ отступленіи отъ прежнихъ отцевъ, Ивана Коломенскаго съ товарищи». Въ чемъ же состояло отступленіе? — «яко онъ Иванъ не правый, но пагубный и широкій, а не Христовъ путь, и не Христіанскій законъ устави: похваляетъ Россійскія церкви и людямъ совѣтуетъ отъ Церкви не отходити и причастія не удалятися. О увы намъ православнымъ! восклицаютъ расколоучители, какія ереси онъ Иванъ Коломенскій вводитъ! чего не даждь намъ Боже православнымъ и помыслити, что бы Церковь похвалити!» Вотъ каково ожесточеніе Θедосѣевцевъ, которые и имени Божія не страшаться всуе призывать въ томъ, что всегда будутъ удаляться Церкви и ея таинствъ. «Еще онъ и другую прелесть въ народѣ разсѣеваетъ: якобы Греческіе Патріархи и Цари еще въ Православіи состоятъ; а какъ всѣмъ извѣстно что Греки еще въ давнія времена, по взятіи Царьграда, благочестіе нарушили,

(*) Полное извѣстіе о раскoлахъ, Пр. Андрея Іоаннова. Часть I, стр. 93.

то вотъ и его прелесть обличилась». Не ихъ ли собственная лесть обличается сими словами, ибо и доселѣ твердо стоитъ Православіе на Востокѣ, не въ давнія времена неоднократно увѣнчанное подвигами мученическими, подъ игомъ невѣрныхъ?

Накрѣпко заповѣдано было Ѳедосѣю: «обличать отрекшихся отъ втораго крещенія, т. е. раскольничьяго, съ перемѣною даже именъ, и глаголющихъ, что людямъ нѣтъ грѣха жениться и въ сообщеніи быти съ невѣрными Никоніяны, въ питіи и ядѣніи пищи, охулившихъ Новгородскихъ учителей и черезъ то міръ ядомъ окормившихъ и съ Антихристомъ взошедшихъ въ союзъ: съ таковыми, какъ съ отпадшими отъ Православія, ни ѣсть, ни пить и на молитвѣ не сообщаться, отлучая тѣхъ, которые по слабости на сіе покусятся». Въ той же грамотѣ, данной дьячку Ѳедосѣю, написаны были нѣкоторыя правила, для руководства ревнителямъ раскола, обнаруживающія внутренній ихъ бытъ. Положено: въ келліяхъ съ зазорными лицами не жить и съ духовными дочерьми, во избѣжаніе соблазна, какъ это прежде по слабости допущено было, и молодыхъ женъ и дѣвицъ, вмѣсто стряпухъ и келейницъ, у себя не держать. Тѣхъ, которыя изъ числа сихъ келейницъ покаются, принимать въ покаяніе и отсылать въ иныя мѣста, а если нѣкоторые изъ простыхъ или духовныхъ отцевъ не будутъ повиноваться и, по прежнему своему безпоряд-

ку, станутъ держать сожительницъ, то съ ними не имѣть никакого общенія, ради хулы отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ».

Такое рѣшеніе не относилось къ одному лишь нечистому сожитію, но и къ благословенному браку, который также почитался за нечистоту у Ѳедосѣя, какъ это можно видѣть изъ сихъ же правилъ, послужившихъ за основаніе ихъ ученія. «Если нѣкоторые люди, до сего братскаго духовнаго совѣта, приняты были въ покаяніе (т. е. перешли въ расколъ) и вѣнчались въ невѣдѣніи, до нашего Христіанскаго крещенія, то на нихъ положить эпитимію, и за первое у нихъ рожденіе дѣтей (отъ законнаго брака) 40 дней не пускать въ церковь и полагать по 1000 поклоновъ ежедневно; за втораго младенца на годъ, за третьяго на шесть лѣтъ; если же не престанутъ отъ сквернаго смѣшенія, то и вовсе отлучать». Вотъ какъ разумѣли и разумѣютъ доселѣ Ѳедосѣевцы таинство брака, о коемъ говоритъ Апостолъ: «что тайна сія велика есть, и что бракъ честенъ и ложе не скверно» (Ефес. V, 32); и это дерзаютъ охуждать люди предающіеся, подъ личиною цѣломудрія, всевозможному разврату! Послѣднее правило еще болѣе обличаетъ ихъ ожесточеніе: «если которые изъ нашихъ духовныхъ дѣтей, юноши или дѣвы, преступятъ наказаніе отцевъ своихъ духовныхъ и станутъ жениться и вѣнчаться отъ Русскихъ поповъ, или и безъ вѣнчанія между собою жить станутъ

(что по ихъ мнѣнію все равно), къ таковымъ, если призывать будутъ духовныхъ отцевъ въ домы и для крещенія, отнюдь не ходить, дѣтей ихъ не крестить и общенія съ ними не имѣть, развѣ только при смерти». Приговоръ сей писалъ Ѳедосѣй Васильевъ, и вмѣсто отца своего духовнаго Харитона, по неумѣнію его грамоты, руку приложилъ; еще нѣсколько грамотныхъ и неграмотныхъ тутъ же подписались, одинъ за другаго, и приговоръ сей уважается въ ихъ толкѣ, какъ бы канонъ соборный (*).

Вскорѣ оказалось разногласіе, между Поморянами, гнѣздившимися въ лѣсахъ Олонецкихъ, и скопищемъ руководимымъ дьячкомъ Ѳедосѣемъ, который не менѣе Андрея Денисова имѣлъ вліянія между своими единомышленниками, въ предѣлахъ Новгородскихъ и Ливонскихъ. Двѣ были вначалѣ причины разрыва между ними, столь же суетныя, какъ и тѣ, по которымъ всѣ они отдѣлились отъ Церкви. Ѳедосѣевцы стали упрекать Поморянъ, что они отмещутъ съ креста Христова титлу, Пилатомъ написанную: І. Н. Ц. І. и что, покупая на торгу брашно, не очищаютъ оное молитвою и поклоненіями, какъ оскверненное. Напрасно Андрей Денисовъ писалъ къ нимъ, въ 1716 году, въ Юрьевъ Ливонскій увѣщательное посланіе, обличая ихъ грубость, хотя и самъ могъ бы въ томъ же быть обличаемъ,

(*) Полн. изв. о раскол. Ч. 1, стр. 90—97.

они остались непреклонными, и несогласіе Ѳедосѣянъ съ Поморянами распространялось въ краю Псковскомъ, чрезъ ревнителей, во главѣ коихъ стоялъ еще старецъ Варлаамъ, вмѣстѣ съ дьячкомъ, давшимъ имя новой отрасли раскола. Взаимная вражда дошла до такой степени, что хотя сами Ѳедосѣяне, неменѣе Поморянъ, чуждались молитвы за благочестивыхъ Государей нашихъ, но одинъ изъ ихъ секты, по личной непріязни, донесъ правительству, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны: что Выговцы противятся установленіямъ церковнымъ и гражданскимъ и не молятъ Бога за здравіе Ея Величества.

Немедленно отправлена была къ Поморянамъ слѣдственная коммисія, подъ начальствомъ Самарина, котораго имя сдѣлалось весьма памятнымъ у перекрещенцевъ. По слѣдствію оказался доносъ справедливымъ, потому что въ Даниловскомъ скиту, во всѣхъ служебныхъ книгахъ, были изглажены и заклеены мѣста, гдѣ прежде было царское имя, не смотря на то, что Андрей Денисовъ такъ твердо стоялъ за седьмую просфору, на литургіи вынимаемую за Царя (*). Послѣ нѣкотораго сопротивленія, коммисія побудила Поморянъ ввести опять употребленіе молитвы, о царскомъ здравіи, и болѣе разсудительные между ними извинялись въ своемъ невѣжествѣ; но сперва, при въѣздѣ коммисіи въ скитъ, были въ немъ такіе неистовые

(*) Полн. извѣст. о раск. Ч. II, 22.

люди, которые хотѣли, по безумному своему обычаю, сжечь самихъ себя и свой монастырь; большихъ усилій стоило Андрею Денисову, ходить по всѣмъ кельямъ и уговаривать, чтобы не привели сего въ исполненіе, тогда какъ уже всѣ зажигательныя вещества были у нихъ приготовлены.

Какъ только услышали Ѳедосѣевцы, что Поморяне молятъ Бога за Государя, всѣ они вооружились противъ такого нововведенія, и главный вождь ихъ всѣхъ возбудилъ, чтобы оттолѣ почитать еретиками Поморянъ, и даже тѣхъ людей, которые будутъ, послѣ сей ереси, еще почитать ихъ хотя немного православными: такъ называли они Апостольское повелѣніе о молитвѣ за Царя! Ѳедосѣевцы начали даже, въ насмѣшку, называть Поморянъ Самарянами, по созвучію сихъ именъ и потому особенно, что ни мало не пострадавъ, повиновались посланному къ нимъ Самарину. Этимъ окончательно довершился разрывъ Ѳедосѣевцевъ и новая сія отрасль раскола, болѣе всѣхъ прочихъ расплодилась въ отечествѣ нашемъ, потому что ими наполнились обѣ столицы, Новгородъ, Балтійскія провинціи и Польша; и за границу пустили они свой корень, бѣжавъ въ Пруссію, Австрію и даже Турцію. Главныя хулы ихъ противъ Церкви Православной были слѣдующія: что она, будто бы, есть пріятелище всѣхъ ересей древнихъ и новыхъ, и крещеніе содержитъ не во Святую Троицу; будто анти-

христъ такъ сильно воцарился, что истребилъ во всемъ мірѣ безкровныя жертвы и всѣ тайны и пр. (*).

И другой сильный расколъ, хотя менѣе многолюдный, возникъ отъ Поморскаго, подъ именемъ Филипова, по той же причинѣ какъ и Ѳедосѣевъ: за поминаніе Царскаго имени въ молитвахъ, и еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ; простой солдатъ былъ основателемъ сей секты. Подъ именемъ Фотія, находился онъ нѣкоторое время келейникомъ у Андрея Денисова, въ Даниловскомъ скиту, и наскучивъ черными работами пожелалъ монашества, но не былъ принятъ въ число братій по своему невѣжеству. Недовольный удалился въ одну изъ пустынныхъ келлій, окружавшихъ скитъ, къ старцу Давиду, жившему въ глуши лѣсной, но и этотъ пріютъ вскорѣ оставилъ, не охотно перенося строгость поста, и унесъ съ собою подрясникъ своего духовнаго отца. Съ тѣхъ поръ скитался по сосѣднимъ келліямъ и Поморскимъ общинамъ, разсѣяннымъ по лѣсамъ, всюду разглашая о Самарянской ереси бывшаго своего наставника Андрея Денисова. Возмутились суровые жители лѣсовъ Олонецкихъ и, собравшись на праздникъ Рождества Христова въ главный скитъ, напали съ жестокою бранью на Денисова, за его мнимое предательство.

(*) Полное извѣстіе о расколахъ, Пр. Андрея Іоаннова. Ч. II, 24.

Трудно было бы расколоучителю утишить такое возмущеніе, хотя онъ и оправдывался крайностію своего положенія, еслибы не узналъ въ толпѣ бунтующихъ собственнаго келейника, а старецъ Давидъ, пришедшій также въ числѣ прочихъ, похитителя своей одежды. Обличеніемъ Фотія успокоилось смятеніе, однако во многихъ осталось недовѣріе къ Денисову и не въ совершенномъ мирѣ разошлись по своимъ келліямъ, жившіе отдѣльно въ лѣсахъ, болѣе суровые Поморяне. Сознавшись въ своей винѣ, Фотій былъ принужденъ оставить Даниловскій скитъ и удалился опять въ келлію Давида, который простилъ ему похищеніе и даже постригъ въ монашество подъ именемъ Филиппа. Это дало ему возможность имѣть болѣе вліянія на умы недовольныхъ, которые почитали его за ревнителя вѣры; скитаясь по пустыннымъ келліямъ, собралъ онъ до 40 человѣкъ единомышленниковъ и съ ними устроилъ себѣ особый скитъ въ чащѣ лѣса, верстъ за 50 отъ Даниловскаго. Они выстроили двухъ-ярусную избу, съ молельнею на верху, и обнесли ее крѣпкимъ частоколомъ, внутрь коего трудно было проникнуть. Начальникомъ избранъ Филиппъ, и первымъ условіемъ новой общины было: не молиться за Царя и не сходиться съ Поморянами, доколѣ не раскаются. Нѣкоторые изъ ихъ числа покорились мнѣнію Филиппа и быстро распространилась по лѣсамъ молва о его

подвижничествѣ, или точнѣе сказать самочиніи (*).

Самаринъ еще находился въ окрестностяхъ Даниловскаго скита, приводя въ повиновеніе отдѣльные скиты, которые ему указывалъ одинъ изъ бывшихъ раскольниковъ. Нечаянно обрѣлъ сыщикъ это новое скопище и донесъ своему начальству, о упорствѣ непреклонныхъ Филиповцовъ. Самаринъ немедленно окружилъ скитъ ротою солдатъ, и убѣждалъ покориться законной власти; но не было отзыва словамъ его изъ-за крѣпкой ограды, хотя и слышались изнутри голоса. Почувствовавъ запахъ дыма, велѣлъ онъ разломать калитку, и увидѣлъ на верху избы, съ которой сорвана была крыша, 38 мужиковъ; уже по стѣнамъ ея, обвитымъ берестовою корою, быстро подымалось пламя. На всѣ убѣжденія Самарина: сойти съ костра, закоснѣлые отвѣчали только дикими воплями: «не дадимъ антихристу утѣшенія: отче Филиппе благослови».— «Богъ благословитъ», отвѣчалъ изъ внутри голосъ, и густой дымъ обнялъ все зданіе. Солдаты бросились къ колодцу, чтобъ затушить пожаръ, но колодезь былъ заваленъ камнями, а ведро разбито; всѣ изувѣры, въ страшныхъ мученіяхъ, падали внутрь костра. Молва о ихъ самосожженіи разнеслась по окрестностямъ и подобные имъ приходили собирать пепелъ отъ костра,

(*) Полн. изв. о раск. Часть II, 38—42.

называя себя Филиповцами, а самоубійцъ мучениками. Нѣкоторые искали подражать ихъ примѣру и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, толпа Филиповцовъ, ворвавшись въ монастырь Зеленецкій, выгнала изъ него монашествующихъ и добровольно въ немъ сожглась:—таково было неистовство этой секты, болѣе жестокой, нежели всѣ прочія.

Протоіерей Андрей Іоанновъ, который хорошо извѣдалъ, будучи самъ въ расколѣ Поморскомъ, всѣ его вѣтви, свидѣтельствуетъ о Филиповцахъ: что ученіе ихъ, хотя и согласно большею частію съ толками Поморянъ и Ѳедосѣянъ, потому что равномѣрно отвергаютъ крещеніе и бракъ, отсѣкая всякое супружеское соединеніе, но самоубійствомъ они терзали себя болѣе всѣхъ. Филиповцы такъ къ нему склонны, что всегда навѣдывались: гдѣ и сколько сожглось или запостилось? Старики ихъ и старухи, увидя какой либо домъ или покой, устроенный по ихъ вкусу, со слезами восклицали: «еслибы въ такомъ привелъ Богъ сгорѣть»! и вновь приходящихъ уговаривали запоститься, т. е. уморить себя голодомъ, ради вѣнца мученическаго, заповѣдуя имъ 40-дневный постъ, въ заключенной избѣ. Страшные бывали примѣры, такого вольнаго въ началѣ и невольнаго подъ конецъ затвора, потому что обольстители уже не выпускали своихъ жертвъ, ради мнимаго ихъ спасенія. Теперь эта суровость конечно во многомъ измѣнилась, при умягченіи нравовъ, но въ прежнія времена, при большей

ихъ грубости, жившіе изъ числа Филиповцовъ въ пустыняхъ Олонецкихъ, всегда носили при себѣ ножъ, чтобы въ случаѣ объѣзда слѣдователей по ихъ лѣсамъ, не отдаться въ руки живыми и тѣмъ пріобрѣсти славу страдальцевъ.

Возникли еще и другіе толки, изъ того же гнѣзда Поморскаго, и даже изъ близкихъ людей лжеучителя Андрея Денисова. Филиппъ былъ его келейникъ, а бывшій его скотникъ, основалъ такъ называемое Пастухово или адамантовое согласіе; онъ разглашалъ будто бы антихристъ далъ людямъ печать свою, двуглаваго орла и внутри его змія, посему запрещалъ брать въ руки всякую монету и паспорты съ гербомъ. Но онъ отвергалъ самоубійство и снисходительнѣе смотрѣлъ на браки, дозволяя не расторгать ихъ и послѣдователямъ своимъ входить въ сношеніе, ради дѣлъ житейскихъ, со всякаго рода людьми, за что строго осуждали ихъ Поморяне. Но въ свою чреду онъ ихъ обличалъ въ томъ, что перекрещиванцы, записавшись въ двойной раскольничій окладъ, на нихъ положенный по указу Императора Петра Великаго, сами себя произвольно назвали раскольниками, и чрезъ то сдѣлались отступниками отъ чистой вѣры.

Трудно было бы изчислить всѣ различныя вѣтви или оттѣнки раскола, основаннаго на разныхъ произвольныхъ толкахъ, и потому не опредѣленнаго никакими постоянными правилами. Безграмотный селянинъ Косьма, первый началъ запре-

щать безпоповщинѣ перекрещиваніе, въ противность ревнителямъ сего обычая, и его послѣдователи назвались сперва по его имени Кузьминовщиною. Они сдѣлались въ послѣдствіи болѣе извѣстными подъ именемъ Нѣтовщины, ибо утверждали, что нѣтъ въ мірѣ благодати и истиннаго священства; назывались еще и Спасовымъ согласіемъ, отъ ихъ ученія: «что такъ какъ наступило время послѣднее и антихристъ уже въ мірѣ, то желающіе содержать старую вѣру, должны прибѣгать къ Спасу, который самъ вѣдаетъ какъ бѣдныхъ спасти» (*). Этотъ новый толкъ, равно какъ и Пастуховъ, обнаруживалъ однако уже смягченіе первой суровости Поморской. Въ послѣдствіи образовалась еще новая секта, такъ называемая Новоженовъ, которую сильно опровергали другіе закоснѣлые толки, особенно Ѳедосѣевцы. Нѣкоторые изъ перекрещиванцовъ, стали выводить толкованіе о бракахъ: «что не добро быть человѣку едину, по словамъ Св. писанія, и что можно жениться для избавленія отъ нечистоты плотской». А такъ какъ не было у нихъ священника, то прибѣгли къ Церкви, съ тѣмъ только, чтобы обвѣнчавшись тамъ, приходили въ томъ каяться къ своему согласію. Иные же говорили, что тайна брака не состоитъ собственно въ вѣнчаніи церковномъ, но въ благословеніи родителей и взаимномъ согласіи сочетавающихся, остальное

(*) Полн. изв. о раск. Ч. II, 93—96.

же Богъ восполнитъ. Посему нѣкоторые изъ Новоженовъ, начали похищать брачное благословеніе въ Церкви Православной, съ поклонами и эпитиміею за вынужденное вѣнчаніе; другіе, безъ всякаго обряда, стали жить по взаимному согласію, какъ мужъ и жена, почитая себя правильно женатыми. Еще иные, хотя бы въ церкви или безъ церкви они сочетались, фарисейски въ томъ каялись, называя свое сожитіе прелюбодѣйствомъ, хотя и продолжали въ немъ жить, потому будто бы, что въ нынѣшнее время, благословенія Божія для сочетающихся получить негдѣ, и это давало имъ поводъ, при малѣйшемъ неудовольствіи, бросать своихъ женъ.

Хотя первый зачинщикъ сего толка, нѣкто Иванъ Алексѣевъ, былъ самъ изъ числа Ѳедосѣевцевъ, однако никто такъ жестоко, какъ они, не смотрѣлъ на Новоженовъ, избѣгая всякаго съ ними общенія и не поминая ихъ усопшихъ. Ѳедосѣевцы составили даже противъ Новоженовъ, особое сходбище, 1 Октября 1751 года, какъ нѣкогда противъ Ивана Коломенскаго, и написали противъ нихъ 46 строгихъ правилъ, по вопросамъ и отвѣтамъ, начиная съ того: какъ познавать еретика? какъ будто бы сами находятся въ православіи (*). Они оказали себя однако нѣсколько снисходительнѣе къ Поморянамъ, въ нѣкоторыхъ изъ суетныхъ своихъ мнѣній. Такъ

(*) Полн. изв. Ч. II, 50—70.

какъ однимъ изъ пунктовъ разногласія между ними было то, что Поморяне не признаютъ на крестѣ надписи Пилатовой І. Н. Ц. І. и вмѣсто того пишутъ І. Х. Царь славы, Ѳедосѣевцы же принимаютъ первое титло: то на сходбищѣ, которое между ними было и гдѣ одолѣло многолюдство Поморянъ, Ѳедосѣевцы согласились не писать у себя оспориваемыхъ буквъ на титлѣ и даже передѣлывали самые кресты. Но изъ этого возникла новая секта въ Новгородскихъ предѣлахъ, подъ именемъ Титловщины: закоснѣлые старики и старухи, подъ руководствомъ своихъ наставниковъ, вступились такъ сильно за титлу, что отдѣлились отъ Ѳедосѣевцевъ, называя ихъ отступниками и крестоненавистниками.—Вотъ сколько суевѣрныхъ толковъ произошло изъ перваго отпаденія отъ истинъ Православія (*).

Сами Поморяне, хотя и отвергали дерзновенно всѣ таинства Церкви, однако не могли побѣдить въ себѣ чувства потребности оныхъ; потому, вмѣсто причастія, употребляли мнимые запасные дары, будто бы принесенные въ ихъ скитъ монахомъ Авраaміемъ, бѣглецомъ Соловецкимъ. Когда же стали иждиваться такъ называемые древніе дары, то дабы они вовсе не пресѣклись, тотъ же чернецъ, разведя въ квашнѣ новое тѣсто, всыпалъ въ него остальныя крошки и испекъ новые хлѣбы, которые будто бы отъ сего смѣше-

(*) Часть II, 81.

нія, сдѣлались настоящею евхаристіею, и этимъ напутствовали умирающихъ. Наконецъ стало оскудѣвать и это вещество для причастія, и уже его раздавали какъ милость, только за большія деньги, неимущіе же умирали безъ напутствія. Не могло однако такое лишеніе не смущать сердца менѣе ожесточенныя, и это ихъ побудило, еще въ 1730 году, т. е. тотчасъ по смерти главнаго лжеучителя Андрея Денисова, искать себѣ какого нибудь освященія, или старой вѣры іерея и даже Архіерея, но только не въ предѣлахъ Россіи (*).

Поморскіе учители положили, избравъ изъ своей чреды достойнаго по ихъ мнѣнію человѣка, послать его къ Восточнымъ Патріархамъ (на которыхъ столько клеветали) съ просьбою, чтобы его посвятили въ Митрополита для ихъ общества; но и тутъ хотѣли употребить лукавство: въ случаѣ, если бы не получили желаемаго отъ Восточныхъ, посланные ихъ должны были объявить, будто бы идутъ къ Сербскому Патріарху, который обѣщалъ уже исполнить ихъ желаніе. Собрали денегъ, назначили одного изъ среды своей въ мнимаго Архіерея; вездѣ, гдѣ проходили посланные, простой народъ подавалъ имъ милостыню, потому что легко могъ быть увлеченъ своими наставниками, то противъ священства, то въ пользу его, не разумѣя догматовъ.

(*) Часть II, стр. 94.

Но когда услышали, что въ Украйнѣ явился уже лжеепископъ Епифаній, будто бы посвященный въ Молдавіи, посланные возвратились въ свой скитъ съ собранными деньгами. Это была первая попытка искательства Архіерея для раскольниковъ.

Второй опытъ былъ столь же неудаченъ, хотя предпріятіе было обширнѣе по числу совѣщавшихся, такъ какъ на сей разъ не одна безпоповщина, но и поповщина съ Вѣтки вошла въ этотъ заговоръ. Главными зачинщиками были, отъ Поморянъ нѣкто Андрей Борисовъ съ товарищи, отъ Ѳедосѣевцевъ и Новоженовъ, забывшихъ на сей разъ взаимную вражду, Василій Емельяновъ и Иванъ Ивановъ, послѣ бывшій въ Чудовѣ монастырѣ монахомъ, подъ именемъ Венедикта, но опять совратившійся въ расколъ; изъ Вѣтковскаго же общества старецъ Никодимъ и нѣсколько Московскихъ купцовъ, помогавшихъ денежными средствами. Слѣдственно всѣ главные раскольническіе толки соединились для сего важнаго предпріятія, но и этотъ замыселъ разсѣялся какъ дымъ, потому что не было на немъ благословенія Божія.

Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, составили они между собою общее совѣщаніе въ Москвѣ и разсуждали: «что уже болѣе столѣтія какъ они лишились священства и остались безъ таинствъ и пастырей. Хотя былъ у нихъ въ началѣ Епископъ, Павелъ Коломенскій,

но не оставилъ по себѣ преемниковъ и всѣ древніе священники умерли. И такъ слѣдуетъ держаться той цѣли, которая составляетъ предметъ ихъ желаній, дабы восполнить сіе лишеніе и выйти изъ крайняго расточенія, въ которомъ находятся» (*). Вотъ какое невольное сознаніе исторглось изъ сердца тѣхъ, которые хулили все священное въ Церкви и чувствовали однако, что нѣтъ спасенія внѣ оной и безъ ея таинствъ, не смотря на всѣ нелѣпые толки своихъ лжеучителей (*).

Они назначили изъ своей среды одного во Епископа, другихъ же во священниковъ, діаконовъ и чтецовъ, приготовили полную для всѣхъ ризницу, и начали думать, какъ бы привести въ исполненіе планъ свой, безъ всякаго участія Архіереевъ, которыхъ называли внѣшними (т. е. православныхъ). Одни говорили: что можно будетъ посвятить новаго Епископа, главою Св. Іоанна Златоуста, хранящеюся въ Успенскомъ соборѣ, по тому примѣру, какъ нѣкогда, во дни Великаго Князя Изяслава, осѣненіемъ главы Св. Климента Папы Римскаго, посвященъ былъ Русскій Митрополитъ Климентъ; но тогда дѣйствовалъ весь соборъ Архіереевъ Русскихъ. Другіе же замѣчали, что это дѣйствіе было незаконно, какъ вынужденное Великимъ Княземъ Изяславомъ, и предложили: поелику самое таинство хи-

(*) Ч. II, стр. 97.

ротоніи, значитъ собственно рукоположеніе, то лучше совершить оное нетлѣнною рукою Святителя Іоны Митрополита, возложивъ ее на главу поставляемаго и облачая его, при чтеніи установленныхъ молитвъ, предъ ракою угодника Божія. Послѣднее мнѣніе было одобрено, и всѣ единодушно положили исполнить оное, гдѣ только будетъ удобнѣе, въ Московскомъ или Новгородскомъ соборѣ, но неиначе, какъ рукою одного изъ нетлѣнно почіющихъ тамъ Святителей.

Однако, спустя нѣсколько времени, одинъ изъ болѣе разсудительныхъ предложилъ вопросъ: «когда будетъ рукополагаться избранный въ Епископа, и начнутъ облачать его, держа руку святительскую на его главѣ, кто же станетъ произносить слова освященія? ибо Святитель конечно будетъ безмолвствовать, а такое молчаніе всѣхъ приведетъ въ сомнѣніе, потому что неизвѣстно, будетъ ли угоденъ Святителю поставляемый? кромѣ же Архіерея, кто можетъ произносить молитвы, положенныя по уставу для хиротоніи?» — Правильное сіе возраженіе привело всѣхъ въ такое замѣшательство, что самые ревностные принуждены были удержаться и, послѣ многихъ переговоровъ, убѣдились, что такого рода рукоположеніе не было бы согласно ни съ евангеліемъ, ни съ правилами святыхъ Отецъ, и слѣдственно богопротивно (*). Но на Вѣткѣ не такъ скоро

(*) Полн. извѣс. о раск. Ч. II, стр. 100.

угасло искательство архіерейства, и тамъ сдѣлали еще нѣсколько опытовъ, хотя столько же неудачныхъ, для достиженія сей цѣли: обратимся къ ея исторіи.

XVI.

Судьбы Поповщины на Вѣткѣ. Исканіе Архіерейства.

Мы оставили Вѣтку при чернецѣ Ѳеодосіѣ, который тамъ построилъ церковь съ бѣглопоповщиною, потому что онъ былъ послѣдній у своихъ единомышленниковъ, поставленія и крещенія стараго, и первый установилъ принимать поповъ новаго поставленія, хотя и стараго крещенія. Онъ же сварилъ, вопреки уставу церковному, новое мvро на Вѣткѣ, смѣшавъ съ ладономъ и благовонными травами нѣсколько стараго мvра и простаго масла, и говорятъ, что доселѣ этимъ помазуютъ у послѣдователей поповскаго толка, какъ бы истиннымъ мvромъ. —

Но безъ сомнѣнія и сіе мнимое муро истощено у нихъ безъ остатка, также какъ и истинное Патріаршихъ временъ. Помощникомъ Θеодосія былъ братъ его, бѣлый священникъ Александръ, который заступилъ его мѣсто, а за нимъ и другіе ему подобные, соотвѣтствовавшіе качеству собранной ими паствы. Тогда еще Вѣтка соблюдала союзъ съ Керженскими скитами Нижегородской эпархіи и другими, въ Брынскихъ лѣсахъ Калужской и въ слободахъ Черниговскихъ; но съ теченіемъ времени измѣненіе обычаевъ, при множествѣ различныхъ толковъ, произвело между ними разрывъ. Первый начатъ Керженскими, попомъ Димитріемъ и діакономъ Александромъ, и діаконъ составилъ особый толкъ, который отъ него назвался діаконовщиною, какъ уже о томъ было сказано (*).

Причиною сего разрыва было то, что діаконъ осуждалъ Вѣтковцевъ за новое ихъ муро, которымъ перемазывали приходящихъ, самъ же кадилъ крестообразно, а не по ихъ обычаю, дважды прямо и третій поперегъ, и воздавалъ равную честь кресту четвероконечному, какъ и осьмиконечному. Это произвело однажды волненіе въ народѣ, во время Богоявленскаго освященія воды, и Александръ бѣжалъ съ опасностію жизни. Впрочемъ и Вѣтковцы отступили во многомъ отъ прежнихъ строгостей въ отношеніи къ приходив-

(*) Полн. изв. о раск. Ч. III, стр. 9, 10.

шимъ. Сперва они перекрещивали соборно бѣглыхъ поповъ, но дабы не лишить ихъ священства, погружали въ купель въ полномъ облаченіи; въ послѣдствіи же опредѣлили совершать надъ ними такъ называемое ими внѣшнее крещеніе. Бѣжавшій къ нимъ отъ православія, послѣ исповѣди, входилъ въ полномъ облаченіи въ часовню, гдѣ была поставлена купель; начальствующій читалъ заклинательныя молитвы, освящалъ воду и, помазавъ оглашаемаго масломъ, не погружалъ его въ воду, а только водилъ около купели съ воспріемниками при обычномъ пѣніи «елицы во Христа креститеся»; потомъ помазывали бѣглаго попа мнимо древнимъ мvромъ и, дабы не снять съ него хиротоніи, не снимали ризъ, а только отворачивали ихъ, помазывая на спинѣ, приподымая сзади ризы и все платье. Тутъ не знаешь чему дивиться, говоритъ протоіерей Андрей Іоанновъ, видѣвшій всѣ сіи нелѣпости, невѣжеству ли противниковъ Церкви или дерзости бѣглыхъ поповъ, которые безчестили Христіанскія таинства. Въ другихъ же мѣстахъ Вѣтковцы заставляли только проклинать всѣ ереси, помазывая своимъ мvромъ, и этотъ обычай болѣе утвердился, хотя отъ такихъ различій происходили многіе толки (*).

Однако поповщина, видя умноженіе своихъ раздоровъ, вступала иногда и въ переговоры съ

(*) Ч. III, стр. 13.

діаконовщиною для примиренія. Ѳеодосій особенно о томъ старался, какъ это явствуетъ изъ его посланія за Волгу къ Керженцамъ. Онъ умолялъ ихъ о мирѣ взаимномъ, и посылалъ отъ себя благословеніе, какъ бы отъ схимника, двумъ священникамъ у нихъ бывшимъ и двѣнадцати именитымъ между ними старцамъ, со всѣми ихъ духовными дѣтьми, которыхъ называлъ своими, вѣроятно по старческимъ своимъ лѣтамъ. Не осуждая прямо образа кажденія Александрова, убѣждалъ однако оставить оное, какъ порождающее соблазнъ, предостерегалъ противъ попа Софонтія, начальника Стариковскаго толка, и не давалъ благословенія ходить къ нему на духъ; обличалъ толкъ Онуфріевъ, за его пристрастіе къ ученію Аввакума, и укорялъ Керженскихъ старцевъ, что не довольно испытавъ его образъ мыслей: отступается ли отъ прежнихъ прелестей? допустили его соборнымъ свиткомъ въ свое общеніе, и просилъ изслѣдовать о томъ подробнѣе; разрѣшалъ также идти на исповѣдь къ попамъ Герасиму и Димитрію, принесшимъ ему покаяніе и обѣщалъ послушнымъ прислать Св. тайны отъ престола Богоматери, честнаго ея Покрова; въ случаѣ же непослушанія, грозилъ ихъ лишить пріобщенія тайнъ. Видно изъ всего, что это было главное орудіе, которымъ пользовался Ѳеодосій, чтобы держать въ своихъ рукахъ Керженцевъ, неимѣвшихъ у себя ни церкви, ни запасныхъ даровъ, и можно судить, что его

вліяніе на поповщину, было столь же сильно какъ и Андрея Денисова на безпоповщину (*).

Однако, и въ слободахъ Черниговскихъ, не менѣе его именитъ былъ попъ Патрикій, который, лукавымъ своимъ характеромъ, умѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе и открыто содержалъ діаконовщину, не смотря на всѣ посланія Ѳеодосія; онъ управлялъ почти всѣми сообщниками въ Малороссіи и за границею, а самъ проживалъ близь Стародуба, въ слободѣ Зыбкѣ, гдѣ замѣнилъ одного безграмотнаго старика, и слава его распространялась по всей поповщинѣ; отъ діаконовщины же ему воздавалась особенная почесть, какой прежде него и послѣ никто не снискивалъ, по чрезвычайной его сановитости и хитрости. Патрикій не держался слишкомъ точнаго исполненія устава своего толка, и терпѣлъ всякаго рода злоупотребленія, дозволялъ простымъ старикамъ и старухамъ исповѣдывать и пріобщать у себя умирающихъ, такъ что иногда одна старуха посылала къ другой просить лучшаго причастія, которое доставалось въ наслѣдство отъ дѣдовъ; терпѣлъ онъ и блудное сожитіе между своими духовными чадами, облеченными въ иноческій образъ, и никого не обличалъ, чтобы не подать тѣмъ повода къ раздорамъ или распаденію на другіе толки. Любопытно прочесть письмо одного изъ слобожанъ, дьяконовскаго согласія, къ бѣг-

(*) Ч. IV, стр. 8.

лому попу Керженскому Тихону, чтобы видѣть, въ какомъ невѣжествѣ погрязли его соумышленники.

«Кто насъ воздвигнетъ долу лежащихъ, честный отче, пишетъ онъ, или утѣшитъ во тьмѣ сидящихъ? Нѣсть руководящаго, нѣсть пекущагося о пользѣ общей! неплодствуетъ наша страна; аще что возможешь, помоги.—Источникъ священства едва не всѣми пренебрегаемъ, приношеніе безкровное ни отъ кого не взыскуемо, священникъ бо и левитъ мимо идоша; возникли проповѣдующіе. трисущіе Троицы и многобожіе, возникли самосожигатели и хульники, священнодѣйствующіе безъ священства, и междоусобныя брани къ ненавидѣнію искренняго; не отъ внѣшнихъ, но отъ внутреннихъ корабль уже разбивается; другъ друга за Эллина вмѣняютъ, въ молитвѣ и пищѣ раздѣляются, безъ брака водворились блудъ и дѣтоубійство, и сего мало, скорбь горшая росла!—Крестъ Христовъ назвали печатью антихриста и тайны мерзостію и, ради сихъ дерзкихъ ругателей, въ сердцѣ начальствующихъ, воскипѣлъ противъ насъ гнѣвъ ярости и многіе испили чашу гнѣва; все сіе до нашихъ временъ достигло! Любоначаліе и сребролюбіе въ начальникахъ нашихъ, злоученіе безъ пастырей; прилучающееся священство наше оставляетъ насъ и наше о томъ нерадѣніе устраняетъ насъ отъ таинствъ. Народъ нашъ не уразумѣлъ цѣлости семи таинствъ и что святительство паче

торга, духовное паче тѣлеснаго и Божіе паче человѣческаго. Дивлюсь примѣру Святыхъ, какъ иные посреди мученій не оставляли приносить безкровную жертву; мы же, во всецѣломъ здравіи, ее оставили; въ темницахъ они не вознерадѣли, мы же въ домахъ на свободѣ отринули; во дни гоненія множество было Епископовъ, а мы на свободѣ ихъ не имѣемъ. Не крайнее ли небреженіе наше и окаменѣніе: не почитать за нужное заповѣди Божіи? Не вкушавшіе не разумѣютъ сладости и невнимающіе не познаютъ пользы; но знающіе и небрегущіе паче другихъ истязаны будутъ. Сіе тебѣ пишу, не яко что либо новое, ибо все вѣдаешь и больше и прежде насъ, но какъ старѣйшему, ради жалости, я изъявилъ тебѣ о растущихъ у насъ нестроеніяхъ и какое зло есть безначаліе. Желаемъ ходатайствовать о святительствѣ, какъ источникѣ священства, хотя и въ началѣ нѣкоторые не примутъ, но по времени проявившееся взыщутъ». Такое невольное сознаніе исторглось изъ сердца благомыслящаго, въ половинѣ минувшаго столѣтія, но вмѣсто того, чтобы обратиться къ пути истинному, въ лоно Церкви, всѣ искали достигнуть желаемаго неправыми путями (*).

Когда умы раскольниковъ расположены были такимъ образомъ къ принятію архіерейства, хотя и незаконно, явился между ними первый лже-

(*) Часть IV, стр. 18.

епископъ Епифаній, обманомъ восхитившій въ Молдавіи рукоположеніе, какъ это явствуетъ изъ произведеннаго о немъ слѣдствія въ дѣлахъ Св. Сунода. Всѣ его поступки были рядомъ беззаконій: будучи монахомъ въ Козельскѣ, Кіевской эпархіи, забралъ онъ монастырскую казну, роздалъ церковное имущество своимъ роднымъ и былъ обличенъ въ нечистой жизни. Въ Кіевской канцеляріи взялъ онъ себѣ паспортъ, будто бы для осмотра домовыхъ вотчинъ, и пройдя караулъ, бѣжалъ за границу. Въ городѣ Сорокѣ, за Днѣпромъ, написалъ своеручно письмо, будтобы отъ лица Архіерея Кіевскаго къ Ясскому Митрополиту, чтобы тотъ посвятилъ его во Епископа, и приложилъ къ фальшивой подписи ложную печать Софійскую, имъ самимъ вырѣзанную; написалъ и другія подложныя письма, отъ жителей Чигиринскихъ, которые будто бы желали имѣть его Епископомъ, и наполнилъ письма сіи клеветами противъ Св. Сунода: будтобы духовенство Украйны скорбитъ о умаленіи титла своего Архіерея, утратившаго митрополію, и будто запрещено ставить священниковъ въ Кіевѣ и молиться за Патріарховъ.

Пріѣхавъ въ Яссы, убѣдилъ онъ сими ложными письмами, Митрополита Антонія, посвятить его на Украйну Епископомъ Чигиринскимъ, и самъ послѣ сего своевольно посвятилъ до 14-ти поповъ и діаконовъ для раскольниковъ; къ Епископамъ же Уніатскимъ, Львовскому и Владимірско-

му, писалъ самъ о себѣ рекомендательныя письма, поручая себя ихъ покровительству и прося позволенія жить въ ихъ эпархіяхъ, для рукоположенія клириковъ; — отступнику Православной Церкви не зазрѣвала совѣсть быть въ общеніи съ отпадшими, прежде него, отъ Восточнаго Православія. Однако, въ слѣдующемъ году, былъ онъ схваченъ въ предѣлахъ Кіевскихъ, и Архіепископъ Варлаамъ отправилъ его, подъ крѣпкою стражею, въ Петербургъ, гдѣ, по указу Св. Сѵнода, приговоренъ къ лишенію священства и монашества и отосланъ въ свѣтское вѣдомство, для суда за его проступки. По случаю кончины Императрицы Екатерины I, онъ былъ освобожденъ отъ розыска и тѣлеснаго наказанія, а велѣно было сослать его въ Соловецкій монастырь на всю жизнь, съ употребленіемъ тамъ на работы; Святѣйшій же Сѵнодъ, по просьбѣ Епифанія, ради поминовенія царственной усопшей, не велѣлъ лишать его монашества и подъ именемъ Епифанія отправилъ на Соловки (*).

Въ 1729 году, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, Епифаній бѣжалъ изъ обители Соловецкой и успѣлъ проникнуть до предѣловъ Кіевскихъ, подъ именемъ іеромонаха Антонія, каѳедры Софійской, но былъ опять пойманъ на Кіевскомъ форпостѣ, гдѣ его узналъ нечаянно намѣстникъ одного изъ Переяславскихъ монастырей. Заклю-

(*) Полн. изв. о раск. Ч. III, 24—40.

ченный временно въ Кіевской Михайловской обители, Епифаній, привыкшій къ побѣгамъ, умѣлъ обмануть стражу и ушелъ, однако снова былъ пойманъ въ вотчинахъ одного пустыннаго монастыря, гдѣ уже называлъ себя Епископомъ и препровожденъ въ Москву, въ исходѣ 1731 года. Не смирился онъ и въ заключеніи, при Сѵнодальной конторѣ, и продолжалъ благословлять приходящихъ къ нему людей, по чину священническому. Посему, Высочайшимъ указомъ 1731 года, повѣлено было, монаха Епифанія, за его многія вины, наказавъ тѣлесно, сослать въ Соловецкій монастырь въ оковахъ; въ томъ же году послѣдовалъ другой указъ, чтобы, за неоднократные его побѣги, лишить его и монашества и, вмѣсто заключенія въ Соловецкій монастырь, сослать по свѣтскому суду, на горные заводы въ Сибирь, на вѣчную работу. Но едва только отправленъ былъ бѣглый чернецъ въ ссылку, какъ пришло извѣстіе, что въ Коломенскомъ лѣсу, воровскіе люди, т. е. раскольники съ Вѣтки, отбили его у посланныхъ съ нимъ солдатъ и ямщиковъ.

Въ 1735 году Архіепископъ Кіевскій Рафаилъ, донесъ Св. Сѵноду о дошедшемъ до него свѣдѣніи, что чернецъ Епифаній находится за границею въ Польской области, въ селеніи Вѣтки у раскольниковъ, гдѣ служитъ обѣдни по архіерейски, и посему предписано было Преосвященному стараться всячески о его поимкѣ. Годъ спустя опять донесъ Архіепископъ, что 1-го Апрѣля пой-

манъ былъ Епифаній въ самой Вѣткѣ и привезенъ подъ карауломъ въ Кіевскую крѣпость, но тамъ занемогъ, и по его просьбѣ, исповѣданъ и пріобщенъ, а 1-го Іюня умеръ и преданъ землѣ простымъ погребеніемъ, у церкви преподобнаго Ѳеодосія, что въ крѣпости. Такова была судьба сего хитраго чернеца, который восхитивъ неподобающій ему санъ, десять лѣтъ тревожилъ Церковь своими побѣгами, умножая вину на вину. Это не удержало однако Вѣтковцевъ, еще при жизни Епифанія, въ 1731 году, когда онъ сидѣлъ подъ стражею въ Москвѣ, искать себѣ другаго Архіерея, опять въ Молдавіи, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ. На сей разъ поповщина соединилась съ діаконовщиной слободъ Черниговскихъ, и первымъ двигателемъ сего дѣла былъ игуменъ Вѣтковской церкви Власій, который послѣ нѣсколькихъ бѣлыхъ и черныхъ поповъ, Іова, Василія, Мардарія и другихъ, заступавшихъ одинъ за другимъ мѣсто Ѳеодосія, временно управлялъ общиною, по прихоти коей, часто они смѣнялись.

Раскольники, жившіе за границею, умѣли найти доступъ къ Митрополиту Молдавскому Антонію, который уже однажды незаконно посвятилъ чернеца Епифанія, и на сей разъ требовалъ отъ нихъ общенароднаго прошенія. Посему игуменъ Власій написалъ, какъ бы отъ лица всего собора, т. е. отъ поповщины и діаконовщины, грамоту на имя Господаря Волосскаго; онъ объяснялъ въ ней и то, что въ прошломъ 1730

году, уже просили они Митрополита о посвященіи на Вѣтку, избраннаго ими Епископа. Въ то время случился въ Яссахъ самъ Патріархъ Цареградскій (вѣроятно Паисій II-й или Іеремія III-й, бывшій тогда безъ престола), мужъ высокаго знанія, по выраженію самихъ раскольниковъ, столько возстающихъ на православіе Восточныхъ Патріарховъ, и ему явлено было прошеніе ихъ. Патріархъ отвѣтствовалъ, что безъ совѣта прочихъ Восточныхъ не можетъ сего рѣшить (потому что безъ сомнѣнія подозрѣвалъ подлогъ), и обѣщалъ прислать имъ скорый отвѣтъ изъ Царьграда. Спустя немного времени присланы были оттуда XII пунктовъ по Гречески, о которыхъ раскольники просили, чтобы перевести ихъ на Славянскій языкъ, по неразумѣнію Греческаго. Главный же смыслъ сихъ XII пунктовъ, по собственнымъ словамъ ихъ, состоялъ въ томъ: «что хотящій поставиться во Епископа, долженъ дать такого рода исповѣданіе, дабы ему всегда хранить новотворные (т. е. православные) догматы, въ нихъ обрѣтать свое спасеніе и другихъ тому научать». — Отвѣтъ достойный православныхъ Вселенскихъ Патріарховъ (*).

Когда былъ сдѣланъ переводъ сей, по желанію просителей, они пришли въ большое смущеніе и одинъ изъ числа Вѣтковцевъ, тайно унесъ отвѣтъ Патріаршій на Вѣтку, для совѣщанія по-

(*) Полн. изв. о раск. Часть III, стр. 23.

повщины, не предваривъ о томъ повѣренныхъ діаконовщины, которые приступили съ своей стороны къ Митрополиту, требуя чтобы имъ былъ выданъ Славянскій переводъ. Это возбудило подозрѣніе, ибо невольно пришло на мысль Митрополиту: что если, въ столь важномъ дѣлѣ и при общемъ ихъ прошеніи, дѣйствуютъ они другъ противъ друга, то вѣроятно тутъ кроется какой либо подлогъ. Гнѣвно выразилъ онъ свое негодованіе и діаконовцы бѣжали изъ Молдавіи, опасаясь преслѣдованія отъ свѣтской власти. Тѣмъ окончилось на сей разъ искательство архіерейства, но лжеепископъ Епифаній, какъ мы уже видѣли, отбитъ былъ Вѣтковцами у солдатъ, сопровождавшихъ его въ Сибирь, и принятъ торжественно на Вѣткѣ, гдѣ поставилъ много діаконовъ и поповъ. Хотя въ послѣдствіи онъ и самъ подпалъ подозрѣнію, что держится новыхъ обрядовъ, однако былъ схваченъ только во время перваго раззоренія Вѣтковскаго притона, которое навлекъ своимъ присутствіемъ.

Нельзя оставить безъ вниманія, съ какимъ единодушіемъ дѣйствовали въ исканіи архіерейства, раздѣленные между собою на самые различные толки. Въ 1730 году, поповщина соглашается съ діаконовщиною: вмѣстѣ просить себѣ Архіерея въ Яссахъ, и это еще понятно, потому что между ними нѣтъ большаго различія. Но въ тотъ же самый годъ, безпоповщина изъ-за Онежскихъ лѣсовъ, покушается на такое же предпріятіе и

конечно не безъ тайнаго согласія съ поповщиной, потому что трудно объяснить иначе столь случайное единомысліе на самомъ дѣлѣ между разномыслящими въ догматахъ: это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ послѣдствіи оба толка уже явно соглашались въ Москвѣ: восхитить себѣ хиротонію, нетлѣнною рукою Святителя Іоны. Странно такое единство, разрозненныхъ между собою въ духовныхъ убѣжденіяхъ, въ дѣлѣ сопротивленія господствующей Церкви! Въ теченіи сего времени, Вѣтка возрасла и умножилась до такой степени, что она сдѣлалась видимою главою поповщинскаго раскола; обольщенія ея все болѣе и болѣе распространялись; самые отдаленные города и селенія Русскіе не избѣжали ея сѣтей, потому что бѣглые монахи, попы и старицы, повсюду разъѣзжали, развозя свои запасные дары, и эта купля сдѣлалась главною ихъ промышленостію, такъ что правительство вынуждено было наконецъ обратить вниманіе на сіе вредное гнѣздо.

Дабы лучше понять: что̀ такое Вѣтка и какъ велико было ея населеніе? полезно сказать, хотя вкратцѣ, о ея главныхъ происшествіяхъ. Вѣтка есть небольшой островъ, имѣющій въ окружности около двухъ верстъ, и такъ названъ отъ вѣтки или рукава рѣки Сожи. Онъ находился тогда на самой границѣ, въ дачахъ Польскаго пана Халецкаго, и на этомъ островѣ, получившемъ большую извѣстность между раскольниками, основалась первая ихъ Покровская церковь, а вокругъ

нее скитъ съ слободою, которая наполнилась всякаго рода людьми, потому что ей благопріятствовало заграничное положеніе подъ рукою Польскаго пана. Мало по малу образовалось около нее, на пространствѣ 20-ти и 30-ти верстъ, до 14-ти слободъ, въ которыхъ насчитывалось 30,000 душъ обоего пола. Сосѣдственная граница Малороссіи благопріятствовала также разширенію Вѣтки, и паны, не предвидя будущей своей потери, охотно уступали лучшія земли бѣглымъ переселенцамъ, надѣясь въ послѣдствіи сдѣлаться законными ихъ помѣщиками, въ чемъ крайне ошиблись. Такимъ образомъ, за 80-ть верстъ отъ Вѣтки, образовались другія Стародубовскія слободы, числомъ до 17-ти, которыя могли равняться съ городами и въ нихъ насчитывалось до 50-ти тысячъ душъ. Народъ сей отъ природы былъ весьма предпріимчивъ и способенъ къ просвѣщенію, если бы оно его коснулось. До Шведской войны мало были извѣстны слободы Стародубовскія, но когда Мазепа измѣннически допустилъ Шведовъ въ Украйну, тогда собственная опасность возбудила русское чувство въ слобожанахъ: безоружные мужики сами собою напали въ дикихъ своихъ лѣсахъ на непріятелей, многихъ умертвили и привели плѣнныхъ въ Стародубъ къ Императору Петру Великому. Государь, въ знакъ своей признательности, велѣлъ тогда же переписать слободы и грамотою утвердилъ за ними земли, которыми владѣли, а всѣмъ бѣглецамъ объявлено

было Всемилостивѣйшее прощеніе. Поздно раскаялись Малороссійскіе помѣщики, которые имъ давали у себя пріютъ; вмѣсто предполагаемаго пріобрѣтенія новыхъ крестьянъ, утратили они и поземельную собственность. Но милостивый манифестъ не распространился на Вѣтковцевъ, бывшихъ въ подданствѣ у пана Халецкаго, которые пользовались отъ него иными льготами своеволія.

Императрица Анна Іоанновна первая обратила на нихъ вниманіе, послѣ того какъ Епифаній отбитъ былъ ихъ ватагою, и приглашала, манифестомъ 1733 года, возвратиться въ отечественные предѣлы, обѣщая всеобщее прощеніе, но безначальные не хотѣли думать о возвратѣ; на слѣдующій годъ повторился манифестъ, также безъ успѣха. Тогда, въ 1735 году, дано было повелѣніе полковнику Сытину, съ воинскою командою, перейти границу и силою возвратить бѣглецовъ, разославъ каждаго на мѣсто прежняго жительства. Опытный военачальникъ, съ тремя полками пѣхоты, драгунами и казаками, окружилъ внезапно со всѣхъ сторонъ Вѣтку и, по указанію ихъ стариковъ, нашелъ въ разныхъ ущельяхъ до 40 тысячъ человѣкъ обоего пола. Обозрѣвая окрестные скиты и келліи, разсѣянныя по лѣсамъ, приступилъ онъ къ исполненію Высочайшей воли и цѣлый годъ употребилъ только на разборъ мнимыхъ богомоловъ, въ числѣ коихъ нашлось множество молодыхъ людей и женщинъ, необъявлявшихъ своего званія и рожденія; годныхъ от-

далъ онъ въ рекруты, другихъ разослалъ по своимъ мѣстамъ. Тогда былъ схваченъ чернецъ Епифаній и отправленъ въ Кіевскую крѣпость; изъ трехъ поповъ черныхъ, тамъ же взятыхъ, одинъ, по имени Іовъ, много лѣтъ начальствовалъ на Вѣткѣ и разрѣшилъ самаго Епифанія священнодѣйствовать (іерей Архіерея!). Его сослали на покаяніе въ Иверскій монастырь на Валдайское озеро; другаго чернеца, Варсанофія, сослали въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, а третій родомъ изъ Донцовъ, Макарій, бѣжалъ съ дороги въ Молдавію; прочихъ же поповъ не оказалось на лице, хотя и много укрывались на Вѣткѣ, потому что они разсѣялись съ проповѣдью и съ духовными требами по Россійскимъ городамъ (*).

Вѣтковцы усердно просили, чтобы ихъ Покровская церковь была перевезена въ Россію, что и было имъ дозволено. Разобравъ ее по бревнамъ, составили изъ нихъ плоты и пустили по рѣкѣ Сожѣ, за 80 верстъ, въ Стародубовскія слободы, а иконостасъ и другія части, отправили туда же сухимъ путемъ; но буря разбила пущенные плоты, такъ что весь дубъ потонулъ безъ остатка, а прочія части, которыя на время положили въ въ полѣ, были сожжены молніею; остались только царскія врата и боковыя двери съ четырьмя иконами. Не было ли это свидѣтельствомъ Божіяго

(*) Полное изв. Часть III, 40—50.

гнѣва противъ отступниковъ отъ истинной Церкви? Полковникъ Сытинъ, ревнуя о православіи, обличалъ Вѣтковцевъ въ ихъ заблужденіи; старики же ихъ, защищая свое вѣрованіе, приводили въ свидѣтельство отцевъ своихъ, которыхъ святость утверждали на мнимомъ нетлѣніи ихъ мощей, и указывали на могилы Іоасафа, Ѳеодосія, Александра и Антонія. Сытинъ велѣлъ выкопать всѣ четыре гроба и, запечатавъ ихъ, вывести изъ Вѣтки, прочее же зданіе монастырское сжегъ, чтобы не осталось ни малѣйшаго слѣда. Многіе со слезами поднимали гробы своихъ угодниковъ, хотя въ нихъ слышался только стукъ сухихъ костей, но близь Новгорода-Сѣверскаго, получено было Высочайшее повелѣніе открыть гробы и предать ихъ огню; тогда съ горькимъ изумленіемъ увидѣли Вѣтковцы обманъ свой, потому что, вмѣсто мнимаго нетлѣнія, дѣйствительно нашли однѣ кости и съ тѣхъ поръ перестали ими хвалиться.

Два года спустя послѣ перваго запустѣнія, опять стала возникать Вѣтка и черезъ пять лѣтъ совершенно заселилась, почти въ первомъ ея видѣ, потому что соотечественники присылали большія подаянія бѣглецамъ своимъ, какъ бы исповѣдникамъ, потерпѣвшимъ гоненіе; они же сдѣлались служилыми людьми пана Халецкаго и участвовали въ его распряхъ съ сосѣдними помѣщиками. Когда Князь Радзивилъ хотѣлъ отнять у Халецкаго принадлежавшія ему земли, Польскій панъ

обратился къ Вѣтковскимъ бѣглецамъ и они, съ большимъ кровопролитіемъ, отразили нападеніе Радзивила, отстоявъ границу своего помѣщика. Но вмѣстѣ съ симъ позволяли себѣ и всякаго рода разбои и нарушеніе таможенныхъ правилъ, по заграничному своему положенію, потому что Поляки не выдавали преступниковъ по требованію нашего правительства. Болѣе благонамѣренные изъ ихъ числа не могли безъ стыда вспомнить о беззаконіяхъ въ этомъ опасномъ гнѣздѣ.

Укрѣпившись нѣсколько, бѣглецы основали себѣ обширную часовню, недалеко отъ того мѣста, гдѣ стояла прежняя ихъ церковь, и украсили ее великолѣпно; десять лѣтъ начальствовалъ у нихъ попъ Діонисій, а потомъ схимникъ Григорій, чернецъ Валеріанъ и Михаилъ, родомъ изъ Калмыковъ; общее ихъ служеніе продолжалось около 20-ти лѣтъ. Валеріанъ замыслилъ соорудить новую церковь и освятить ее антиминсомъ, оставшимся отъ прежней. Дѣйствительно онъ соорудилъ ее близь часовни, великолѣпнѣе старой, и освятилъ въ 1758 году, съ тремя другими бѣглыми попами; съ тѣхъ поръ уже Вѣтка стала почитать благосостояніе свое непоколебимымъ. Новое жилье составилось около церкви и въ немъ собралось до 1200 чернецовъ, кромѣ послушниковъ; устроился и женскій скитъ, въ которомъ считалось 100 постриженныхъ, кромѣ бѣлицъ; одна только проѣзжая дорога отдѣляла мужескій монастырь отъ женскаго, врата обоихъ были постоянно

отверсты, такъ какъ по окончаніи службы чернецы свободно ходили къ мнимымъ старицамъ и за одной трапезой съ ними постничали; это вошло въ такой обычай, что перестали даже соблазняться ихъ безчиніемъ, которое раждало всякіе пороки. Грамотные изъ числа ихъ опять стали развозить по всей Россіи просфоры и священную воду, пріобщали мнимыми запасными дарами, крестили, вѣнчали и отпѣвали, и съ обильною добычею возвращались на Вѣтку (*).

Правительство наше нѣсколько разъ обращалось къ Польшѣ, съ требованіемъ о прекращеніи сихъ безпорядковъ, но всегда безъ успѣха. Въ 1760 году Императрица Елисавета, милостивымъ манифестомъ, опять вызывала всѣхъ бѣглецовъ въ отечество, обѣщая имъ полное прощеніе и тоже самое повторили, манифестами на трехъ языкахъ, Императоръ Петръ III и Екатерина II, при вступленіи своемъ на престолъ. Указомъ 14 Декабря 1762 года, имъ дозволялось селиться гдѣ только пожелаютъ, на порожнихъ мѣстахъ въ Сибири и въ губерніяхъ Курской, Казанской и Воронежской, имъ прощались всѣ ихъ вины, безъ малѣйшаго истязанія, предоставлено было не брить бородъ и носить свое платье, возвращаться по произволу къ прежнимъ помѣщикамъ или записываться по городамъ въ мѣщане и купечество, уплачивая только обыкновенный двойной

(*) Ч. II, стр. 50—60.

окладъ раскольничій, и сверхъ того давались льготы на шесть лѣтъ, съ освобожденіемъ отъ всякихъ податей и рекрутства; но не смотря на всѣ сіи условія, столь выгодныя, вольница Вѣтковская предпочитала всему безначаліе своего притона. Тогда наконецъ повелѣно было Гетману Малороссіи Разумовскому, и пограничнымъ начальникамъ, забирать повсюду бѣглыхъ людей на границѣ, не дѣлая впрочемъ никому обиды и объявляя опять прощеніе тѣмъ, которые добровольно пожелаютъ возвратиться. Исполненіе Монаршей воли поручено было генералу Маслову, который, перейдя границу въ 1764 году, подобно Сытину, нечаянно окружилъ Вѣтку, и захвативъ въ ней до 20 тысячъ бѣглыхъ, записалъ годныхъ въ рекруты, а большую часть отправилъ въ Сибирь, послѣ двухъ-мѣсячнаго ихъ разбора; съ тѣхъ поръ болѣе уже не возставала Вѣтка. Этимъ разореніемъ воспользовались слободы Стародубовскія: ихъ волостной бурмистръ, человѣкъ предпріимчивый, подстрекнулъ первостатейныхъ горожанъ, перевезти къ себѣ церковь Вѣтковскую и выпросилъ ее у генерала Маслова, который по неосторожности уступилъ. Приговорили, съ каждой слободы, выслать подводы на Вѣтку за церковью и не довѣрять ее водяному пути, чтобы опять не потонула. Ее вновь собрали въ густомъ лѣсу, близь Климовскаго посада, и освятили въ 1765 году. Старшимъ священникомъ былъ у нихъ Михайло Калмыкъ и при немъ другихъ шесть,

бѣлыхъ и черныхъ, перебѣжавшихъ изъ Вѣтки въ слободы; съ тѣхъ поръ стали тамъ умножаться церкви и часовни, ибо къ нимъ нахлынуло все, что только могло убѣжать изъ Вѣтки.

Прежде однако сего вторичнаго переселенія, которое возвысило слободы Черниговскія, было въ нихъ еще новое покушеніе искать архіерейства, и какіе люди дѣйствовали для обольщенія раскольниковъ!—Былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, около 1750 года, ключарь іеродіаконъ Амвросій, человѣкъ бѣглаго ума, нѣсколько знавшій языки Польскій и Латинскій, который уклоняясь отъ наказанія за нечистую жизнь и похищеніе церковнаго имущества, принужденъ бѣжать изъ обители. Подъ именемъ іеромонаха Аѳиногена, явился онъ въ Зыбковскую слободу къ попу Патрикію, притворяясь, будто бы ищетъ стараго благочестія, ибо такъ всегда обманываютъ ревнующихъ не по разуму, и умѣлъ вовлечь въ свои сѣти самолюбиваго старика. Съ чрезвычайными похвалами отзывался Патрикій о пришельцѣ, называя его даромъ свыше ниспосланнымъ, и обѣщалъ ему достойное мѣсто; когда же заграничные діаконовцы просили себѣ священника, онъ отправилъ къ нимъ Аѳиногена въ ихъ разсѣянные скиты, съ напыщенными письмами, въ которыхъ употреблялъ о себѣ выраженія Апостольскія (*):

(*) Полн. изв. о раск. Ч. VI, 25.

«Патрикій, благодатію Божіею, Бога и Спаса нашего Іисуса Христа іерей, со обрѣтающеюся въ слободахъ Стародубовскихъ и по областямъ Польскаго королевства Церковію, священноиноку Игнатію, мнихамъ и всѣмъ православнымъ Христіанамъ, всякаго чина, возраста и званія, терпящимъ изгнаніе Бога ради и вѣры православно-каѳолическія, радоватися желаю. Чадца, благодать вамъ и миръ и Божіе благословеніе, и мои недостойныя молитвы, выну вамъ споспѣшествующія».—Такъ дерзновенно игралъ онъ словами Апостольскими, дѣйствуя ими на несвѣдущую толпу; но подобныхъ людей обличали самые плоды ихъ лукаваго дѣйствованія!—«Вмѣнивше болѣзнь вашу нашею, писалъ онъ, дотолѣ страдахомъ и рыдахомъ, доколѣ всеблагій промыслитель не услыша насъ и не послалъ, въ общее утѣшеніе ваше и наше, яко свыше, священноинока Аѳиногена (т. е. бѣглаго діакона и самозванца), яко обрѣтохомъ его православно мудрствующа и послушна шествовати къ вамъ. О чадца, ими же болѣзную дондеже вообразится въ васъ Христосъ, миръ вамъ отъ Бога паки посылаю»; подписалъ же: «свидѣтель Господа нашего Іисуса Христа, іерей Патрикій».—И другое подобное посланіе писалъ онъ въ слободу Борскую: «Господамъ своимъ, предавшимъ себя за свидѣтельство Іисусъ Христово, Пимену Ивановичу, Ивану Кондратьевичу», поручая имъ опять Аѳиногена, какъ

пастыря въ утѣшеніе повсюду гонимаго древняго благочестія.

Пріѣхавъ за границу въ мѣстечко Гомель, Аѳиногенъ велѣлъ построить церковь, во имя знаменія Богоматери, въ сосѣдней слободѣ Борской, и освятилъ ее не будучи самъ посвященъ. Видя же довѣренность къ нему простодушной толпы, рѣшился восхитить и высшую степень священства, назвавъ себя самовольно Архіереемъ, потому что въ каждомъ преступленіи труденъ только первый шагъ, и чтобы еще болѣе обольстить народъ, принялъ на себя, вмѣстѣ съ личиною набожности, и особую важность, чему способствовала величавая его наружность и ловкость въ обращеніи.—Иногда, какъ бы нечаянно забывшись, благословлялъ обѣими руками; потомъ, на исповѣди бѣглому попу, объявилъ за великую тайну, что онъ Епископъ, получившій хиротонію отъ Сибирскаго Митрополита Антонія (какъ будто Архіерей можетъ одинъ рукополагать другаго), но узнавъ старую вѣру, оставилъ почести, дабы страническое проводить житіе Бога ради. Въ ужасъ пришелъ духовникъ его, услыша такую исповѣдь, ибо сельскій священникъ, къ тому же бѣглый и за границею, не могъ знать всѣхъ обстоятельствъ и легко повѣрилъ обольстителю. Тѣмъ неудовольствовался Аѳиногенъ, знавшій что сія тайна разглашена будетъ: онъ устроилъ себѣ архіерейскій омофоръ и держалъ въ келліи вмѣстѣ съ епитрахилію на аналоѣ, чтобы приходящіе къ нему

могли это замѣтить, и нѣкоторые видѣли его стоящимъ на молитвѣ въ томъ омофорѣ. Такимъ образомъ молва о немъ распространилась по всей поповщинѣ и всѣ привыкли въ немъ видѣть лице необыкновенное (*).

Смѣлый обманщикъ удалился въ Волохскую землю, гдѣ уже открыто объявилъ себя Епископомъ, къ общей радости несвѣдущихъ, и внушалъ имъ присылать къ себѣ для посвященія избранныхъ ими людей; а бѣглый попъ, исповѣдавшій его, уже повсюду оглашалъ и хвалился, что духовный сынъ его дѣйствительно Епископъ. Прежде однако своего отъѣзда на Волощину, писалъ Аѳиногенъ въ слободы къ отцу Патрикію, открывая ему свою тайну и приглашая къ себѣ для посвященія во Епископа. Лукавое письмо его, высокопарными изреченіями не уступало Патрикіеву и, вмѣсто смиренія, выражало низость: «Всемогущаго Бога избраннѣйшему іерею и таинъ его вѣрному служителю, благочестивѣйшему господину, господину Патрикію, червь а не человѣкъ, землекасательное поклоненіе. Пріиди убо свѣтильниче міра, ниже презри написаннаго, цѣлованіе устъ моихъ ногамъ твоимъ, цѣлованіе единомысленной братіи, ихъ же имена въ книгѣ жизни». Но уже изъ Волохской земли, онъ открыто называлъ себя въ письмѣ къ Патрикію: «Божіею милостію Епископомъ, желая ему временно и вѣчно радо-

(*) Ч. IV, стр. 30.

ватися, какъ пресвѣтло-сіяющему на церковномъ небеси солнцу, преблаженнѣйшему и всесвященному іерею, и свѣтить на евангельской и отечественной пажити избраннѣйшему Христову стаду». Онъ звалъ его опять къ себѣ, дабы возстановить чинъ церковный и спасти отъ поруганія единовѣрныхъ, но просилъ и нѣчто отъ щедротъ его скудости своей, ради благолѣпія. Самозванецъ не побоялся объявить о своемъ епископствѣ Митрополиту и Господарю Молдавіи, которые, не входя ни въ какое разбирательство, дали ему свободный пропускъ въ Польшу, но обложили данью многочисленныхъ духовныхъ его чадъ, отовсюду къ нему стекавшихся; однако Аѳиногенъ, опасаясь быть обличеннымъ, возвратился изъ Молдавіи въ Гомель.

Явился и другой самозванецъ, по имени Анѳимъ, котораго всѣ знали за простаго чернеца; онъ объявилъ себя священникомъ и просилъ архимандріи у лжеепископа, который немедленно исполнилъ его желаніе, безъ зазрѣнія совѣсти по собственному примѣру, къ общей радости народа, который утѣшался умноженіемъ благолѣпія церковнаго (*). Аѳиногенъ посвятилъ многихъ поповъ и діаконовъ въ угожденіе Вѣтковцамъ, но едва не навлекъ на себя негодованіе діаконовщины, потому что сталъ кадить по обычаю поповщины, и страха ради принужденъ былъ обра-

(*) Ч. IV, 39.

титься къ прежнему порядку; поставленный же имъ архимандритъ Анѳимъ собралъ себѣ бѣглую братію въ пустынь на рѣкѣ Сожѣ, между Гомелемъ и Вѣткою, и уже началъ замышлять о архіерействѣ. Между тѣмъ болѣе хитрые изъ Стародубцевъ, не вѣря тому чѣмъ себя прославилъ Аѳиногенъ, пожелали о немъ навѣдаться подробнѣе. Попъ Патрикій, смущенный славою ученика своего, посылалъ нарочно въ Петербургъ и Москву, и узналъ наконецъ, что мнимый Епископъ Аѳиногенъ, есть ни что иное какъ промотавшійся діаконъ Амвросій, бѣжавшій изъ Воскресенскаго монастыря: горько было такое разочарованіе слобожанамъ о ихъ свѣтильникѣ. Они еще разъ послали развѣдать истину и получили тоже оскорбительное для ихъ самолюбія извѣстіе; молва о томъ быстро распространилась, тѣмъ паче что и Аѳиногенъ, отложивъ прежнюю осторожность, началъ вести жизнь разсѣянную.

Патрикій писалъ къ нему въ Волохскую землю, куда опять удалился самозванецъ, называя его только пречестнымъ отцемъ а не Епископомъ, и сообщалъ ему о разнесшихся слухахъ, заклиная открыть истину. Но уже письмо не застало тамъ Аѳиногена; предчувствуя бѣду, онъ заблаговременно ушелъ въ Польшу, и въ теченіе великаго поста не было о немъ никакого слуха, а на Пасхѣ узнали, что бывшій Епископъ находится въ королевской службѣ, обрилъ себѣ бороду, и въ великій четвертокъ, надѣлъ кун-

тушъ Польскій и саблю, — конецъ достойный самозванца. Смутились Вѣтковцы и слобожане, многіе попы посвященные лжеепископомъ, угрызаемые совѣстію, сами добровольно сложили съ себя священство и просили разрѣшенія у Патрикія, который былъ всему виною. Борскіе жители опять стали просить у сего «отца во отцѣхъ» по ихъ громкому титулу, бѣглаго попа, потому что осиротѣли безъ священства и отзывались о Аѳиногенѣ, вѣроятно въ укоръ Патрикію за его легковѣріе, что слышали отъ многихъ свидѣтелей: «какъ бывшій ихъ Епископъ, ходитъ обритый въ парикѣ и въ нѣмецкомъ платьѣ съ саблею, уже генераломъ и сватался за дочь одного пана» (*). Но хотя и довольно было кажется такого явнаго обличенія, однако попы, поставленные лжеепископомъ въ Волохской землѣ, не желая оставить своего священства, разсѣялись по дальнимъ странамъ и провозглашали Аѳиногена законнымъ Архіереемъ. Отъ сего произошелъ у нихъ раздоръ съ Вѣтковцами и діаконовцами; они назывались Аѳиногенцами, а другіе Анѳимовцами, отъ самозванца Анѳима, котораго участь была болѣе трагическая.

Желая, во что бы то ни стало, добыть себѣ архіерейство, мнимый архимандритъ Анѳимъ, письменно упросилъ Аѳиногена, еще жившаго тогда въ Волохской землѣ, заочно его рукополо-

(*) Ч. IV, стр. 46.

жить, за 20-ть посланныхъ ему червонцевъ; они условились между собою, что въ день великаго четверга 1753 года, въ извѣстный часъ, Анѳимъ будетъ облачаться у себя въ скиту, въ архіерейскую одежду, и въ то же самое время Аѳиногенъ, въ Молдавіи, будетъ читать для него молитвы рукоположенія. Случилось же къ позору обоихъ и раскольниковъ, довѣряющихъ всякаго рода людямъ, лишь бы не держаться праваго ученія Церкви, что въ тотъ самый день, когда облачался Анѳимъ, въ неподобающія ему ризы, мнимый его рукополагатель надѣвалъ Польскій кунтушъ и саблю. Когда же въ послѣдствіи узналъ о семъ Анѳимъ, ему не захотѣлось разстаться съ легко пріобрѣтеннымъ саномъ, и онъ началъ дѣйствовать по архіерейски, хотя самъ еще не умѣлъ служить. И какъ не подивиться простотѣ народной? — даже послѣ столь гласнаго обмана Аѳиногенова, многіе приняли и втораго обманщика за Епископа! Видя однако, что не всѣ къ нему усердствуютъ, уѣхалъ онъ подальше отъ Вѣтки, рукополагая дорогою діаконовъ и поповъ. Обрадовались новому пастырю Некрасовскіе казаки, жившіе въ Бессарабіи, которые туда бѣжали съ Дону, вслѣдъ за своимъ полковникомъ Игнатіемъ Некрасовымъ; они приняли самозванца съ большою честію и просили освятить имъ церковь и поставить попа; но тутъ постигла его достойная казнь. Когда разнеслась молва о дѣлахъ Аѳиногена и Анѳима, раздраженные Некрасовцы,

связавъ руки и ноги своему лжепастырю, безъ всякаго милосердія утопили его въ Днѣстрѣ (*).

Чтобы не прерывать нити разсказа, слѣдуетъ здѣсь упомянуть о томъ, какъ процвѣли слободы Стародубовскія, съ тѣхъ поръ какъ присоединилась къ нимъ Вѣтка, т. е. о смѣси діаконовщины съ поповщиною. Такъ мало разумѣли сперва слобожане: что есть церковь и литургія? которой прежде никогда у себя не видали, что когда послѣ Патрикія, поселился у нихъ попъ Іосифъ и устроилъ въ домѣ своемъ церковь, отдѣливъ алтарь полотнянымъ иконостасомъ, многіе взволновались. «Какой это попъ, вопіяли они, и куда онъ годится? уже самъ причастіе дѣлаетъ и хочетъ тѣмъ людей причащать! У насъ батюшка отецъ Патрикій, всегда бывало стариннымъ пріобщалъ». Іосифъ принужденъ былъ оставить служеніе литургіи, чтобы не лишиться милости народной. Въ слободѣ Злынской, гдѣ старики отправляли службу по одному только часослову и псалтири, нашелся ревнитель, который пріобрѣлъ въ Москвѣ старопечатный октоихъ на 8 гласовъ, но какъ только начали по оному пѣть первый ирмосъ: «колесницегонителя Фараона» опять поднялся шумъ: «что это за книга? это по новой вѣрѣ»! Напрасно старался увѣрить ихъ хозяинъ книги, что служба идетъ по старинному: «что за старина? кричали опять; что въ ней за колесы

(*) Ч. IV, 49.

да Фараонъ написаны? въ печь ее да сжечь»! Такъ разумѣли они то, о чемъ препирались съ Церковью (*).

Даже когда перевезли съ Вѣтки брусяную церковь Покровскаго монастыря, не радовались ей Стародубовскіе жители, а только говорили: «на что намъ церковь? развѣ только на бѣду! вѣдь мы отъ церкви-то изъ Россіи бѣжали!» однако мало по малу ознакомились они съ церковью и даже, подъ вліяніемъ бѣглыхъ поповъ, соорудили у себя много церквей и часовень по слободамъ. Онѣ всѣ состояли подъ вѣдѣніемъ одной волостной конторы, куда опредѣлялся отъ Сената управитель, а отъ слободъ назначался бурмистръ. Климовскій посадъ сдѣлался средоточіемъ прочихъ; подлѣ него въ лѣсу устроили новый Покровскій монастырь, гдѣ попъ Михаилъ, родомъ изъ Калмыковъ, первенствовалъ передъ другими бѣглыми попами, которыхъ много тутъ собралось, когда прекратилось ихъ укрывательство на Вѣткѣ. До ста чернецовъ находилось въ монастырѣ, при двухъ церквахъ, и болѣе 50 бѣльцовъ. Не вдалекѣ устроился и женскій монастырь, во имя Казанскія иконы Богоматери, стараніемъ того же Михаила; въ теченіи десяти лѣтъ собралось тамъ до 500 монахинь всякаго званія, наиболѣе изъ Донскихъ казачекъ и простыхъ крестьянокъ. Всѣхъ безъ разбора свобод-

(*) Ч. IV, 90.

ною рукою, за деньги, постригалъ Калмыкъ и не обращалъ вниманія на нечистую жизнь сестеръ. Однимъ словомъ все, что было на Вѣткѣ, повторилось и въ слободахъ, а между тѣмъ до 40 мнимыхъ схимницъ жило на свободѣ въ распущенной обители.

Въ Климовскомъ посадѣ, при двухъ монастыряхъ, считалось придѣльныхъ 6 церквей; 4 въ Зыбковскомъ, 5-ть въ Клинцовскомъ, изъ коихъ 2 въ пустыни Никольской; всѣхъ же церквей съ придѣльными въ различныхъ посадахъ было до 17-ти;—такъ разрослась, въ исходѣ минувшаго столѣтія, поповщина въ слободахъ Черниговскихъ: тамъ поселилась и безпоповщина, съ различными своими толками, привлеченная выгодами житейскими промышленныхъ слобожанъ, и устроила два своихъ монастыря, мужескій и женскій, гдѣ отправляли службы простые люди и даже женщины, кромѣ тѣхъ часовень, которыя принадлежали поповщинѣ и діаконовщинѣ. Между тѣмъ изъ Стародуба, какъ нѣкогда изъ Вѣтки, продолжали сманивать по всему государству бѣглыхъ поповъ, разумѣется нетрезвыхъ или виновныхъ противъ своего духовнаго начальства, для восполненія недостатка въ благословенномъ священствѣ, и какъ жалка всегда участь сихъ бѣглецовъ, которые дѣлаются рабами своихъ прихожанъ! Паства учитъ пастырей, съ такимъ горькимъ словомъ: «вы дѣлайте по нашему, какъ мы велимъ; вѣдь не мы къ вамъ, а вы намъ приходите».

мѣняли же ихъ по прихоти, при малѣйшемъ неудовольствіи, и если въ какой слободѣ попъ не нравился, то его какъ невольника продавали въ другой приходъ, рублей за сто или больше, смотря потому что было на него издержано, когда сманивали. Впрочемъ, какой бы священникъ къ нимъ ни бѣжалъ, хотя и лишенный священства, лишь бы приносилъ съ собою ставленную грамоту, всегда находилъ себѣ мѣсто въ слободахъ, потому что его разрѣшали, говоря: «онъ намъ принесъ прощенье, такъ и его Богъ проститъ». Можно посему судить о степени уваженія, какимъ они пользовались у своихъ духовныхъ чадъ (*).

XVII.

Увѣщаніе Митрополита Платона.

Долголѣтнее, славное царствованіе Императрицы Екатерины, замѣчательно еще и въ отношеніи расколовъ тѣмъ, что при ревностномъ содѣйствіи старѣйшихъ и мудрыхъ Архипастырей,

(*) Часть IV, 100.

каковы были Митрополиты Гавріилъ и Платонъ, пробудилось обратное движеніе въ самомъ сердцѣ раскола: какъ пшеница отъ плевеловъ, отдѣлилась лучшая его часть, благонамѣренно искавшая союза съ Церковію; закоснѣвшіе же въ упорствѣ показали напротивъ того на опытѣ, что не древнее православіе, какъ они хвалятся, а совершенно иныя житейскія цѣли были виною ихъ самовольнаго отчужденія отъ Церкви. Сосредоточеніе обѣихъ вѣтвей раскола, поповщины и безпоповщины въ Москвѣ, неосторожно допущенное послѣ мороваго повѣтрія 1771 года, донынѣ обличаетъ сію непріязненную его сторону; но съ другой стороны Церковь единовѣрческая, возникшая изъ среды самихъ отпадшихъ, свидѣтельствуетъ, что если бы всегда слѣдовали они гласу совѣсти, то не могли бы долѣе оставаться въ душегубительномъ разрывѣ съ православіемъ.— Много способствовало къ началу сего единовѣрія и то важное обстоятельство, что при распространеніи предѣловъ имперіи, всѣ различныя общества раскола, основавшіяся на рубежѣ ея и дѣйствовавшія на внутренность государства, необходимо должны были подчиниться гражданскимъ законамъ или разсѣяться.

Небольшая книга, изданная въ 1765 году преосвященнымъ Платономъ, который былъ еще въ то время архимандритомъ и законоучителемъ Цесаревича Наслѣдника престола, принесла обильный плодъ, послуживъ къ обращенію благонамѣрен-

ныхъ, потому что они почувствовали всю силу пастырскаго увѣщанія къ утвержденію истины и любви евангельской. — Прежнія творенія Святителей нашихъ, направленныя противъ раскола, обширностію своею и учеными изысканіями, не могли быть для всѣхъ доступны, и лжеучители старались заглушить ихъ благодѣтельное дѣйствіе, своими притязательными словопреніями. Напротивъ того краткое простое слово Платона, написанное въ самомъ умѣренномъ духѣ, легко проникало въ сердце людей, прямо искавшихъ истины.

Въ предисловіи онъ уже ясно обозначаетъ благотворную цѣль своего увѣщанія, напоминая труды пастырей Церкви, о примиреніи съ нею уклонившихся въ расколъ, и благодѣтельныя мѣры правительства, которое неоднократно вызывало, снисходительными манифестами, бѣглецовъ и отступниковъ возвратиться въ лоно отечества и православія, обѣщая имъ многія льготы. Но къ великому огорченію своему, говоритъ Платонъ, Ея Императорское Величество видитъ, что нѣкоторые, нечувственнаго сердца люди, употребляютъ во зло ея милосердіе и вмѣсто того, чтобы почесть сіе за спасительный случай къ своему исправленію, слѣпо слѣдуютъ своеволію; многіе бѣжали въ расколъ, какъ бы въ растворенныя двери, и не исправляя своихъ заблужденій, начали въ оныхъ утверждаться. Въ нынѣшнемъ 1765 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, нѣкоторые развращенные

духомъ, ворвавшись въ Новгородскій Зеленецкій монастырь, выгнали монашествующихъ, святыя книги съ Божіяго престола пожгли, честныя иконы поломали и другихъ много надѣлали своевольныхъ безчинствъ, а сверхъ того, хотя къ ихъ увѣщанію особенные люди посыланы были, они самовольно сожглись. Нельзя довольно изобразить коликимъ соболѣзнованіемъ подвигнуто было благочестивое Ея Величества сердце. Сего ради, еще удерживая праведный свой гнѣвъ, повелѣла сочинить особенное къ симъ заблуждшимъ увѣщаніе, какъ мать напоминая имъ долгъ совѣсти, чтобы пренебрегшіе оный не подпали справедливой строгости законовъ (*).

Самое увѣщаніе писано, отъ лица Православно-каѳолическія Восточныя Христовы Церкви, бывшимъ своимъ чадомъ, нынѣ же немоществующимъ недугомъ раскола, съ сердечною скорбію, что тѣ, которыхъ породила она духовно въ купели крещенія, воспитала млекомъ слова Божія, укрѣпляла священными тайнами въ союзѣ любви и согрѣвала въ своихъ объятіяхъ, съ попеченіемъ благоутробной матери, мало думаютъ о своемъ исправленіи, отвергая всѣ ея спасительныя увѣщанія. Нельзя довольно изобразить скорбь ея, а потому хотѣла она себя утѣшить надеждою, что хотя симъ новымъ увѣщаніемъ воспользуются и придутъ въ чувство, а ежели, чего не дай Богъ,

(*) Увѣщаніе къ утвержденію истины Митр. Платона.

останутся въ своемъ упорствѣ, то по крайней мѣрѣ не безотвѣтною останется за нихъ Церковь предъ нелицемѣрнымъ Судіею. Мудрый Платонъ напоминаетъ, отъ самаго просвѣщенія земли Русской, какъ была она крѣпка, единственно своею вѣрою, и съ нею прошла безбѣдно бурныя времена ига Татарскаго и нашествія Ляховъ. Когда же умиротворилось отечество наше, подъ державною сѣнію благословеннаго дома Романовыхъ, тогда древній врагъ человѣческаго рода, позавидовавъ нашему благополучію, возмутилъ согласіе, посѣявъ свои плевелы между пшеницею, и что всего скорбнѣе, расколъ родился изъ того, въ чемъ Церковь надѣялась получить великое добро для общаго спасенія.

Вы, продолжаетъ онъ, прямо обращаясь къ отступникамъ, называющіе себя старовѣрами, почитаете то за главную причину раздора, что будто старыя книги совсѣмъ измѣнены, а новыя введены и съ ними перемѣнена старая вѣра, и что мнимая сія перемѣна началась при Патріархѣ Никонѣ, а не прежде; мы же, безъ всякаго пристрастія, призывая свидѣтелемъ Бога на свою душу, обстоятельно разсмотримъ: когда и для чего началось сіе книжное исправленіе и измѣнилась ли чрезъ то вѣра? — Вслѣдъ затѣмъ онъ вкратцѣ излагаетъ, историческимъ порядкомъ, начало просвѣщенія Славянъ, Св. Кириломъ и Меѳодіемъ, и первый переводъ священныхъ книгъ, крещеніе Руси и начатки нашего духов-

наго образованія, первое исправленіе книгъ преподобнымъ Максимомъ Грекомъ и необходимость онаго, которое сознавали Стоглавъ и первые пять Патріарховъ, особенно святѣйшій Іосифъ, который въ предисловіи изданнаго имъ Апостола просилъ: «по совѣту соборныя Церкви исправить недоконченное или погрѣшенное въ разумѣ»; и наконецъ соборное окончательное исправленіе при Патріархѣ Никонѣ, съ благословенія Восточныхъ Патріарховъ, по тщательномъ сличеніи новопечатныхъ книгъ съ древними рукописями Греческими и Славянскими: — однимъ словомъ все, что пространно изложено въ началѣ сей моей книги.

То достойно вниманія, замѣчаетъ Платонъ, что когда начали разсматривать старописанныя книги, увидѣли, что древнія греческія съ ветхими Славянскими во всемъ согласны, а только нашли въ новыхъ Московскихъ печатныхъ нѣкоторыя съ ними несходства и для того ихъ исправили противъ древнихъ. Но сіе похвальное дѣло соблазнило немощную братію, изъ простаго народа и малопросвѣщенныхъ изъ духовнаго чина; послышавъ въ новопечатныхъ книгахъ нѣкоторыя слова, несходныя съ старопечатными, подумали бѣдные, что будто и самая сила ихъ измѣнилась. Заблужденіе извинительно, но не упорство; должно бы имъ разсудить, что благочестивый Государь и весь духовный Соборъ Россійской Церкви, и даже благовѣрные бояре и всѣ право-

славные люди сего бы не приняли, но противники, ради своего упорства, сами себя отлучили отъ Св. Церкви. Обыкновенно случается, что если кто какую-либо болѣзнь оставитъ сначала безъ исцѣленія, она часъ отъ часу усиливается, и становится наконецъ неисцѣлимою.—Тоже случилось и съ нашими мнимыми старовѣрами, которые по упорству начали и другія вещи находить соблазнительными и суетно толковать о сложеніи перстовъ, четвероконечномъ крестѣ, семи просфорахъ и другихъ многихъ предметахъ, а такъ какъ въ неправости согласіе быть не можетъ, то изъ сего раздора произошли новые толки, какъ то: поповщина, безпоповщина, діаконовщина, перекрещиванцы и прочіе многочисленные, согласные между собою только въ непокорности Церкви Христовой.

И такъ отсюда родился великій расколъ: многіе, пресыщенные толками, оставляютъ свои домы и дѣтей и святые храмы, и бѣгутъ въ лѣса и подземелья, не имѣя ни Божіей церкви, ни пастырей, ни таинъ, умираютъ безъ покаянія и св. причащенія и, чего нельзя безъ слезъ и помянуть, самовольно сожигаются, и думаютъ заблужденные, будто они самоубійствомъ получатъ отъ Бога вѣнецъ мученичества! Могла ли Христова Церковь помыслить, что такая язва приключится ей отъ собственныхъ ея чадъ?—Одной вѣры питомцы, одного государства жители, поносятъ братьевъ своихъ и ненавидятъ! Скажите

вы, именующіе себя старовѣрами: за что вы отъ насъ отлучаетесь?—Вы въ единаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, вѣруете такъ какъ и мы! Вы Спасителя міра, Господа нашего Іисуса Христа, исповѣдуете такъ какъ и мы! Вы священное евангеліе и Св. вселенскіе Соборы и помѣстные за правило вѣры почитаете такъ какъ и мы! Вы ожидаете воскресенія мертвыхъ, награжденія благимъ и наказанія злымъ такъ какъ и мы! а въ сихъ членахъ содержится вся сила вѣры; вся божественная вѣра утверждается любовію и благими дѣлами. За чѣмъ же насъ оставляете и нарушаете вѣчный евангельскій завѣтъ и союзъ единомыслія?

На сіе вы отвѣчаете: отъ того, что не по старымъ книгамъ служите, что не такъ слагаете персты въ изображеніе креста, что принимаете четвероконечный крестъ, служите не на седьми просфорахъ, крестите и вѣнчаете не ходя по солнцу. — По мнѣнію вашему сіи суть главнѣйшія у насъ погрѣшности и вы ихъ почитаете столь великими, что для нихъ оставляете Церковь, не пріобщаетесь св. тайнъ и отлучаетесь отъ насъ, хотя въ самой вѣрѣ съ нами согласны! Разберемъ кротко, съ чистою совѣстію, сіи погрѣшности, которыми вы насъ порицаете: подлинно ли мы съ вами въ томъ несогласны и слѣдовало ли вамъ за то отъ Церкви отдѣляться?

Дѣйствительно, мудрый Платонъ входитъ въ совѣстливый разборъ сихъ мнимыхъ различій, а

что онъ говорилъ искренно, въ томъ свидѣтельствуетъ чрезвычайный успѣхъ его слова на послушавшихъ гласа своей совѣсти. Онъ начинаетъ съ новоисправленныхъ книгъ и говоритъ: подлинно они были бы испорчены, если бы въ нихъ перемѣнена была самая сила, и приводитъ нѣкоторые примѣры. Если бы въ старыхъ было написано: «Богъ спасенія всѣмъ хощетъ», а въ новыхъ: «не всѣмъ»; если бы въ старыхъ было: «Сынъ Божій равенъ Отцу и Духу», а въ новыхъ: «не равенъ»; въ старыхъ: «воскресеніе мертвыхъ будетъ», а въ новыхъ: «не будетъ»!— тогда бы дѣйствительно книги были испорчены.

Но если бы въ старыхъ было написано: «Господи помилуй»! а въ новыхъ: «Боже или Владыко помилуй»! въ старыхъ было бы: Сынъ Божій равенъ Отцу и Духу» а въ новыхъ: «онъ есть Богъ якоже Отецъ и Св. Духъ»! — то нельзя бы сказать, что книги испорчены; ибо иными словами въ нихъ выражена та же сила. Тоже должно сказать и о нашихъ; ибо въ старыхъ было читано: «Господи Іисусе Христе, *Сыне Божій,* помилуй насъ»! а въ новыхъ печатается такъ же, и еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ: «Господи Іисусе Христе, *Боже нашъ,* помилуй насъ»! Не одна ли сила въ словахъ: ибо Сынъ Божій есть вмѣстѣ истинный Богъ; слѣдственно можно читать то и другое. Въ старыхъ было читано: «Богородице Дѣво, радуйся *обрадованная* Маріе», а въ новыхъ «*благодатная*», что имѣетъ

одинаковую силу, ибо Пресвятая Богородица исполнена радости и благодати. По старымъ книгамъ Херувимскую пѣли: «Трисвятую пѣснь *приносяще»,* а нынѣ «*припѣвающе*». Не то же ли? ибо кто поетъ пѣснь, тотъ ее и приноситъ, и на оборотъ. Въ старыхъ «и во вѣки *вѣкомъ*», а въ новыхъ «во вѣки *вѣковъ*». Въ нѣкоторыхъ старыхъ, но не вовсѣхъ, было читано *аллилуіа дважды*, а въ третій разъ слава тебѣ Боже: въ новыхъ же печатается аллилуіа *трижды* и слава тебѣ Боже. Здѣсь хотя въ словахъ разность, но ее нѣтъ въ силѣ ихъ, ибо и тѣ и другія прославляютъ Св. Троицу, а прибавленіе «слава тебѣ Боже» послѣ тройнаго аллилуіа, знаменуетъ, что въ Троицѣ едино Божество. Въ символѣ вѣры, по нѣкоторымъ только старымъ спискамъ: «его же царствію *нѣсть конца*», а въ новыхъ положено «*небудетъ конца*», и въ сихъ словахъ совершенное согласіе, ибо нѣсть и не будетъ конца Христову царствію. Но въ новыхъ книгахъ исключено вкравшееся, въ нѣкоторые списки старыхъ, прибавленное слово *истиннаго,* въ исповѣданіи о Духѣ Святомъ, Господѣ животворящемъ, ибо не дерзнули Отцы Собора, исправлявшіе книги, приложить къ символу то, чего не обрѣтается въ древнѣйшихъ подлинникахъ Греческихъ. Однако симъ исключеніемъ слова *истиннаго,* не нарушена сила догмата, ибо кто вѣруетъ, что Духъ Святый есть Господь животворящій, не можетъ не вѣровать, что онъ есть и *истинный*.

Въ старыхъ книгахъ было писано, хотя и не во всѣхъ, имя Искупителя нашего такою титлою Іс., а въ новыхъ печатается Іисъ., и тѣхъ словъ сила одна, ибо и то и другое означаетъ *Спасителя,* и напрасно спорить объ одной буквѣ, если согласно вѣруемъ въ одного Спасителя. Много бы можно привести и другихъ примѣровъ во свидѣтельство истины.

Вы скажете, можетъ быть, что въ священныхъ правилахъ написано: «аще кто прибавитъ или убавитъ, да будетъ проклятъ». И мы почитаемъ сіе правило, но должно его разумѣть: проклятію подлежитъ тотъ, кто сдѣлаетъ прибавленіе или убавленіе въ догматѣ вѣры, а не исправленіе въ словахъ, не касающееся силы вѣры. Такъ напр. злочестивый Арій не принималъ Господа Іисуса Христа за истиннаго Бога, и тѣмъ нарушилъ силу вѣры, а не одно слово, и за сіе преданъ проклятію; подобно сему и прочіе еретики, отринутые Церковію; а которые что либо прибавляли или убавляли, ради исправленія, тѣхъ она похваляла. Извѣстно, что литургію Св. Апостола Іакова сократилъ Св. Василій Великій, а Василіеву Св. Златоустъ, однако сихъ великихъ мужей Церковь поставила въ числѣ своихъ святыхъ. И символа вѣры, какой нынѣ читается въ церкви, до вселенскихъ Соборовъ въ настоящемъ составѣ не было, но съ тѣхъ поръ какъ его предали Церкви святые вселенскіе, первый и вторый, Соборы, она на этомъ символѣ утверждается. Благочести-

вый Императоръ Іустиніанъ внесъ, въ божественную службу литургіи, оный стихъ: «*Единородный Сыне и Слове Божій...*» и однако за сіе похваленъ; да и всѣ прочія церковныя пѣснопѣнія, каноны, трипѣсницы, тропари, кондаки, постепенно въ Церковь взошли, ибо они сочинены были иные Св. Дамаскиномъ, другіе Космою и Θеофаномъ, или Патріархами Германомъ, Анатоліемъ и Львомъ премудрымъ Царемъ, около осьми сотъ лѣтъ и тысячи послѣ Рождества Христова. Однако никто не осудилъ ихъ великихъ творцовъ, но еще вѣчными ублажаетъ хвалами; ибо не тотъ осуждается, кто прибавляетъ или убавляетъ слова, но силу догмата, а въ новоисправленныхъ книгахъ измѣненіе въ однихъ лишь словахъ, сила же нигдѣ не повреждена, и потому исправленіе достойно не осужденія, а благословенія.

Можетъ быть еще скажете: если такъ, то зачѣмъ было и измѣнять?—На сіе уже прежде было отвѣтствовано, что въ нѣкоторыхъ старыхъ книгахъ были описи неискусныхъ переписчиковъ, иногда противно разуму и несходно съ Греческими подлинниками, и потому надобно было для единомыслія всей Православной Церкви, чтобы не только въ силѣ, но и въ самыхъ словахъ не было разности. Еще говорите, что по старымъ книгамъ у насъ на Руси многіе Св. чудотворцы просіяли и служили. На сіе легко отвѣчать тому, кто знаетъ, въ чемъ состоитъ истинное спа-

сеніе Христіанина, ибо царствіе Божіе не въ словеси, но въ силѣ, по ученію Св. Апостола Павла; и чудотворцы спаслись не за старыя книги, но за истинную вѣру и смиреніе, съ какимъ исполняли заповѣди Божіи пребывая въ союзѣ съ Церковію. Въ древности же бывали и такіе, которые хотя и по старымъ книгамъ служили, но безъ вѣры беззаконно жили и душу свою погубили. Тоже можно сказать и о новоисправленныхъ книгахъ: если кто имѣетъ истинную вѣру и заповѣди соблюдаетъ, тотъ и по нимъ служа угодитъ Богу, а кто не радитъ о вѣрѣ и живетъ нечестиво, то по какимъ книгамъ ни читаетъ, старымъ или новымъ, не избѣжитъ осужденія. И такъ разсудите сами о семъ безъ жестокости и престаньте отъ упорства вашего, ибо не будете судимы за старость или новость книгъ, а спасетесь только по свидѣтельству непорочной совѣсти.

Отъ старыхъ книгъ переходитъ Платонъ къ сложенію перстному и столь же мудро о немъ разсуждаетъ, показывая на дѣлѣ, что въ этомъ нѣтъ разности, достойной разрыва. Васъ соблазняетъ, говоритъ онъ, что мы не тѣ слагаемъ персты, которые вы слагаете; но изъ церковной исторіи узнать можно только, что еще во времена апостольскія изображали на себѣ крестное знаменіе, а какіе для сего персты слагали, нигдѣ не упоминается. И такъ дабы довѣдаться, которое перстосложеніе истиннѣе? надобно знать, ка-

кое изъ нихъ согласно съ вѣрою? ибо вѣра содержится въ умѣ, а не въ пальцахъ; пальцы же, какъ ихъ ни сложи, все останутся пальцами. Если спросятъ васъ: для чего вы слагаете три перста, большой съ двумя послѣдними? — вы отвѣчаете: мы тѣмъ изображаемъ Св. Троицу; а что изображаете двумя остальними перстами, указательнымъ и среднимъ?—вы отвѣчаете опять: два во Христѣ естества, божеское и человѣческое. Теперь вы насъ спросите въ свою очередь: что вы изображаете тремя соединенными перстами, большимъ указательнымъ и среднымъ? — и мы тотчасъ вамъ отвѣчаемъ: Св. Троицу; а что оставшимися двумя послѣдними? — опять отвѣчаемъ: двѣ во Христѣ природы. И такъ есть ли между нами и вами какое либо въ этомъ несогласіе? — никакого. Будемъ ли же мы за пальцы спорить, если согласно вѣруемъ во Св. Троицу? — да не будетъ!

Но какая же Св. Троица въ щепоти? спрашиваете вы, называя такъ перстосложеніе наше, хотя и неприличнымъ образомъ. Подлинно, Св. Троица обитаетъ не въ пальцахъ, но въ умѣ и въ сердцѣ; а только умъ нашъ, чрезъ сложеніе перстовъ, ее изображаетъ, подобно какъ и у васъ. Но можетъ быть вы спросите: если не въ томъ сила, какъ персты слагать, такъ зачѣмъ было вводить прежде не всѣми употребляемое триперстное сложеніе? На сіе отвѣтствуемъ: для того, чтобы, въ обычаяхъ церковныхъ, не имѣть

несходства съ Греческою православною Церковію, отъ которой приняли мы какъ вѣру, такъ и всѣ преданія, тѣмъ паче, что прежде и мы всѣ такъ крестились. Многіе же изъ духовнаго высшаго чина, пріѣзжавшіе изъ Греціи, и Святѣйшіе Патріархи осуждали насъ, что будучи съ ними во всемъ согласны, разнствуемъ только въ перстосложеніи. И можно ли было подумать, что отъ сего возникнетъ такой разрывъ, и чтобы согласные въ вѣрѣ стали спорить о пальцахъ! Если же сомнѣваетесь, правильно ли перстосложеніе въ самой Греціи? то во свидѣтельство правоты да послужитъ то обстоятельство, что Греки разсѣяны по всей вселенной, а не въ одной землѣ своей, и еслибы поврежденіе было на ихъ островахъ, собственно Греческихъ, то могло ли бы остаться цѣло въ Палестинѣ и Египтѣ, и у Болгаръ, Молдаванъ и прочихъ единовѣрцевъ нашихъ, крестящихся триперстнымъ знаменіемъ?

И такъ перестаньте волноваться за малую вещь, ибо это одно упорство, чтобы въ вѣрѣ о Св. Троицѣ будучи согласными, спорить за пальцы. Осудитъ васъ сама Св. Троица, что вы, стоя за пальцы, нарушаете любовь, а любовь для нея пріятнѣе, нежели сложеніе перстовъ всѣхъ рукъ, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ. Не о томъ много спорьте: какъ раздѣленные персты соединять? а болѣе о томъ думайте: какъ бы раздѣленныя отъ Церкви души соединить во едино стадо, подъ правительство единаго Пастыря Іисуса Христа,

Но вы еще не успокоиваетесь и вопіете: для чего мы принимаемъ крестъ съ четырьмя концами, который вы называете крыжемъ Латинскимъ? а по вашему надобно почитать одинъ лишь крестъ осьмиконечный. Мы же лобызаемъ и сей крестъ, ради распятаго на немъ Господа, и для того вы вездѣ встрѣчаете его во всѣхъ нашихъ храмахъ. Однако нельзя по совѣсти сказать, чтобы и четвероконечный не былъ также крестомъ, ибо изъ самаго евангелія видно, что онъ такимъ называется. Когда Св. Матѳей говоритъ, что «Симону Киринейскому задѣша понести крестъ его» т. е. Христовъ (гл. XXVII, 32), а Св. Іоаннъ, что «Іисусъ, нося крестъ свой, изыде на глаголемое лобное мѣсто» (гл. XIX, 17), то еще не былъ тогда онъ осьмиконечнымъ, ибо по собственному вашему сознанію, въ составъ осьмиконечнаго креста принадлежитъ и титло, которое Пилатъ уже послѣ положилъ на крестъ; однако вы видите сами, что и прежде положенія сей титлы, евангелисты уже называютъ крестъ сей Христовымъ.

Вы сами это внутренно чувствуете и только одно упорство не позволяетъ вамъ въ томъ откровенно сознаться. Если сказать вамъ: перекреститесь, развѣ вы не изобразите на себѣ святый крестъ четырьмя концами вмѣсто осьми, на челѣ, персяхъ и обоихъ плечахъ? вотъ четыре конца крестнаго знаменія! Если же четвероконечный крестъ не есть истинный, то неужели вы

креститесь сами не истиннымъ крестомъ! иначе для чего и креститься?—Однако вы дерзаете называть его даже печатію антихриста! О злое упорство, до чего ты доводишь сердца непокорныя! Крестъ четвероконечный есть, по вашему, печать антихриста и однако сею печатію, во имя Христово, вы сами себя знаменаете! Прости имъ, Владыко Христе, такое хуленіе и, свѣтомъ твоей благодати, озари сердца ихъ! — Пусть вспомнятъ они, что при совершеніи каждаго таинства, при освященіи купели для крещенія, и св. даровъ для пріобщенія, какъ во дни великихъ чудотворцевъ, такъ и нынѣ, не иначе какъ симъ четвероконечнымъ крестомъ, благословляли и благословляютъ іереи, и если разобрать всѣ старыя ризы и сосуды, то повсюду явится знаменіе сего креста. Престанемъ говорить о концахъ его; разсудимъ лучше, для чего Христіане почитаютъ святый крестъ? Не ради ли Распятаго на немъ за насъ? ибо до того времени крестное древо почиталось за безчестное, какъ написано въ законѣ: «проклятъ всякъ висяй на древѣ».

И такъ спросимъ васъ, для чего почитаете вы осьмиконечный крестъ? — скажете, для того, что на немъ распятъ за насъ Искупитель. Спросите и вы насъ: для чего почитаете осьмиконечный и четвероконечный крестъ?—отвѣтимъ также: ради Христа распятаго за насъ! Такъ въ чемъ же мы несогласны? въ однихъ концахъ! но крестъ почитается ради самаго Господа, въ котораго согласно

вѣруемъ и заслугами его на крестѣ спастись уповаемъ. — Отдалите всякое упорство, почтите истину и молите Духа Святаго, да склонитъ онъ сердца ваши къ любви и согласію.

Еще одного вопроса касается благоразумный увѣщатель, семи просфоръ, о которыхъ состязуются отдѣлившіеся отъ Церкви, и старается вразумить ихъ доводами ясными и простыми. Всякій Христіанинъ вѣдаетъ, говоритъ онъ, что самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть установитель Св. причастія и совершилъ тайную сію вечерю съ учениками своими, не надъ многими хлѣбами или просфорами, а надъ однимъ хлѣбомъ или просфорою (которая по Гречески означаетъ приношеніе), о чемъ согласно пишутъ всѣ евангелисты и Апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ: «яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози, и вси отъ единаго хлѣба причащаются» (Кор. X, 17). Сему и Церковь послѣдуетъ донынѣ, ибо пять или семь принять просфоръ, однако служба Божія совершается надъ одною просфорою, что называется агнцемъ, и отъ него единаго только всѣ пріобщаются; отъ прочихъ же просфоръ, изъ коихъ только вынимаются части, пріобщаться нельзя, ни по новымъ, ни по старымъ книгамъ, а въ службѣ преждеосвященной и совсѣмъ нѣтъ никакихъ просфоръ, кромѣ агнца, но тайна пріобщенія совершается. Послѣ того онъ объясняетъ исторически, какимъ образомъ вошло въ обыкновеніе приносить каждому Христіанину просфоры

свои для божественной службы, безъ опредѣленнаго ихъ числа, и какъ въ послѣдствіи, при оскудѣніи сего усердія частнаго, Церковь опредѣлила необходимое число просфоръ для литургіи, поставляя ихъ уже отъ себя, какъ это явствуетъ изъ древнѣйшаго преданія Церкви Греческой, хотя и не было никакого запрещенія приносить и больше просфоръ, за здравіе живыхъ и упокой усопшихъ.

Весьма благоразумно замѣчаетъ Преосвященный, что не въ томъ настоитъ нужда, дабы за каждаго была особенная просфора, но чтобы поминаніе о благочестивомъ Царѣ и духовномъ пастырьствѣ не было оставлено, что и совершается ежедневно въ Православной Церкви. Ежели бы надобно было, чтобы сверхъ общей просфоры о спасеніи всѣхъ православныхъ, были еще особыя просфоры за Царя и Патріарха, что и составило бы седьмеричное число ихъ, то кольми паче необходимо особенную за святаго Предтечу, особую за святыхъ Пророковъ, особую за святыхъ Апостоловъ, особенныя и за прочихъ великихъ Святыхъ. Но такъ какъ ни по какимъ древнимъ книгамъ сего не положено, но за всѣхъ Святыхъ приносится единая просфора, то достаточно единой и за всѣхъ православныхъ Христіанъ.

Подумайте лучше, для чего Господь нашъ уставилъ сію тайну? — Не для того ли, чтобы мы, питаясь его тѣломъ и кровію, связаны были единымъ духомъ любви и согласія? а вы сей бо-

жественный союзъ разрываете; Христосъ собираетъ, вы расточаетесь, Христосъ врачуетъ, вы же не пріемлете дражайшее врачевство. Или думаете, что премилосердый Спаситель нашу вѣру отвергнетъ за то только, что у насъ на жертвенникѣ пять, а не семь просфоръ? По истинѣ пріятнѣе ему наша любовь и согласіе, нежели сто и тысяча просфоръ безъ любви. Посмотрите, до какого бѣднаго состоянія вы себя довели: ревнуя по семи просфорахъ вы и одной не имѣете, и потому остаетесь безъ св. причастія, безъ небесной пищи и подкрѣпленія духовнаго; но святая Церковь молитъ своего Спасителя, дабы онъ просвѣтилъ внутреннія ваши очи. Симъ кончимъ разсужденіе о главныхъ разногласіяхъ, хотя и мнимыхъ, которыми насъ упрекаете. Скажемъ и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, которыя вамъ кажутся соблазнительными, для успокоенія вашей совѣсти.

Смущаетъ васъ, что при крещеніи и вѣнчаніи ходятъ у насъ не по солнцу, около купели или аналоя, а противъ солнца; на это бы и не слѣдовало отвѣчать, ибо кто столь мало разсудителенъ, чтобы сіе хожденіе вокругъ почитать за великую тайну. Христосъ приказалъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа, а о хожденіи по солнцу или противъ, ничего не сказалъ; также и Апостолы, крестившіе всю вселенную; да и нельзя имъ было сего предписать, ибо наибольше крестили въ рѣкахъ и источникахъ, гдѣ ни по

солнцу, ни противъ него ходить было невозможно; да и всѣ святые древніе Отцы о томъ не упоминали. Надобно ходить кругомъ купели, или аналоя, чтобы не нарушать обыкновеніе церковное; нельзя однако утверждать, чтобы безъ того не могли совершаться тайна крещенія и чинъ вѣнчанія, такъ какъ сіе хожденіе есть только обрядъ, а не самая тайна. Вы же крещеныхъ у насъ во имя Отца и Сына и Св. Духа у себя перекрещиваете, потому только что не ходятъ у насъ съ лѣва на право! Крещеніе есть тайна вступленія въ завѣтъ съ Богомъ; вы же сей вѣчный завѣтъ, запечатлѣнный кровію Христовою, разоряете для столь маловажной причины! — Очувствуйтесь и содрогнитесь отъ нелицемѣрнаго Судіи, и не о томъ много думайте, съ права ли на лѣво, или съ лѣва на право около купели ходить надобно, но о томъ, какъ бы обязательство, принятое въ Св. крещеніи, исполнить, и удостоиться, при страшномъ Христовомъ пришествіи, стать на правой странѣ праведныхъ, а не на лѣвой погибающихъ!

Послѣ сихъ обрядовыхъ вопросовъ, Платонъ не чуждается разсужденія и о внѣшнихъ предметахъ, потому что мнимые ревнители старой вѣры ревнуютъ и по старымъ обычаямъ; онъ объявляетъ имъ, что не сталъ бы ихъ осуждать за такую ревность, еслибы только она была по разуму, то есть, если бы защищали то, въ чемъ дѣйствительно состоитъ вѣра, или хотя бы на

чемъ основана польза отечества. Мы не будемъ за нимъ слѣдовать въ его довольно пространномъ словопреніи; не опустимъ однако благоразумнаго его замѣчанія, что до вѣры надлежитъ только то, безъ чего нельзя имѣть вѣры въ Бога и любви къ ближнему; но какое бы платье ни носить и какъ бы волосы ни стричь, можно имѣть усердіе къ Богу и никого не обижать, ибо благочестіе къ платью не пришито; можно и не по русски остриженному имѣть добрую душу, и въ русскомъ платьѣ и бородѣ быть нечестивымъ, какъ то доказываетъ много пойманныхъ душегубцевъ; гнушаться же тѣхъ, которые содержатъ единую вѣру и носятъ различное платье безразсудно; ибо отъ начала Христіанства различные были обычаи и одежды у Христіанъ, жившихъ въ разныхъ странахъ вселенной.

Знаемъ, что есть много и другихъ мелочей, о которыхъ вы спросить хотите, но главнѣйшія уже рѣшены, и если это васъ не удовольствуетъ, то что еще говорить о маловажныхъ? Однако если подлинно, безъ всякаго упорства, желаете познать истину, то можете изъяснить желаніе свое духовнымъ пастырямъ, словесно или письменно, и мы даже просимъ васъ, безъ всякаго опасенія, придти къ намъ и предложить искренно свои сомнѣнія. Будьте благонадежны, что на всѣ ваши недоумѣнія даны вамъ будутъ ясныя разсужденія со всею Христіанскою тихостію, а если совсѣмъ тѣмъ еще не удовлетворитесь, вы оста-

влены будете на волю судебъ Божіихъ, ибо къ познанію истины никого силою принудить нельзя, и дѣло обращенія человѣческаго сердца есть дѣло самого Духа Святаго.

Вы жалуетесь на гоненія, что вамъ не даютъ собираться на службу Божію и посылаютъ команды, дабы васъ разсѣять; но это не истинно: не для того посылаютъ команды, чтобы васъ за вѣру мучить, а для того, что вы, убѣгая въ лѣса, даней не платите и царской службы не служите, оставляя домы свои и землю и родныхъ, и васъ хотятъ возвратить къ общему порядку всѣхъ вѣрноподданныхъ. Притомъ многіе бываютъ по дорогамъ разбои и бѣглые скрываются въ лѣсахъ, какъ и въ нынѣшнемъ году (1761) оказалось, что нѣкоторые вѣры вашей сообщники ворвались въ Новгородскій Зеленецкій монастырь, поругали въ немъ святыню и сами сожглись. И то достойно вниманія, что главный сего дѣла зачинщикъ, хотя въ числѣ прочихъ сжегъ и родную сестру свою и мать, ради мнимаго благочестія, однако самъ не бросился въ огонь, и когда допрашиванъ былъ, почему съ прочими не сгорѣлъ? — отвѣчалъ только: «согрѣшилъ окаянный»! Вотъ какимъ вы послѣдуете обольстителямъ и въ мученіи оканчиваете жизнь, но ни за Христа, ни за вѣру! — Напрасно оскорбляетесь и тѣмъ, что васъ зовутъ раскольниками? Не вы ли сами повсюду ругаете насъ и смущаете совѣсть простаго народа? И тѣ изъ васъ, которые не бѣгутъ въ

лѣса, но остаются посреди насъ, гнушаются нами, какъ Татарами, чуждаясь всякаго общенія въ пищѣ, разбивая сосуды, въ которыхъ мы пили, какъ оскверненные, вымывая и выскребая мѣста, гдѣ мы сидѣли. Такое ожесточеніе ваше есть настоящая причина, что вы называетесь раскольниками, т. е. отдѣлившимися отъ общества. Бросьте сей ненавистный духъ, и строптное изгладится!—Вспомните слова Апостола Павла, вы, столько опирающіеся на старые обряды и обычаи: «аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣнящи или кимвалъ бряцаяй; и аще раздамъ вся имѣнія моя и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никакая польза ми есть» (1 Корин. XIII, 13). Еслибы вы сохраняли такое ученіе апостольское, не стали бы столь жестоко отлучаться отъ Церкви и ненавидѣть Христіанъ за то только, что нѣкоторое находите несходство, не въ догматахъ вѣры, но въ обычаяхъ, обрядахъ и словахъ!

«Чадца моя, ими же, по слову апостольскому, паки болѣзную; дондеже вообразится въ васъ Христосъ, течасте добре, кто вамъ возбрани непокорятися истинѣ»? (Гал. IV, 19; V, 7). Дѣти мои заблуждающіяся, презрите ли и еще сей гласъ, сладчайшій гласъ призывающей васъ Церкви? — доколѣ будете привязаны къ прелестямъ своихъ толковъ? — Мы васъ призываемъ къ единой, святой, Соборной и Апостольской Церкви; а

вы прельщаете простыхъ людей идти къ вашимъ толкамъ. Но скажите, къ которому изъ нихъ пристать? — всякой толкъ говоритъ, что въ немъ содержится Церковь, и одинъ проклинаетъ другой. Если пристать къ поповщинѣ, будетъ насъ проклинать безпоповщина, и наоборотъ; если къ перекрещивающимся, будутъ проклинать неперекрещиванцы; и къ какому бы толку ни пристали, не избѣжимъ проклятія отъ другихъ. Видите ваши заблужденія и постыдитесь: вы призываете къ разнымъ толкамъ, а мы, или паче Духъ Святый, призываетъ васъ къ единой Православной Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины. И что препятствуетъ вамъ на сіе небесное призваніе согласиться? — пусть только каждый изъ васъ самъ въ себѣ скажетъ: «милосердый Владыко! доколѣ буду дѣйствіямъ благодати твоея сопротивляться? готово сердце мое, готово! азъ рабъ твой и сынъ рабыни твоея! Причти мя къ избранному твоему стаду и отъ козней діавольскихъ покрой мя, подъ крилами святыя твоея Православныя Церкви»! Сими словами совершилось бы все дѣло спасительнаго обращенія вашего и коликой радости исполнили бы вы и насъ и всю землю!

На концѣ же сего увѣщанія приложенъ былъ и самый чинъ церковный, какъ принимать приходящихъ изъ раскола въ соединеніе съ православною Церковію, вмѣстѣ съ молитвою о соединеніи.

XVIII.

Водвореніе раскола въ Москвѣ; Преображенское кладбище.

Не вдругъ однако принесло спасительные плоды свои пастырское увѣщаніе Митрополита Платона; они оказались только въ послѣдствіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ бѣдственный случай водворилъ въ Москвѣ обѣ вѣтви раскола, поповщину и безпоповщину, на основаніяхъ, которыя сначала казались благовидными (*). Въ 1771-мъ году проникло въ Москву страшное моровое повѣтріе и свирѣпствовало съ такою силою, что отъ всеобщаго унынія произошли общественные безпорядки. Когда еще не такъ сильна была язва, правительство принимало возможныя мѣры для учрежденія больницъ и карантиновъ, въ раз-

(*) Полн. ист. извѣст. о раск. Ч. II, стр. 24.

ныхъ частяхъ города. Этимъ воспользовались жители отдаленныхъ предмѣстій, принадлежавшіе къ расколу, и предложили съ своей стороны, устроить, близь Преображенской и Рогожской заставы, собственныя больницы для заболѣвавшихъ изъ ихъ общества, и посреди общаго смятенія, не было обращено довольно вниманія на всю хитрость ихъ предложенія.

Такъ какъ они просили подъ видомъ усердія къ отечеству и любви къ ближнему, а между тѣмъ всѣ новоустроенные казенные карантины наполнены были зараженными, то и позволено было Θедосѣевской сектѣ устроить для себя карантинный домъ съ кладбищемъ, у землянаго вала, при рѣчкѣ Хапиловкѣ, въ селѣ Преображенскомъ, на собственномъ иждивеніи, а Поповщинѣ, въ то же время и на тѣхъ же условіяхъ, въ Рогожской ямской слободѣ. — Однако бдительный пастырь, Архіепископъ Московскій Амвросій, оказавшій ревность свою къ Церкви, обновленіемъ обители Новаго Іерусалима, какъ только услышалъ о такихъ замыслахъ, рѣшился воспротивиться предпріятію, отъ котораго предвидѣлъ горькія послѣдствія; но за то, по словамъ протоіерея Охтинскаго, Андрея Іоаннова, поднесена была ему, отъ Θедосѣевскихъ рукъ, смертная чаша, которую, какъ всякій знаетъ, испилъ невинный страдалецъ (*). Они воспользовались неудо-

(*) Часть II, стр. 25.

вольствіемъ народнымъ за то, что Святитель велѣлъ снять въ городѣ, съ Варварскихъ воротъ, икону Богоматери, при которой было чрезвычайное сходбище, опасное во время мороваго повѣтрія. Раздраженная чернь устремилась въ Донскую обитель, куда удалился преосвященный Амвросій, и проникла въ самую церковь, повсюду отыскивая свою жертву. Архіепископъ скрылся на верхнія хоры за иконостасомъ, но одинъ мальчикъ увидѣлъ край его одежды и неистовые дерзнули совлечь пастыря съ вершины хоръ; въ самой церкви совершилось бы злодѣяніе, если бы иноки не убѣдили ихъ не проливать невинной крови, во святынѣ храма. Страдальца извлекли изъ южныхъ вратъ обители и побили камнями, какъ будто въ удовлетвореніе злобѣ народной, но собственно по частной враждѣ къ нему отступниковъ Церкви. Главнымъ двигателемъ былъ Московскій купецъ Петръ Юршевъ, толка поповскаго, получившій въ послѣдствіи достойное наказаніе, а первый изъ убійцъ, который поднялъ руку на Святителя, былъ Ѳедосѣевской секты Иванъ Дмитріевъ. Такъ совершилось преступленіе, неслыханное въ лѣтописяхъ Церкви Россійской, которая всегда была исполнена уваженія и любви къ своимъ Архипастырямъ, и таковы были дѣйствователи сего ужаснаго злодѣянія.

Не болѣе 20-ти дворовъ Ѳедосѣевцевъ находилось въ Москвѣ, при основаніи ихъ богадѣльни; секта Поморская была многолюднѣе и значитель-

нѣе въ столицѣ, но первые имѣли случай быть долго подъ руководствомъ искуснаго человѣка, который далъ имъ преимущество надъ всѣми другими толками, принадлежавшими безпоповщинѣ. Это былъ Московскій купецъ, Илья Алексѣевъ Кавылинъ, который имѣлъ свою усадьбу на Хапиловскомъ прудѣ, гдѣ перекрещивались Ѳедосѣевцы, и большіе кирпичные заводы въ окрестностяхъ столицы; онъ поставлялъ кирпичь въ Москву на многія постройки, чрезъ что вошелъ въ обширное знакомство съ людьми почетными. Товарищемъ его былъ также богатый купецъ, Ѳедоръ Зенковъ, который завелъ первыя суконныя фабрики въ Москвѣ, но онъ далеко не пользовался вліяніемъ Кавылина, хотя и помогалъ ему денежными средствами. Оба чрезъ посредство своихъ связей, исходатайствовали дозволеніе устроить у себя карантинъ съ кладбищемъ и немедленно приступили къ дѣлу; пріобрѣтя въ наймы землю у крестьянъ сосѣдняго села Черкизова, поставили они свою заставу, дабы никто не миновалъ ихъ шалашей, по Владимірской и другимъ ближайшимъ дорогамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы бѣжавшіе изъ столицы не распространяли заразы по окрестностямъ (*).

Тутъ истощаемы были всѣ возможныя средства для совращенія приходившихъ, волею или неволею, подъ ихъ кровы; распустили молву,

(*) Часть II, стр. 26, 27, 28.

что въ ихъ карантинѣ лучше содержаніе нежели въ казенныхъ, и старались дѣйствительно пропитывать голодныхъ и успокоивать болящихъ, хотя сообщеніе съ чумными умножало заразу и цѣль карантина была утрачена, но они стремились совсѣмъ къ иной цѣли. Многочисленныя кадки разставлены были во всѣхъ шалашахъ и, обуреваемыхъ страхомъ смерти, убѣждали перекрещиваться новые ихъ наставники, обѣщая за то царство небесное; нѣкоторые соглашались добровольно, другихъ погружали въ воду уже при послѣднемъ издыханіи, чтобы только умножить число именъ въ своемъ согласіи, а между тѣмъ и не безмездно радѣли о ихъ успокоеніи. Въ часъ смертный перекрещиванцы жертвовали всѣмъ имуществомъ своимъ благодѣтелямъ, а нѣкоторыхъ даже и не спрашивали о согласіи, и сто лошадей, которыхъ содержалъ Кавылинъ, для перевозки кирпича, употреблены были, при остановившихся работахъ, на другое занятіе: довѣренные извощики его толка ѣздили по опустѣвшимъ улицамъ столицы, въ оставленные дома новыхъ приверженцевъ раскола, и возами забирали въ нихъ все имущество умершихъ или даже еще живыхъ въ шалашахъ Ѳедосѣевскихъ; такимъ образомъ, въ короткое время, чрезвычайнымъ богатствомъ наполнились кладовыя Зенкова и Кавылина.

Съ уменьшеніемъ заразы и умноженіемъ прихожанъ, начали помышлять о устройствѣ обители

изъ бывшаго карантина, и общимъ согласіемъ, избранъ былъ настоятелемъ Кавылинъ; шалаши замѣнены деревянными избами и опустѣвшіе дома столицы послужили для матеріаловъ; ихъ ломали безпрепятственно и перевозили на пріобрѣтенную землю, тѣми же лошадьми Кавылина, которыя въ началѣ свозили къ нему имущества; — въ короткое время соорудилась пространная обитель безпоповщины, на одномъ изъ концовъ пространной столицы, для новой общины Ѳедосѣевской, о которой не было и слуха до мороваго повѣтрія. Настоятель обращалъ собранную имъ богатую утварь въ слитки серебра, и расходовалъ ихъ для устройства общины. Прежде всего онъ озаботился постройкою харчевыхъ палатъ или трапезы, со всѣми ея принадлежностями, дабы вѣрный кусокъ хлѣба привлекалъ всегда новыхъ прихожанъ; потомъ занялся сооруженіемъ обширной молельни, съ двумя клиросами, которую украсилъ древними иконами; многія изъ нихъ найдены были въ опустѣвшихъ домахъ его приверженцевъ, но самыя замѣчательныя пріобрѣтены, не весьма чистыми средствами, изъ бывшей церкви Св. Анастасіи, что на Неглинной, близь которой имѣлъ свои погреба Кавылинъ, и онъ распустилъ молву, будто бы иконы сіи пріобрѣтены были изъ Успенскаго собора.—Женская половина молельни отдѣлена была стеклянными дверьми отъ мужеской, а для вновь приходящихъ устроили особыя мѣста съ

боковъ, откуда бы могли, не сообщаясь ни съ кѣмъ, видѣть всю службу и слышать суетное толкованіе наставниковъ, о кончинѣ міра и скоромъ будто бы пришествіи антихриста, которымъ смущали сердца неопытныхъ (*).

Желая придать общинѣ своей видъ монастырскій, Кавылинъ самовольно переименовалъ ее монастыремъ, строго запретивъ называть иначе, и озаботился дать нѣкоторый внѣшній порядокъ людямъ всякаго званія, дабы хотя нѣсколько община походила на обитель; вмѣсто колокола повѣсили желѣзную доску близь молельни, и такъ созывали братію ежедневно къ вечерни, утренни и часамъ, послѣ которыхъ пѣли панихиду за усопшихъ во время мороваго повѣтрія. По окончаніи службы мужеское отдѣленіе, въ предшествіи иконы, отправлялось въ трапезу, при пѣніи псалма, и наставникъ читалъ молитву съ поклонами. Пища была положена монашеская и во все время обѣда происходило чтеніе. Женщины не участвовали въ общей трапезѣ, ни даже на молитвахъ, и потому возникъ ропотъ; дабы успокоить женщинъ, устроили имъ особую молельню, въ которой наставники поочередно отправляли службу, и водворили тамъ такой же порядокъ, какъ и у мущинъ; надзоръ надъ женщинами порученъ былъ казначею общины, Николаю Денисову, который имѣлъ домъ по сосѣдству и торговалъ рогатымъ скотомъ.

(*) Часть II, стр. 30.

Мужеская и женская общины раздѣлены были только стѣною и составляли какъ бы два монастыря, одинъ подлѣ другаго. Живущимъ въ оныхъ дана была и особая одежда, отличавшая ихъ отъ приходившихъ богомольцевъ; нетрезвость взыскивалась съ большою строгостію, но мало было обращено вниманія на другаго рода безпорядки, какіе возникли отъ смежности обѣихъ общинъ и съ годами умножилось число такъ называемыхъ воспитанниковъ, которые свободно принимались въ ту и другую. Изъ сихъ воспитанниковъ, обученныхъ по всѣмъ правиламъ раскола, возникло настоящее сѣмя Ѳедосѣевское, которое укрѣпило ихъ секту, весьма слабую послѣ мороваго повѣтрія. Тогда еще многіе изъ числа принятыхъ, страха ради, подъ сѣнь Кавылина, хотѣли возвратиться въ свои домы и взять обратно имущество; но хитрый наставникъ волею и неволею, убѣждалъ ихъ: что однажды принесенное Богу уже не возвращается въ міръ, и внушалъ женатымъ нечестивыя понятія о грѣховности брачныхъ узъ посреди житейской суеты; между тѣмъ выгоды и свобода жизни внутри общины, удерживали въ ней менѣе совѣстливыхъ и привлекали праздныхъ: такъ укрѣпилось мало по малу гнѣздо раскола въ столицѣ.

Кромѣ неблагопріятныхъ толковъ о Церкви Православной и ея таинствахъ, и о скоромъ пришествіи антихриста, о которомъ послѣдователи Ѳедосѣевскіе повсюду распространяли молву, Ка-

вылинъ старался всячески отдалять своихъ приверженцевъ отъ общенія съ православными: за покупаемую на торгу пищу опредѣлилъ полагать по сту поклоновъ, и всякій сосудъ открывать, для очищенія молитвеннаго отъ нечистоты тѣхъ, у кого купленъ; въ изразцахъ печей провертывали дыры, дабы удобнѣе сходила благодать, по ихъ мудрованію, на приготовляемую яству; такія строгости отчуждали Ѳедосѣевцевъ отъ самихъ Поморянъ. Чужимъ иконамъ не покланялись они и принимали ихъ только отъ руки своихъ иконописцевъ; строго запрещено было ходить въ общественныя бани и за нарушеніе сего возлагалась эпитимія; Хапиловскій прудъ, подлѣ общины, назывался Іорданомъ и въ немъ, въ ночное время, перекрещивали поступавшихъ въ ихъ согласіе.—Удалившись такимъ образомъ отъ истиннаго ученія Церкви, предались они произволу своихъ руководителей, болѣе озабоченныхъ жизнію мірскою, нежели духовною (*).

Чувствуя однако недостатокъ въ болѣе прочномъ уставѣ монастырскомъ, древле отеческомъ, какъ они его называли, наставники новой общины Ѳедосѣевской рѣшились, съ общаго приговора, не смотря на всю свою ненависть къ Поморянамъ, искать у нихъ сего устава, составленнаго знаменитымъ учителемъ Андреемъ Денисовымъ, въ скиту Выгорѣцкомъ. Самъ Илья Кавы-

(*) Часть II, стр. 32, 33.

линъ, какъ первый сего дѣла зачинщикъ, отправился, съ нѣкоторыми отборными послушниками, на всю четыредесятницу, въ Поморье и тамъ тщательно осмотрѣлъ весь порядокъ скитскій и испросилъ себѣ списокъ съ устава. Поморяне не только не отказали въ томъ непріязненному обществу, но даже гордились, что гордые и строгіе Ѳедосѣевцы, называвшіе ихъ отступниками, сами вынуждены были къ нимъ обратиться, чтобы заимствовать отъ нихъ образъ жизни. Но не смотря на то, при всей благосклонности Поморянъ, Илья Кавылинъ такъ строго охранялъ себя отъ ихъ общенія, что никогда не раздѣлялъ съ ними ни молитвы, ни пищи, и даже воду изъ Поморскаго колодца не иначе доставалъ, какъ своимъ почерпаломъ. Такимъ страннымъ образомъ перешелъ уставъ, изъ Поморскихъ дебрей въ новоустроенное кладбище Ѳедосѣевское и непонятно, какъ согласить такое взаимное отчужденіе съ принятіемъ единаго устава.

Правила Поморскія не могли однакоже быть совершенно примѣнены къ общинѣ Ѳедосѣевской, потому что Даниловскіе раскольники, хотя и чуждались брачнаго состоянія, но не смотрѣли съ такимъ ожесточеніемъ на вступавшихъ въ супружество. Хитрый Кавылинъ предвидѣлъ и то, что бракъ можетъ послужить когда либо, для его послѣдователей, сближеніемъ съ Церковью, ибо въ ней должны они вѣнчаться, и тѣмъ рѣшительнѣе

отвергалъ оный въ своемъ согласіи, какъ бы нѣкую скверну; но съ тѣмъ вмѣстѣ снисходительно смотрѣлъ на распутный образъ жизни своихъ прихожанъ, потому что не имѣлъ возможности требовать отъ всѣхъ воздержанія. Онъ повѣрилъ свою тайную мысль одному изъ закоснѣлыхъ наставниковъ своего толка, Петру Ѳедорову, который весьма долго проживалъ на Вѣткѣ и въ слободахъ и, привлеченный молвою къ новой общинѣ Московской, предпочелъ въ ней остаться. Сей послѣдній предложилъ Кавылину принять, вмѣстѣ съ Поморскими, еще такъ называемыя Вѣтковскія правила, не поповщины, но собственно Ѳедосѣевцевъ, жившихъ за границею по сосѣдству Вѣтки. Постановленія сіи пользовались большимъ уваженіемъ, и совершенно примѣнены были къ быту одичавшихъ въ лѣсахъ отшельниковъ Ѳедосѣевскаго толка, которые ихъ составили, съ особенною строгостію, для мірянъ, чтобы вновь приходившіе въ ихъ согласіе изъ Россіи не вступили какъ нибудь въ общеніе съ другими толками или съ Церковью.

Петръ Ѳедоровъ отправился за сими правилами въ слободы Черниговскія и, по возвращеніи въ въ Москву, встрѣченъ былъ съ особеннымъ торжествомъ, за оградою общины, Кавылинымъ со всѣмъ братствомъ, для того чтобы придать болѣе важности новому уставу Ѳедосѣевскому; служили молебенъ и, по громогласномъ чтеніи правилъ, всѣ прикладывались ко кресту, съ обязатель-

ствомъ соблюдать ихъ. Этотъ самый Петръ Ѳедоровъ былъ въ послѣдствіи поставленъ въ общинѣ Ѳедосѣевской, собравшейся въ Петербургѣ, наставникомъ, на мѣсто безграмотнаго старика, который долго правилъ ею и службу отправлялъ безъ церковныхъ книгъ, по одному псалтирю (*). Московцы, собравъ у себя въ часовнѣ всѣхъ своихъ единомышленниковъ, воспользовались жалобою Петербургскихъ жителей на корысть и невѣжество ихъ наставника, и потребовали ихъ наставника къ себѣ на судъ, хотя нѣкоторые утверждали, что онъ такому суду не подлежитъ, будучи поставленъ въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ. Однако Московцы привели подъ всѣ статьи своего приговора, соборныя правила изъ Кормчей книги, относящіяся къ Епископамъ и священникамъ, хотя сами ихъ чуждались, и Кавылинъ отправился въ сѣверную столицу, чтобы силою водворить Петра Ѳедорова, и чрезъ то подчинилъ своему вліянію Петербургскую общину.

Съ особеннымъ искуствомъ умѣлъ Кавылинъ распространять свое вліяніе между единомышленниками. Пользуясь расположеніемъ нѣкоторыхъ вельможъ, которые неосторожно его принимали съ радушіемъ, не подозрѣвая его коварства, онъ нарочно посѣщалъ ихъ, въ сопровожденіи двухъ или трехъ своихъ приверженцевъ, чтобы могли видѣть какъ съ нимъ обращаются сановники.

(*) Часть II, стр. 36, 37.

Самъ онъ не строго соблюдалъ налагаемыя имъ строгости усиленнаго поста и молитвы, на принадлежавшихъ къ его согласію, но никто изъ нихъ не хотѣлъ сему вѣрить. Когда же явно ему случалось нарушать строгое запрещеніе Вѣтковскаго устава и сообщаться съ внѣшними на пиршествахъ, которыя имъ давалъ изъ видовъ житейскихъ, то послѣдствія такого нарушенія падали не на того, кто нарушалъ правила, но на его же простодушныхъ послѣдователей. Обыкновенно послѣ такой трапезы, за которою Кавылинъ не воздерживался ни отъ какого яства или напитка, онъ созывалъ свою паству и со слезами представлялъ себя предъ нею въ видѣ жертвы: «вотъ братія, говорилъ онъ, какое тяжкое понесъ я испытаніе ради вашего блага, сообщившись съ Никоніанами; помолитесь, для очищенія невольнаго грѣха за васъ подъятаго», и онъ тутъ же налагалъ за себя, по нѣсколько сотъ поклоновъ, на всю свою общину.

Кавылинъ однако не забывалъ и собственныхъ выгодъ: онъ предложилъ выстроить, изъ кирпича своихъ заводовъ, за обыкновенно получаемую имъ цѣну, каменную хлѣбню и келарню съ двухъ-этажною больницею, въ большомъ размѣрѣ, которая еще доселѣ существуетъ. Между тѣмъ старался устроить внутренній порядокъ своей часовни, выписалъ пѣвчихъ и чтецовъ изъ Стародубовскихъ слободъ, допуская и женскіе голоса для полноты хора, и завелъ училище, гдѣ обу-

чали уставному письму. Многихъ совратилъ онъ изъ Черкизовскихъ крестьянъ, чтобы воспользоваться ихъ землею, на которой стояла община, и укрывательствомъ бѣглыхъ умножилъ число своихъ прихожанъ, потому что всякаго званія люди свободно у него принимались, а торговцы, нуждавшіеся въ денежномъ пособіи, могли получать у него выгодныя ссуды для поддержанія своей торговли: такими средствами пріобрѣлъ нѣсколько купеческихъ домовъ, принадлежавшихъ искони къ православію, которые разбогатѣли съ помощію Кавылина и сдѣлались въ послѣдствіи опорою его общества. Однако всѣхъ своихъ прихожанъ, не только въ общинѣ, но и въ частныхъ домахъ, старался подчинить правиламъ своего устава, чтобы утвердить свое вліяніе чрезъ единство образа ихъ жизни.

При частыхъ своихъ поѣздкахъ въ Петербургъ, умѣлъ онъ и тамъ привлечь къ себѣ зажиточныхъ подрядчиковъ и купцевъ: съ общаго согласія положено было, для лучшаго устройства Ѳедосѣевской общины, назначить въ Москвѣ, какъ въ средоточіи, чрезъ каждые три года собраніе главныхъ наставниковъ, не только изъ обѣихъ столицъ, но изъ другихъ городовъ, гдѣ только находилась ихъ секта. Имя Кавылина было извѣстно во многихъ мѣстахъ и въ одной Москвѣ считалось у него до 3000 прихожанъ, изъ числа коихъ 500 человѣкъ, обоего пола, находили себѣ помѣщеніе на такъ называемомъ

кладбищѣ. По его приглашенію собирались настоятели различныхъ общинъ изъ Ярославля, Суздаля, Тулы, Зимогорья, Краснаго Холма, Пскова и Риги, чтобы снискать его покровительство. Но Владимірцы, имѣвшіе у себя наставникомъ монаха, по имени Тарасія, сперва отказались придти; однако Кавылинъ послалъ къ нимъ своего повѣреннаго Петра Кузьмина, чтобы уговорить ихъ быть въ согласіи съ обществомъ. Прочіе же всѣ раболѣпно ему повиновались; онъ принималъ ихъ весьма важно, сидя на креслахъ и каждый изъ нихъ клалъ предъ нимъ по семи земныхъ поклоновъ. Великолѣпіе его часовни и порядокъ службы прельщали гостей, которымъ было внушаемо, что въ Москвѣ только они могутъ изучить истинные обряды и правила Христіанства. Нѣкоторымъ изъ иногородныхъ давалъ онъ отъ себя наставниковъ и пѣвчихъ, которые образовались на Московскомъ кладбищѣ, и снабжалъ своимъ уставомъ, при крестномъ цѣлованіи, чтобы они всѣ единодушно стояли за главную ихъ общину, всѣми средствами ей помогали и были всегда послушны ея требованіямъ. Можно судить, до какой степени возрасло вліяніе сего кладбища на всѣ прочія общины, при такомъ дѣятельномъ настоятелѣ, въ продолженіи сорокалѣтняго его управленія; она сдѣлалась средоточіемъ Ѳедосѣевскаго толка и ему должны были уступить первенство Поморскія общины, ибо они не могли дѣйствовать столь успѣшно, изъ глуби-

ны своихъ лѣсовъ, и послѣ Андрея Денисова упало ихъ вліяніе на прочіе толки безпоповщины (*).

XIX.

Рогожское Кладбище.

Въ одно время съ Өедосѣевцами не упустили благопріятнаго случая и державшіеся поповскаго толка, чтобы также устроить себѣ подъ скромнымъ именемъ кладбища и богадѣльни, цѣлый монастырь, съ обширными зданіями и великолѣпною молельнею, въ видѣ церкви, которая превзошла Преображенскую часовню (**). Это было весьма естественно, потому что Илья Кавылинъ создалъ изъ ничего свою общину въ Москвѣ, между тѣмъ какъ въ столицѣ уже находилось довольно людей, приверженныхъ къ поповщинѣ, и они имѣли гораздо болѣе средствъ для устройства

(*) Рук. запис. о Преображенскомъ кладбищѣ.

(**) Полн. изв. Ч. IV, стр. 48, 49.

обители. Главная ихъ часовня сооружена была во имя Покрова Богоматери, на память Вѣтковской церкви, потому что въ началѣ Московцы держались согласія Стародубовскихъ. Мы даже видимъ въ первые 9 лѣтъ существованія общины, полное собраніе ихъ старцевъ, соединившихся въ Москвѣ изъ Стародуба, Керженца и Иргиза, для разрѣшенія одного важнаго для нихъ вопроса, который возникъ по самочинію Московскихъ расколоучителей. Мало по малу ихъ часовня, по значенію и богатству своихъ прихожанъ, большею частію сословія купеческаго, сдѣлалась главою и средоточіемъ всей поповщины, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Преображенская привлекла къ себѣ безпоповщину. Въ краткое время собралось нѣсколько сотъ жильцевъ, обоего пола, въ келліяхъ Рогожскаго кладбища, при довольномъ количествѣ бѣглыхъ поповъ, діаконовъ, монаховъ и монахинь, такъ что дѣйствительно образовалась обитель, съ уставомъ общежитія, потому что до 2000 прихожанъ поддерживали въ самой столицѣ новую общину. Но тогда еще Московцы почитали Стародубовскую обитель своею матерью, а главнаго ея настоятеля, Михаила Калмыка, своимъ отцемъ и наставникомъ, потому что онъ одинъ принималъ всѣхъ ихъ бѣглыхъ поповъ.

Не могло однако продолжаться совершенное согласіе между отпадшими отъ іерархическаго порядка Церкви, и скоро возникли произвольные

толки. Первымъ ихъ возбудителемъ былъ находившійся въ Москвѣ бѣглый священникъ, Василій Чебоксарскій, происхожденія изъ дворовыхъ людей, восхитившій степень наставника между своими единомышленниками (*). При оказавшемся недостаткѣ мура, онъ внушилъ, что можно самимъ изготовить и освятить оное безъ Архіерея: припасши для сего благовонныя масти и растенія, вмѣстѣ съ деревяннымъ масломъ, влили весь этотъ составъ въ обыкновенный самоваръ, присоединивъ къ тому частицы святыхъ мощей, и приступили къ варенію мнимаго мура. Всѣ бывшіе на Московскомъ кладбищѣ бѣглые попы, имѣя во главѣ сего Василія, участвовали въ этомъ дѣйствіи, вопреки всѣхъ каноновъ, по архіерейскому чиновнику, хотя муро не можетъ быть освящено безъ личнаго присутствія и благословенія святительскаго; самоваръ же, въ которомъ было оно варено, безъ всякаго вниманія, проданъ въ торговыхъ рядахъ, еще съ остаткомъ прилипшей къ нему благовонной масти, что возбудило общій соблазнъ. Молва о новомъ Московскомъ мурѣ быстро разнеслась по всѣмъ общинамъ поповщины. Керженскіе и Донскіе жители почти всѣ согласились принять оное, а въ другихъ городахъ иные приняли, другіе отвергали.

Но въ Стародубовскихъ слободахъ сильно во-

(*) Часть IV, стр. 50.

оружился противъ такой новизны монахъ Никодимъ и возбудилъ къ сопротивленію старшаго наставника, Михаила Калмыка; строгимъ посланіемъ обличали они Московскихъ, которые въ свою очередь столь же рѣшительно имъ отвѣчали, что если не хотятъ съ ними разрыва, пусть сами къ нимъ пріѣзжаютъ за новымъ муромъ. Наконецъ условились съ обѣихъ сторонъ соединиться для совѣщанія въ Москвѣ, чтобы въ присутствіи опытныхъ посредниковъ разсмотрѣть сіе дѣло и еще другой важный вопросъ: слѣдуетъ ли перемазывать приходящихъ отъ церкви въ ихъ согласіе? Никодимъ оставилъ намъ подробное описаніе совѣщаній, бывшихъ между обществомъ Московскимъ и Стародубовскимъ, по возникшему у нихъ несогласію, и записки его сохранились въ книгѣ протоіерея Андрея Іоаннова о раскольлахъ, которая можетъ во многихъ случаяхъ служить для раскрытія внутренняго ихъ быта (*).

Первое сѣдѣніе было Ноября 1779 года, въ домѣ Григорія Өедорова Ямщикова, и собралось на оное до 300 человѣкъ. По словамъ Никодима, въ образной комнатѣ поставлено было священное евангеліе на столѣ, устроенномъ на подобіе престола, съ возженною предъ нимъ свѣчею; ниже стоялъ судейскій столъ, еще ниже столъ бесѣдующихъ. За судейскимъ сидѣли избранные отъ всего общества медіаторы, т. е. судіи для пра-

(*) Часть IV, 53—77.

вильнаго разсужденія о существѣ пренія. Со стороны церковной (т. е. Михаила и Никодима), сидѣли Скопинскій купецъ Ефимъ Денисовъ; отъ Московскаго же общества купецъ Василій Серебряниковъ; промежду ихъ, что весьма замѣчательно, допущенъ былъ Поморскаго согласія Василій Емельяновъ. При второмъ столѣ разглагольствующихъ былъ, со стороны церковной, инокъ Никодимъ; со стороны же Московскаго общества трое: Дмитрій и Егоръ Өедоровы и Иванъ Семеновъ. И судьи и бесѣдующіе обязаны были предъ святымъ евангеліемъ, присягою, разсуждать безпристрастно, какъ бы на страшномъ судилищѣ Христовомъ. Священноинокъ, какъ бы отъ лица Церкви, Михаилъ и діаконъ Сергій, представитель діаконовщины, сидѣли оба съ правой стороны образа Христова, съ шестью иноками ихъ согласія; съ лѣвой же стороны представители Московской общины: зачинщикъ дѣла, бѣглый попъ Василій и съ нимъ еще другой, Алексѣй, съ тремя иноками. Прочіе же всѣ міряне, въ качествѣ слушателей, сидѣли или стояли вокругъ, въ ожиданіи судейскаго опредѣленія.

Первое было предложеніе: разсуждать по священнымъ правиламъ и дѣяніямъ церковнымъ, дабы не уничтожить дѣйствія первыхъ отцевъ (раскола). Посему и приступили сперва къ разсужденію: по какому закону или писанію они дѣйствовали и можетъ ли сіе быть принято соборною церковію (т. е. обществомъ раскольни-

ковъ)? (*) Разсуждали же о повторительномъ крещеніи, которое совершалось нѣкогда попами Стефаномъ и Косьмою на Вѣткѣ, надъ приходившими къ нимъ отъ Великороссійской Церкви (и уже было оставлено въ Стародубѣ), также и о повтореніи вѣнчанія брачнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; о принятіи священниковъ безъ мvропомазанія, а простыхъ міряну съ помазаніемъ, при хожденіи ихъ около купели съ воспріемниками, но безъ погруженія, и вообще о несогласіи такого образа различныхъ присоединеній между собою, о коихъ говорили, что они внѣ божественнаго писанія. На вопросъ Никодима, законны ли таковыя дѣйствія предковъ? Дмитрій Өедоровъ, съ Московской стороны, прямо отвѣчалъ: «незаконны», и весьма замѣчательно такое всенародное мнѣніе избраннаго судьею раскола. Оно записано было въ столѣ судейскомъ и положили: что опасно слѣдовать опредѣленіямъ предковъ, которыя противны правиламъ церковнымъ; посему предпочли разсуждать на основаніи божественныхъ правилъ, а не разногласныхъ обычаевъ.

Никодимъ сказалъ въ ихъ оправданіе: «если, по невѣдѣнію и ревности отцевъ нашихъ, къ древле церковному преданію, и дѣлалось что либо вопреки законовъ церковныхъ, однако, не смотря на то, буди имъ вѣчная память, яко вѣрнымъ рабамъ Божіимъ». Собравшійся народъ

(*) Часть IV, 55.

вознегодовалъ на Дмитрія Өедорова за то, что рѣшился высказать такое мнѣніе о предкахъ; посему Иванъ Дмитріевъ Хорскій, обличивъ Дмитрія какъ неблагоразумнаго, самъ сѣлъ противъ отца Никодима для словопренія, а Дмитрію велѣли судьи выдти изъ числа совѣщателей. Такимъ образомъ первое совѣщаніе расколоучителей, по церковнымъ законамъ, само собою осудило дѣйствія своихъ первыхъ наставниковъ, и это въ послѣдствіи послужило къ обращенію Никодима и другихъ ревнителей истины. Никодимъ обратился, съ тѣмъ же вопросомъ, къ Ивану Семенову, но онъ уклонился молчаніемъ, а только о перевѣнчиваніи браковъ сказалъ: что оно безгрѣшно. Никодимъ требовалъ свидѣтельства изъ дѣяній церковныхъ, и совопросникъ его указалъ на книгу Саввы, Архіепископа Сербскаго, который будто бы велѣлъ перевѣнчивать вѣнчанныхъ отъ Латинъ; но инокъ обличилъ ложь такого свидѣтельства, хотя и упирался купецъ, будто бы оно находится въ книгѣ, а книги тутъ не было, посему и дано было ему сроку до предбудущей недѣли для доказательства, и все сіе записано въ судейскомъ столѣ. Такъ кончилось первое засѣданіе перемазанцевъ Московскихъ съ непринимавшими ихъ помазанія Стародубовцами, и подобныя засѣданія продолжались до трехъ мѣсяцевъ.

На второмъ собралось до 200 человѣкъ и все происходило тѣмъ же порядкомъ: разсуждали о

перекрещиваніи и перемазаніи, и опять ничего не рѣшили. Но на третьемъ засѣданіи, недѣлю спустя, противники Стародубовскихъ уже не хотѣли ни налоя съ евангеліемъ и присяги, ни стола судейскаго, а требовали чтобы противъ Никодима спорили 6 человѣкъ, такъ какъ онъ былъ силенъ въ писаніяхъ и обличалъ ихъ. Тогда только рѣшились продолжать начатое словопреніе и хотѣли доказать ему, что и послѣ вторичнаго мvропомазанія священники могутъ сохранять свое достоинство (*). Но Никодимъ напротивъ представилъ свидѣтельство учителей церковныхъ, изъ 37-й главы Кормчей книги, листъ 292: что послѣ мvропомазанія клирики изъ еретиковъ необходимо должны были получать новую хиротонію, потому что они пріемлются за простыхъ мірянъ, и многіе съ нимъ согласились, что послѣ вторичнаго крещенія и помазанія, священникъ теряетъ свое достоинство.

Четвертое засѣданіе еще болѣе убѣдило Московскихъ и преклонило ихъ на сторону Никодима; но одинъ изъ судей, Иванъ Семеновъ Хорскій, поставленный на мѣсто удаленнаго Дмитрія Ѳедорова, хотя и ничего не могъ представить вопреки, однако продолжалъ упорствовать. На пятомъ засѣданіи болѣе отчетливо были изложены три главныя причины разногласія между Стародубовскимъ и Московскимъ обществами, какъ

(*) Часть IV, стр. 59.

то: о разногласномъ въ различныя времена пріемѣ священниковъ и мірянъ, о повторительномъ принимании Московскими, приходящихъ съ Вѣтки, и о мурѣ, вопреки церковныхъ правилъ, сваренномъ на Московскомъ кладбищѣ. Стародубовцы ясно доказывали, что всѣ дѣйствія Московскихъ перемазанцевъ противны церковному уставу и что слѣдуетъ принимать, съ однимъ лишь отреченіемъ отъ заблужденій. Это было въ началѣ декабря и Московцы усердно просили Стародубцевъ остаться до праздника Рождества Христова, потому что ожидали пріѣзда своихъ единомышленниковъ, изъ другихъ предѣловъ Россіи, для соборнаго по ихъ мнѣнію разсужденія.

Когда однако собрались на шестое засѣданіе, предъ самымъ Рождествомъ, прибывшіе въ Москву, Матѳей и Іаковъ Галицкой съ Керженца, и Сергій инокъ съ Иргиза, съ прочими старцами, то вмѣсто благочиннаго собранія, отъ шума и вопля, едва могли слышать другъ друга. Сперва читали посланія изъ Керженца и Городца, къ отцу Михаилу Калмыку, убѣждавшія его слѣдовать древнему будто бы обыкновенію отеческому, т. е. чтобы приходившіе изъ Великороссійской Церкви помазывались муромъ, а старца Никодима не слушать и какъ противника отлучить отъ Церкви. Потомъ прочли особое посланіе, изъ Стародубовской Климовской слободы къ Московскому обществу, въ коемъ обличались Михаилъ и Никодимъ, какъ отрыгнувшіе злодыхательный

еретическій ядъ на перемазываніе, со многими поносительными словами противъ Никодима. Читана была и исторія о бѣгствующемъ на Керженцѣ священствѣ, веденная отъ временъ Никона Патріарха, которую списалъ своеручно инокъ Іона Курносый, присутствовавшій на соборищѣ: будто бы Епископъ Павелъ Коломенскій приказывалъ, чтобы священниковъ принимать изъ Великороссійской Церкви, подъ муропомазаніе, а послѣ того священство не снимается. — Никодимъ спросилъ читавшаго: кѣмъ писана исторія? и когда указали ему на Іону, спросилъ его самого: онъ ли дѣйствительно писалъ ее?—Азъ грѣшный, отвѣчалъ Іона. Тогда опять началъ его допрашивать: сами ли вы изволили видѣть священнострадальца Павла Коломенскаго и слышать приказанія его изустно, или отъ кого либо инаго слышали, и съ какого либо списка списали? При такихъ затруднительныхъ вопросахъ нѣкоторые старались, шумными рѣчами, отвлечь Никодима отъ смущеннаго Іоны, укоряя допросителя названіемъ приказнаго; но старецъ не отступалъ отъ Іоны, возражая тѣмъ, которые хотѣли дать за него отвѣтъ: не свойственно вамъ отвѣчать за присутствующаго на соборѣ, писателя сей исторіи.

Наконецъ допущенъ былъ Никодимъ до собесѣдованія съ Іоною и тотъ вынужденъ былъ ему сознаться, что не былъ самовидцемъ и не слыхалъ изустно приказаній отъ Епископа Павла, но списалъ недавно сію исторію съ готовой кни-

ги, а кто ее сочинилъ, не вѣдаетъ. Никодимъ еще желалъ знать, о какомъ святомъ Григоріи упоминается въ исторіи, отъ котораго будто бы Павелъ принялъ сію заповѣдь, столь строго переданную отъ него другимъ: Богословѣ или Двоесловѣ, или это кто иной изъ церковныхъ учителей, и гдѣ можно найти его опредѣленіе о перемазываніи? — Говоря сіе Никодимъ кланялся до земли предъ Іоною, умоляя его открыть: въ какомъ писаніи это обрѣтается? Іона безмолвно сидѣлъ потупивъ взоры. — Тогда искавшіе правды разсудили, что такое преданіе есть вымыселъ въ Керженской исторіи; но тѣ, которые хотѣли восторжествовать надъ правдою, отвѣчали съ воплями и бранію на вопросы Никодима, на что̀ однако онъ не обращалъ вниманія, лишь бы только всенародно обличалась ложь. Читавшій въ слухъ исторію думалъ оградить Іону, сказавъ Никодиму: что имя упомянутаго Григорія есть вѣроятно описка; но и его заставилъ молчать Никодимъ, говоря: что это должно болѣе быть извѣстно списателю Іонѣ, нежели ему, и если это описка, то что же должно поставить на мѣсто? Обличивъ такимъ образомъ лжеучителей, ревностный Никодимъ уже не думалъ щадить ихъ и всенародно укорялъ: что любящій лжу другъ есть діавола, отца лжи, и какъ могли пріѣхать съ такими ложными свидѣтельствами, для обольщенія Христіанъ, люди украшенные сѣдинами и даже облеченные въ иноческій образъ?

Іона и чтецъ его исторіи, не имѣя что отвѣчать, требовали чтобы Никодимъ выведенъ былъ изъ собранія. Особенно купецъ Яковъ Нероновъ настаивалъ, чтобы ему дано было переговорить съ нимъ наединѣ, потому что имѣлъ намѣреніе запереть старца или съ побоями согнать со двора. Но одинъ изъ богобоязливыхъ извѣстилъ о томъ Стародубовскихъ, предупредивъ, чтобы не отходили отъ Никодима; Никодимъ же, взглянувъ на хозяина дома Никиту Павлова, громко сказалъ ему: «не ты ли рукоплескалъ по пріѣздѣ Керженскихъ, восклицая: побѣдимъ, побѣдимъ Никодима, своими выписками? сему ли радовался? Вы только искали побѣды, а не правды разсмотрѣнія, и вотъ твердое доказательство столѣтнихъ вашихъ стариковъ, какъ паутина, разоряется?» Никита погрозилъ за то дубьемъ старцу и его вывели въ другой домъ, чтобы не произошло драки и убійства, но шумъ и крикъ не прекращались до конца засѣданія.

Недѣлю спустя опять собрались, въ домѣ Никиты Павлова, съ тѣмъ же шумомъ, но со стороны церковной, т. е. Стародубовскихъ, былъ только одинъ старецъ Пафнутій, который убѣждалъ не идти противъ рожна, но и его хотѣли выслать; однако за него вступился Никита Никифоровъ, за что опять гостепріимный хозяинъ посулилъ обоимъ дубья, и выгналъ ихъ отъ себя. Пафнутій пошелъ сказать о томъ Никодиму, который предлагалъ идти опять на собесѣ-

дованіе въ домъ Павлова, не смотря на угрожавшую опасность, или просилъ прислать къ нему на совѣщаніе Сергія Иргизскаго, потому что замѣтилъ благонамѣренность сего юноши. Однако посланному отъ него отвѣчали рѣшительно: «ни къ себѣ не зовемъ, ни къ тебѣ не идемъ», и сдѣлалась опять распря по сему случаю.

Въ послѣдній день Декабря было осьмое засѣданіе въ крестовой свѣтлицѣ Ивана Семенова Хорскаго, гдѣ присутствовали Михаилъ и Никодимъ. Хозяинъ дома Іоакимъ Васильевъ, по своему миролюбивому характеру избранъ былъ въ посредники, дабы разсужденіе происходило въ тишинѣ, на что всѣ согласились. Онъ спросилъ сперва Никодима: въ чемъ состоитъ разность? и тотъ отвѣчалъ: «въ томъ, какъ принимать священниковъ; слѣдуетъ ли ихъ помазывать мѵромъ, какъ и мірянъ, или нѣтъ? и еще о сваренномъ въ Москвѣ мѵрѣ». — Помазываютъ ли у васъ? спросилъ опять у Никодима посредникъ, и услышалъ отъ него отвѣтъ отрицательный, отъ Ивана же Хорскаго утвердительный, что должно помазывать. Здѣсь начались долгія съ обѣихъ сторонъ словопренія, и Никодимъ убѣдилъ Іоакима Васильева, что, послѣ вторичнаго помазыванія, священники лишаются священства и должны опять быть рукополагаемы въ свой санъ; слѣдственно свойственнѣе принимать безъ перемазыванія. Хозяинъ упрекалъ Ивана Хорскаго въ его опромет-

чивыхъ сужденіяхъ и упорствѣ. Въ Новый же годъ соединились опять, въ домѣ Григорья Ямщикова, и это засѣданіе было очень чинно, потому что Керженскіе не хотѣли на оное явиться. Подтверждено было, на основаніи церковныхъ правилъ, не повторять помазыванія надъ приходящими изъ Великороссійской Церкви, и отвергнуто вновь сваренное муро, какъ незаконное, и дѣйствіе сіе признано за смертный грѣхъ.

Недѣлю спустя было десятое собраніе, въ домѣ Ямщикова, и на ономъ присутствовали, со стороны Керженскихъ и Московскихъ, всѣ ихъ главные наставники: черный попъ Матвей, инокъ Іона Курносый, писатель исторіи, бѣглый попъ Василій и зажиточные купцы Игумновъ и Ѳедоровы; со стороны же Стародубовскихъ, настоятель Покровскій Михаилъ, съ четырьмя своими иноками; но Никодима тутъ не было, ибо таково было условіе Московскихъ, которые его боялись, какъ человѣка сильнаго въ словѣ и писаніи; однако разсужденіе безъ него ничѣмъ не кончилось, хотя происходило въ мирѣ. Каждый остался при своемъ мнѣніи: одни, что и послѣ вторичнаго помазыванія сохраняется священство; другіе же, что необходимо за тѣмъ вновь рукополагать. Наконецъ, 11-го Января, согласились послѣдній разъ бесѣдовать между собою, уже частнымъ образомъ, въ домѣ Ямщикова, два главные противника, купецъ Дмитрій Ѳедоровъ съ Никодимомъ, въ присутствіи тѣхъ же старцевъ. Ни-

кодимъ предложилъ вопросъ: какъ поступать съ отрекшимися волею отъ Христа, если обращаются къ святой Церкви и съ тѣми, которые обратятся изъ еретиковъ? Слушатели его убѣдились, что послѣ отверженія имени Господа Іисуса, и по вторичномъ крещеніи и помазываніи, бывшіе священниками лишаются священства; послѣ чтенія нравоученія противъ расколовъ, изъ Златоуста, всѣ разошлись. Все это извлечено протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ, изъ подлинныхъ записокъ Никодима, котораго мнѣніе какъ видно преодолѣло (*).

При отъѣздѣ изъ Москвы различныхъ наставниковъ, уже въ Февралѣ 1780-го года, Никита Павловъ, нанесшій столько оскорбленій Никодиму, просилъ Керженскаго схимника Никиту, умолить настоятеля Покровскаго Михаила, чтобы примирилъ его съ Церковью, не объясняя однако, на какихъ условіяхъ, и обѣщалъ придти къ нему съ тремя изъ купцовъ Московскихъ, какъ бы для удовлетворенія всѣхъ его желаній. Въ послѣдній разъ собрались въ домѣ Ямщикова; взошедши въ крестовую палату положили земные поклоны; но ни иноки, ни купцы Московскіе не пошли подъ благословеніе Михаила. Со стороны его было также нѣсколько старцевъ и мірянъ, безъ Никодима, который стоялъ за иконостасомъ и все слышалъ. На вопросъ Михаила: «чего ради при-

(*) Тамъ же стр. 72.

шли»? объявили: что ради мира церковнаго, и онъ отвѣчалъ: «да будетъ миръ въ согласіи церковныхъ правилъ, безъ коихъ боимся мириться, дабы не попести осужденія и не разорить догматы церковные». Такъ разсуждалъ, подъ личиною благочестія, разоритель оныхъ, отвергавшій іерархію церковную и себя ставившій въ главѣ своего общества. Видя его непреклонность, Никита Павловъ отозвалъ хозяина въ другую палату и тамъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ, увѣщевалъ его, дабы склонился на ихъ сторону, по примѣру стариковъ; но Григорій Ямщиковъ отвѣчалъ: что не всякаго старика дѣло согласно съ волею Божіею, и что опасно слѣдовать тѣмъ, которые не держатся святаго писанія.

Бесѣдуя такимъ образомъ, Павловъ увидѣлъ въ дверяхъ Никодима и пригласилъ его въ комнату. Никодимъ продолжалъ доказывать, изъ святаго писанія, что слѣдуетъ повиноваться церковнымъ учителямъ, а не старикамъ, и принимать къ себѣ въ согласіе безъ мѵропомазанія. Никита Павловъ хвалился нетлѣніемъ тѣлесъ тѣхъ, которые держались его мнѣнія, но не умѣлъ сказать Никодиму, кто именно были сіи нетлѣнные? Потомъ и Никодимъ вошелъ въ крестовую палату, гдѣ Сергій Иргизскій, съ другимъ инокомъ Лазаремъ, громогласно говорили: будто въ Покровской обители никто не согласенъ принимать безъ мѵропомазанія. Настоятель же Михаилъ, съ своими старцами, представлялъ имъ до 10-ти свидѣтелей,

что это неправда, и присовокупилъ: «если бы и всѣ отверглись, я одинъ останусь при правдѣ церковной». Никодимъ еще однажды умолялъ всѣхъ разрѣшить спорный вопросъ, о пріемѣ и новомъ мурѣ, но изъ сего только послѣдовалъ новый шумъ. Тогда вышелъ онъ въ прихожую, гдѣ Никита Павловъ, съ хозяиномъ дома, бесѣдовали о нетлѣніи будто бы мощей, на Керженцѣ и Иргизѣ. Никодимъ, вступивъ въ разговоръ, доказалъ, что такія мощи не пріемлются, ибо не свидѣтельствованы и не прославлены Церковью, и привелъ въ примѣръ истинныхъ угодниковъ Божіихъ, которые принимали обращающихся еретиковъ, съ однимъ лишь отреченіемъ отъ ихъ ереси. Онъ спросилъ, поклоняется ли имъ Никита? и если почитаетъ, почему имъ не слѣдуетъ?

Никита Павловъ сталъ опять приводить въ примѣръ стариковъ Керженскихъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ, которые видѣли, что отцы ихъ такъ принимали, на что Никодимъ отвѣчалъ: «теперь у васъ Керженскимъ старикамъ по сту лѣтъ значится, а въ Петербургъ изволили писать о такихъ, которымъ есть по сту двадцати лѣтъ, и вамъ бы такою неправдою не подобало обольщать души простыя, дабы оставляя святое писаніе послѣдовали вашимъ старикамъ». Никита Павловъ, въ бѣшенствѣ вбѣжалъ въ крестовую палату, ругая Никодима, и всѣ его единомышленники вышли на дворъ, безъ прощанія, не положивъ ни поклона, ни крестнаго знаменія,

предъ святыми иконами. — Таково было послѣднее разставаніе между мнимыми старообрядцами, послѣ столь долгихъ переговоровъ въ Москвѣ. По пріѣздѣ въ свои слободы, Михаилъ и Никодимъ еще болѣе потерпѣли отъ перемазанцевъ и едва не были ими убиты, потому что уклонившіеся въ заблужденіе не могли терпѣть ихъ обличенія, и вооружились за свой толкъ. У нихъ не было другаго отвѣта на всѣ рѣчи, какъ только: «мы самой старой вѣры послѣдователи; мы той церкви, что въ водѣ потонула, нашей вѣры нѣтъ старше». Такимъ образомъ Московцы частію отдѣлились отъ Стародубовскихъ, и въ самыхъ слободахъ возникло разногласіе; однако соборище ихъ въ Москвѣ послужило поводомъ къ единовѣрію, ибо совѣстливый инокъ Никодимъ и съ нимъ многіе другіе, убѣдились въ неправдѣ бывшихъ своихъ единомышленниковъ (*).

(*) Полн. изв. о раск. Пр. Андр. Іоан. Ч. IV, стр. 77.

XX.

Иргизскіе скиты.

Московское собраніе поповщины, чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ, особенно замѣчательно и потому, что на ономъ присутствовали представители почти всѣхъ общинъ сей главной вѣтви раскола. Но между Керженцами и Стародубовцами мы видимъ еще одну общину, о которой не было слышно прежде, Иргизскую, и Сергія инока, представителя всѣхъ ея скитовъ, недавно возникшихъ въ Заволжскихъ предѣлахъ.

Когда манифестомъ 1762 года раскольники, жившіе на Польской границѣ, обложены были двойнымъ окладомъ податей, то нѣсколько семействъ, за ихъ упорство, сосланы были въ Саратовскую губернію; тамъ они поселились въ лѣсныхъ мѣс-

тахъ, въ числѣ 120 дворовъ. Это были основатели села Балакова, которое теперь въ Николаевскомъ уѣздѣ на берегу Волги, нѣсколько выше рѣки большаго Иргиза; около 12 дворовъ поселились на этой рѣкѣ, въ урочищѣ Каменкѣ, другіе, еще выше также по Иргизу, основали село Мечетное, такъ названное отъ бывшей тамъ мечети, гдѣ въ послѣдствіи возникъ городъ Николаевскъ, и къ нимъ стали переселяться изъ другихъ губерній. Тогда образовались, въ глуши лѣсовъ, малые скиты, состоявшіе изъ землянокъ, куда начали сходиться для богомолья, но до 1770 года тамъ не было ни одной часовни и служба совершалась отдѣльно у каждаго отшельника. Въ сихъ землянкахъ укрывался нѣкоторое время, въ исходѣ 1772 года, бродяга изъ казаковъ Уральскихъ или Яицкихъ, Емельянъ Пугачевъ, получившій въ послѣдствіи столь страшную извѣстность, для всего Заволжскаго края. Если дѣйствительно нашелъ онъ себѣ тамъ соумышленниковъ, то это отчасти потому, что всѣ казаки Елецкіе и Яицкіе, были заражены расколомъ, и Пугачевъ обѣщалъ ихъ жаловать бородою и осьмиконечнымъ крестомъ (*).

Въ предѣлахъ Сибирскихъ, за хребтомъ горъ, онъ также могъ найти себѣ сочувствіе, потому что тамъ, со временъ Никона Патріарха, мнимые старообрядцы, усомнившіеся въ истинѣ Ве-

(*) Пушкинъ, Исторія Пугачевскаго бунта, часть I, гл. 2.

ликороссійской Церкви, поселились при желѣзныхъ заводахъ и на частныхъ и казенныхъ золотыхъ промыслахъ, втайнѣ сохраняя свои повѣрья; число ихъ возрасло въ продолженіи одного столѣтія до ста тысячъ человѣкъ, всякаго званія, купцовъ и мѣщанъ, крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ, которые имѣли скрытныя и явныя часовни; это было столь же сильное скопище раскола, какъ въ Керженскихъ лѣсахъ, въ Стародубѣ и на Иргизѣ. При Пугачевѣ шайки мятежниковъ проходили чрезъ Приволжскія степи и ужасъ, распространенный ихъ жестокостію, привлекъ многихъ изъ окрестныхъ селеній въ скитскія землянки, гдѣ въ послѣдствіи остались на жительство. Мало по малу образовались три главныя пристанища: недалеко отъ села Балакова въ Криволучьи, нижній монастырь; противъ Каменки средній, на Иргизѣ, и противъ Мечетнаго или Николаевска верхній Никольскій монастырь; всѣ три мужескіе; женскіе два образовались въ послѣдствіи недалеко отъ мужескихъ, за рѣкою Иргизомъ. Усилившіеся переселенцы выписали изъ Стародуба бѣглаго попа, который былъ постриженъ въ монашество подъ именемъ Іакова, настоятелемъ Покровскимъ Михайломъ Калмыкомъ, и этотъ Іаковъ устроилъ первую часовню въ верхнемъ монастырѣ, во имя Введенія Богоматери. Но главнымъ образователемъ Иргизскихъ скитовъ почитался инокъ Сергій, пріобрѣтшій, по своимъ личнымъ достоинствамъ, общее

довѣріе по всему Иргизу (*). Это былъ старшій сынъ того Московскаго купца, Петра Юршина, который показалъ себя однимъ изъ главныхъ дѣйствователей противъ Архіепископа Амвросія; оставшійся сиротою послѣ отца, съ матерью и малолѣтными братьями и сестрою, бѣжалъ Сергій въ дремучіе лѣса Московскіе, въ имѣніе Лопухиныхъ, гдѣ также поселилось много раскольниковъ, и тамъ былъ постриженъ въ одномъ изъ ихъ скитовъ.

Мѣстное начальство обратило вниманіе на чрезвычайные безпорядки новыхъ поселенцевъ и послало военную команду, чтобы захватить скитающихся между ними иноковъ; въ числѣ ихъ взятъ былъ подъ стражу и Сергій, но успѣлъ бѣжать изъ Московскаго острога въ Польшу. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, пожелалъ онъ возвратиться въ отечество, хотя въ южные его предѣлы; для большей безопасности, и при переходѣ черезъ границу, показалъ себя уроженцемъ Русскимъ, непомнившимъ родства, ни того какъ завезенъ былъ на чужбину. Онъ несъ съ собою много холста, навитаго на палки, и при распросахъ пограничной стражи показалъ, что это полотняная походная церковь, о которой просилъ, чтобы упомянуто было въ его паспортѣ. По безпечности стражей, мнимый выходецъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, и прошелъ чрезъ

(*) Рукопись Сергія о началѣ скитовъ Иргизскихъ, хранившаяся въ монастырѣ Никодима и слободахъ Стародубовскихъ.

всю Малороссію въ Саратовскую губернію, ибо слышалъ, что тамъ устроились новые скиты на Иргизѣ. Онъ избралъ для жительства Успенскій скитъ, около города Вольска, гдѣ тогда было не болѣе 20 человѣкъ, и по своему происхожденію изъ Москвы, начитанности и трезвому поведенію, пріобрѣлъ общую любовь. Къ нему скоро переселилось изъ Москвы все его семейство; недалеко отъ Успенскаго скита устроила себѣ келлію его мать, постригшаяся подъ именемъ Макрины, и около нее образовалась женская община.

Вскорѣ послѣ прихода Сергія, умеръ начальникъ скита, гдѣ онъ жилъ, и вся братія пожелала единодушно имѣть на его мѣсто новаго пришельца. Напрасно отговаривался Сергій молодостію лѣтъ, напрасно и его мать противилась такому назначенію; онъ долженъ былъ покориться общей волѣ, съ такимъ однако условіемъ, чтобы всѣ старцы дали ему присягу жить по христіански, соблюдая заповѣди церковныя, и быть у него въ совершенномъ повиновеніи. Самъ онъ написалъ для нихъ уставъ общежитія, устроивъ прежде всего общую трапезу, и по всѣмъ скитамъ разнеслась молва о молодомъ настоятелѣ Иргизскомъ; многіе желали его видѣть и начали стекаться въ Успенскій скитъ, такъ что небольшая молельня не могла уже вмѣщать богомольцевъ. Къ счастію ихъ она загорѣлась; Сергій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы испросить себѣ дозволеніе ее обновить, но вмѣсто прежней

убогой молельни, соорудилъ обширную пятиглавую часовню, съ колокольнею.

Онъ пошелъ далѣе и пріобрѣлъ себѣ, разными путями, іеромонаха и бѣглаго священника изъ слободъ Стародубовскихъ, отъ общаго начальника всей поповщины Михаила Калмыка; число посѣтителей, не скита а уже монастыря Успенскаго, какъ его называли во всей окрестности, сдѣлалось столь велико, что двое уже не могли удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Изъ числа Саратовскихъ старообрядцевъ, которые имѣли большое уваженіе къ Сергію, всѣхъ болѣе были къ нему привержены богатѣйшій купецъ Волжскій, Василій Злобинъ, и жена его Пелагея, которая въ послѣдствіи сдѣлала много вреда прежнему своему наставнику. Тогда рѣшился Сергій привести въ исполненіе давнее свое намѣреніе о устройствѣ церкви у себя въ скиту. Онъ обратился къ мѣстному начальству, съ просьбою отъ всего общества, о дозволеніи ему поставить въ новой часовнѣ, полотняную церковь, которую съ собою принесъ изъ Польши, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы только отслужить нѣсколько обѣдень, для запасныхъ даровъ. При этомъ Сергій представилъ билетъ, выданный ему на границѣ, въ которомъ прописана была бывшая при немъ церковь; такимъ образомъ успѣлъ получить разрѣшеніе на помѣщеніе оной въ новомъ зданіи (*).

(*) Таже рукопись Сергія Иргизскаго.

Съ устройствомъ церкви и открытіемъ литургіи, Донъ и Уралъ, и все Приволжье, обратились къ Сергію; соревнуя его подвигу и прочіе настоятели Иргизскіе также устроили, каждый у себя въ скиту, самовольно церкви и нашли священниковъ, которые сами начали у нихъ являться: и такъ, въ короткое время, размножился расколъ въ томъ краѣ, скиты обратились въ многолюдныя обители; во главѣ ихъ стояла Успенская, съ своимъ строителемъ, какъ его всѣ величали послѣ устройства церкви. Число прихожанъ умножалось со дня на день бѣглыми людьми, которые принимались свободно, подъ именемъ сиротъ, и укрывались въ степи на хуторахъ, а ихъ отправляли далѣе въ Уральскіе предѣлы. Дорога, по которой они туда шли черезъ степь, до сихъ поръ слыветъ сиротскою, и черезъ нихъ образовались скиты Уральскіе. Еще причиною умноженія раскола въ предѣлахъ Заволжскихъ, служило частое туда переселеніе помѣщичьихъ крестьянъ, на пустыя земли, для которыхъ не всегда заботились помѣщики сооружать церкви въ новыхъ деревняхъ. Настоятели же скитовъ пользовались такою безпечностію, и посылаемые за сборомъ старцы явно проповѣдывали расколъ между пришельцами, записывая ихъ въ свое согласіе.

Слава Сергія достигла обѣихъ столицъ. Ему случилось быть въ Москвѣ, когда тамъ варили мнимое муро на Рогожскомъ кладбищѣ, какъ это

самъ онъ описалъ, въ послѣдствіи, въ книгѣ своей: «Зерцало старообрядцевъ». Изумился Сергій, услышавъ какъ бѣглый попъ, Василій Чебоксарскій, читалъ самочинно архіерейскія молитвы надъ самоваромъ, въ которомъ кипѣло масло. Замѣтивъ однако, что Василій опустилъ одну изъ молитвъ, спросилъ его о причинѣ такого опущенія? и услышалъ въ отвѣтъ: что молитва сія весьма важна и приличествуетъ только Архіерею. Слѣдственно и самые нарушители устава сознавали свою несправедливость, которая еще болѣе была чувствительна для Сергія. Онъ замѣтилъ Василію, что все сіе дѣйствіе приличествуетъ одному только Архіерею, и спросилъ: что же у нихъ сварится: мvро или полумvро? — Василій съ негодованіемъ отвѣчалъ: что, какъ видно, онъ началъ удаляться отъ прежняго благочестія, и просилъ о томъ помолчать, чтобы не подать повода къ соблазну. Но уже соблазнъ распространился по всему городу, когда самоваръ, послужившій для мнимаго мvра, проданъ былъ безъ всякаго вниманія на рынкѣ; однажды Московскіе купцы остановили, въ колокольныхъ рядахъ, самого Сергія и съ насмѣшкою указывали ему на самоваръ, спрашивая: знакомъ ли ему? (*).

Однако Сергій былъ приглашенъ, два года спустя,

(*) Рукопись Сергія. Зерцало старообрядцевъ, печатана въ 799, въ Петербургѣ.

какъ представитель всего Иргиза, на Московское соборище всѣхъ толковъ поповщины, для разсужденія о несогласіяхъ, возникшихъ за сіе муро, между столичными и Стародубовскими. Онъ былъ свидѣтелемъ жестокихъ споровъ, въ домѣ Никиты Павлова, доходившихъ до драки и окончившихся тѣмъ, что Московцы перестали сообщаться въ пищѣ и въ молитвѣ съ Слободскими. Не могло это не оставить глубокаго впечатлѣнія въ душѣ его; особенно сильныя обличенія старца Никодима возбудили въ немъ ревность къ единовѣрію. Однако онъ еще не присоединился къ его мнѣнію и, въ согласіи съ роднымъ ему обществомъ Московскимъ, возвратился на Иргизъ, гдѣ былъ принятъ какъ одинъ изъ столбовъ правой по ихъ мнѣнію вѣры.

Иргизскіе скиты до такой степени сдѣлались богаты, стекавшимися со всѣхъ сторонъ священниками, что за излишествомъ стали снабжать ими своихъ единовѣрцевъ на Дону, по Уралу и въ Сибири; но Сергію тяжело было имѣть дѣло съ такого рода людьми, которые оставляли мѣста свои, или по безнравственности, или по какимъ либо нетерпимымъ проступкамъ; все это болѣе и болѣе отдаляло его отъ прежнихъ единомышленниковъ. Однажды, 1-го Августа, съ большимъ торжествомъ совершался крестный ходъ на воду, изъ его монастыря и, служившій въ качествѣ старшаго, неся на головѣ крестъ, былъ остановленъ, при самомъ выходѣ изъ церкви,

женщиною, которая всенародно обличила его какъ клятвопреступника, потому что онъ бросилъ ее, свою законную жену, съ малолѣтными дѣтьми. Сергій, чтобы ослабить непріятное впечатлѣніе, объявилъ предъ народомъ женщину за сумасшедшую, и потомъ уладилъ дѣло; онъ ободрилъ священника и помогъ ему довершить священный обрядъ, но душа его скорбѣла отъ такихъ происшествій. Этотъ случай, какъ онъ самъ въ послѣдствіи сознавался, внушилъ ему рѣшительное желаніе искать священниковъ правильныхъ, отъ законныхъ Епископовъ.

Тяжко было для него видѣть и то, изъ какого сброда людей всякаго званія, составлялась его паства, потому что иногда, цѣлыми партіями, прибѣгали на Иргизъ преступники, ссылаемые въ Сибирь, которые разбивъ конвой, укрывались въ камышахъ, до отрощенія волосъ и бороды. Тогда являлись, какъ бы ревнителями старой вѣры, и должно было принимать ихъ за истинную братію, потому что когда однажды нарушенъ законный порядокъ, необходимо терпѣть продолженіе безпорядка. Сергій жаждалъ только случая, чтобы освободиться отъ столь нечистыхъ узъ, и открывалъ по возможности свой образъ мыслей людямъ, близкимъ ему по душѣ. Промыслъ Божій указалъ ему возможность дѣйствовать нѣсколько лѣтъ спустя, когда въ эпархію Астраханскую переведенъ былъ изъ Полтавы, знаменитый ученостію и благочестіемъ Архипастырь,

Никифоръ, который послужилъ, словомъ и дѣломъ, ко спасенію многихъ, начиная съ такихъ людей, каковы были Сергій и Никодимъ.

XXI.

Отвѣты Никифора Ѳеотокія.

Рожденный на островѣ Корфу, въ 1731 году, отъ благочестивой и знаменитой фамиліи Графовъ Ѳеотокіевъ, Никифоръ съ пользою проходилъ начатки ученія богословскаго и словеснаго, въ гимназіи роднаго города, и потомъ довершилъ свое образованіе въ университетахъ и академіяхъ сосѣдней Италіи. Возвратясь въ отечество, постригся онъ въ монашество и только чрезъ десять лѣтъ посвященъ былъ въ іеромонаха, съ назначеніемъ

въ проповѣдника при каѳедральномъ соборѣ. Но такъ какъ съ самаго дѣтства имѣлъ желаніе посѣтить Святую гору, то и отплылъ сперва въ Константинополь, гдѣ цѣлый годъ былъ задержанъ, по дружбѣ къ нему Молдавскаго Господаря Григорія Гики. Съ нимъ вмѣстѣ прибылъ онъ въ Яссы и тамъ упрошенъ принять должность ректора въ гимназіи. Никифору желательно было, послѣ Святой горы, посѣтить и православную Россію и съ тремя архимандритами Аѳонскими пріѣхалъ онъ, въ 1778 году, въ Полтаву, гдѣ тогда былъ Архіепископомъ Славянской эпархіи знаменитый своею ученостью Евгеній Булгаръ. Обрадовался добрый пастырь пришествію соотечественника и немедленно опредѣлилъ его ректоромъ въ свою семинарію и членомъ консисторіи. На слѣдующій годъ Евгеній пожелалъ удалиться на покой въ Невскую лавру, и предложилъ на свое мѣсто Никифора, который вызванъ былъ для рукоположенія въ Петербургъ и тамъ посвященъ въ санъ Архіепископа, Митрополитомъ Гавріиломъ, съ двумя Митрополитами Готѳскимъ и Навплійскимъ.

Какъ только прибылъ онъ въ новую свою эпархію Славянскую и Херсонскую, первымъ долгомъ почелъ, узнавъ о неправовѣріи многихъ изъ числа паствы, воззвать чрезъ окружное посланіе, съ пастырскою кротостію ко всѣмъ называвшимъ себя старообрядцами, для обращенія ихъ въ нѣдра святой Церкви. «Разсматривая, пишетъ онъ,

милосердіемъ Божіимъ ввѣренное мнѣ стадо, вижу, что и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ и будетъ, по словеси Христову, едино стадо и единъ пастырь (Іоан. X, 16). А что вы, именующіе себя старовѣрами, тѣ самыя овцы, которыя отъ двора сего отлучились, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но какимъ образомъ васъ привести или обратить, дабы не было нѣсколькихъ стадъ, а только единое?—Никто не можетъ ко мнѣ пріити, говорилъ Спаситель, аще не будетъ ему дано отъ Отца моего (Іоан. VI, 65): — и вы не можете притти ко свѣту православія, если не привлечетъ васъ благодать Божія. Сего ради преклоняю колѣна предъ Отцемъ Господа нашего Іисуса, съ сокрушеніемъ сердца и многими слезами, моля его милосердіе, дабы послалъ вамъ свою благодать во услышаніе отеческихъ моихъ увѣщаній».—Какое трогательное начало, и мудрено ли, что оно подѣйствовало! Далѣе говоритъ онъ: «вижу у васъ то, что Апостолъ Павелъ писалъ о Евреяхъ, яко ревность имутъ, но не по разуму. Какъ Евреи по ревности отвергали вѣру въ Господа нашего, да и самъ Павелъ гналъ сперва, по ревности, вѣрующихъ во Христа, такъ и вы, по ревности, удаляетесь Православной Христовой Церкви. Они, думая, что вѣра во Христа противна закону Моисееву, соблазнялись: вы же смущаетесь, думая, что Церковь Апостольская измѣнила апостольскія и отеческія преданія; но какъ ревность

у нихъ была не по разуму, такъ и у васъ не причастна истиннаго знанія.

Я рода греческаго, въ Греціи воспитанъ и удостоинъ священства, видѣлъ святѣйшихъ Патріарховъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго и со многими изъ первѣйшихъ Архіереевъ, Греческихъ и Иверскихъ, имѣлъ обращеніе; съ Христіанами изъ Арабовъ, Далматовъ, Сербовъ и Болгаръ, разсуждалъ о ихъ церковномъ чинѣ, а равно и съ настоятелями святыхъ горъ Синая и Аѳона, которые строго наблюдаютъ свои уставы, и многія древнія священныя книги читалъ въ Молдавіи и Валахіи, и сего ради свидѣтельствую вамъ, предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, что ни въ догматахъ, ни въ таинствахъ, ни въ обрядахъ и канонахъ, или въ отеческихъ преданіяхъ и книгахъ церковныхъ, нѣтъ ни малѣйшаго различія между помянутыми Христіанами и Русскими, но совершенное во всемъ согласіе, даже до іоты и точки, и всѣ составляютъ одно духовное тѣло, ибо у нихъ единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе такъ, что даже удивленія достойно, какимъ образомъ, при столь великой разности племенъ и языковъ и при такомъ между ними разстояніи, всѣ Православные, единодушно и согласно между собою покланяются Богу и слово его проповѣдуютъ.—Не есть ли это указаніе дивнаго о нихъ промысла Божія? Вы только одни, отъ всѣхъ православныхъ, разнствуете въ заповѣдяхъ церковныхъ и между собою даже

имѣете важныя церковныя отличія».—Такое обличеніе, безпристрастное въ устахъ греческаго (по происхожденію) Святителя, весьма было сильно.

Вы не имѣете, продолжаетъ Никифоръ, ни училищъ, ни книгъ, ни учителей искусныхъ: слѣдственно не вѣдаете силы Св. писанія, законовъ и догматовъ, правилъ соборныхъ и отеческихъ, церковныя исторіи, и обличенія ересей, наконецъ всего того, что можетъ просвѣтить человѣка къ различенію истиннаго благочестія отъ суемудрія, когда напротивъ того православные Христіане во всемъ этомъ изобилуютъ. Къ сему надобно присовокупить и то, что вы не имѣете ни церквей, кромѣ развѣ какой нибудь потаенной, ни священниковъ, кромѣ развѣ какого либо отступника, изгнаннаго или бѣжавшаго отъ Православной Церкви, по грѣхамъ своимъ, ниже святаго мура, развѣ только частицу похищеннаго и сомнительнаго, ни архіерейскаго благословенія и проповѣди слова Божія, ибо вы терпите голодъ, не хлѣбѣ, но въ словѣ Божіемъ, по изреченію пророчественному. Православные же Христіане, не только имѣютъ многочисленныя и благолѣпныя церкви, но и всѣ степени священства и монашескій чинъ, и всѣ таинства священнослуженія, и обиліе священныхъ даровъ, и непрестанную проповѣдь слова Божія.

Не явствуетъ ли отсюда, что тотъ, кто иногда и въ Ангела свѣтла преобразуется, обольстилъ предковъ вашихъ и отлучилъ ихъ отъ общенія

съ православными, подъ видомъ соблюденія старой вѣры? — А между тѣмъ, въ числѣ вашихъ учителей, имѣете вы и такихъ, которыхъ одно воспоминаніе приводитъ въ стыдъ и страхъ, тогда какъ истину вѣры евангельской и преданій апостольскихъ соблюдаетъ одна Православная Церковь, въ чемъ и мое клятвенное имѣете свидѣтельство, ибо нѣтъ никакого различія между Россіянами и всѣми прочими Православными; у васъ же различные толки, не только въ нравственномъ ученіи, но и въ таинствахъ. Не только не понимаете вы разума святаго писанія и что содержитъ святая Церковь, но и того, чему сами вѣруете, потому что у васъ ничего не преподается, кромѣ устныхъ преданій и бабьихъ басень нѣкоторыхъ невѣждъ, ограничивающихъ ничтожными дѣлами церковное благочестіе. Но всего для меня больнѣе то, что нисколько не возбуждается въ сердцѣ вашемъ чувство соболѣзнованія, хотя во мнѣ, какъ въ пастырѣ вашемъ, несказанная отъ сего раждается болѣзнь, то именно, что вы, будучи прежде братьями нашими и сочленами, нынѣ отъ насъ отторгнуты; вы, изобиловавшіе прежде божественными дарованіями, теперь удалены отъ благодати, алчущіе слова Божія, жаждущіе таинствъ, лишенные священства, безъ отпущенія грѣховъ и благословенія архіерейскаго. Прежде, когда были съ нами въ любви, отъ всѣхъ уваженіе имѣли, теперь же пренебрегаемы, какъ отступники.

О васъ тоже можно сказать, что сказалъ Господь о нѣкоемъ книжникѣ: «не далекъ еси отъ царствія Божія»; ибо если вы таинства почитаете и имѣете уваженіе къ священству, для чего чуждаетесь Церкви, въ которой они освящаются и которая есть единая, святая и Апостольская? Сего ради скажу вамъ словами божественнаго Павла: «чадца, коими паки болѣзную доndeже паки вообразится Христосъ въ васъ»! Отеческимъ и пастырскимъ гласомъ къ вамъ взываю: пріидите, приступите къ Господу и просвѣтитесь, и лица ваши не постыдятся. Се отверзаю вамъ врата церковныя, предлагаю таинства, обѣщая пастырское благословеніе; пріидите, да обниму васъ съ отеческимъ сердцемъ, въ веселіи духа. Не отлагайте времени обращенія, подъ различными предлогами, и не повинуйтесь наставникамъ вашимъ, если будутъ васъ останавливать, ибо они радѣютъ только о собственныхъ прибыткахъ и суетной славѣ и не хотятъ допустить, чтобы вы приступили ко свѣту Православія. Я же немедленно, по обращеніи вашемъ, дозволю вамъ имѣть церкви и во всемъ буду защищать васъ. Но какъ я, если бы не произнесъ пастырскаго слова, долженъ бы дать за васъ отвѣтъ Богу, на страшномъ его судилищѣ, такъ равно и вы должны будете за то отвѣчать, если отвергнете мой пастырскій гласъ, позабывъ слово Господне къ ученикамъ своимъ: «слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене от-

метается; отметаяйся же мене, отметается и пославшаго мя» (Лук. X, 16).

Преосвященный Никифоръ препроводилъ это посланіе къ протоіереямъ Елисаветградскому и Бахмутскому, гдѣ было особенно много глаголемыхъ старообрядцевъ, дабы прочитали оное въ ихъ собраніи, и по милости Божіей двѣ многолюдныя слободы, одна Знаменская толку поповщины, а другая Злынка—безпоповщины, присоединились къ Церкви. Но другіе раскольники, жившіе въ Бахмутскомъ уѣздѣ, вмѣсто отвѣта вручили протоіерею, какъ бы нѣчто новое, списокъ съ 20 статей такъ называемой Соловецкой челобитной, которая нѣкогда была подана Царю Алексѣю Михайловичу, хотя въ то же время были на нее написаны отвѣты въ книгахъ: Жезлъ правленія и Увѣтъ духовный. Но обыкновенно мало вникаютъ мнимые ревнители въ разъясненіе того, что безотчетно внушаютъ имъ ихъ наставники. Это впрочемъ послужило на пользу Церкви, потому что еще однажды сдѣлано было полное опроверженіе, уже на разстояніи болѣе нежели ста лѣтъ, на ихъ нелѣпую челобитную, ученымъ пастыремъ, который, будучи самъ происхожденія греческаго, не могъ быть подозрѣваемъ въ какомъ либо пристрастіи противъ Русскихъ раскольниковъ, а между тѣмъ раскрывалъ помрачаемую ихъ толкованіями истину, изъ греческаго текста подлинниковъ; посему съ пользою можно привести здѣсь нѣкоторые изъ его отвѣтовъ, въ

которыхъ есть нѣчто новое и особенный взглядъ на устарѣвшіе вопросы.

Скромно начинаетъ свое обличеніе преосвященный Никифоръ, говоря, что весьма ошибается тотъ, кто надѣется краснорѣчіемъ или силою своихъ доводовъ, возвратить къ Церкви заблуждающихся, ибо это только можетъ совершиться дѣйствіемъ благодати Божіей, по слову Господню: «никто же можетъ пріити ко мнѣ, аще не Отецъ, пославый мя, привлечетъ его». Однако, не смотря на то, и человѣку пастырю слѣдуетъ проповѣдывать по заповѣди Христовой. И потому, посылая сіи писанія полагаетъ, что тѣмъ исполнилъ долгъ свой и даже радуется, что не заткнули ушей своихъ вопрошавшіе, а напротивъ письменно предложили ему на разрѣшеніе свои недоумѣнія, хотя уже довольно и прежде имъ было написано отвѣтовъ. И въ самой первой книгѣ, Жезлъ правленія, весьма много есть удовлетворительныхъ отвѣтовъ на предложенныя вновь статьи, однако не хочетъ онъ молчаніемъ подать повода къ той мысли, что самъ не радитъ о спасеніи ввѣреннаго ему стада, но предлагаетъ предварительно нѣсколько замѣчаній, для лучшаго обсужденія вопросовъ.

Всѣ догматы православной вѣры изображены въ сvмволѣ и никто не дерзаетъ что либо въ немъ прибавить или убавить, ибо чрезъ то отдѣляетъ себя отъ тѣла Церкви. Послѣ Св. писанія, которое есть основаніе нашей вѣры, должны мы по-

читать постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ, или Св. Отецъ, если они утверждены соборно; но частныя мнѣнія пастырей не могутъ быть принимаемы за непогрѣшительныя, какъ суесловятъ Римляне о своемъ Папѣ, человѣческія слова равняя съ божественными. Все то, что не есть догматъ или прямая заповѣдь, а только обычай или обрядъ, можетъ по времени измѣняться и уничтожаться, какъ тому бывали многіе примѣры еще въ первыя времена Церкви; и самые уставы были по мѣстамъ различны, но ихъ разность не раздѣляла между собою Христіанъ, ибо ихъ вѣра была одна; не обряды и обычаи составляютъ единство церковное, но согласіе догматовъ; а если кто ради сихъ обрядовъ, не касающихся вѣры, хочетъ отдѣлить себя отъ Церкви, тотъ дѣйствительно раскольникъ и самъ себя лишаетъ благодати Божіей. Въ сихъ краткихъ замѣчаніяхъ уже, само по себѣ, находится разрѣшеніе 20-ти статей челобитной, ибо все, что въ нихъ заключается, не относится до вѣры, такъ что даже нѣтъ нужды отвѣчать. Сочинители ея оцѣждаютъ комаровъ и поглощаютъ верблюдовъ, по словамъ евангелія, и лишаются таинствъ, а между тѣмъ пресыщаются клеветами на Св. Церковь. Кто только имѣетъ слезы Христіанской любви, да прольетъ ихъ о такой немощи.

На первую статью челобитной о томъ: «будто бы Никоновы ученики истинную вѣру похулили, и весь церковный уставъ нарушили, и книги всѣ

перепечатали на свой разумъ богопротивно, и что тѣ ихъ книги обличаютъ въ лицо», Святитель, вкратцѣ изложивъ необходимость и порядокъ исправленія книжнаго, указываетъ противъ суетной клеветы на слова псаломныя: «устны наша при насъ суть; кто намъ Господь есть!» (Пс. XI, 5).— Всякій можетъ говорить, что хочетъ и никто не въ силахъ удержать языка; но если нѣтъ ни смысла, ни истины въ словахъ, то, не только смѣшнымъ является всуе глаголющій, но и весьма согрѣшаетъ: «ибо потребитъ Господь вся устны льстивыя и языкъ велерѣчивый». Изъ самаго дѣла явствуетъ, что все, въ чемъ обвиняются православные Христіане, отъ мнимыхъ ревнителей, есть прямая клевета или странное толкованіе, или мелочи ничего незначущія, но отнюдь нѣтъ ничего, касающагося догматовъ вѣры. Такъ какъ не въ одной Россіи, но и въ иныхъ земляхъ, Палестинѣ, Египтѣ, Грузіи, Греціи, Далмаціи, Сербіи, Валахіи и прочихъ, находится много православныхъ Христіанъ, то въ случаѣ погрѣшности Русскихъ, конечно, явилось бы церковное съ ними несогласіе, ибо кто могъ научить всѣхъ ихъ нововведеніямъ Никона и преобразовать внезапно столько книгъ на различныхъ языкахъ? Можно ли повѣрить, чтобы вымышленія Никоновы, изъ глубины сѣвера, такъ быстро распространились по всему востоку и полудню, безъ всякой проповѣди, и ихъ приняли многіе милліоны Христіанъ, начиная отъ четырехъ святѣйшихъ

Патріарховъ и до пустынниковъ Синая и Аөона? ибо всѣ они, по милости Божіей, отъ начала просвѣщенія Россіи до сего дня, въ вѣрѣ и обрядахъ, съ нею согласуются.

Потомъ обличаетъ Никифоръ, въ послѣдующихъ статьяхъ, нелѣпость нареканія противъ иподіакона Дамаскина, будто бы запрещавшаго носить Христіанамъ крестъ, и приводитъ во свидѣтельство греческій текстъ въ подлинникѣ. Еще нелѣпѣе то, будто бы Дамаскинъ сказалъ: «что Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ распятъ за нѣкое прегрѣшеніе, и что еще Сынъ Божій не пришелъ во плоти». Изъ греческаго текста, равно какъ изъ славянскаго, разъясняетъ Никифоръ, что не о Христѣ идетъ рѣчь, но вообще о людяхъ, которые должны всегда предъ собою имѣть смерть свою, какъ тотъ, который осужденъ быть распятымъ за нѣкое прегрѣшеніе, нося крестъ на раменахъ, съ трепетомъ идетъ, ожидая смерти, и проч.—Страшный грѣхъ, присовокупляетъ Святитель, извращать тексты Св. Отецъ и ложныя приводить свидѣтельства къ поруганію Св. Церкви, для умноженія взаимной ненависти между братьями и душепагубнаго раскола. Изъ греческихъ же текстовъ обличаетъ онъ и то, что вымышляютъ писатели челобитной: будто бы, Никоніане въ новыхъ своихъ книгахъ, не проповѣдуютъ воскресенія. Ни въ кондакѣ, ни въ свѣтильнѣ, на которые дерзаютъ они по невѣдѣнію указывать, не опущены напоминанія о

воскресеніи Христовомъ, ибо на концѣ перваго сказано, равно въ греческомъ и славянскомъ: «Христосъ уснувъ, воскресе тридневенъ»; а въ началѣ втораго: «яко Христосъ воскресъ, никто же да не вѣруетъ»;—что можетъ быть еще сего яснѣе?

Не для чего приводить здѣсь всѣ опроверженія на мелочныя притязанія о мылѣ, употребляемомъ при омовеніи престоловъ, и пеплѣ, посыпаемомъ на усопшихъ изъ кадильницъ, которыя не заслуживаютъ вниманія. Но замѣчательно одно изъ доказательствъ противъ неправильнаго нареканія, будто бы Православные измѣнили имя *Ісуса* на *Іисусово,* потому что такого рода свидѣтельство могъ предложить преимущественно только Грекъ. Послѣ древнихъ рукописей, которыя приводитъ въ защиту православнаго писанія спасительнаго имени, онъ присовокупляетъ: что въ церковныхъ книгахъ всѣ тропари, кондаки и сѣдальны каноновъ, имѣютъ опредѣленное число слоговъ, ибо писаны стихами, и если одинъ лишь слогъ будетъ лишній, то уже нельзя ихъ будетъ правильно пѣть, а напѣвъ каждаго надписанъ. И такъ, если въ канонѣ умилительномъ Господу нашему, который сложенъ Св. Ѳеоктистомъ и весьма употребителенъ, стали бы читать Ісусъ вмѣсто Іисуса, то будетъ неполный стихъ и неправильное пѣніе. Писатели сихъ каноновъ были всѣ Святые, и древнія рукописныя книги, гдѣ вписаны ихъ священныя пѣснопѣнія, еще хра-

нятся на Аѳонѣ и въ другихъ древнихъ обителяхъ, а если бы мнимые старообрядцы разумѣли сладкопѣніе греческое, то конечно не могли бы вымыслить такой нелѣпости. Бѣдные, какая у васъ гордость! восклицаетъ преосвященный Никифоръ, вы хотите показать себя умнѣе всей Православной Церкви и всѣхъ древнихъ Отцевъ! Но и святѣйшее имя, кромѣ котораго, по словамъ Апостольскимъ, «нѣсть инаго имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ» (*), сіе то имя, по искушенію врага человѣческаго, дерзнули исказить предшественники ваши, исключивъ изъ него одинъ слогъ и тѣмъ сдѣлавъ его незнаменательнымъ. Всемилостивый Богъ да обратитъ васъ какъ отъ сего, такъ и отъ прочихъ заблужденій вашихъ!

Слишкомъ пространно было бы приводить весь отвѣтъ Преосвященнаго на девятую статью челобитной, о трисоставномъ крестѣ, но весьма вѣрно, въ первыхъ строкахъ, уже обличаетъ онъ явное противорѣчіе собственной клеветы мудрователей. Вы говорите, что мы крестъ истинный оставили, возненавидѣли и почитаемъ крыжъ Латинскій паче креста Христова; но если только, по вашему мнѣнію, предпочитаемъ, то это еще не значитъ, что менѣе уважаемый нами ненавидимъ, хотя и то и другое несправедливо, но такъ обыкновенно увлекаются страстію. Крестъ собственно изъ двухъ

(*) Дѣян. IV, 12.

древъ бываетъ составленъ; прочее же все, то есть титло, подножіе, копіе, трость съ губою, суть только прибавленія креста; православные же Христіане не вещество, но образъ креста, почитаютъ ради Распятаго на немъ, и потому равно честенъ для нихъ двусоставный, какъ и трисоставный. Обличаетъ Никифоръ и невѣжественную ссылку на Златоуста, который будто бы называлъ Латинскій крыжъ сѣнію, а не истиною, и обращаетъ суемудрыхъ къ свидѣтельству исторіи, ибо извѣстно, что вселенскій сей учитель преставился въ 407 году, а Церковь Латинская отдѣлилась только въ IX вѣкѣ:—какъ же онъ могъ обличать тогда Латинянъ? Однако такими громкими рѣчами увлекаются неопытные.

Опровергая нареканія челобитной, противъ триперстнаго знаменія и ученія о томъ иподіакона Дамаскина, которое называютъ діавольскимъ, преосвященный Никифоръ свидѣтельствуетъ о православіи сего Дамаскина и о уваженіи къ нему Вселенской Церкви, хотя онъ и не въ ликахъ Святыхъ.—Какъ древнѣйшее свидѣтельство письменное, о триперстномъ знаменіи, приводитъ онъ изъ книги Льва Аллація (Allatius стр. 1360) слова Св. Папы Иннокентія, современнаго Златоусту, который пишетъ въ изложеніи своемъ о таинствѣ литургіи то, что можетъ служить въ обличеніе не только нашихъ раскольниковъ, но и самихъ Римлянъ, отступниковъ отъ древняго обы-

чая: «знаменіе креста тремя перстами изображать надлежитъ тако: еже бы отъ верха нисходило до низу и отъ праваго плеча переходило до лѣваго». Въ доказательство же истины и древности такого рода знаменія, приводитъ еще употребленіе онаго у единовѣрныхъ намъ народовъ Греціи, Далмаціи, Сербіи, Валахіи, Грузіи, Палестины и Аравіи. Если бы сей образъ креста, отъ временъ Апостольскихъ и до нашихъ, не былъ сохраненъ, чрезъ повсемѣстныя преданія и былъ бы новый, то никогда бы всѣ Православные, единодушно и безъ всякаго спора письменнаго и словеснаго, не крестились доселѣ тремя перстами: ибо искони всегда бывало, что какъ только кто либо хотѣлъ ввести въ Православную Церковь хотя малѣйшую новость, тотчасъ являлись люди, которые обличеніемъ своимъ извѣщали о томъ потомство. О семъ предметѣ, равно какъ и о сугубомъ аллилуіа, слишкомъ много было выписано изъ предъидущихъ обличительныхъ книгъ, чтобы еще приводить согласующіяся съ ними доказательства преосвященнаго Никифора. Строго обличаетъ онъ странное свидѣтельство Евфросина, пріемлемое раскольниками противъ согласія всей Православной Церкви, которая повсюду возглашаетъ тройное аллилуіа и тѣмъ обличаетъ частное обыкновеніе отдѣлившихся.

Засвидѣтельствовавъ истину вселенскаго сумвола вѣры, возглашаемаго правильно въ Россійской Церкви, безъ прилога *истиннаго* о Духѣ

Святомъ, Никифоръ выставляетъ мелочныя притязанія мнимыхъ ревнителей православія, совершенно безразсудныя. Въ 13-й статьѣ челобитной сказано: будто бы Духа Святаго истиннымъ не почитаемъ, отъ того, что въ молитвѣ: «Царю небесный» говорится *душе истинны*, а не *истинный*. Онъ доказываетъ, что напротивъ это есть болѣе полное выраженіе, нежели если бы употребили слово истинный, въ прилагательномъ вмѣсто существительнаго, и указываетъ на собственныя слова Христовы, въ евангеліи: «егда же пріидетъ Утѣшитель, его же азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истинны иже отъ Отца исходитъ» (Іоан. XV, ст. 17). Неужели и самъ Господь погрѣшилъ? спрашиваетъ Преосвященный; о чемъ же спорятъ премудрые ваши учители? Онъ упрекаетъ ихъ за то, что дерзнули назвать непотребнымъ словомъ припѣвъ въ Богородичной пѣсни: «славнѣйшую *безъ сравненія* Серафимъ», отъ того, что имъ кажется приличнѣе употребить слово *во истинну* вмѣсто *безъ сравненія:* «понеже вѣтренніи Серафимы»; — вотъ подлинно доказательная причина и прямо вытекающая изъ смысла рѣчи!

Ревностный защитникъ истины обѣихъ Церквей, Греческой и Россійской, обращаетъ особенное вниманіе на послѣднюю статью челобитной, въ которой раскольники обвиняютъ православныхъ: «будто бы, по своему плотскому небреженію, весь церковный чинъ и уставъ, что содержитъ

Божія Церковь, измѣнили, и книги перепечатали не по преданію Св. Отецъ и всю православную Христіанскую вѣру превратили на свой разумъ». Онъ замѣчаетъ, что все сіе только предполагается, безъ означенія мѣстъ и словъ, въ коихъ, какъ говорятъ, учинены измѣненія, хотя на это уже много разъ было отвѣтствуемо; изумляется онъ, съ какою смѣлостію дерзаютъ клеветать, будто бы истребили Христіанскую вѣру греческими книгами до того, что и слѣда ея не осталось въ государствѣ, тогда какъ напротивъ, на греческихъ книгахъ основана, отъ самаго начала, вѣра православная въ Россіи, и Св. писаніе, сумволъ и соборныя правила, всѣ переведены были съ греческаго на славянскій: слѣдственно справедливость оныхъ переводовъ доказать можно только греческими подлинниками.—Съ какою же совѣстію могутъ они утверждать, будто вѣра совершенно истреблена въ Россіи, когда самыя исправленія не касались ни догматовъ, ни таинствъ, ни правилъ? — Но если поносятъ столь дерзко нашу Православную Церковь, пусть скажутъ, какой же сами держатся Церкви, не имѣя ни Епископовъ, ни священства, ни тайнъ, раздѣленные на противорѣчащіе другъ другу толки?— Свое ли скопище, изъ многихъ сектъ составленное, безъ законныхъ пастырей, думаютъ возвеличить именемъ Апостольской Церкви?

Далѣе, преосвященный Никифоръ обличаетъ челобитную, въ несправедливомъ показаніи на Пат-

ріарховъ Восточныхъ, Іеремію и Ѳеофана, посѣтившихъ Россію, будтобы они сказали: «что у нихъ въ Царьградѣ и Іерусалимѣ, конечное православію, вѣры Греческаго закона, отъ Агарянъ насиліе и погубленіе», и приводитъ подлинныя слова Патріарховъ изъ лѣтописей: «что не вѣрѣ погубленіе, а только православнымъ Христіанамъ насиліе и церквамъ запустѣніе»:— это великая разница!—Разсуждаетъ онъ и о различныхъ по мѣстамъ напѣвахъ, которые не составляютъ однако измѣненія въ вѣрѣ, и совѣтуетъ отложить суевѣріе и клеветы на Православную Церковь. Вступается за Палестинскихъ и вообще Греческихъ духовныхъ, приходящихъ въ Россію, которые, будто бы, по словамъ челобитной, крестовъ не носятъ и креститься не умѣютъ, и говоритъ: что послѣднее вѣроятно относится къ тому, что они для крестнаго знаменія слагаютъ не два перста, по ошибочному мнѣнію расколоучителей, но три—по единодушному преданію Вселенской Церкви; четвероконечные же кресты, приносимые во множествѣ богомольцами изъ Палестины, довольно свидѣтельствуютъ о истинѣ такого знаменія. О нареканіи: будто бы изсякла вѣра Грековъ отъ гоненій Агарянскихъ, говоритъ, что претерпѣваемое ими гоненіе служитъ только къ ихъ славѣ, украшая многихъ вѣнцемъ мученическимъ, какъ въ первоначальныя вѣка Христіанства.

На послѣднее прошеніе, которымъ заключается

челобитная «о томъ, чтобы Великій Государь не попустилъ новымъ проповѣдникамъ отнять старую непорочную вѣру и измѣнить преданія чудотворцевъ и Св. Отецъ», Преосвященный говоритъ, что къ просителямъ можно бы отнести слова Господни: «не вѣсте чего просите» (Лук. XX, 22).—Лучше бы подумали, что они, вмѣсто соблюденія вѣры, просятъ утвержденія суевѣрнаго раскола, за который, какъ пишутъ, готовы умереть, не вѣдая, что ревность не по разуму не пользуетъ и что, по словамъ Апостола, кто отдѣлился отъ Церкви и божественной любви не имѣетъ, тотъ хотя бы и огню себя предалъ, ничего не пріобрѣтетъ. Православная Церковь и доселѣ имѣетъ послѣдователей Апостольскихъ, мужей просвѣщенныхъ, которые научаютъ догматамъ вѣры и слову Божію; но гдѣ же такіе учители у отступившихъ отъ вѣры?—О невѣжествѣ ихъ не свидѣтельствуетъ ли и самая ихъ челобитная, чуждая свѣдѣній историческихъ и во многомъ сама себѣ противорѣчащая?—Однако не смотря на то, она положена была, отъ самаго начала, во главу всего раскола, какъ бы лучшая его защита. Въ каждой наукѣ слѣдуетъ прежде всего обращаться къ опытному учителю; у кого же учиться догматамъ вѣры, если не у преемниковъ Апостоловъ, т. е. у Епископовъ?— Гдѣ же они у васъ — и гдѣ таинства? И самое мѵро не у насъ ли похищаете? Если же Церковь не православна, можетъ ли быть оно освящено,

равно и священники? — Не явное ли это противорѣчіе, въ которомъ хотите закоснѣть, въ одно время почитая и не почитая Церковь, ибо «ходяй во тьмѣ не вѣсть камо идетъ» (Іоан. XII, 35).

Не хочу уже разсуждать, каковы ваши священники, бѣжавшіе отъ заслуженнаго наказанія, ибо отъ плода познается древо; вы же пріемлете ихъ съ распростертыми руками, хотя, правилами Апостольскими и соборными, строго запрещено сообщаться съ изверженными или отлученными отъ священства, и велѣно почитать за простыхъ мірянъ такихъ, которые отлучились отъ своихъ приходовъ, а священнику, безъ позволенія Епископа, нельзя разрѣшать грѣхи или священнодѣйствовать. Удивительно, что вы, которые хвалитесь, что наблюдаете прилежнѣе другихъ правила отеческія, и думаете явить вашу ревность въ такихъ мелочахъ, каковы мыло, пепелъ, и прочее о чемъ нѣтъ опредѣленія Отцевъ, съ великою дерзостію нарушаете такое множество правилъ Апостольскихъ и соборныхъ. Должно сожалѣть о васъ, ибо съ вами случается противное вашимъ помысламъ, какъ нѣкогда съ Валакомъ Моавитскимъ. Онъ призывалъ Валаама для проклятія Израиля и волхвъ, вмѣсто проклятія, благословлялъ; вы же такихъ священниковъ нанимаете васъ благословлять, которые сами, какъ нарушители, вмѣсто освященія, подвергаютъ васъ отлученію.—Видите сами, сколь опасно душъ вашихъ состояніе, и отъ чего же это происходитъ, если не отъ того един-

ственно, что вы отлучились отъ матери вашей Церкви? — Если бы еще истина была то, что разсѣяваютъ ваши учители!—но все это одна клевета. Единодушіе наше, со всѣми православными Церквами Востока, ясно свидѣтельствуетъ, на чьей сторонѣ истина.—Никакой грѣхъ, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, не раздражаетъ столько Бога, сколько расколъ, и кровь мученичества не можетъ его загладить.

И такъ, кто дастъ мнѣ, вмѣстѣ съ Пророкомъ Іеремією, очесамъ моимъ источники слезъ? Люди того же рода, языка и государства, сыны той же матери, за клеветы и мелочи, ничего не значущія, отдѣлившись, хотятъ быть врагами близкой своей братіи. Вы не хотите открыть очей вашихъ, дабы разсмотрѣть и убѣдиться, что кромѣ суетныхъ нареканій, ничего нѣтъ такого, что бы отдѣляло существенно васъ отъ матери вашей, хотя и лишаетесь теперь даровъ Св. Духа. Доколѣ продлится упорство гибельное для вашихъ душъ? Церковь же святая, гласомъ божественнымъ вопіетъ къ вамъ: «людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ оскорбихъ?» (Мих. VI, 4). Обратитесь ко мнѣ и обращусь къ вамъ; тогда отверзутся сокровища моего милосердія и не будете алчущими какъ теперь. Храмы, таинства, священство, отпущеніе грѣховъ, благословеніе епископское, дары Св. Духа, все вамъ обильно преподастся, и вы соединитесь съ тѣломъ Христовымъ. Не будете уже называться горькимъ име-

немъ раскольниковъ, но братіею нашею во Христѣ, ибо какъ нѣкогда одни только въ ковчегѣ Ноевомъ заключенные спаслися отъ потопа, такъ и теперь одни лишь обрѣтающіеся въ нѣдрахъ Православной Церкви, отъ водъ потопныхъ ересей и расколовъ, спастися могутъ» (*).

XXII.

Обращеніе Никодима; начало единовѣрія.

Столько увѣщаній пастырскихъ, ясно открывавшихъ истину для тѣхъ, кои желали искренно ее познать, и столько внутреннихъ несогласій между отпадшими отъ Св. Церкви, возбудили

(*) Книга Никифора Астраханск.: Отвѣты на вопросы старообрядцевъ.

наконецъ въ людяхъ благонамѣренныхъ желаніе возвратиться въ нѣдра матери своей, путемъ единовѣрія (*). «Непрестанно тревожила насъ совѣсть, говоритъ чистосердечно одинъ изъ обратившихся, монахъ Виталій, который оставилъ по себѣ подробное описаніе всѣхъ дѣйствій своего учителя Никодима, что у насъ, въ слободахъ Стародубовскихъ и въ другихъ мѣстахъ, нарушаются Св. писаніе и священные каноны, чрезъ самозванныхъ начальниковъ и руководителей, ибо противъ нихъ вопіютъ законы церковные, и мы чувствовали, что обрѣтаемся внѣ благодати Св. Духа. Господь же, видя изнеможеніе сердецъ нашихъ, воздвигъ изъ среды нашей мужа, исполненнаго разумомъ, который насъ избавилъ отъ тяжкой работы».

Никодимъ былъ родомъ изъ Калуги, но всю свою молодость провелъ въ Москвѣ и, когда достигъ возраста мужескаго, постигъ всю суету маловременной жизни, и пошелъ странствовать ради имени Христова, но нигдѣ не могъ обрѣсти себѣ спокойствія душевнаго между своими единомышленниками. На Иргизѣ былъ онъ постриженъ въ монашество, но удалился оттуда по тому же чувству, какое возмущало душу благочестиваго инока Сергія. Въ слободахъ Стародубовскихъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько болѣе порядка, пожилъ онъ сперва въ монастырѣ Рождества Богоматери, на

(*) Рукопись іеромонаха Виталія о Церкви.

островѣ Малиновскомъ; но и тамъ не обрѣла желаннаго мира душа его, въ обществѣ грубыхъ ревнителей раскола, и онъ водворился на пустынномъ мѣстѣ, близь слободы Злынской, на рѣчкѣ Каменкѣ, куда мало по малу начала собираться къ нему братія, и общимъ стараніемъ была сооружена часовня, на подобіе церкви; Никодима однако же не переставала тревожить та мысль, что безъ законнаго Епископа невозможно принадлежать Соборной Церкви.

И прежде участвовалъ онъ, какъ мы уже видѣли, во всѣхъ неуспѣшныхъ попыткахъ, какія только предпринимались изъ Москвы или изъ слободъ, для пріобрѣтенія Архіереевъ. Когда Московскіе ревнители убѣдились въ нелѣпости своего покушенія, посвятить себѣ Епископа нетлѣнною рукою Святителя Іоны, въ соборѣ Успенскомъ, они отправили монаха Никодима съ другими спутниками въ Грузію, надѣясь тамъ обрѣсти себѣ желаемое; но смуты воинскія не позволили ихъ посланнымъ достигнуть дальней страны. Дерзнули они даже приглашать къ себѣ Святителя Тихона Задонскаго, жившаго уже на покоѣ въ своей обители, но были обличены ревностнымъ пастыремъ (*). И въ Крымскую область устремились они къ проживавшему тамъ Готѳскому Митрополиту изъ Грековъ, прося его содѣйствія; но онъ только посвятилъ имъ одного

(*) Полное извѣстіе о раск. пр. Андр. Часть IV, стр. 106.

игумена и священника Θеодота, который поселился у Донскихъ казаковъ. — Услышали Стародубовскіе, что на Волынѣ, въ мѣстечкѣ Немировѣ, Графовъ Потоцкихъ, проживаетъ другой Митрополитъ Греческій, Евсевій Пекскій, и братія Успенскаго монастыря, вмѣстѣ съ Никодимомъ, согласились послать къ нему изъ своей среды для посвященія іеромонаха Іосифа, съ двумя монахами, но они уже не застали Митрополита, который возвратился въ Царьградъ (*).

Между тѣмъ Климовскаго Покровскаго монастыря монахъ Іоасафъ, бывшій головщикомъ на клиросѣ, позавидовалъ богатству и почестямъ главнаго наставника всѣхъ мнимыхъ старообрядцевъ, Михаила, хотя родомъ и Калмыка, и пожелалъ добыть себѣ высшую степень. Онъ предложилъ настоятелю своему и бѣльцу Ивану Кузнецову, изъ богатыхъ купцовъ, который имѣлъ большое вліяніе въ монастырѣ, снабдить его деньгами и отправить въ Грецію, для отысканія Архіерея, надѣясь восхитить тамъ для самого себя этотъ высокій санъ. Оба съ радостію приняли его предложеніе и, надѣливъ не одною тысячею червонцевъ, отпустили въ Августѣ 1780 года, вмѣстѣ съ монахомъ Рафаиломъ, въ Царьградъ и на Св. гору. Тамъ, въ одной изъ ея обителей, Симо-Петрѣ, былъ онъ посвященъ въ іеромонаха, Епископомъ Святогорскимъ Герасимомъ, и, от-

(*) 107.

правившись въ Іерусалимъ, получилъ санъ архимандрита, отъ Патріарха Антіохійскаго Даніила, который послалъ его обратно въ Россію собирать милостыню, для выкупа плѣнныхъ Христіанъ изъ неволи Турецкой, обѣщая за такое благодѣяніе посвятить его современемъ во Епископа. Послѣ 2-хъ лѣтняго отсутствія возвратился Іоасафъ въ слободы, гдѣ проживалъ тайнымъ образомъ и отправлялъ требы у своихъ единовѣрцевъ. Но Господь обращаетъ иногда и дурные помыслы во благіе, и это самое странствіе Іоасафа послужило къ рѣшительному предпріятію Никодима, отыскивать священство и епископство для своихъ единомышленниковъ, уже не какими либо происками, подобно Іоасафу, но прямымъ евангельскимъ путемъ, отъ приснотекущаго источника православной Церкви. Замѣтивъ однако тайное противодѣйствіе Іоасафа, ради личныхъ его выгодъ, Никодимъ погрозилъ ему объявить о немъ Святѣйшему Синоду, если не успокоится, обѣщая въ противномъ случаѣ за него ходатайствовать, что въ послѣдствіи и исполнилъ.

Случилось Никодиму быть вмѣстѣ съ настоятелемъ Покровскаго монастыря, въ слободѣ Вишневкѣ, у Графа Румянцова-Задунайскаго, который въ то время былъ Намѣстникомъ Малороссіи. Никодимъ и прежде былъ извѣстенъ Графу, за свои добродѣтели, но когда лично съ нимъ познакомился заслуженный въ битвахъ воинъ, и оцѣнилъ его благоразумную ревность, изъявилъ онъ,

въ искренней бесѣдѣ иноку: какъ больно ему видѣть такого человѣка, чуждающагося Соборной Церкви, ради суетныхъ преданій своихъ предковъ, которыя не могутъ спасти его, потому что бѣглое священство, управляющее ими, само находится внѣ Церкви. Слова сіи глубоко подѣйствовали на колебавшееся уже сердце Никодима. Между тѣмъ Задунайскій герой обѣщалъ ему сильное свое ходатайство предъ Императрицею и Святѣйшимъ Синодомъ, о дарованіи ихъ слободамъ священниковъ, которые, завися отъ Церкви, исполняли бы всѣ обряды, почитаемые за древніе у старообрядцевъ, если они не противны уставамъ соборнымъ. Онъ совѣтовалъ подать о томъ отъ лица ихъ всеподданнѣйшее прошеніе, и съ тѣхъ поръ Никодимъ началъ рѣшительно думать: какимъ бы образомъ привести въ исполненіе благое сіе намѣреніе и какія пріобрѣсти къ тому средства (*).

Ему желательно было прямо обратиться къ пастырямъ Великороссійской Церкви, но онъ зналъ неукротимый нравъ слободскаго народа, раздѣленнаго на многіе толки, который и слышать не хотѣлъ о примиреніи съ Церковію. Въ такомъ недоумѣніи усмотрѣлъ однажды Никодимъ, въ увѣщательной книжкѣ преосвященнаго Платона, изданной Св. Синодомъ, снисходительное слово ко всѣмъ старообрядцамъ, которые приглашались къ

(*) Рукопись Виталія, стр. 123.

обращенію изъ раскола, съ милостивымъ при томъ внушеніемъ: чтобы всякій небоязненно подавалъ, письменно или словесно, мнѣніе свое пастырямъ Церкви о всемъ, чего требуетъ каждый, и все будетъ устроено по ихъ желанію. На основаніи сихъ кроткихъ увѣщаній, Никодимъ отважился увѣрять своихъ единомышленниковъ, что дѣйствительно даровано будетъ отъ Св. Синода особенное священство слобожанамъ, по всѣмъ ихъ старинными обрядамъ и обычаямъ. Въ то же самое время, монахъ Рождественскаго слободскаго монастыря, Герасимъ Князевъ, съ нѣкоторыми своими товарищами, находясь въ такомъ же сомнѣніи о бѣгломъ священствѣ, питалъ тайное намѣреніе приступить къ Соборной Церкви, и для сего вознамѣрился побывать на своей родинѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ. Никодимъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ и, со всею искренностію, совѣщался съ нимъ о своемъ дѣлѣ. Онъ просилъ Герасима, когда будетъ въ Петербургѣ, немедленно обратиться къ членамъ Св. Синода и просить у нихъ наставленія, какъ начать спасительное дѣло? (*).

Съ такимъ внушеніемъ отправился въ путь Герасимъ и, будучи въ Москвѣ, открылъ преосвященному Платону тайное порученіе Никодима. Обрадовался добрый пастырь столь неожиданному успѣху своихъ увѣщаній, и благословилъ Князева на доброе дѣло, наставивъ его опытными

(*) Рукопись Виталія, стр. 125.

совѣтами, какъ дѣйствовать въ столицѣ. Герасимъ, съ должнымъ благоговѣніемъ, предсталъ тамъ первенствующему Митрополиту Гавріилу и Псковскому Архіепископу Иннокентію, прося у нихъ пастырскаго благословенія, и чистосердечно изложилъ предъ ними тайное желаніе слободскихъ старообрядцевъ. Явился онъ и свѣтлѣйшему Князю Потемкину, съ тою же откровенностію, и отъ всѣхъ ихъ слышалъ себѣ похвалу и поощреніе на церковный подвигъ. Они обѣщали Герасиму, что не останется втунѣ такое благочестивое намѣреніе и что Св. Церковь, по материнскому благоволенію къ бывшимъ своимъ чадамъ, снизойдетъ къ ихъ слабости и дастъ имъ священниковъ или Епископа, судя по числу имѣющихся обратиться въ слободахъ Стародубовскихъ, съ сохраненіемъ всѣхъ предполагаемыхъ ими старинныхъ обрядовъ, по скольку они не противны церковнымъ правиламъ (*).

Удивился Герасимъ такому милостивому расположенію Церкви, вмѣсто ожидаемой строгости, и съ чрезвычайнымъ утѣшеніемъ возвратился въ пустынь Никодимову. Строитель собралъ всю братію, дабы услышали разсказъ Герасима, о благосклонномъ пріемѣ его въ столицѣ и милостивомъ обѣщаніи священства, при сохраненіи старыхъ обрядовъ, съ такимъ лишь условіемъ, чтобы молили Бога за Благочестивѣйшую Государыню и Свя-

(*) Рукопись Виталія, стр. 126.

тѣйшій Синодъ. Пустынная братія изъявила единодушное согласіе на столь снисходительное предложеніе и они начали, сперва втайнѣ, возвѣщать о томъ инокамъ и бѣльцамъ, Покровскаго и Рождественскаго монастырей, и тѣмъ изъ слободскихъ жителей, коихъ добрую совѣсть зналъ Никодимъ. Когда же увидѣлъ на сторонѣ своей довольно народа, расположеннаго къ принятію благословеннаго священства отъ Соборной Церкви, онъ началъ уже открыто говорить о томъ въ слободахъ, увѣщавая всѣхъ старообрядцовъ: быть согласными на столь благое дѣло, и обличая непокорныхъ словами Св. писанія, какъ преступниковъ Божія закона. Большое волненіе возникло въ слободахъ, отъ столь открытой проповѣди единовѣрія, и народъ, привыкшій къ своеволію, хотѣлъ умертвить Никодима, съ его товарищами; но Богъ, не оставляющій рабовъ своихъ, соблюлъ ихъ невредимыми. Смутился нѣсколько и самъ Никодимъ, увидя противъ себя негодованіе буйныхъ, но укрѣпленъ былъ братіею къ продолженію своего подвига. Отложивъ страхъ, сдѣлалъ онъ совѣщаніе у себя въ обители, съ единомышленными ему монахами Герасимомъ и Арсеніемъ и бѣльцомъ Яковомъ Бѣляевымъ, и они всѣ приняли между собою присягу, чтобы имъ не ослабѣвать, но во всемъ стоять твердо для достиженія благой цѣли, не смотря ни на какія препоны. Съ того времени старецъ Никодимъ, съ присными своими, рѣшительно вступилъ на поприще единовѣрія.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1781 года, съ общаго совѣта, послалъ онъ въ Петербургъ, чрезъ монаха Герасима, частныя отъ себя письма, Митрополиту Гавріилу и Князю Потемкину. Отдавая себя во всемъ подъ правительство Св. Синода, просилъ онъ Святителя о присоединеніи общества своего къ Соборной Великороссійской Церкви, съ тѣмъ однако, чтобы даровано имъ было священство на всѣхъ старинныхъ обрядахъ, безъ всякаго порицанія въ расколѣ, и сняты были древнія соборныя клятвы за отступленіе отъ Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ совѣта: какимъ бы образомъ начать сіе дѣло въ Св. Синодѣ. «Вникните въ крайнее бѣдствованіе столькихъ тысячъ душъ, писалъ смиренно старецъ, изъ коихъ не малая часть желаетъ имѣть у себя Богомъ уставленный чинъ архіерейства, подъ паствою соборною Св. Синода. Вы обѣщали оказать отеческое милосердіе, которое многимъ послужитъ на пользу, и мы надѣемся на милость Божію, хотя дѣло сіе потребуетъ у насъ много труда въ разсужденіи закоснѣлыхъ; вы же благосклонно увѣдомьте, какое разсужденіе будетъ о насъ въ Св. Синодѣ? и сами получите должное воздаяніе отъ Христа Спасителя, ибо и самъ онъ, Божія премудрость и предвѣчная правда, видя нѣкогда множество народа, милосердовалъ о немъ, яко о овцахъ, не имѣвшихъ пастыря» (*).

(*) Рукопись Виталія, стр. 128.

Между тѣмъ, усердный Никодимъ письменно извѣстилъ о своемъ предпріятіи и Графа Задунайскаго, какъ перваго двигателя сего дѣла, прося его ходатайства предъ Императрицею; по слободамъ же разсылалъ отъ себя увѣщательныя письма ко всѣмъ почетнымъ людямъ, внушая имъ согласиться на предлагаемыя имъ условія союза церковнаго, для полученія законнаго Архіерея, безъ котораго не можетъ существовать ни Церкви, ни истиннаго Христіанства, по свидѣтельству всѣхъ Св. Отцевъ, древнихъ и новыхъ. Писанія его многихъ обратили на путь истины изъ числа именитыхъ, такъ что онъ въ 1783 году, при проѣздѣ чрезъ слободу Дубровку свѣтлѣйшаго Князя Потемкина, подалъ ему прошеніе отъ лица полутора тысячъ слобожанъ всякаго званія, о дарованіи имъ Епископа, на слѣдующихъ 12-ти условіяхъ: (*)

Чтобы разрѣшена была соборная клятва, возложенная на нихъ за безразсудное (какъ сами отзывались) отступленіе отъ Великороссійской Церкви, по причинѣ древнихъ печатныхъ книгъ, двуперстнаго знаменія и прочихъ обрядовъ, и отложены были бы строгіе пріемы, для присоединенія отлучившихся отъ Церкви. Просили прислать имъ Епископа, при указѣ изъ Св. Синода, который освятилъ бы имъ церковь въ Успенскомъ слободскомъ монастырѣ, по древнему чину, и поставлялъ бы тамъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, по

(*) Рукопись Виталія, стр. 129, 131.

старопечатнымъ книгамъ, съ соблюденіемъ всѣхъ древнихъ обрядовъ, и чтобы всѣ слобожане были подъ его паствою; таинствомъ же Св. мура снабдить изъ Св. Синода и позволить имъ не принимать въ свое общеніе окрестныхъ жителей, изъ слободъ Малороссійскихъ, по причинѣ ихъ обливательнаго крещенія.—Всѣхъ священниковъ и діаконовъ, прежде отлучившихся отъ Соборной Церкви, разрѣшить, если они объявятъ себя готовыми слѣдовать предложеннымъ правиламъ, и дозволить имъ отправлять требы въ слободахъ. Успенскій монастырь оставить внѣ штатовъ, на своемъ пропитаніи, но не переводить въ него монашествующихъ изъ другихъ эпархій и не посылать туда подначальныхъ, равно какъ и въ прочіе монастыри старообрядческіе, освободивъ ихъ отъ подушныхъ окладовъ и рекрутскихъ наборовъ. Позволить каждому, кто пожелаетъ изъ старообрядцевъ, состоять подъ паствою сего Епископа, и никого не принуждать, изъ купцовъ и мѣщанъ, къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья.

Слобожане, ободренные благосклоннымъ пріемомъ Князя и видя успѣхъ начинаній старца Никодима, дали ему отъ себя довѣренность, по мірскому приговору, за подписью 1500 душъ посадскихъ людей, чтобы ему явиться въ Св. Синодъ съ прошеніемъ отъ всего ихъ общества. «Понеже предки наши, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, сказано было въ сей довѣренности, были изна-

чала въ единствѣ съ Церковью Великороссійскою, но въ царство блаженной памяти Царя Алексѣя Михайловича и въ патріаршество Святѣйшаго Никона, отъ 1756 года въ различныя времена, какъ и мы нижайшіе, отлучились отъ единства сей Церкви, а нѣкоторые и самаго отечества, по причинѣ двуперстнаго знаменія и прочаго старообрядчества: то у насъ, хотя и преподаются требы по закону Христіанскому, по разнымъ мѣстамъ въ церквахъ и часовняхъ, частными средствами выстроенныхъ, но безъ Архипастыря, одними отлучившимися отъ своихъ эпархіальныхъ Архіереевъ священниками, и чрезъ сіе воспослѣдовали крайнія нужды въ нѣкоторыхъ Христіанскихъ потребностяхъ. Нынѣ же, такъ какъ мы извѣстились, что Св. Синодъ, содержимые нами и за свято почитаемые двуперстное сложеніе и прочіе старинные обряды, признаетъ неразрушающими слова Божія, ни догматовъ и правилъ церковныхъ, и притомъ, сожалѣя о насъ, дозволяетъ, какъ напечатано въ увѣщательной книжицѣ 1767 года, каждому изъ отлучившихся желаніе свое изъявить, письменно или словесно, пастырямъ церковнымъ, то и мы возъимѣли смѣлость просить Св. Синодъ: не соблаговолено ли будетъ намъ, нижайшимъ, быть при старообрядчествѣ, въ соединеніи Св. Восточной Церкви, посредствомъ нижеслѣдующихъ 12-ти пунктовъ; а если въ чемъ противъ оныхъ отъ Св. Синода воспослѣдуетъ неудовольствіе, то старецъ Никодимъ обязанъ немедленно увѣдомить

о томъ своихъ довѣрителей и ничего безъ ихъ согласія не предпринимать далѣе».

Никодимъ представилъ данную ему довѣренность отъ слобожанъ Графу Румянцову, какъ Намѣстнику края, прося его милостиваго содѣйствія, дабы многія тысячи томящихся душъ могли отдать себя подъ законное управленіе Св. Восточной Церкви, и Задунайскій витязь немедленно представилъ отъ себя прошеніе Никодимово въ Св. Синодъ, съ предложенными отъ него 12-ю пунктами, донося о томъ и Правительствующему Сенату. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ отправился Никодимъ въ Петербургъ и, дорогою посѣтивъ Москву, подалъ отъ себя прошеніе Митрополиту Платону; ссылаясь на слова его увѣщанія, дозволяющаго обращаться къ пастырямъ Церкви, извѣщалъ онъ о данной ему довѣренности, отъ слобожанъ старообрядцевъ, и просилъ его ходатайства предъ Св. Синодомъ, въ подражаніе милосердію Христову о заблуждшихъ и ревности Апостола Павла, ко всѣмъ снисходившему для пріобрѣтенія всѣхъ. А такъ какъ не безъизвѣстно Владыкѣ, что старообрядцы не разнствуютъ съ Св. Церковью въ священномъ писаніи, сvмволѣ вѣры и правилахъ соборныхъ, то умолялъ сохранить имъ древле чтимые ими обряды, дабы многія тысячи душъ извлечь изъ раскола въ единство церковное, подъ паству Св. Синода. Обласканный просвѣщеннымъ пастыремъ Никодимъ, съ духовнымъ утѣшеніемъ, продолжалъ путь въ сѣверную столицу.

Новоторжскіе старообрядцы, при проѣздѣ Никодима чрезъ ихъ городъ, приняли его съ особенною любовію, уважая добродѣтель старца, и что весьма замѣчательно, писали о немъ рекомендательное письмо Митрополиту Гавріилу; онъ лично подалъ Владыкѣ прошеніе такого же содержанія, какъ и преосвященному Платону, а вслѣдъ за тѣмъ и Св. Синоду, на основаніи довѣренности ему данной отъ своего общества, съ прописаніемъ 12-ти пунктовъ. Князь Потемкинъ принялъ также съ особенною милостію старца, ему давно уже знакомаго, и взялся самъ ходатайствовать за него предъ Митрополитомъ и членами Синода. Князь былъ вѣрнѣйшій его заступникъ, какъ о немъ выражается самъ Никодимъ, въ письмахъ своихъ къ слобожанамъ, и безъ его дѣятельнаго участія едва ли бы могъ онъ достигнуть желаемой цѣли, хотя и удостоенъ былъ частой бесѣды старѣйшихъ пастырей Церкви. Утѣшительно видѣть такихъ вельможъ, каковы Таврическій и Задунайскій, ревностными помощниками, въ спасительномъ дѣлѣ обращенія изъ раскола такимъ пастырямъ, каковы были Гавріилъ и Платонъ. Свѣтлѣйшій доложилъ о Никодимѣ самой Императрицѣ и даже представилъ его лично. Ея Величество благосклонно распрашивала старца о всемъ ходѣ дѣла и положеніи старообрядцевъ въ слободахъ, и вслѣдствіе сего изданъ былъ Высочайшій указъ, 11-го Марта 1787 года, на имя Митрополита Новгородскаго Гавріила, въ которомъ

изъявлено желаніе Императрицы, дабы преосвященный сообщилъ Архіепископамъ Могилевскому и Славянскому, о дарованіи старообрядцамъ священниковъ, согласно ихъ прошенію, и о дозволеніи отправлять имъ службу по ихъ обрядамъ (*).

Спустя нѣсколько времени Князь Потемкинъ, отправляясь въ свои вотчины Малороссійскія, совѣтовалъ и Никодиму ѣхать на это время въ свою пустынь до Мая мѣсяца, ибо къ веснѣ хотѣлъ быть опять въ столицу; онъ обѣщалъ дорогою посѣтить его въ слободахъ и ревностно заняться его дѣломъ по возвращеніи; но Господь судилъ иначе, ибо старцу Никодиму предстояла близкая кончина. На четвертой недѣлѣ великаго поста выѣхалъ онъ изъ Петербурга, поспѣшая къ Пасхѣ въ свою пустынь, но разболѣлся отъ скораго пути и многихъ трудовъ; Мая 12-го скончался старецъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, оставивъ по себѣ безутѣшную братію; немного не довершилъ онъ дѣла, которое было цѣлію всей его жизни, быть можетъ для того, чтобы сила Божія въ немощи совершалась и союзъ церковный не зависѣлъ бы отъ жизни одного человѣка. Умилительно предсмертное письмо его Митрополиту Гавріилу, которому поручаетъ онъ и свою душу и собранное имъ стадо, для дальнѣйшаго руководства на путь православія.

(*) Рук. Вит. 136—137.

«Рабски пріялъ я дерзновеніе писать высокому имени вашему, яко пришедшій въ единодесятый часъ къ покрову вашему, дабы не быть мнѣ отринутымъ, по присоединеннымъ къ стаду сыновъ Св. Церкви, ибо не безъизвѣстно вашему преосвященству о моемъ чистосердечномъ тщаніи, основанномъ на истинномъ признаніи, и что всѣ мои желанія стремились къ миру святой Соборной Церкви. Хотя тѣломъ моимъ и внѣ оной нахожусь, но духомъ моимъ никогда изъ нѣдръ ея не отлучался и бралъ на себя всеусердную должность быть посредникомъ мира и единства, дабы было едино стадо и единъ пастырь. Но Всемогущій Богъ, иже есть Отецъ щедротъ, по неизреченной своей благости, благоволилъ наказать меня, по моемъ возвращеніи во свояси, болѣзнями; чаю смертнаго посѣщенія и конечнаго разлученія душетѣлеснаго союза, и уже руки мои не имѣютъ силы писать къ святынѣ вашей, но едва, едва движа языкъ мой, вопію къ высокому имени вашему.

Призри, о Архіерей великій, на утомленнаго еленя, жаждущаго небеснаго хлѣба Христа, отъ котораго всякъ ядый не умираетъ, и даруй прохладу души моей; призри на нее, впадшую въ разбойники и ураненную отъ невидимыхъ супостатовъ; излей на взывающаго елей милосердія твоего; во мнѣ смущеніе духа, понеже содержимъ есмь трепетомъ, боящася задержанія воздушныхъ духовъ. Простри длани твои, святый Владыко,

исторгни изъ рукъ мучителя адскаго; расторгни пленицы содѣянныхъ грѣховъ; изведи изъ тьмы и даруй мнѣ обрадованіе видѣть свѣтъ небесный; пріими неимущаго гдѣ главу подклонить, понеже нѣтъ мнѣ другаго пристанища. Притекаю къ источнику благости, къ истинной надеждѣ, тебѣ, благодѣтелю моему и пастырю; не возвращусь дондеже не пріимешь меня въ покой матери моей, Церкви, гдѣ были начатки моего духа: призри на обдержимую печалію мою душу и на усердное моленіе; сжалься о убогой и помилуй мя, помилуй, святѣйшій Владыко, неключимаго раба твоего и послушника, дабы мнѣ, ради святыхъ твоихъ молитвъ, избыть мученія огненнаго; да глаголятъ уста твоя хотя одно слово за меня ко Владыкѣ, которыя пріемлетъ Христосъ Богъ паче всѣхъ жертвъ и всесожженія. Благоволи продолжить милости твои и къ дѣлу, предпринятому для всенародной пользы, дабы непокоривые могли положить выи свои подъ святыя твои ноги, ко благу Св. Божіей Церкви, да и ты получишь отъ искупившаго насъ Христа достодолжное воздаяніе. Радуйся, сладчайшій Божій служитель!—Мнѣ же приближилось души моей отъ страстнаго тѣла разлученіе, и къ тому не имѣю надежды видѣть честнаго твоего зрака, но съ преданностію моею касаясь праха, гдѣ пребываетъ освященная твоя особа, взываю послѣднимъ уже молчаливымъ моимъ гласомъ: пріими, одушевленный образъ Христовъ, должную мою ревность и рабское мое усердіе, въ

которыхъ я, нижайшій, всегда пребывать желалъ, и даруй мнѣ отъ юности моей содѣянныхъ грѣховъ прощеніе и, въ Богопріятныхъ своихъ молитвахъ и въ приношеніи безкровной жертвы, не положи меня въ забвеніи, ради изливаемой архипастырской твоей милости на всеусерднаго твоего послушника, многогрѣшнаго Никодима (*). 9-го Мая 1784 года».

Такъ скончался, еще въ полной силѣ мужества, 39 лѣтъ, сей знаменитый инокъ, котораго можно почитать начаткомъ единовѣрія: мужъ исполненный добродѣтели, по описанію братіи, съ нимъ обитавшей, смиренный, снисходительный ко всѣмъ и нестяжательный, чуждавшійся роскоши и пресыщенія, инокъ въ полномъ смыслѣ сего слова, быстрый въ разумѣ и отвѣтахъ и глубоко начитанный отеческихъ книгъ, которыми занимался день и ночь. Упорные ревнители раскола имѣли въ немъ непреодолимаго противоборца, ибо, по чрезвычайной своей памяти, онъ отвѣчалъ имъ, безъ всякаго приготовленія на всѣ ихъ вопросы, какъ бы прямо изъ книги: указывая даже на листы и строки; весьма чувствительна и можно сказать незамѣнима была его потеря, особенно въ ту рѣшительную минуту, когда столько отъ него зависѣло. Добрый подвижникъ былъ положенъ на мѣстѣ своего подвига, въ обители Успенской, которая въ послѣдствіи была переименована въ Троицкую Никодимову, и надъ гробомъ его былъ со-

(*) Рук. Вит. стр. 137.

оруженъ, спустя нѣсколько времени, алтарь, на которомъ доселѣ приносится безкровная жертва о душѣ его (*). Однако кончина Никодимова подаетъ случай къ размышленіямъ, которыя, можетъ быть, не безполезны. Изъ всего видно, что онъ убѣжденъ былъ въ правости Церкви и не правости раскола; но совсѣмъ тѣмъ искалъ примириться по договору, а не просто покориться. Хотя онъ имѣлъ причину такъ поступать ради другихъ, но могъ болѣе чисто поступать по своему убѣжденію; и вотъ онъ умираетъ, какъ самъ говоритъ, не въ Церкви, и хочетъ улучшить свое положеніе, говоря, что внѣ Церкви только тѣломъ, а не духомъ. Но чтобы быть въ Церкви, требуется не только духъ приходящаго къ ней, но и благодатное разрѣшеніе и благословеніе пріемлющаго священноначалія. Благо тому, кто достигъ добраго убѣжденія, не мысленно только, но и не медлитъ исполнять оное дѣломъ.

Преждевременная кончина Никодима, хотя и смутила серце преданныхъ ему ревнителей союза церковнаго, однако они не хотѣли отстать отъ столь успѣшно начатаго ими дѣла, и братія монастырская, равно какъ и слобожане, согласились привести оное въ исполненіе. Казначей пустыни Успенской, Виталій, собравшій въ своей книгѣ всѣ дѣйствія и переписку Никодимовы, написалъ немедленно отъ лица всей братіи скорбное письмо

(*) Рукопись Виталія о Церкви, стр. 136.

Князю Потемкину, поручая себя и впредь его милости, потому что на смертномъ одрѣ, въ присутствіи всего братства, старецъ Никодимъ слезно молилъ, дабы его свѣтлость принялъ обитель подъ свое высокое покровительство. Вслѣдъ за тѣмъ монастырскіе и слобожане отправили отъ себя повѣренными, іеромонаха Іоасафа (бывшаго архимандрита), монаха Евдокима и Зыбковскаго жителя Ивана Кузнецова, съ прошеніемъ къ Графу Румянцову, какъ начальнику края, чтобы данъ былъ имъ пропускъ, для слѣдованія въ Петербургъ по начатому дѣлу, и съ другими прошеніями на имя Князя Потемкина и Митрополита Гавріила, дабы по смерти старца Никодима, продолжали имъ покровительствовать. Іоасафъ, по пріѣздѣ въ столицу, подалъ отъ себя лично письмо къ Владыкѣ, въ которомъ, изъясняя согласное свое исповѣданіе догматовъ вѣры съ Соборною Церковію, просилъ о дозволеніи совершать богослуженіе въ порученной ему отъ Никодима обители (*).

Годъ спустя, по ходатайству Князя Потемкина, объявлено было, 27-го Марта 1787 года, Высочайшее соизволеніе (**), для тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые пожелаютъ поселиться на земляхъ Таврической области, по лѣвую сторону Днѣпра, и быть въ соединеніи съ матерію своею,

(*) Тамъ же, стр. 133.
(**) Извѣст. о раск. прот. Андр. Ч. IV, стр. 123—125.

Восточною Церковію, что они получатъ священниковъ отъ Архіепископа Таврическаго и будутъ всегда пользоваться обрядами и чиномъ церковнымъ, по ихъ обычаю. Не смотря на выгоды такого переселенія, оно предоставлялось ихъ доброй волѣ; но чтобы до тѣхъ поръ, пока оставались они на прежнихъ мѣстахъ, жители слободскіе могли пользоваться тѣми же преимуществами, если пожелаютъ прибѣгнуть къ пастырямъ Церкви, повелѣно было, чтобы и они приписывались къ Таврической эпархіи, какъ къ тому древнему Херсонису, отколѣ проистекъ въ началѣ свѣтъ евангелія при благовѣрномъ Князѣ Владимірѣ. Сверхъ того еще повелѣно было для сихъ старообрядцевъ выстроить, на упомянутой землѣ, монастырь каменный и нѣсколько церквей приходскихъ. Князь Потемкинъ обнародовалъ сію Высочайшую милость въ слободахъ, письмомъ отъ 27 Августа 1785 года, съ такимъ извѣщеніемъ: «что уже съ сей поры отъ нихъ самихъ зависитъ воспользоваться дарованными имъ льготами, подъ благоразумнымъ руководствомъ Архіерея Таврическаго. Пастырь сей имѣетъ скоро слѣдовать въ новую свою эпархію, чрезъ слободу Кричевъ, гдѣ всѣ, какъ священники, такъ и міряне, желающіе приступить къ союзу, на изложенномъ основаніи, могутъ свободно къ нему явиться».

Съ такимъ радостнымъ извѣстіемъ возвратились изъ столицы просители въ Покровскій мо-

настырь, и дорогою вручили отъ себя благодарственное письмо Графу Румянцову за всѣ его старанія. Архимандритъ же Іоасафъ, которому разрѣшено было совершать богослуженіе въ Никодимовой обители и даровано Св. муро, написалъ особое прошеніе Намѣстнику края, поручая себя и обитель его высокому покровительству; посему и разосланы были Графомъ Румянцовымъ, изъ правленія намѣстничества, повсемѣстныя предписанія въ ратуши и къ исправникамъ, чтобы старообрядцы, вступившіе въ союзъ съ Церковью, были повсюду оберегаемы, на основаніи Высочайше дарованныхъ имъ правъ.

XXIII.

Еще отвѣты Пр. Никифора; обращеніе Сергія Иргизскаго.

Архіерей, о которомъ упоминалъ, въ объявленіи своемъ, Князь Таврическій, какъ о новомъ пастырѣ для старообрядцевъ, былъ Епископъ

*

Олонецкій Амвросій, имѣвшій поселиться въ Полтавѣ, до открытія вновь предположенной эпархіи Екатеринославля и Херсониса Таврическаго. Прежній же Святитель Греческій, преосвященный Никифоръ Ѳеотокій, бывшей эпархіи Херсонской и Славянской, переведенъ былъ въ Астрахань и тамъ оказалъ столько же благодѣтельныхъ плодовъ, къ обращенію ввѣренной ему паствы, какъ и въ Полтавѣ. Какъ только ознакомились жившіе въ предѣлахъ Астраханскихъ и Саратовскихъ старообрядцы, съ кроткимъ назидательнымъ нравомъ своего Архипастыря, они начали мало по малу къ нему обращаться, и усерднѣе другихъ Сергій, настоятель Иргизскій, который искренно желалъ познать истину. Онъ прислалъ къ нему, въ 1790 году, 15 вопросовъ, отъ общества своего Успенскаго монастыря, съ убѣдительною просьбою разрѣшить ихъ для душевнаго спасенія просителей, на основаніи правилъ Св. Отецъ, въ надеждѣ на пастырскую благосклонность и отеческую милость къ убогимъ. Преосвященный Никифоръ поспѣшилъ немедленно удовлетворить смиренному прошенію, хотя, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи: «не въ одной уже книгѣ имѣются рѣшенія предложенныхъ вопросовъ; однако, какъ просители обѣщаются предъ всемогущимъ Богомъ, присоединиться къ Православной Церкви, если разрѣшены будутъ ихъ сомнѣнія, то онъ тяжко бы согрѣшилъ своимъ молчаніемъ; чувствуетъ однако, что всѣ

человѣческіе труды безуспѣшны, если виновникъ истинной вѣры не просвѣтитъ мысль проповѣдующаго о вѣрѣ и Богъ не привлечетъ къ нему слушающихъ».

Безполезно было бы, въ подробности, разбирать всѣ сіи вопросы и отвѣты Никифора, потому что въ нихъ можно найти повтореніе сказаннаго прежде. Въ первыхъ трехъ вопросахъ мнимые старообрядцы допытываются: всѣ ли чины и уставы греческіе принесены въ Россію при Св. Владимірѣ? Православная ли вѣра греческая существовала въ Россіи, со временъ Царя Іоанна Васильевича, и предки наши всѣ ли были православны?— Благоразумно и кратко отвѣтствуетъ просвѣщенный пастырь словами евангелія: «уподобися царствіе небесное человѣку, сѣявшу доброе сѣмя на селѣ своемъ; спящимъ же человѣкомъ пріиде врагъ его и всѣя плевелы посредѣ пшеницы и отъиде; егда же прозябе трава и плодъ сотвори, тогда явишася и плевеліе» (Матѳ. XIII, 21—26). Сѣмя доброе есть вѣра православная, село—суть души вѣрныхъ, сонъ означаетъ нерадѣніе, врагъ вѣрныхъ есть діаволъ; онъ посреди пшеницы, т. е. спасительной вѣры, всѣваетъ плевелы, т. е. ереси, расколы, суевѣрія, которыя тогда являются, когда и добрыя дѣла вѣры сіяніе свое показываютъ. Весьма естественно, что всѣхъ чиновъ и уставовъ Православной Церкви не могли предать Греки тотчасъ, какъ крестился равноапостольный Владиміръ, по той причинѣ, что самое дѣло требо-

вало времени, хотя всѣ догматы и законы Божіи, которые нужны ко спасенію, тотчасъ сообщены были. Если Апостолъ Павелъ, три лѣта день и ночь, не переставалъ учить Ефесеевъ, то Греческимъ учителямъ гораздо болѣе потребно было времени для преподанія Россіянамъ всѣхъ чиновъ Православной Церкви. Когда же распространилась въ Россіи православная вѣра, начали проявляться и ереси, которымъ также подобаетъ быть, дабы явились искуснѣйшіе въ вѣрѣ, по словамъ Апостола (1 Кор. XI, 18). Православные имѣютъ отличительный характеръ — единства церковнаго, и потому тѣ изъ Россіянъ православны, которые не только между собою согласны въ догматахъ, таинствахъ и обрядахъ, но пребываютъ въ союзѣ и съ Греками, Грузинами, Славянами и другими народами Православной Церкви; не правомыслящіе же, не только со всѣми сими народами разнствуютъ, но и между собою составляютъ секты.

Преосвященный Никифоръ объяснилъ, въ послѣдующихъ отвѣтахъ, всю неправильность дѣйствій Стоглава, который не только не имѣлъ утвержденія высшаго Собора, хотя въ то время Митрополитъ Макарій зависѣлъ отъ Патріарха Цареградскаго, но и дѣйствія его были торжественно осуждены на Патріаршемъ Соборѣ въ Москвѣ. Онъ ясно представилъ вопросителямъ, какъ несвѣдущи были отцы Стоглава въ истинныхъ канонахъ Церкви, ссылаясь часто на правила Апостольскія и Св. писаніе, ложно и безъ всякой справки, какъ напри-

мѣръ, относительно запрещенія брить бороду, празднованія субботы и двуперстнаго знаменія, и принимая съ другой стороны, весьма неосмотрительно, частное мнѣніе, вопреки всей Церкви, какъ напримѣръ Евфросиново о сугубомъ аллилуіа, безъ разумѣнія Еврейскаго значенія сего слова. Одно лишь, что правильно опредѣлилъ Стоглавъ, благонамѣренный впрочемъ, хотя и несвѣдущій, было необходимость исправленія книгъ церковныхъ, но и это отринули въ послѣдствіи мнимые ревнители старины. Все это послѣдовательно изложилъ преосвященный Никифоръ, какъ мужъ опытный въ писаніяхъ и канонахъ, и напомнилъ подателямъ прошенія собственныя ихъ рѣчи: что если получатъ отъ него церковное рѣшеніе, то, именемъ всего общества, обѣщаются присоединиться къ Православной Церкви (*).

«Какого пастыря душа, присовокупляетъ онъ, слыша такія предъ всемогущимъ Богомъ обѣщанія, не возрадуется? ибо пастырская есть должность, не только тѣхъ овецъ спасать, кои пасутся въ Церкви Христовой, но и тѣхъ подобаетъ ему ввести, которыя внѣ оной бродятъ, да будетъ едино стадо и единъ пастырь. Хотя разсужденіе о моей слабости и заставляетъ меня бояться, при всемъ искреннемъ моемъ желаніи, удовлетворить васъ, однако слова божественнаго Павла довольно меня одушевляютъ: «яко немощное міра

(*) Книга отвѣтовъ Пр. Никифора, изд. 1834 стр. 195.

избра Богъ, да посрамитъ сильное, да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ» (1 Кор. I, 27). Я же, съ чистою совѣстію, свидѣтельствую предъ вами, что вопросы ваши старался рѣшить не мірскими, но церковными доводами, законами Божіими и правилами Св. Отецъ, имѣя всегда предъ очами истину Божію; но какъ вы ихъ примете, нѣсть наша глаголати. Если изженете изъ сердца ложную ревность, упорство и всякую страсть, и съ мыслію свободною отъ всякаго суевѣрія, разсмотрите сіи отвѣты, то уповаю, что Богъ, по своему милосердію, содѣйствіемъ благодати, явитъ вамъ оные несомнѣнными».

Вслѣдъ за тѣмъ, разсмотрѣвъ еще, что есть истинная Церковь? гдѣ она находится? и можно ли искать ее у бѣглаго священства мнимыхъ старообрядцевъ, которые должны терпѣть всякое у себя неустройство и святотатство для того только, чтобы удержаться въ своемъ расколѣ?— онъ убѣждаетъ ихъ возвратиться ко Св. Соборной и Апостольской Церкви, о которой ежедневно упоминается въ сvмволѣ вѣры, и которая ожидаетъ ихъ съ отверзтыми объятіями, дабы открыть имъ путь въ царствіе небесное. «Вѣруемъ, заключаетъ онъ, что и васъ, искренно вопрошающихъ о истинѣ, просвѣтитъ Господь, ибо всякъ просяй пріемлетъ и ищай обрѣтаетъ и толкущему отверзается» (Матѳ. VII, 8) (*).

(*) Тамъ же, 409.

И дѣйствительно отверзлись мысленныя очи двумъ чистосердечнымъ писателямъ сего прошенія, строителю Иргизскому Сергію и уставщику Успенской обители монаху Прохору; но къ сожалѣнію, хотя они писали свои вопросы, какъ бы отъ лица всего общества Иргизскаго, немногіе вмѣстѣ съ ними обратились и большая часть осталась въ закоснѣніи. Какъ ни осторожно дѣйствовалъ ревностный Сергій, стараясь заблаговременно испытывать мысли своихъ приближенныхъ, онъ не имѣлъ успѣха Никодимова, потому что самый Иргизъ, по грубости своего населенія, менѣе былъ приготовленъ къ принятію истины, нежели слободы Стародубовскія. Дальнѣйшіе подвиги и страданія Сергія могутъ служить разительнымъ свидѣтельствомъ: до какой степени доходитъ иногда ожесточеніе людей, готовыхъ даже на всякое злодѣйство, лишь бы только удержаться въ своемъ толкѣ.

Получивъ первое окружное посланіе преосвященнаго Никифора, Сергій прочиталъ его своему братству и, пригласивъ настоятелей и уставщиковъ прочихъ монастырей, показалъ имъ, по поводу сего посланія, составленные имъ вопросы, на которые намѣревался просить отвѣтовъ, на основаніи соборныхъ правилъ, и просилъ отъ своихъ старцевъ совѣта и содѣйствія. Не находя въ сихъ вопросахъ ничего противнаго любимой ими старинѣ, они ихъ одобрили единодушно, но не согласились подписаться къ приложенному при

нихъ прошенію, подъ тѣмъ предлогомъ, что это безполезно, предоставляя одному Сергію приложить руку, какъ бы за всѣхъ, съ своимъ уставщикомъ. Когда же получены были отвѣты, Сергій разослалъ съ нихъ списки по всѣмъ монастырямъ своего общества, и въ Москву и Петербургъ, надѣясь на обращеніе и содѣйствіе единовѣрцевъ, особенно Иргизскихъ, но крайне въ этомъ ошибся. Одинъ только благопріятель его, Волжскій купецъ Злобинъ, искренно раздѣлялъ его мнѣніе и они, собираясь на тайныя совѣщанія, рѣшили прежде всего согласить сколько можно болѣе изъ жителей Успенскаго монастыря, отобравъ отъ нихъ собственноручныя подписки, а потомъ Сергію отправиться въ обѣ столицы, чтобы и тамъ искать согласія главныхъ изъ числа ревнителей мнимой старины.

Въ одно изъ такихъ совѣщаній, жена Злобина, Пелагея, подслушала ихъ тайныя рѣчи и, какъ женщина несвѣдущая, не уразумѣвъ того, о чемъ они бесѣдовали между собою, воспламенилась слѣпою ревностію противъ Сергія, даже до желанія лишить его жизни. Она сперва открыла свою ненависть къ Сергію сестрѣ его, Александрѣ, бывшей игуменьею въ одномъ изъ женскихъ скитовъ, обвиняя предъ нею брата ея и своего мужа, что они хотятъ какихъ-то благословенныхъ поповъ, и грозила, что можетъ найти человѣка, который отправитъ на тотъ свѣтъ искателя новыхъ поповъ и безъ грѣха умоетъ въ томъ руки; она же не

пожалѣетъ на то и многихъ тысячъ рублей. Испуганная Александра поспѣшила объявить о томъ брату. Смутился Сергій, узнавъ что уже открыта тайная его мысль, однако не смотря на то, сталъ собираться въ Петербургъ, и хотя жена Злобина, разставила по дорогамъ своихъ караульныхъ, чтобы перехватить его, однако, по милости Божіей, онъ спасся отъ смерти и благополучно достигъ Петербурга, куда вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и купецъ Злобинъ (*).

Тамъ, не теряя времени, явились они къ Митрополиту Гавріилу, прежде съ словеснымъ объясненіемъ своего намѣренія, а когда мудрый Архипастырь принялъ ихъ съ Апостольскою любовію, то по его совѣту подали прошеніе въ Св. Синодъ, о назначеніи на первый разъ, въ ихъ монастыри, двухъ іеромонаховъ и одного іеродіакона. По ихъ желанію, Св. Синодъ согласился дать имъ просимыхъ священнослужителей изъ Тихвинскаго монастыря, куда Сергій самъ за ними ѣздилъ и отправилъ ихъ прежде себя на Иргизъ. По возвращеніи изъ Тихвина, приглашены были Сергій съ его товарищемъ, въ присутствіе Св. Синода, и первенствующій Членъ, давъ имъ нужныя наставленія для дальнѣйшихъ дѣйствій, просилъ Злобина, какъ человѣка, извѣстнаго въ кругу старообрядцевъ, содѣйствовать къ водворенію въ его краѣ законнаго священства. Злобинъ клятвенно

(*) Рукопись Сергія Иргизскаго.

обѣщался ничего не пожалѣть съ своей стороны, для успѣха душеспасительнаго дѣла, и вмѣстѣ съ Сергіемъ поѣхалъ обратно въ Иргизъ, черезъ Москву, но въ Москвѣ подвергся Сергій чрезвычайной опасности.

Жена Злобина, не настигнувъ своей жертвы близь Иргиза, рѣшилась погубить его въ столицѣ. Она обратилась къ одному изъ членовъ Рогожскаго кладбища, Московскому купцу, ей извѣстному по ревности къ расколу, и описавъ ему Сергія, какъ замышляющаго предать монастыри ихъ во власть церковную, убѣждала найти какое либо средство, чтобы сбыть его съ рукъ и тѣмъ спасти свою общину. Знала она, къ кому обращалась, потому что нашла въ немъ вѣрнаго себѣ сообщника. Сергій, по пріѣздѣ въ Москву, остановился у Григорія Ѳедорова Ямщикова, стараго своего благодѣтеля, въ домѣ коего, въ 1779 году, первое было совѣщаніе о сваренномъ мурѣ. Еще не успѣлъ отдохнуть отъ дороги Сергій, какъ въ тотъ же вечеръ явился къ нему замышлявшій на его жизнь купецъ, съ поздравленіемъ и приглашеніемъ къ себѣ въ домъ. Сергій неосторожно согласился, чтобы не огорчить отказомъ почетнѣйшаго члена Рогожскаго кладбища, и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, обѣщая хозяину своему, Ямщикову, скоро возвратиться; но прошелъ вечеръ и прошла ночь, а Сергій не возвращался. Испуганный хозяинъ поѣхалъ самъ къ пригласителю его гостя, который отозвался, что будто Сергій еще

съ вечера довольно рано его оставилъ и хотѣлъ на пути заѣхать къ другому знакомцу, а сей послѣдній, спрошенный Ямщиковымъ, изумился даже, услышавъ, что отецъ Сергій въ Москвѣ. Въ напрасныхъ поискахъ прошелъ весь этотъ день и послѣдующій, и только на третій день вечеромъ явился въ домъ Ямщикова солдатъ, съ запискою отъ Сергія, который въ краткихъ словахъ извѣщалъ его, что изъ дома мнимаго своего благопріятеля взятъ былъ и посаженъ въ отдаленную тюрьму, гдѣ уже три дня находится безъ пищи.—Посланный сказалъ Ямщикову, что получилъ втайнѣ сію записку отъ арестанта, который содержится въ секретной, въ такой-то части города. Ямщиковъ, не теряя времени, поспѣшилъ ночью къ Главнокомандующему, Князю Прозоровскому, съ полученною запискою, и Князь немедленно велѣлъ вытребовать къ себѣ полуживаго арестанта. Строго хотѣлъ поступить Главнокомандующій съ виновниками злодѣянія, но Сергій упалъ къ его ногамъ и умолялъ не мстить за его обиду, чтобы тѣмъ не повредить доброму его начинанію. Однако онъ не рѣшился оставаться долѣе въ Москвѣ и отправился на Иргизъ, куда данъ былъ ему для сопровожденія чиновникъ.

Послѣ Московской встрѣчи, можно было предполагать, что ожидало ревностнаго старца на Иргизѣ. Во время его отсутствія, всѣ вооружились противъ него и начатаго имъ дѣла, и тѣ даже, которые прежде были согласны и согласіе

свое утвердили подпискою, отреклись отъ своихъ словъ и подписей и сдѣлались его противниками. Преосвященный Астраханскій, Никифоръ, въ скоромъ времени просилъ увольненія отъ своей эпархіи и удалился на покой въ Москву, въ Даниловъ монастырь, гдѣ скончался и погребенъ. Купецъ Злобинъ не возвращался на Иргизъ, вѣроятно потому, что имѣлъ менѣе мужества, нежели Сергій, а два іеромонаха съ іеродіакономъ жили, безъ всякаго дѣла, у вдовы брата Сергіева, Евсевія, который былъ за два года передъ тѣмъ, во время всенощной на праздникъ Успенія, убитъ пономаремъ на колокольнѣ: таковы были нравы Иргизскіе.

Хотя Сергій, въ день пріѣзда и занялъ, какъ строитель, прежнія свои келліи, но чрезъ день ночью ворвался къ нему келарь, съ двумя монахами, и называя его еретикомъ и осквернителемъ обители, бросился душить его. Племянникъ Сергія, сынъ убитаго брата его Евсевія, бѣжалъ въ городъ Волжскъ къ исправнику просить помощи. Немедленно прискакалъ исправникъ и нашелъ Сергія уже заключеннаго въ чуланѣ; освободивъ его, собралъ онъ все братство и думалъ ласкою убѣдить къ принятію законныхъ іеромонаховъ, съ тѣмъ, чтобы келарь и братія просили прощенія у оскорбленнаго ими строителя, но ни въ чемъ не могъ успѣть; все братство отказалось отъ повиновенія и избрало на мѣсто Сергія, уставщика его Прохора; такимъ образомъ, начатое столь успѣшно дѣло

обращенія на Иргизѣ, кончилось едва не смертію начинателя. Послѣ столь бѣдственныхъ происшествій, отецъ Сергій, со всѣми своими родными отправился въ Малороссію, въ Черниговскія слободы и, помѣстивъ сестру свою съ племянницами въ Новозыбковѣ, при единовѣрческой Преображенской церкви, самъ съ племянникомъ поступилъ въ Никодимовъ монастырь. Спустя нѣсколько времени, былъ онъ посвященъ въ іеромонаха и назначенъ настоятелемъ въ Бѣлоруссіи единовѣрческаго Успенскаго монастыря. Тамъ написалъ онъ книгу свою «Зерцало для старообрядцевъ, непокоряющихся православной Церкви» и подробное изложеніе ихъ заблужденій, съ опроверженіемъ оныхъ и воззваніемъ къ истинной Христовой Церкви. Книга сія была напечатана въ Петербургѣ, въ 1799 году, съ такимъ предисловіемъ сочинителя о самомъ себѣ.

«Догматы и ученіе старообрядцевъ, ихъ заблужденія и упрямство противу истины, никому столько неизвѣстны, какъ мнѣ. Ибо я самъ, находясь въ удаленіи отъ святой Церкви слишкомъ двадцать пять лѣтъ, былъ въ ихъ согласіи, и по слѣпотству своему, вѣря всему ими сказываемому, также и самъ не малымъ былъ по нихъ ревнителемъ. Но, по благости Господа Іисуса Христа, открылся мнѣ свѣтъ умныхъ очей, и я позналъ ихъ заблужденіе; уже десять лѣтъ какъ я отщетился ихъ ученія. Сіе же пишу единственно въ ихъ пользу, желая, да и они узрятъ

тотъ истинный свѣтъ, который меня осіялъ, и да обратятся на путь правды».

XXIV.

Утвержденіе Единовѣрія.

Между тѣмъ, въ слободахъ Черниговскихъ и въ Новороссійскомъ краѣ, мало по малу распространялось единовѣріе, не смотря на встрѣчавшіяся препятствія и недоразумѣнія. Послѣ двухълѣтняго управленія обителью Никодимовой, Іоасафъ вызванъ былъ въ Петербургъ и тамъ, по предъявленіи греческихъ его грамотъ, повелѣно ему было игуменствовать во вновь устрояемомъ монастырѣ единовѣрческомъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, во имя Корсунской иконы Божіей Матери. Немедленно онъ испросилъ для сего благословенную грамоту у Архіепископа Екатеринославскаго Амвросія, и семь монашествующихъ, съ пятью бѣльцами, переселились вмѣстѣ съ нимъ,

изъ пустыни Никодимовой, въ Таврическую область. Въ тоже время въ Елисаветградѣ, гдѣ наиболѣе открылось ревности между старообрядцами для присоединенія къ Церкви, послѣ увѣщаній преосвященнаго Никифора, щедрый Князь Таврическій выстроилъ для единовѣрцевъ церковь, во имя Преображенія Господня, которая прежде всѣхъ другихъ была освящена Архіепископомъ Амвросіемъ, къ общему утѣшенію новыхъ чадъ Православной Церкви.

Хотя льготы, дарованныя старообрядцамъ для переселенія въ Таврическую область, были весьма достаточны для ихъ возбужденія, однако въ началѣ неохотно они туда переходили и едва нѣсколько бѣдныхъ семействъ, обремененныя долгами, рѣшились оставить слободы. Имъ дозволялось, для избранія мѣста, присылать своихъ повѣренныхъ заблаговременно и они освобождались на полтора года отъ всѣхъ податей, повинностей и постоевъ, и получали лѣсъ для построенія домовъ:—такъ заботилось правительство о ихъ благосостояніи. Преосвященному Амвросію разрѣшено было даже утверждать, изъ числа ихъ священниковъ, менѣе зазорныхъ по поведенію, для исполненія между ними требъ, и могущественное покровительство Князя Таврическаго обѣщано было всѣмъ новымъ выходцамъ (*).

(*) Рукопись Виталія и еще другая изъ обители Никодимовой, что въ слободахъ.

Тѣмъ паче раздражило его упорство слобожанъ и замедленіе ихъ переходить въ новый край, пріобрѣтенный имъ для Россіи, который, какъ собственное его созданіе, былъ любимымъ предметомъ правительственныхъ его заботъ. Въ это время распространилась молва, будто всѣ слобожане готовы переселиться въ Таврическую область, если не будутъ имѣть у себя благословенныхъ священниковъ и, по симъ соображеніямъ, преосвященный Амвросій на время остановился посвятить для нихъ требуемыхъ іеромонаховъ, на мѣсто удалившагося Іоасафа, или разрѣшить священнослуженіе, въ обители Никодимовой, кому либо изъ священниковъ, проживавшихъ въ слободахъ. Въ такомъ недоумѣніи протекло около двухъ лѣтъ, не смотря на усиленныя настоянія и жалобы общества старообрядцевъ, и соборъ старцевъ Никодимовыхъ напрасно посылалъ въ Полтаву настоятеля своего Виталія, съ просьбою, чтобы онъ былъ поставленъ въ іеромонаха, и освящена у нихъ церковь Успенская, устроенная изъ прежней часовни (*).

Наконецъ они обратились, съ слезнымъ прошеніемъ, къ Митрополиту Гавріилу, изложивъ ему весь постепенный ходъ ихъ обращенія при Никодимѣ, и просили понудить Архіепископа Амвросія къ удовлетворенію ихъ пламеннаго желанія. Ревностный пастырь немедленно подвигся на

(*) Рук. Вит. стр. 173.

законныя требованія обратившихся изъ раскола къ истинной Церкви и, по его сильному слову, немедленно были исполнены всѣ ихъ прошенія. По соглашенію съ преосвященнымъ Амвросіемъ, онъ послалъ имъ опытнаго протоіерея Андрея Іоаннова, который и самъ долго находившись въ расколѣ, по собственному опыту, хорошо зналъ всѣ его нужды и могъ съ пользою дѣйствовать на сердца обращенныхъ. Прежде всего освятилъ онъ, въ посадѣ Климовскомъ, приходскую церковь Успенія, устроенную усердіемъ слобожанъ, и нѣсколько лѣтъ при ней оставался для совершенія богослуженія. Потомъ освящена была и другая церковь Успенія, въ обители Никодимовой, которой настоятель Виталій поставленъ былъ въ іеромонаха, и въ скоромъ времени сооружена тамъ еще одна церковь, во имя Св. Троицы, измѣнившая названіе самой обители изъ Успенской въ Троицкую Никодимову;—она собственно сдѣлалась зародышемъ единовѣрія въ слободахъ. До 12-ти церквей монастырскихъ и приходскихъ сооружено и освящено было въ слободахъ и вообще въ Новороссійскомъ краѣ. Между тѣмъ, протоіерей Андрей Іоанновъ воспользовался пребываніемъ своимъ между старообрядцами, чтобы собрать полное историческое извѣстіе о расколахъ, въ своей замѣчательной книгѣ, которая можетъ служить руководствомъ для желающихъ узнать постепенный ходъ и развитіе раскола.

Не оставались безъ духовной дѣятельности и

ревностные послѣдователи Никодима, собранные въ его обители. Настоятель Виталій, еще будучи простымъ монахомъ, чтобы поддержать колебавшееся при началѣ стремленіе къ союзу церковному, собралъ въ одну замѣчательную книгу, еще доселѣ ненапечатанныя, драгоцѣнныя выписки изъ Св. Писанія и Св. Отцевъ, о непреложности Соборной Церкви, для утвержденія своихъ единовѣрцевъ. Въ первыхъ главахъ разсуждаетъ онъ о томъ: что есть Церковь? что она пребудетъ неизмѣнною до скончанія вѣка, и нѣтъ внѣ оной спасенія, а потому крайняя есть бѣда отъ нея удаляться; изъясняетъ, что Церковь Соборная всегда видима и отличается отъ неправильныхъ соборищъ; три чина, діакона, священника и Епископа, устроены въ ней вѣчно, и вмѣстѣ съ тѣмъ высшую Іерархію святительскую устроилъ въ ней самъ Господь, избирающій и поставляющій для нея пастырей, коихъ достоинство чрезъ сіе самое чрезвычайно высоко. Посему не должно отлучаться отъ пастырей Соборной Церкви, и священникъ, безъ Архіерея, ничего не можетъ дѣйствовать и даже Церковь не можетъ существовать безъ высшаго чиноначалія архіерейскаго. Вслѣдъ за тѣмъ излагаетъ онъ послѣдовательно, о различныхъ покушеніяхъ старообрядцевъ, для обрѣтенія себѣ Архіерея, что весьма любопытно, и представляетъ внутреннія распри самой поповщины, раздѣленной на пять различныхъ толковъ, между собою несогласныхъ въ слобо-

дахъ. Онъ заключаетъ свою книгу изложеніемъ, что одна только Церковь есть Соборная и Апостольская во всемъ свѣтѣ, и что не могутъ восхищать на себя сего высокаго имени отпавшія отъ нея секты. Рукопись Виталія есть одна изъ замѣчательныхъ по сему предмету и конечно много подѣйствовала, въ свое время, на умы мнимыхъ старообрядцевъ.

Однако мысль о единовѣріи, возникшая въ слободахъ и распространившаяся по Новороссійскому краю, осуществилась окончательно только въ Москвѣ, какъ въ духовномъ сердцѣ Россіи, ибо тамъ облеклась она въ правильныя формы, подъ руководствомъ Митрополита Платона. Въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, и въ Нижегородской эпархіи, гдѣ было гнѣздо сильнаго раскола, почувствовалась духовная жажда присоединенія къ Церкви, и до 1000 душъ глаголемыхъ старообрядцевъ просили благочестиваго Епископа своего Павла, исходатайствовать имъ благословенныхъ священниковъ, что и было исполнено. Въ Москвѣ же, благонамѣренные изъ Рогожскаго общества, просили себѣ сперва священниковъ, а потомъ и устроенія единовѣрческой церкви, на нѣкоторыхъ условіяхъ, смиренно предложенныхъ ими Митрополиту.

Главное, о чемъ просили желавшіе присоединенія, было: чтобы Св. Синодъ разрѣшилъ прежде положенныя клятвы, за ихъ упорство, и на это изъявилъ согласіе преосвященный Платонъ, съ

такимъ однако замѣчаніемъ: «хотя Церковь праведно на нихъ возложила сіи клятвы, что они сами сознаютъ, прося отъ нихъ разрѣшенія, но какъ нынѣ соединяются съ Церковію и признаютъ таинства ея и священство, то не должно болѣе, чтобы совѣсть ихъ была отягощаема тѣми клятвами, подъ которыми однако и впредь праведно состоять будутъ еще отторгнутые отъ Церкви. Для большаго же ихъ успокоенія, надъ каждымъ присоединяемымъ подобаетъ пресвитеру прочесть разрѣшительную молитву» (*).

Они просили избрать для нихъ священниковъ и діаконовъ, которые согласятся на старообрядчество, по желанію прихожанъ, а если таковыхъ не окажется, то рукоположить по прежде печатаннымъ книгамъ, избранныхъ Митрополитомъ съ согласія прихожанъ, и на это также снисходительно согласился Архипастырь, съ тѣмъ однако, чтобы опредѣлить новыхъ священниковъ, по избранію прихожанъ и разсмотрѣнію Епископа, а прежнихъ поповъ, какъ бѣглецовъ и предателей Церкви, не опредѣлять (**).

Еще просили, чтобы Св. Синодъ благословилъ старообрядческимъ священникамъ службу Божію, таинства и требы Христіанскія совершать, по прежде печатаннымъ книгамъ при Всероссійскихъ Патріархахъ до Никона, и Митрополитъ согла-

(*) Книга увѣщанія Митрополита Платона.

(**) Пункты Митрополита Платона, о единовѣріи.

сился, хотя, замѣчаетъ онъ, въ книгахъ, ими употребляемыхъ, и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вещахъ, а въ словахъ и обрядахъ, и важнѣе сего пріобрѣтеніе мира церковнаго. Согласился и на то, чтобы церкви для старообрядцевъ освятить по старопечатнымъ книгамъ, съ древними патріаршими антиминсами, или если со вновь освященными, то съ древними изображеніями и по старымъ книгамъ.

Далѣе просили: не требовать старообрядческихъ священниковъ въ Православную церковь къ соборнымъ молебнамъ и крестнымъ ходамъ, на что изъявлено согласіе; но Митрополитъ находилъ предосудительнымъ несогласіе ихъ допускать къ себѣ въ церковь, знаменующихся триперстнымъ знаменіемъ и брѣющихъ бороды, предоставляя сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ, съ наставленіемъ Епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ Церкви, ими просимой, и другимъ, хотя и не записавшимся въ расколъ, но издавна удалившимся отъ Церкви, то сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованію отъ мѣстнаго Епископа, что они никогда дотолѣ въ церковь Православную не ходили и таинствъ не принимали, и съ прочтеніемъ надъ ними разрѣшительной молитвы; а бывшихъ доселѣ въ нашей Православной Церкви до такого присоединенія не допускать.

О томъ, чтобы старообрядческіе священники

снабжены были Св. муромъ и, съ ввѣренными имъ прихожанами, были въ полномъ вѣдѣніи у Митрополита, изъявилъ согласіе, принявъ въ соображеніе и то, чтобы по дѣламъ, принадлежащимъ собственно до старообрядцевъ изъ числа мірянъ, разбирательство и сужденіе производилось у ихъ священниковъ, исключая дѣлъ, требующихъ формальнаго изслѣдованія.

Онъ соглашался признать священнодѣйствія, до того времени учиненныя старообрядческими священниками, какъ то: крещеніе, бракъ, постриженіе и другія христіанскія требы, и оставить ихъ безъ повторенія, развѣ если только окажется, что ихъ совершалъ самозванецъ, или уже изверженный изъ священства. Равномѣрно и опредѣляемые вновь къ старообрядческимъ церквамъ не должны повторять священнодѣйствія, совершенныя въ Православной Церкви, но принимать ихъ въ дѣйствительной силѣ.

Присоединявшіеся желали, чтобы имъ не возбранять причащенія въ Церкви Православной, и Митрополитъ отвѣчалъ, что разрѣшается сіе безъ всякаго затрудненія.

Предоставляя суду Владыки священниковъ своихъ, достойныхъ изверженія, они просили, чтобы за малыя вины назначалось имъ проходить эпитиміи при церквахъ старообрядческихъ, и не взыскивать штрафныхъ денегъ за небытіе прихожанъ у исповѣди и Св. причастія, подвергая ихъ только суду духовныхъ отцевъ; на это согласился

Митрополитъ, равно какъ и на то, чтобы въ случаѣ смѣшаннаго брака, между православными и старообрядцами, вѣнчать по общему согласію, въ той или другой церкви.

Присоединяющіеся обязывались, во всѣхъ служеніяхъ, приносить молитвы о здравіи Императора и всей Августѣйшей Фамиліи, по данной имъ отъ Св. Синода формѣ, и просили, чтобы ни съ одной стороны не слышны были распри, раздоры и хулы, за содержаніе разныхъ обрядовъ и книгъ, ибо такая разность не принадлежитъ до сущности вѣры; да пребудутъ старообрядцы и сыны Православной Церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя, святыя, Соборныя и Апостольскія Церкви.

Все сіе принялъ, съ Христіанскою любовію, Митрополитъ Платонъ и представилъ на разсмотрѣніе Св. Синоду, съ такимъ заключеніемъ: чтобы принимаемыхъ въ союзъ Церкви не называть болѣе раскольниками и старообрядцами, ибо въ Церкви Православной ничего новаго нѣтъ, а называть ихъ единовѣрцами, на что и сами они изъявили согласіе, и Церковь ихъ Единовѣрческою; пребывающіе же въ упорствѣ и внѣ Церкви да останутся при прежнемъ наименованіи раскольниковъ. Притомъ же мудрый Архипастырь находилъ полезнымъ напомнить: что изъ многихъ изданныхъ книгъ извѣстно, отъ чего и когда произошелъ несчастный расколъ сей? Церковь Православная, прилагая всевозможное тщаніе къ

возвращенію отторгшихся, во многихъ книгахъ, явственно обличала ихъ заблужденія и погрѣшности, вкравшіяся, отъ нерадѣнія и невѣжества, въ прежнія церковныя книги, которыя исправлены были соборно, сходно съ древними Греческими и Славянскими; хотя не можетъ быть о нихъ инаго мнѣнія, кромѣ уже однажды признаннаго за истину, однако Церковь, какъ сердобольная мать, разсудила за благо учинить нѣкоторое снисхожденіе согрѣшающимъ въ невѣдѣніи, для облегченія ихъ совѣсти, безъ соблазна правовѣрнымъ, особенно по вниманію къ послѣднему прошенію ищущихъ соединенія съ нею, и въ этомъ она слѣдуетъ примѣру Апостола Павла «иже немощнымъ бысть, яко немощенъ, да немощныя пріобрящетъ (1 Коринѳ. IX, 22). Св. Синодъ, по внимательномъ разсмотрѣніи мнѣнія Митрополита Платона, вполнѣ оное одобрилъ, а благочестивый Императоръ Павелъ Петровичъ, искренно желавшій мира церковнаго, Высочайше утвердилъ сіе основаніе единовѣрія, 27 Октября 1800 года (*).

(*) Т. XXVI Полнаго собранія законовъ; Именный указъ Синоду, 27 Октября 1800, и другой именный указъ, 12 Марта 1798, въ XXV томѣ собранія законовъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Здѣсь я останавливаюсь до времени. Мы видѣли начало раскола, основанное на недоразумѣніи благонамѣренныхъ мѣръ правительства духовнаго, для исправленія церковныхъ книгъ; видѣли бѣдственное его распространеніе, при смутныхъ обстоятельствахъ государства, и закоснѣніе въ дикихъ лѣсахъ Олонецкихъ и пустыняхъ Сибирскихъ; видѣли потомъ и обратное его дѣйствіе: какъ менѣе ожесточенная часть совратившихся, мало по малу, при спасительныхъ увѣщаніяхъ Пастырей Церкви, склонялась къ тому единству, отъ котораго отпала, доколѣ наконецъ не утвердилось единовѣріе чрезъ законное подчиненіе Церкви. Все это послѣдовательно изображено, въ одномъ историческомъ обзорѣ, съ разъясненіемъ самыхъ предметовъ разногласія, дабы каждый, кто хочетъ внимательно вникнуть, въ чемъ собственно состоитъ расколъ? могъ хотя нѣсколько уразумѣть

Bayerische
Staatsbibliothek
München

его, не съ одной лишь стороны внѣшней, но и съ внутренней; святая же Церковь снисходительно удовлетворила требованіямъ мнимыхъ ревнителей старины, сколько сіе было возможно, безъ нарушенія Соборныхъ правилъ, такъ что уже нѣтъ ни малѣйшаго предлога отъ нея уклоняться. Замѣчательна самая эпоха утвердившагося Единовѣрія, которое, утѣшительнымъ образомъ, ознаменовало начало нынѣшняго столѣтія для Православной Церкви, надеждою общаго вразумленія отпадшихъ и возвращенія ихъ въ материнское ея лоно.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Читай.*
2	6 снизу	псалтыри	псалтири
3	10 —		
7	12—13 сверху	обрести	обрѣсти
14	4 —	Чудотворцемъ	Чудотворцамъ
—	11 —	пустынnoслужителя	пустынножителя
15	8 —	явстуетъ	явствуетъ
16	2 —	трожды	трижды
—	5 —	мого	могъ
30	1 снизу	водю	воду
56	15 сверху	большiй	большой
73	10 снизу	растриженныхъ	разстриженныхъ
85	9 сверху	Божiею	Божiю
118	3 —	естьли	если
163	8 снизу	страшной	страшный
236	2 сверху	молебень	молебенъ
290	1 снизу	а вы намъ приходите».	а вы къ намъ приходите».
318	11 —	наказазанiе	наказанiе
356	1 —	799,	1799,

49752/c

5080

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Muravʹev, Andrej Nikolaevič

Raskol obličaemyj svoeju istorieju

Sanktpeterburg 1854

H.eccl. 3187 s

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10029252-9